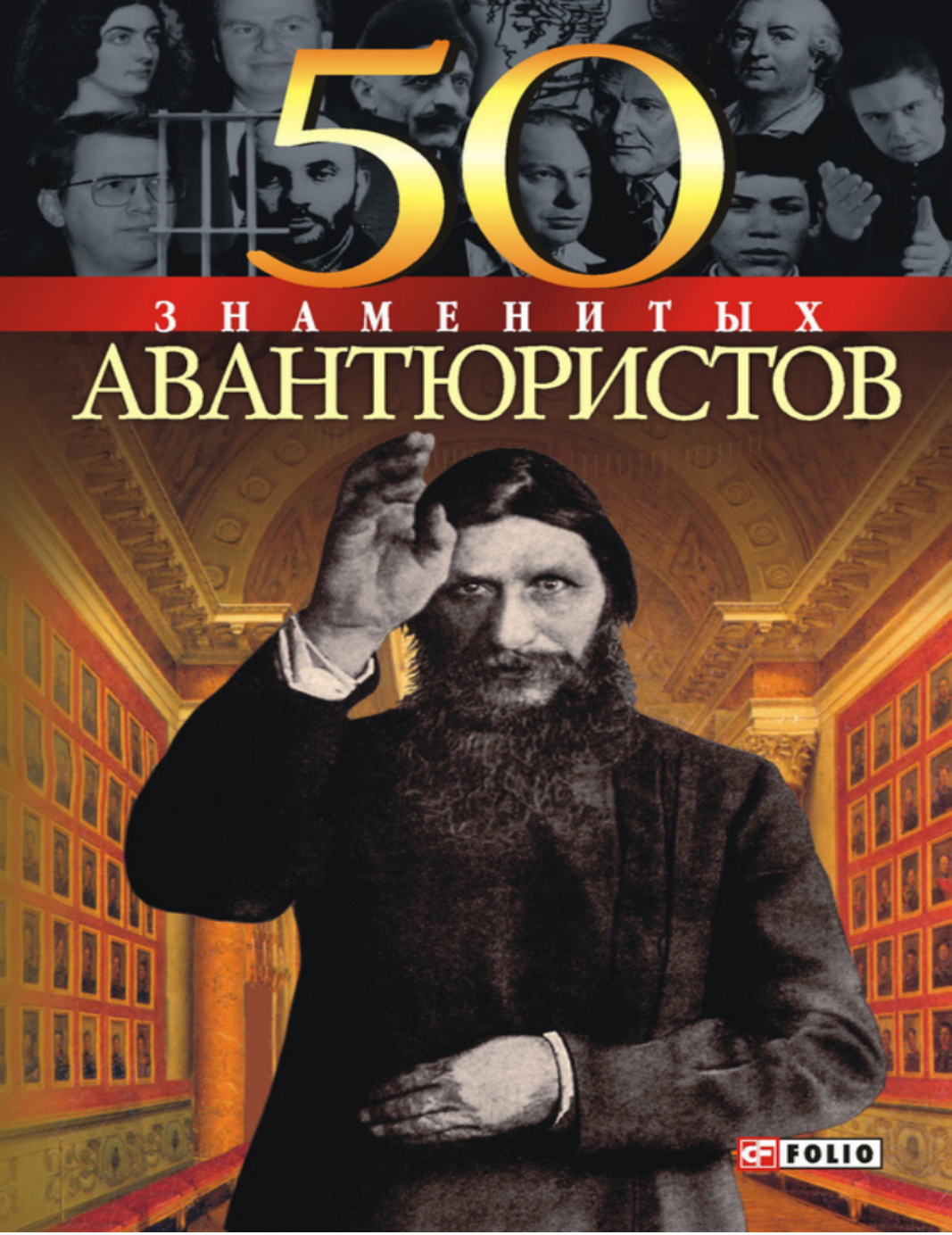
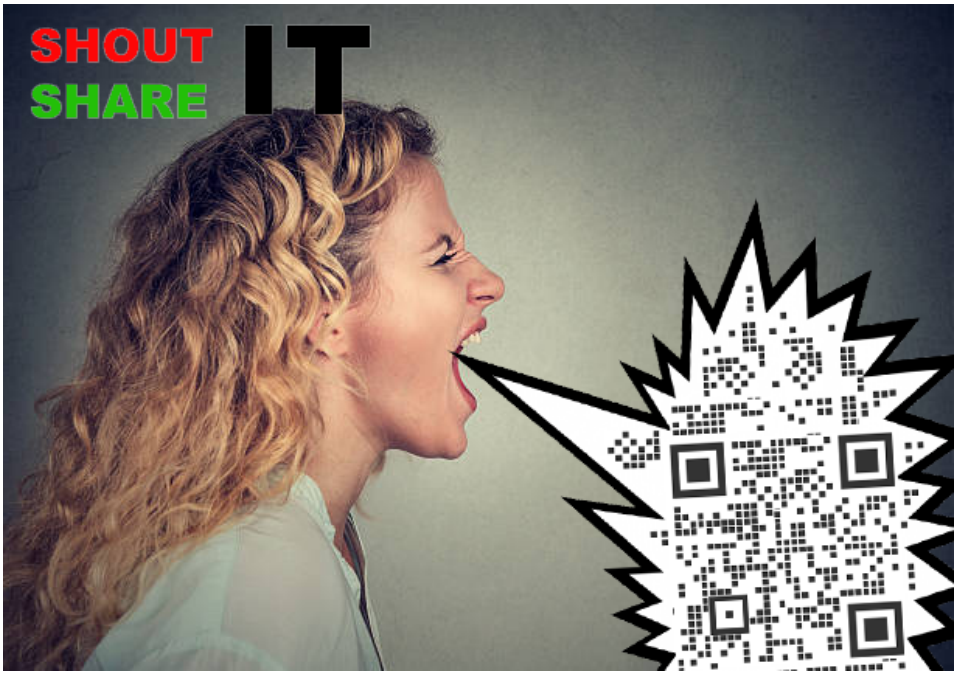

50
ЗНАМЕНИТЫХ
АВАНТЮРИСТОВ
FOLIO


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Американский философ и поэт XIX века Ральф Эмерсон метко подметил: «В медицине, как известно, нельзя обойтись без ядов, а в жизни – без мошенников». Зачастую это люди одаренные, неординарные, стремящиеся к рискованным предприятиям и совершающие беспринципные и противозаконные поступки ради достижения наживы и легкого успеха, положения в обществе или самоутверждения.

Именно такими являются герои этой книги. На ее страницах вы найдете увлекательный рассказ о жизни легендарных авантюристов: обладателя «эликсира бессмертия» графа Сен-Жермена, непревзойденного искателя приключений и любимца женщин Джакомо Казаковы, загадочного мага Алессандро Калиостро, «короля риска» Франсуа Видока, тайного агента шевалье д'Эона, фальшивомонетчика высочайшего класса Чеслава Боярского, изобретательной воровки Соньки Золотой Ручки, сибирского «пророка и целителя» Григория Распутина, основателя религиозного лжеучения Рона Хаббарда, создателей финансовых «пирамид» Джона Лоу, Сергея Мавроди, Валентины Соловьевой, компьютерного мошенника Владимира Левина и многих других мастеров авантюры. К четыремстам «сравнительно честным способам отъема денег», известным Великому комбинатору Остапу Бендеру, они добавили много других, не менее изобретательных.

- И. А. Рудычева, Яна Батий, Ольга Исаенко
  - От авторов
  - ЛЕГЕНДЫ АВАНТЮРЫ
    - ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН
    - КАЗАНОВА ДЖОВАННИ ДЖАКОМО
    - ЛАТЮД ЖАН АНРИ МАЗЮР ДЕ
    - КАЛИОСТРО АЛЕССАНДРО
    - ЛА МОТТ ЖАННА ДЕ
    - ВИДОК ЭЖЕН ФРАНСУА
  - МАСТЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТРИГИ
    - АНКУДИНОВ ТИМОФЕЙ ДЕМЕНТЬЕВИЧ
    - Д'ЭОН ДЕ БОМОН ШАРЛЬ ЖЕНЕВЬЕВА
    - МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЕЛЬ РИКЕТИ ДЕ
    - УГРЮМОВА МАРИЯ ТЕРЕЗА
    - МЕДОКС РОМАН МИХАЙЛОВИЧ
    - СОБАНЬСКАЯ КАРОЛИНА
    - СКОСЫРЕВ БОРИС

        - ГЕРЦ КОРНЕЛИУС
        - РЕЙЛИ СИДНЕЙ ДЖОРДЖ
        - БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ
    - ВЕЛИКИЕ КОМБИНАТОРЫ И ФИНАНСОВЫЕ МОШЕННИКИ
        - ФИЛИПП IV КРАСИВЫЙ
        - ЛОУ ДЖОН
        - ДОЛГОПОЛОВ АСТАФИЙ ТРИФОНОВИЧ
        - САВИН НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ
        - КРЮГЕР ИВАР
        - РЕЙС АРТУР ВИРГИЛИО АЛЬВЕС
        - ПАВЛЕНКО НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ
        - БОЯРСКИЙ ЧЕСЛАВ
        - ЛОРИАН ДЖОН ЗАХАРИЯ ДЕ
        - БОЙСКИ ИВАН (АЙВЭН)
        - СОЛОВЬЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА
        - МАВРОДИ СЕРГЕЙ ПАНТЕЛЕЕВИЧ
        - ФРАНЦЕВА МАРИНА
        - КОЖЕНЫ ВИКТОР
    - ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ
        - КАПЕЛЛО БЬЯНКА
        - КОНЧИНИ КОНЧИНО
        - КИНГСТОН ЕЛИЗАВЕТА
        - ТРЕНК ФРИДРИХ
        - МОНТЕС ЛОЛА, ГРАФИНЯ ФОН ЛАНДСФЕЛЬД
        - СОНЬКА ЗОЛОТАЯ РУЧКА
        - ЯКУБОВСКИЙ ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ
    - ГУРУ И АДЕПТЫ ТАЙНЫХ ЗНАНИЙ
        - РАСПУТИН ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ
        - ГУРДЖИЕВ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ
        - БЭЙКЕР ДЖОРДЖ
        - ГАНУССЕН ЭРИХ ЯН
        - ХАББАРД ЛАФАЙЕТТ РОНАЛЬД
    - ИСКУСНЫЕ МИСТИФИКАТОРЫ
        - АЙРЛЕНД УИЛЬЯМ ГЕНРИ
        - РУХОМОВСКИЙ ИЗРАИЛЬ
        - ДОССЕНА АЛЬЧЕО
        - МЕЕГЕРЕН ХАН АНТОНИУС ВАН
        - МАЛЬСКАТ ЛОТАР
    - ГЕНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
        - МИТНИК КЕВИН ДЭВИД
        - МОРРИС РОБЕРТ ТАППАН
        - ЛЕВИН ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ
- notes

- ○ 1
- ○ 2

И. А. Рудычева, Яна Батий, Ольга Исаенко
50 знаменитых авантюристов

От авторов

Как метко подметил однажды американский философ и поэт XIX века Ральф Эмерсон: «В медицине, как известно, нельзя обойтись без ядов, а в жизни – без мошенников». Однако мошенничество – только одно из проявлений авантюризма. Наряду с ним существовало и существует множество других разновидностей авантюристов – политических интриганов, основателей лжеучений, искусных мистификаторов, да и просто искателей приключений и любителей острых ощущений, – словом, людей, стремящихся к рискованным предприятиям и совершающих беспринципные и противозаконные поступки не только ради наживы, но и для достижения легкого успеха, положения в обществе или самоутверждения.

Хотя, по мнению английского поэта XVIII века Самюэла Джонсона, «чтобы лгать и обманывать, выдающихся способностей не требуется», среди знаменитых авантюристов было немало людей несомненно одаренных, личностей неординарных, наделенных от природы многими талантами. Вот только их способности и энергия в силу жизненных обстоятельств или природных наклонностей чаще всего служили целям недостойным, а подчас и губительным как для окружающих, так и для них самих. Именно такими и являются герои этой книги. Многие из них, имея неплохие задатки, в погоне за наживой или несбыточной мечтой растратили свои силы впустую, и, так и не добившись счастья, окончили свои дни в нищете и забвении. Другие – стали легендами авантюры и под этим сомнительным титулом все же вписали свои имена в историю. Такими вечными символами авантюризма, несомненно, являются обладатель «эликсира бессмертия» граф Сен-Жермен, непревзойденный искатель приключений и любимец женщин Джакомо Казанова, загадочный маг Алессандро Калиостро, «король риска» Франсуа Видок, тайный агент шевалье д'Эон, фальшивомонетчик высочайшего класса Чеслав Боярский, изобретательная воровка Сонька Золотая Ручка, сибирский «пророк и целитель» Григорий Распутин, основатель религиозного лжеучения Рон Хаббард и многие другие.

Авантюристы существовали во все времена. Но по общему признанию, наиболее отмечен ими XVIII век, ставший поистине классической эпохой великих талантов наглости и мистического обмана. Именно тогда появилась необходимая питательная среда для всякого рода «непризнанных гениев», ловких проходимцев и бретеров. Вот как писал о них в своей книге «Казанова» Стефан

Цвейг: «Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет tincturae auri (приготовления золота)… Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами, игроков – краплеными картами, наивных – светской элегантностью, – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и, благодаря этому, вдвойне интересной…»

В наши дни изменился разве что антураж авантюристов, да более совершенными и изощренными стали используемые ими методы. К тем четыремстам «сравнительно честным способам отъема денег», которые были известны Великому комбинатору Остапу Сулейману Берте Марии Бендеру, добавилось много новых. В их числе телефонные и компьютерные преступления, совершаемые хакерами для добычи и использования в своих корыстных целях чужой информации. Не менее искусными стали финансовые махинации, основанные на последних достижениях научно-технического прогресса… и знании особенностей человеческой психологии. Благодаря этому создатели современных финансовых «пирамид» намного превзошли своего именитого предка – шотландского финансиста Джона Лоу. Поэтому, знакомясь с увлекательными биографиями знаменитых авантюристов прошлого, не стоит забывать о настоящем. Ведь, как писал поэт Игорь Губерман:

«Всегда вокруг родившейся идеи,
сулящей или прибыль, или власть,
немедленно клубятся прохиндеи,
стараясь потеснее к ней припасть».

ЛЕГЕНДЫ АВАНТЮРЫ

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

(род. ок. 1710 г. – ум. ок. 1784 г.)

Авантюрист и алхимик. Величайший мастер мистификации, чье имя тесно связано с магическими возможностями достижения бессмертия.

Среди авантюристов, когда-либо ходивших по земле, нет и вряд ли появится имя, загадочнее имени графа Сен-Жермена. Недаром еще король Пруссии Фридрих II Великий любил повторять, что граф – это человек, которого никто не может разгадать. Таинственный, подернутый дымкой, ускользающий образ, созданный им самим и многочисленными рассказами современников и их потомков уже давно стал символом бессмертия и тайных знаний, недоступных непосвященным.

О многих авантюристах сложено немало легенд, но лишь Сен-Жермен сам стал легендой. Легенда эта, однако, сложена о вполне реальном человеке, жившем не так давно, в XVIII столетии. Известны письма, написанные им собственноручно, воспоминания современников, некоторые архивные данные. Однако эти сведения не дают ответа на большинство вопросов, связанных с именем Сен-Жермена.

Появление этой личности именно в этот исторический период вполне закономерно. «Восемнадцатый век не доверял ничему, кроме магии, поскольку смутные убеждения – это религия душ, лишенных истинной веры», – так писал известный знаток истории магии и поклонник тайных, недоступных для непосвященных, знаний Элифас Леви. Ему нельзя отказать в проницательности.

Знаменитая эпоха Просвещения отринула религиозный экстаз Средневековья, но вслед за Возрождением с упоением продолжила занятия алхимией и оккультизмом. Несмотря на твердую веру людей той эпохи в решающую роль разума и науки в познании «естественного порядка», научное познание многими воспринималось своеобразно. Знаменитое Великое Делание (поиски «философского камня») алхимиков и попытки создания ими эликсира бессмертия продолжали занимать умы ученых и знати. Получение этих таинственных рецептов казалось вполне реальным. На веру принимались и слухи о том, что «философский камень» и вожделенный эликсир уже созданы и используются некоторыми посвященными в тайные науки.

В такой обстановке внимание людей не мог не привлечь человек, давший понять окружающим, что владеет секретом и того и другого. Но шарлатаны-алхимики, в том числе не разоблаченные при жизни, известны во множестве. Однако никто из них не обрел славы, равной славе человека, известного в Париже под именем графа Сен-Жермена.

Имя это, впрочем, считают вымышленным. Поговаривали, что граф приобрел в Тироле имение под таким названием и заплатил Папе Римскому за титул. Однако по его собственной версии, он, будучи еще младенцем, был отдан отцом на попечение последнего из Медичи, а когда вырос и узнал, что два его брата, сыновья княгини Гессен-Рейнсфельдской, получили имена святого Карла и святой Элизабет, то решил взять себе имя их брата, тоже святого, Сен-Жермена.

Носил наш герой и другие имена. Известно около двенадцати его псевдонимов: Аймар, маркиз де Монферрат, граф Феникс, граф Белламар, граф де Беллашаре, шевалье де Шеннинг, шевалье Велдон, граф Тародь, граф Салтыков и другие.

Однако настоящее имя знаменитого графа до сих пор не известно, как неизвестно его происхождение, место и даже год рождения. По данным «Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия», он родился около 1710 года. Большинство же других справочных изданий по этому поводу хранят молчание.

О происхождении Сен-Жермена имеется множество предположений, но все они остаются малообоснованными

догадками. Создательница теософии Елена Блаватская, не приводя, впрочем, никаких свидетельств, упоминает, что Сен-Жермен был сыном португальского короля или португальского еврея. Другие, подтверждая еврейские корни, называют его родиной Эльзас.

Сам граф в беседе со своим покровителем и горячим поклонником князем Карлом Гессен-Кассельским как-то упомянул, что приходится сыном князю Ракоци из Трансильвании, руководителю венгерского национального восстания против власти австрийских Габсбургов. Его он действительно несколько напоминал чертами лица. Известно также, что в Дрездене Сен-Жермен жил под именем Ракоци, а иногда использовал псевдоним Цароки, что представляет собой анаграмму родового имени.

Карл Александр, маркграф Бранденбургский, был убежден в том, что Сен-Жермен действительно был сыном Ференца II Ракоци. Известно, что 26 мая 1696 года у него от второй жены, княгини Гессен-Рейнсфельдской Карлы Амалии родился сын, Леопольд Георг, по-венгерски Липот Дьердь. Но документально подтверждено, что мальчик умер в младенчестве. Это, однако, не помешало многим утверждать, что трансильванский князь, чтобы оградить наследника от преследований со стороны Габсбургов, имитировал его смерть, а сына отдал на воспитание.

В то же время теософ Фрэнсис Адни утверждает, что Сен-Жермен является самим Ференцем Ракоци, который был известен своим увлечением философией и мистицизмом. Этого же мнения придерживается и русский религиозный философ Елена Рерих. Кроме того, автор учения «Живая этика» (Агни-йога) считала Сен-Жермена-Ракоци Великим Учителем и воплощением великого древнекитайского мудреца Лао-цзы.

Все это представляет собой смесь слухов и домыслов, густо приправленных эзотерическим соусом. Посмотрим теперь, что же известно о жизни знаменитого графа. Тоже почти ничего, если убрать слухи, которым несть числа.

В 1750 году маршал Франции, герцог К. Ф. Бель-Иль в Германии познакомился с графом Сен-Жерменом, о котором до этого никто ничего не слышал, но который обладал прекрасными манерами, обширными знаниями и, судя по всему, имел несметные богатства. Маршал представил нового приятеля Людовику XV и маркизе Помпадур, которые очень заинтересовались странным незнакомцем.

На вечно одолеваемого скукой Людовика граф произвел неизгладимое впечатление, особенно тем, что на его глазах одним движением руки уничтожил трещину на бриллианте в

кольце короля. Он поразил воображение Людовика и его фаворитки глубокими знаниями в области алхимии. Кроме того, граф оказался блестящим рассказчиком, повидавшим свет и знающим множество исторических анекдотов. Создавалось впечатление, что он был очевидцем излагаемых событий.

Нашлись у короля с Сен-Жерменом и общие интересы. По приказу Людовика для графа была создана лаборатория, где тот начал работы по созданию новых красок для французских тканей. Сен-Жермен преуспел в этом деле, и его красящие составы долгое время использовались французскими красильщиками.

Графа начали приглашать к королевскому двору, а вскоре кто-то из придворных вспомнил, что уже видел этого человека в разных городах Европы. Причем за долгое время он умудрился совсем не постареть. Придворные стали поговаривать, что он владеет эликсиром бессмертия.

А таинственный граф старался их не разочаровывать и на ходу творил легенду, быстро обраставшую новыми подробностями. К этому были привлечены даже слуги. Один из них на вопрос, правда ли, что графу на самом деле 400 лет, ответил, что не знает, но служит у него уже 30 лет, и за это время его сиятельство нисколько не изменился.

Сен-Жермен вел тонкую игру. Он явно стремился скрыть свое прошлое и обходил естественно возникающие вопросы молчанием, но иногда будто бы невзначай проговаривался о том, что лично встречался с Сенекой, Платоном, Ашшурбанипалом и даже с Христом. А потом делал вид, что огорчен своей оплошностью. Многие обрели твердую уверенность в бессмертии графа, а маркиза Помпадур даже молила его поделиться с ней эликсиром, но получила отказ.

Легенда настолько утвердилась в сознании людей, что несколько позже, во время пребывания Сен-Жермена в Лондоне, солидная газета «Лондон кроникл» в номере от 3 июня 1760 года упоминала о том, что граф владеет секретом бессмертия, и с большим уважением отзывалась о его уме и обширнейших знаниях.

Правду о Сен-Жермене восстановить практически невозможно, хотя бы потому, что почти все связанные с ним документы погибли. Император Наполеон III приказал собрать их в архивах Франции и хранить вместе. Однако в данном случае благие намерения императора сослужили плохую службу историкам. Документы сгорели во время осады Парижа в ходе франко-прусской войны.

Ситуацию запутали похождения «двойника» Сен-Жермена, который появился в Париже в начале 60-х годов XVIII века. На

самом деле во время Семилетней войны он был французским шпионом и, чтобы получить сведения о состоянии английской армии, выдавал себя за лорда Гоуэра. Подражая графу, мнимый Сен-Жермен небрежно замечал, что присутствовал на Вселенском Церковном Соборе в Никее, который состоялся в IV веке. Авантюрист был разоблачен, но отдельные факты его деятельности позже наверняка стали связывать с Сен-Жерменом.

К сожалению, вокруг имени графа по сей день не прекращаются попытки приписать ему совершенно невероятные действия и стремления. Как правило, их авторы основываются только на предположениях и даже не пытаются подтвердить их документально. Вот один из таких примеров. Не так давно на страницах Интернета появилась публикация, где выдвигается гипотеза о том, что Сен-Жермен был… украинцем и принадлежал к старинному казацкому роду Раковичей. Эта гипотеза основана только на созвучии фамилии с именем Ракоци и романтическом предположении о том, что Сен-Жермен в молодые годы воевал на стороне Мазепы, что заставило его покинуть Украину. Поскольку Мазепа после Полтавской битвы бежал по направлению к современной Молдове, то оттуда наш герой мог попасть в Трансильванию. Двинувшись дальше, он, опять-таки, лишь мог присвоить себе имя Ракоци. Боясь гнева царя, который наверняка никогда не слышал о Раковиче, казак якобы и дальше предпочел жить под псевдонимами, используя в своих целях пресловутое «золото Полуботка». А целью Раковича была месть русским царям за порабощенную Украину, поэтому он и посадил на российский трон Екатерину II, в результате чего пресекся род Романовых. И вся эта история не содержит ни малейших ссылок хотя бы на легенды, которых так много сложилось вокруг имени знаменитого авантюриста. По сути гипотеза не отражает ничего, кроме горячего желания видеть среди славных сынов Украины еще одно знаменитое имя, пусть даже сомнительного свойства. Реальные события были куда интереснее.

Очевидно, Сен-Жермен был действительно необыкновенным человеком, своим поведением далеко выходящим за рамки тривиального авантюризма. Во всех рассказах о нем нет ни малейшего намека на стремление воспользоваться плодами своих мистификаций, чтобы получить выгоду. Он действовал как художник – творил свой загадочный образ на глазах очарованных зрителей.

Сен-Жермен быстро прослыл искусным алхимиком и предсказателем, был превосходным музыкантом и художником. Говорят, что он предвидел судьбу династии Бурбонов и Французскую революцию.

Граф вел роскошный образ жизни, черпая средства из неизвестных источников. Все были убеждены, что он владеет секретом «философского камня» и добывает золото из ртути, а из мелких драгоценных камней делает крупные и небывалой красоты. Великолепную коллекцию драгоценных камней видели многие. Граф легко раздаривал их. С не меньшим удовольствием презентовал дамам кремы собственного изготовления, которые продлевали им молодость и сохраняли красоту.

Об одном из алхимических «подвигов» Сен-Жермена рассказывал некто шевалье де Зайнгальт, тоже занимавшийся алхимией. Граф встретил его в восточной одежде, окруженный батареей таинственных пузырьков. Получив от гостя монету в 12 су, хозяин положил ее на раскаленный уголь и начал манипулировать стеклодувной трубкой. Потом он остудил монету и отдал ее Зайнгальту. Пораженный шевалье увидел, что она золотая, а впоследствии подарил ее маршалу Киту.

Блестящий собеседник, граф мог разговаривать на любые темы. Драгоценные камни и золото на картинах, им нарисованных, сверкали как настоящие. А его игра на скрипке была так виртуозна, что ее по богатству звучания приравнивали к оркестру. А некий литовский барон, которому довелось слышать Паганини, воскликнул после концерта: «Это воскресший Сен-Жермен играл на скрипке в теле этого итальянского скелета!»

Ни у кого из видевших графа не возникало ни тени сомнения в том, что он действительно бывал на Востоке, где постигал тайны древней мудрости. Это подтверждалось знанием не только европейских, но и восточных языков, которыми он изредка щеголял перед знакомыми. Пишут, что помимо английского, французского, немецкого, итальянского, португальского, испанского языков, которыми граф владел в совершенстве, он был сведущ в латыни, древнегреческом, санскрите. Знал также русский, китайский, персидский, арабский, некоторые наречия Индии, на которых умел изъясняться и писать.

Рассказы Сен-Жермена о дальних странах, как и рассказы о дворе Франциска I и Людовика XIV, поражали яркими красками и достоверными деталями. Слушавшие его как бы собственными глазами видели великолепный французский двор тех времен и слушали Короля-Солнце, интонации и манеры которого граф ловко имитировал. У слушателей создавалась полная иллюзия того, что их собеседник действительно видел все это.

На вопросы о своем возрасте граф никогда не давал прямого ответа. Отрицал, что может дать молодость старикам, но давал понять, что знает, как остановить старение. Нужна была диета и чудодейственный эликсир, секрет которого граф так никому и не

раскрыл. Своим поведением Сен-Жермен подтверждал все это. Во время званых обедов ничего не ел, а дома употреблял только овсяную кашу, крупяные блюда и белое мясо цыплят. По большим праздникам выпивал немного вина.

Имеют место небезосновательные утверждения, что Сен-Жермен был тайным агентом ряда европейских держав. Родоначальник готического романа Хорас Уолпол уверял, что еще в 1743 году Сен-Жермен был арестован в Лондоне как агент сторонников опального герцога Йоркского, будущего короля Англии Якова II. А во Франции графа начали подозревать в связях с Пруссией (что, впрочем, доказано не было).

Сен-Жермен действительно был сторонником антиавстрийской партии, то есть отдавал предпочтение союзу Франции с Пруссией, а не с Австрией. Эту партию возглавлял его покровитель герцог Бель-Иль. Ему противостоял министр иностранных дел герцог де Шуазель, пользовавшийся большим влиянием при дворе. Сен-Жермен не мог не мешать ему. Ведь таинственный граф предсказал королю, что сокрушительные поражения, которые потерпел прусский король Фридрих II от русской армии, не станут причиной разгрома Пруссии, и оказался прав. После смерти Елизаветы Петровны ее наследник Петр III, преклонявшийся перед Фридрихом, поспешил заключить мир. Людовик и мадам Помпадур были в восторге от своей новой игрушки. Но Шуазель ждал своего часа и дождался его.

Известно, что Сен-Жермен все же был тайным агентом Людовика и осуществлял его личную дипломатию. В 1760 году по приказу короля он был направлен с секретным поручением в Гаагу, чтобы провести тайные переговоры с английским послом генералом Йорком. Видимо, имели место и другие поручения. Здесь графу довелось встретиться с другим авантюристом – Казановой, которому незадолго до того по приказу французского правительства удалось выведать всю информацию об английской эскадре. Казанова, который увидел в Сен-Жермене опасного конкурента, очернил соперника в глазах французского посла д'Афри. А последний, видимо, поспособствовал неудаче переговоров графа с английскими и прусскими представителями. Сам Сен-Жермен тоже вел себя не слитком осторожно. Он увлекся и, продолжая создавать вокруг себя ореол загадочности, прозрачными намеками дал понять окружающим суть своей миссии. А хуже всего было то, что граф позволил себе высказывания, в которых Людовик и его двор выглядели далеко не лучшим образом.

Некоторое время д'Афри, побаиваясь магических возможностей Сен-Жермена, молчал, но потом все же отправил

своему начальнику Шуазелю подробное донесение о деятельности королевского посланника. Тот немедленно воспользовался ситуацией. На заседании министров в присутствии короля герцог зачитал эти документы, а д'Афри приказал вызвать Сен-Жермена и запретить ему вмешиваться в политику, пригрозив тюрьмой. Он также требовал выдачи графа голландскими властями. Однако кто-то из друзей предупредил его, и тот успел бежать в Англию.

В Туманном Альбионе, однако, Сен-Жермен долго не задержался. Власти не хотели портить из-за него отношения с французским министром иностранных дел. Пришлось перебраться в Германию.

Однако существуют факты, которые противоречат такому ходу событий. В своих мемуарах Казанова утверждает, что в Лондоне Сен-Жермен выполнял задание Шуазеля и что он встретил графа в Париже уже в 1761 году, где тот прогуливался в обществе графа д'Юфре. То есть «сбежавшего» агента в столице никто не преследовал. Более того, один из мемуаристов того времени, ссылаясь на д'Юфре, рассказал Шуазелю про присутствие Сен-Жермена в Париже. Ответ герцога изумил рассказчика. Министр сказал: «Я не удивляюсь этому, так как он провел ночь в моем кабинете».

В 1762 году граф неожиданно появился в Петербурге, что дало повод говорить о его участии в заговоре по возведению на трон Екатерины II. Именно он будто бы уговаривал Екатерину не проявлять жестокости к Петру III и не «растворять любодеяние убийством».

Известно, что граф был близким другом Орловых, с которыми познакомился еще в 1772 году в Ливорно. В ближайшем окружении Екатерины был некто «господин Оден», который принадлежал то ли к масонам, то ли к розенкрейцерам. Датский посланник в России А. Шумахер был убежден, что под этим именем скрывался Сен-Жермен.

Любопытно, что довольно много историков считают причастными к перевороту тайные организации эзотерического толка. Некоторые в этой связи называют тайным организатором заговора Сен-Жермена. Об этом в своей книге «История французской колонии в Москве» писал историк Ф. Тастевэн. А в наши дни историк Р. Белоусов утверждает: «Что касается роли Сен-Жермена в этой истории, то, повторяю, этому есть лишь косвенное свидетельство. Но фактом остается то, что граф был другом, доверенным лицом Орлова, помогал ему в Петербурге накануне переворота 1762 года и будто бы даже Орлов выплачивал «дорогому отцу» крупные суммы за предсказания будущих побед Екатерины II и за помощь в воцарении ее на

российском престоле».

Таким образом, Сен-Жермен вдруг выступает перед нами в одной своей ипостаси – как участник тайных обществ, тамплиер, розенкрейцер либо масон. А если придерживаться точки зрения поклонников оккультных «наук», то не простым участником.

Причастность Сен-Жермена к модному в эпоху Просвещения масонству можно считать доказанной. В своих мемуарах Калиостро прямо называет его одним из основателей масонства, а также говорит о том, что граф посвятил его в орден тамплиеров. Этот орден, правда, по историческим данным, был уничтожен еще в 1312 году французским королем Филиппом IV Красивым и папой Климентом V. Однако и в наши дни существуют люди, которые называют себя тамплиерами. Они глубоко убеждены в том, что Сен-Жермен имел одно из высших посвящений ордена.

Другие шли еще дальше. В своем «Теософском словаре» Елена Блаватская писала: «Граф Сен-Жермен безусловно был величайшим восточным адептом, равного которому за последние столетия в Европе не было». Теософское общество уверяло, что он является одним из посвященных, членом «Небесной Матрейи». А современные оккультисты различных толков считают его Адептом, называют Посланцем Гималаев, Чоханом Седьмого луча, посланцем Светлых миров. Они также относят его к числу таинственных духовных руководителей человечества, посланцем школы Мистерий, выполняющим указы высших сил. Они искренне верят, что граф время от времени удалялся в сердце Гималаев, чтобы через некоторое время вновь появиться среди людей. Поводом для этого, видимо, послужили мемуары некоего Франца Грефферa, опубликованные в Вене в 1845 году. В них автор заявляет, что Сен-Жермен будто бы сказал ему: «В конце (XVIII) столетия я исчезну из Европы и отправлюсь в Гималаи… Ровно через 85 лет люди опять увидят меня». Кроме того, авторству Сен-Жермена приписывается эзотерический труд «Триософия», полный мистических символов и «сокровенных знаний», которые вряд ли кто-нибудь в состоянии понять.

В 1770–1774 годах граф вновь подвизался в Париже, потом перебрался в Германию. По некоторым данным, он жил в Касселе у ландграфа Карла Гессенского, правителя области Шлезвиг (Ютландия) и своего близкого друга. Там он занимался алхимией. В 1795 (по другим данным в 1793) году во время проведения экспериментов с красителями заболел и, несмотря на обилие лекарств, которые готовил его личный аптекарь, умер. Карл в это время отсутствовал и очень сокрушался о своей потере.

Такова одна из версий. По другой, Сен-Жермен умер в

Экернферде (Шлезвиг) 27 февраля 1784 года и 2 марта был похоронен, о чем имеются соответствующие записи в церковно-приходской книге.

Несмотря на это, теософы продолжают утверждать, что граф бессмертен. По их версии, в 1884 году он якобы прошел через так называемую «философскую смерть»[1] и что так до него уже делали Фрэнсис Бэкон и Ференц Ракоци, инсценировавшие свой уход в мир иной. При этом, кроме странного, на их взгляд, совпадения смерти с отсутствием Карла Гессенского, никаких доказательств «посвященные» в пользу своей точки зрения не приводят. Впрочем, один из современников графа писал, что ни на одной из могильных плит в Экернферде имени Сен-Жермена не значится, и прямо назвал его смерть мнимой.

Долгое время не утихали слухи о том, что Сен-Жермена уже после его смерти видели в различных местах, в том числе и люди, близко знавшие его. Мадам де Адемар писала о встрече с ним в Париже в 1789 году, а Франц Грефер – в 1790-м. В 1788 году французский посланник в Венеции встретился с графом на площади Сан-Марко и даже беседовал с ним. В 1785 году в Париже состоялась встреча франкмасонов. В сохранившемся списке его участников имя Сен-Жермена стоит наряду с именами Месмера и Лафатера.

Тридцать лет спустя в кулуарах Венского конгресса мадам Жанлис, увидев ничуть не изменившегося за это долгое время графа, бросилась к старому знакомому, но тот уклонился от встречи и тут же покинул Вену.

Еще более удивительная история приключилась с одним из отставных французских сановников, достигшим весьма преклонных лет. Гуляя по бульвару, он внезапно увидел совершенно не изменившегося за десятилетия Сен-Жермена. Старик не стал обнаруживать свое присутствие, а решил понаблюдать за странным человеком. Вскоре он узнал, где тот живет и что его имя – майор Фрезер. Заинтригованный француз нашел предлог для знакомства и три раза имел с майором довольно долгие беседы, во время которых тот рассказывал ему много такого, что могло быть известно только очевидцу, жившему много лет назад. Однако в третий раз старик осторожно обмолвился, что знал когда-то Сен-Жермена. Фрезер поспешил проститься, а на другой день его собеседник узнал, что тот спешно покинул Париж в неизвестном направлении. Полагают, что Сен-Жермен не узнал сильно постаревшего знакомого, а поняв, что тот может раскрыть его инкогнито, решил бежать.

Последний раз графа видели в декабре 1939 года, однако достоверность этого факта доказана быть не может. Ведь все, кто

мог его знать лично, к тому времени уже умерли. Это, однако, не исключает того, что в один прекрасный день на страницах современных газет появится сообщение о встрече с воскресшим Сен-Жерменом, который, оправдывая один из своих псевдонимов, как птица Феникс время от времени восстает из пепла забвения. Так что в отношении нашего героя остаются и наверняка останутся актуальными слова, сказанные когда-то великим скептиком Фридрихом Великим: «Это человек, который не умирает».

КАЗАНОВА ДЖОВАННИ ДЖАКОМО

(род. в 1725 г. – ум. в 1798 г.)

Венецианский авантюрист международного масштаба. Его имя стало нарицательным – синонимом любвеобильности, распущенности и плутовства. Современники же знали его еще и как человека крайне разносторонних талантов – алхимика, юриста, математика, музыканта, финансиста, историка. Автор всемирно известных мемуаров.

Джакомо Казанова относится к тем людям, которых знает весь мир. Он был знаменит при жизни, не забыли о нем и после смерти. О нем слагают песни, причем далеко за пределами его родины. О нем сочиняют стихи. Он герой фильмов и книг. Сам же о себе он писал: «Я, Джакомо Казанова, венецианец, по склонностям – ученый, по привычкам – независимый человек и настолько богат, что не нуждаюсь ни в чьей помощи. Путешествую я для удовольствия. В течение моей долгой страдальческой жизни я являюсь жертвой интриг со стороны негодяев». Каким же он был, этот интереснейший человек, собеседник коронованных особ, узник европейских тюрем и

завсегдатай игорных и публичных домов?

Единственное, что досталось родственникам Казановы после его смерти, – рукопись, на титульном листе которой значилось: «Жак Казанова де Сейнгальт, венецианец. История моей жизни». Почему Жак? Да потому, что последние годы жизни Джакомо провел во Франции. А вот «шевалье де Сейнгальт» – это он выдумал. Чего только ни напридумывал Казанова за свою жизнь, но в этом титуле мало кто сомневался. Как-то в Германии его спросили, почему он носит фальшивое имя. Казанова с присущим ему остроумием возразил, что это не так: он просто взял из алфавита, который не является чьей-то собственностью, восемь букв. Этого имени никто не носит и, соответственно, у него не оспаривает. А подлинно оно настолько, что он получил по нему пятьдесят тысяч гульденов у банкира Карли. Сам же Казанова в него верил так искренне, что даже подписывал им не только векселя и другие финансовые документы, но и свои книги. Хотя однажды и признался: «Я не родился дворянином – дворянства я добился сам».

Родилась будущая знаменитость 2 апреля 1725 года в Светлейшей Республике Венеция в семье дочери сапожника актрисы Дзанетты Фаруси и актера Гаэтано Казановы. Впрочем, есть основания полагать, что подлинным отцом мальчика был венецианский патриций Микеле Гримани. Вопрос о происхождении был для Джакомо всегда чрезвычайно болезненным.

В семье Казановы, как во всякой итальянской семье, было много детей. Джакомо был первенцем и имел трех братьев и сестру. Некоторые исследователи полагают, что один из братьев – Франческо – является незаконнорожденным сыном короля Англии Георга III. Он родился после того, как его мать стала любовницей принца Уэльского, когда играла в Лондоне в итальянской комедии.

Впоследствии Франческо Казанова стал известным художником-баталистом. Это ему Екатерина Великая заказала картину «Битва в Очакове», которая хранится в Эрмитаже. Еще один брат Джакомо тоже стал художником, учеником Менгса и директором Дрезденской академии художеств, а третий, Гаэтано, – священником и проповедником. Сестра Мария Магдалина была танцовщицей Дрезденского оперного театра.

Вернемся, однако, к нашему герою. С самых юных лет Джакомо проявил себя чрезвычайно одаренным ребенком. В воспоминаниях он пишет о том, что в двенадцать лет уже обучался в Падуанском университете, а в восемнадцать защитил диссертацию по праву. В Падуе он поначалу жил в пансионе у

доктора Гоцци, который кроме знакомства с науками давал ему еще и уроки игры на скрипке. Вернувшись в родную Венецию, Казанова почему-то решает посвятить себя Богу и избирает стезю священника. Однако из церкви Сан-Самуэле, где он добился должности проповедника, ему пришлось уйти уже после второй проповеди. Причиной послужил пьяный обморок, случившийся с юным священником прямо на кафедре. Правда, этот случай не послужил ему уроком. Джакомо перебрался на остров Мурано в семинарию Сан-Киприано, откуда его через некоторое время со скандалом исключили за поведение, неподобающее духовному лицу. Он был отправлен на исправление в один из венецианских фортов на входе в Адриатику. Именно здесь будущий гениальный обольститель получил первую из своих «профессиональных» болезней, ведь внутри крепости он был совершенно свободен, чем и не преминул воспользоваться, и красавица-гречанка сделала ему такой незабываемый «подарок».

Расставшись с рясой священника, Казанова поступил на военную службу. На острове Корфу он становится адъютантом командующего флотом Джакомо да Рива. В 1746 году, вернувшись наконец в Венецию, Джакомо получает место рядового скрипача в театре Сан-Самуэль. Он играл на свадьбах, вечеринках и даже помогал знаменитому Антонио Вивальди в сочинении ораторий. И, конечно же, обольщал многих женщин.

Однажды темной ночью весной 1746 года Казанова встретил человека в красной мантии, который на его глазах уронил письмо. Джакомо поднял и вернул это письмо хозяину. Человеком в мантии оказался венецианский сенатор Маттео Джованни Брагадин. В знак благодарности он предложил подвезти Казанову на своей гондоле. В пути у сенатора случился удар. Казанова приказал остановить гондолу и разыскал врача. После оказания первой медицинской помощи Казанова доставил больного домой, куда немедленно прибежали двое друзей сенатора – венецианские патриции Марко Дандоло и Марко Барбаро. Оценив действия врача, Джакомо понял, что тот неправильно лечит пациента, и немедленно принялся за дело сам. Наутро сенатор чувствовал себя превосходно. Так произошло знакомство Казановы с его покровителем, который в знак признательности усыновил его.

Венецианские патриции тайно занимались каббалистикой и алхимией. Казанова признался им, что сам этим увлекается и что у него есть свой каббалистический метод, хотя он не совсем уверен в его надежности. Патриции взялись проверить и… метод подействовал. Брагадин, Барбаро и Дандоло задавали разные вопросы, а оракул давал им именно те ответы, которых они

ожидали. Так патриции убедились, что молодой Казанова – великий чародей.

Трюк со своим каббалистическим методом Джакомо применит еще не раз, в особенности в Париже с мадам д'Юрфе, богатой маркизой, которая слепо верила в магические способности Казановы. Почтенная маркиза, страстно увлекавшаяся оккультными науками и даже устроившая у себя в доме алхимическую лабораторию, имела маленькую слабость: госпожа д'Юрфе хотела жить вечно. Казанова успешно сыграл на ее мечте, пообещав совершить магический обряд перерождения и воплотить дух маркизы в ее собственных потомках.

Оставив музыкальное поприще, Джакомо, пользуясь дружбой и покровительством Брагадина, поселился в его доме в качестве названного сына и стал на досуге заниматься магией и предсказаниями. Свой тогдашний образ жизни авантюрист охарактеризовал в нескольких словах: «Я был не беден, одарен приятной и внушительной внешностью, отчаянный игрок, расточитель, краснобай и забияка, не трус, поклонник женского пола, ловкий устранитель соперников, веселый компаньон… Я наживал себе врагов на каждом шагу, но я умел постоять за себя и потому думал, что могу позволить себе все, что угодно».

Однако покровители Казановы сенатор Брагадин и его друзья Барбаро и Дандоло так не думали и посоветовали ему на время удалиться из Венеции. Патриции опасались, что государственная инквизиция может обвинить их друга в богохульстве и чернокнижии.

В 1750 году Джакомо отправился во Францию: «В Лионе я сделался вольным каменщиком. Два месяца спустя, в Париже, поднялся я на вторую ступень, а еще через несколько месяцев – на третью, иными словами, стал мастером. Эта ступень высшая. Все прочие титулы, какие даровались мне с течением времени, – всего лишь приятные выдумки и, хоть и имеют символический смысл, ничего к званию мастера не добавляют».

Затем Казанова колесит по Центральной Европе. Где он только ни побывал и чем только ни занимался. Особо следует отметить его литературную и театральную деятельность. Вначале он переводит с французского для итальянской труппы Дрезденского Королевского театра, а затем и сам пишет в соавторстве комедию, которую ставит в этом же театре. Потом пишет еще одну комедию – «Молюккеида», и ее тоже ставят. А вот третья из поставленных пьес, видимо, не имела успеха, поскольку на этом театральная деятельность Джакомо в Дрездене заканчивается.

Попутешествовав еще немного, Казанова вернулся в Венецию,

где продолжил прежний образ жизни. Наконец инквизиция обращает на него внимание, и 26 июля 1755 года Джакомо был обвинен в масонстве, распущенном образе жизни, вольнодумстве и оккультизме и приговорен к пятилетнему содержанию под стражей во Дворце дожей. Но уже через 15 месяцев Казанова бежал из тюрьмы Пьомби, о чем впоследствии рассказал в «Истории моего бегства», написанной на французском языке и опубликованной в Праге в 1788 году. Бегство из считавшейся неприступной тюрьмы, да еще из камеры, запертой на множество замков, наделало в Европе много шума. Ход, прорубленный ровно в полночь на свинцовую крышу темницы, принес Казанове славу мага и авантюриста. А ведь беглец-то был не один – вместе с венецианцем бежал падре Бальи, сидевший за распутный образ жизни. Запугав надзирателя, они объединили усилия, проделав лазы в потолках камер, и уже вдвоем продырявили крышу. Знакомый сюжет, не правда ли? Знал ли его А. Дюма, когда писал «Графа Монте-Кристо»?

Понятно, что оставаться в Венеции было небезопасно. И Казанова едет во Францию. Еще будучи совсем юным, он познакомился с графом Лионским, аббатом де Берни, тогда послом Франции в Венецианской республике. В 1757 году Берни назначают министром иностранных дел. И на столь высоком посту он не забывает о нашем герое. Вот как об этом вспоминает сам Казанова: «Мсье де Берни принял меня как обычно, то есть не как министр, а как друг. Он поинтересовался, не соглашусь ли я выполнить несколько секретных поручений». Какой авантюрист не согласится стать шпионом? Наш согласился.

Первое свое задание Казанова описывает так: «В начале мая аббат де Берни известил меня письмом, что я должен поехать в Версаль для встречи с аббатом де Лавилем. Последний спросил, готов ли я посетить восемь или десять военных кораблей (французского флота. – *Прим. авт.*), стоящих на якоре в Дюнкерке, и достанет ли мне сообразительности сойтись с тамошними старшими офицерами настолько коротко, чтобы прислать ему подробный отчет об общей вооруженности кораблей, о числе матросов, о боеприпасах всякого рода, о порядке управления и полицейской службе. Я ответил, что готов попытаться».

Такому милому и общительному человеку, как Джакомо, ничего не стоило выполнить подобное задание. Вот что писал о Казанове один из современников: «Он был бы красив, когда бы не был уродлив: высок, сложен, как Геркулес, лицо смуглое… Он горд, ибо он ничто и не имеет ничего… Богатая фантазия и природная живость, опыт многочисленных путешествий,

испробованных профессий, твердость духа и презрение к житейским благам делают его человеком редкостным, интереснейшим для знакомства, достойным уважения и преданной дружбы небольшого числа лиц, снискавших его расположение». Джакомо легко вошел в доверие к множеству молодых офицеров Дюнкерка и даже к самому командиру здешней эскадры мсье де Барею. Всем пришелся по душе молодой человек с военно-морским прошлым, и они охотно отвечали на все его вопросы. Удивительно, но при всей легкости исполнения задания Казанова проявил недюжинную выдержку профессионала. Будучи заядлым игроком, он ни разу не сел к столу, не позволил себе и легкой интрижки и даже ограничивал себя во сне, посвящая время записыванию всего увиденного.

По возвращении в Париж его ждали пятьсот луидоров и высокая оценка его работы военно-морским министром де Кермилем. Однако аббат Берни не сумел надолго удержать за собой министерский пост, в 1758 году его сместили. Больше Казанову к шпионской деятельности не привлекали.

Потеря такой «почетной» работы совсем не лишила Джакомо средств к существованию. Еще в 1757 году он провернул самую значительную и замечательную авантюру своей жизни. При этом еще и самую прибыльную. Столько денег он не зарабатывал даже игрой, хотя считал ее своей основной профессией. Это была организация государственной лотереи в Париже.

Тогда король Франции задумал открыть Высшую военную школу. Но на эту затею требовалось 20 миллионов ливров. При этом правительство не хотело обращаться к помощи государственной или королевской казны, а намеревалось получить необходимую сумму от народа. Но как заставить людей добровольно раскошелиться? И тут на сцену вышел Казанова, предложив королю организовать лотерею. Он убедительно доказывал, что народ с готовностью станет раскупать лотерейные билеты, так как в розыгрыше будут довольно крупные призы, а вырученные деньги наверняка принесут королю прибыль. К тому же лотерея, по замыслу мошенника, должна была проводиться под эгидой короны, а не от лица частных предпринимателей, что значительно укрепило бы доверие к ней со стороны обывателей и рассеяло любые сомнения относительно честности и порядочности устроителей. В конце концов предложение приняли, и Казанова был назначен официальным представителем короля, ответственным за проведение лотереи. Тут-то он и развернулся, возглавив шесть из семи отделений по продаже лотерейных билетов. Казанове было назначено вознаграждение в 4 тысячи ливров.

В течение двух месяцев авантюрист богател и жуировал. Он нанял хорошую квартиру, шикарно ее обставил, обзавелся каретой и окружил себя роскошью, подобающей собирателю королевских миллионов. Вскоре его знал в лицо весь Париж. Всюду – в театрах, в гостях, на балу – к нему подходили люди, соблазненные возможностью выиграть, совали в руки деньги и просили прислать билеты лотереи. Чем все это кончилось, история умалчивает.

Итак, Казанова живет в Париже. У него два роскошных особняка, один из которых – «Пти Полонь» (Маленькая Польша). Это очаровательный дом с прекрасным садом, конюшней и даже баней. Чтобы обзавестись постоянным доходом, венецианец организует фабрику по производству шелковой материи с изящными рисунками. Однако все надежды на прибыльность предприятия не оправдались. Ни налоговые скидки, ни покровительство одного из принцев не смогли спасти Казанову от банкротства. А всему виной была его любвеобильная и не менее щедрая натура. Милые девушки-красильщицы как только могли старались угодить хозяину. И видимо, так в этом преуспели, что каждая получила от него в подарок по дому. А барышень было двадцать. Теперь можно понять, почему ни одна из многочисленных женщин Казановы никогда не предъявляла ему претензий. Фабрику пришлось продать, но это не спасло хозяина от ареста. Правда, заключение длилось всего два дня, после чего Джакомо освободил герцог Эльфеб, заплатив залог.

Видимо с горя, Казанова решил прогуляться в Голландию, а затем и в Швейцарию. Ему захотелось навестить Вольтера, который жил недалеко от Лозанны. Пообщавшись с философом и энциклопедистом пять дней кряду, Джакомо понял, что пора возвращаться на родину.

Вернувшись, Казанова через каких-то очередных друзей познакомился с библиотекарем Ватикана кардиналом Пассионеи. Тот, в свою очередь, попросил у папы помилование для нового знакомого, и папа согласился.

Совсем недолго подышав воздухом Италии, Джакомо снова пускается в путь. Он мечется из страны в страну, из города в город. Его маршруты необъяснимы, недоброжелатели даже начинают поговаривать, что он служит инквизиции. В Берлине его представляют Фридриху II, и тот внезапно предлагает Казанове место преподавателя в кадетской школе. Однако сытая бюргерская жизнь быстро надоела нашему искателю приключений. И он пускается в очередную авантюру.

Так далеко на север Казанова еще не забирался. Россия покорила итальянца с первого взгляда. Она была ни на что не

похожа, эта удивительная страна. Безусловно, европейская и в то же время совершенно иная. Шел 1764 год. Казанову интересовало все – «фабрики, церкви, памятники старины, собрания редкостей, библиотеки». Особое впечатление на южанина произвело крещение младенцев в ледяной воде и бешеная ревность купленной крепостной девки. В отличие от других коронованных особ, на Екатерину II Казанова ошеломляющего впечатления не произвел. И хотя она нашла его рассказы весьма занимательными, ко двору он не пришелся.

И снова дороги, дороги, дороги… Чем только ни занимался Джакомо до конца своей жизни! Продавал «рецепт вечной молодости» и «формулу философского камня», торговал красотой юных девушек: воспитывал их, давал образование и учил хорошим манерам, а затем за большие деньги «уступал» богатым аристократам. Но не только. Когда в революционной Франции настали дни якобинского террора, старый Казанова направил Робеспьеру гневное многостраничное письмо, где были такие слова: «Какое вы имеете право ломать жизни тысячам и тысячам людей ради “всеобщего счастья”? Надо оставить людям их убеждения, даже их предрассудки – об этом я спорил с Вольтером в 1760 году. Иначе вы делаете их несчастными».

Жизнь его протекала в бесконечных кутежах, романтических происшествиях и карточной игре. Казанова был настоящим сексуальным атлетом и неисправимым романтиком, для которого каждая встреча с женщиной являлась неповторимым праздником. В его мемуарах упоминаются имена 132 любовниц. А сколько их было не названо? Он считал, что семейная жизнь – это «могила для любви», и всегда предпочитал ей «невыразимую прелесть украденных наслаждений». Однако в конце концов наступило пресыщение, подкралось утомление. Все чаще в любовных делах, разного рода проделках и азартных играх Казанову стали подстерегать неудачи.

В 1763 году, находясь в Лондоне, 38-летний Казанова страстно влюбился в юную куртизанку Шарпийон, но встретил холодный и презрительный расчет, а не взаимность. И тогда, вспоминал он: «Я понял – молодость позади…»

После бурного романа с Шарпийон великий соблазнитель решил уйти на покой. В течение следующих тридцати лет в его жизни, вероятно, вообще не было женщин. Удовольствие Джакомо получал теперь лишь от еды, написания мемуаров и чтения. Он приступил к пространным воспоминаниям о своем веке, однако они долго не печатались, ибо современные ему издательства, видимо, боялись откровений Казановы, а следующее поколение романтиков вообще не верило в его существование.

В конечном счете, Джакомо пришлось вернуться в Венецию, где он нашел себе работу в качестве полицейского осведомителя, но в 1782 году очередной скандал вынудил его покинуть Италию.

Три просторные комнаты старинного замка в живописном уголке Северной Чехии стали последним пристанищем авантюриста и писателя Джакомо Казановы. Однажды на пути из Вены в Берлин в 1785 году он встретил графа Вальдштейна, который предложил дряхлеющему старцу (Джакомо шел седьмой десяток) стать библиотекарем в его замке, где тот и провел последние тринадцать лет своей жизни. Здесь из-под пера знаменитого венецианца вышли «Мемуары» и пятитомный роман «Искамерон». Воспоминания Казановы, написанные по-французски, доведены лишь до 1774 года. Как автор он понимал, что люди любят читать о молодом, красивом и удачливом герое. Вот цитата из его письма того времени: «Я решился бросить мемуары… ибо, перевалив за рубеж пятидесяти лет, я смогу рассказывать только о печальном…»

Он вел оживленную переписку с многочисленными адресатами в разных городах Европы, со многими даже встречался, но, в конце концов, превратился в вечно недовольного, больного и брюзжащего старика, который доживал свои дни почти в полном одиночестве. 4 июня 1798 года Джованни Джакомо Казанова скончался. Имя же великого итальянского авантюриста живет и поныне. И как бы там ни было, свой след в истории он оставил…

ЛАТЮД ЖАН АНРИ МАЗЮР ДЕ

(род. в 1725 г. – ум. в 1805 г.)

Самый знаменитый узник Франции, за свои авантюры пробывший в заключении без суда 35 лет.

Еще в XVIII веке в центре Парижа находилась одна из самых страшных тюрем Франции – Бастилия. Этот символ абсолютизма представлял собой высокое мрачное здание, окруженное глубоким рвом и увенчанное восемью башнями, по пять этажей в каждой. В верхних этажах не было окон. Летом там было невыносимо жарко, а зимой – так же холодно. На остальных этажах окна были настолько малы, да еще закрыты толстыми решетками, что лучи света едва проникали в камеры, в основном одиночные. Лишь немногие заключенные имели привилегию жить в обществе себе подобных. Помимо камер наверху, были еще и темницы, простиравшиеся под тюрьмой. Здесь заключенного ожидала постоянная сырость, спертый воздух никогда не проветриваемых камер, ворох полусгнившей соломы, заменяющий постель, кусок черствого хлеба да кружка вонючей воды. А напарниками его были крысы, черви и прочая мерзость, во множестве водившаяся в этих мрачных подземельях. Чего не доставало Бастилии, было в других тюрьмах. И через все это прошел Жан Анри Мазюр де Латюд, пробывший в заключении без всякого суда в общей сложности 35 лет.

После финансового кризиса 20-х годов XVIII века Франция только стала приходить в себя. Но поскольку это достигалось увеличением количества налогов и повинностей, сохранением феодализма и усилением абсолютной власти короля, то никак не способствовало благополучию страны. Смыслом жизни Людовика XV стали бесконечные развлечения: балы, охота, фаворитки… Тогда и возникло всевластие королевских фавориток, среди которых первенствовала маркиза де Помпадур. Она-то и стала причиной несчастий, обрушившихся на тогда еще совсем молодого Латюда, и, кстати, не его одного.

Жанне Антуанетте д’Этиоль, урожденной Пуассон, можно сказать, в жизни повезло. Еще в детстве ей нагадали, что она станет хозяйкой Версальского дворца, и она в это свято поверила. Дочь простого армейского интенданта была хороша собой, начитанна, умела играть на нескольких музыкальных инструментах и при этом была очень расчетлива. Замуж она

вышла так, чтобы имя и деньги мужа дали ей возможность быть представленной ко двору. Вечно скучающий король быстро увлекся ею, но она, в отличие от других фавориток, прекрасно понимала, насколько переменчивы королевские пристрастия и сумела стать для Людовика XV незаменимой помощницей. Ее старания были оценены по достоинству: Жанна получила титул маркизы де Помпадур.

А Жан Анри Мазюр де Латюд был сыном драгунского подполковника. За время службы отец не нажил ни имения, ни состояния, хотя являлся кавалером ордена Св. Людовика. Жан Анри рано был предоставлен сам себе и мечтал о военной карьере. Окончив техническую школу в Париже, он поступил на службу в саперный полк и даже успел поучаствовать в войне с Голландией. Но в 1748 году война закончилась, а вместе с этим развеялись мечты о военной карьере: де Латюду, как и многим другим, не нашлось места в армии. Было ему тогда 23 года. Оставшись без средств к существованию, Жан Анри нанялся на работу к аптекарю. Смешивать лекарства – работа не слишком утомительная, но довольствоваться столь скучным занятием энергичный молодой человек не собирался. Однако он понимал – чтобы достойно устроиться в жизни, юноше из обедневших дворян мало иметь образование и быть исполнительным. Гораздо важнее найти серьезного покровителя. И тут судьба преподнесла ему в подарок счастливую, как он тогда подумал, идею. Жан Анри услышал, как двое незнакомцев ругали маркизу де Помпадур. Мысль Латюда заработала в нужном направлении. Он придумал, как ему вознестись на вершину успеха и приобрести покровительство ни больше ни меньше как самой могущественной особы при короле. Насыпав в изящную коробочку абсолютно безвредный порошок, Латюд отправил его по почте на имя маркизы. В сопроводительном письме указывалось, что это подарок от химика, который в результате многолетнего труда изобрел средство, исцеляющее от многих болезней. Его можно использовать и как пудру, делающую кожу нежной и гладкой. При этом неизвестный просил назвать свое изобретение именем маркизы. После этого Латюд отправился в Версаль и попросил немедленно доложить о нем Помпадур, поскольку речь идет о ее жизни или смерти. Испуганная маркиза приняла его тотчас. Жан Анри выразил ей свое восхищение и предупредил о готовящемся покушении: мол, он подслушал разговор двух мужчин, которые решили убить маркизу и послали ей по почте яд. Помпадур отнеслась к его словам с вниманием, посадила молодого человека рядом с собой и предложила ему кошелек с золотом. Но не золото интересовало начинающего

авантюриста. Он отказался от денег, сказав, что поступил как человек чести и готов служить маркизе бескорыстно. Она была тронута этими словами и предложила Латюду оставить ей свой адрес, чтобы в случае необходимости его можно было быстро найти.

Окрыленный, Жан Анри возвращался домой. Он ликовал: план удался, скоро для него все изменится. Если бы он только знал, насколько скоро! Вечером маркизе принесли пакет, в котором был порошок. Она тут же дала попробовать его служанке и домашним животным. С ними ничего не случилось. Но, взглянув на письмо неизвестного химика, Помпадур догадалась сличить его с адресом, оставленным Латюдом. Участь его тут же была решена. Маркизу Помпадур, самую влиятельную женщину Франции, хотели так нагло провести? Она была в бешенстве и тут же приказала «позаботиться» о наглеце. Ей не пришлось для этого обращаться за помощью к королю. Людовик XV имел обыкновение раздавать фавориткам уже готовые документы со своей подписью и печатью, и оставалось всего лишь вписать имя любого человека, чтобы избавиться от него быстро и без лишних хлопот. Люди, попавшие в тюрьму по такому приказу, не имели шансов на обычное судебное разбирательство и были обречены на полное бесправие. Несчастные узники оставались в тюрьмах до тех пор, пока это было угодно тому, кто их туда отправил. Освобождать их никто не собирался: несчастные просто исчезали, навсегда похороненные в разных тюрьмах.

Прошло два дня после аудиенции у маркизы. Латюд все еще предавался мечтам о тех милостях, которыми она его осыплет, как вдруг в комнату ворвались жандармы. Без всяких объяснений они схватили молодого человека и грубо затолкали в полицейскую карету с зашторенными окнами. Только когда, пронесшись по пустынным улицам Парижа, карета остановилась и за ней с грохотом закрылись тяжелые железные ворота, Латюда вывели на мощеный двор. Он огляделся и с ужасом понял, куда попал – Бастилия…

Его обыскали, отобрали деньги, документы, одежду, переодели в тряпье. Он кричал, что это ошибка, что его должны немедленно отпустить, но стражники, издевательски насмехаясь, попросили Латюда расписаться в книге регистрации, а затем, грубо толкая в спину, бросили в камеру. На следующий день к нему явился тюремный чиновник Бернье, и только тогда узник узнал причину своего ареста. Латюд, ничего не скрывая, рассказал Бернье, как было дело, уверяя, что это была всего лишь ошибка молодости, глупость, и умолял его отпустить. Выслушав все, Бернье решил помочь Латюду, пообещав ходатайствовать о

его освобождении. Но, оскорбленная поступком юноши, маркиза даже слушать ничего не захотела. Тогда, желая хоть как-то смягчить его положение, Бернье перевел его в камеру другого узника, Абузалло, которого подозревали в шпионаже в пользу Англии. Узники подружились и дали друг другу обещание: если кого-нибудь из них выпустят из тюрьмы, то он будет хлопотать об освобождении другого.

Об этом разговоре тут же стало известно коменданту Бастилии, и Латюда перевезли в Венсенн, уверив при этом, что отпускают его на свободу. Здесь, правда, стараниями Бернье, у Жана Анри были лучшие условия содержания. Ему даже была разрешена ежедневная прогулка в тюремном дворике. И тогда Латюд решился на побег. Он уже завоевал примерным поведением некоторое доверие стражников и зачастую сам спускался во двор, не дожидаясь, пока закроют его камеру. В Венсенне тогда находился в заключении аббат Сенсовер, который пользовался значительной, по сравнению с другими, свободой, так как обучал детей тюремщиков. Кроме того, его часто навещал отец, бывший комендант этой же тюрьмы. Это и решил использовать Латюд, пробыв в Венсенне уже 9 месяцев. Однажды, пока один стражник запирал его камеру, он быстро спустился во двор и спросил у другого стражника, где аббат, – мол, того разыскивает отец. Затем он подбежал к караульному с тем же вопросом, и так, «разыскивая» Сенсовера, оказался у ворот тюрьмы. Это было время посещений, и подъемный мост был опущен. Охранник у моста не остановил Латюда, приняв его за человека, возвращавшегося после свидания с кем-то из близких. Так, 25 июня 1750 года, пробыв в заключении 13 месяцев, Латюд обрел свободу.

Пьянящий воздух свободы, видимо, полностью затуманил мозги Жана Анри. Или у него, несмотря ни на что, еще сохранилась вера в справедливость королевского правосудия. Ничем другим нельзя объяснить то, что он сделал. Он мог скрыться и спокойно жить, но, решив, что полное признание избавит его от необходимости прятаться, Латюд уже на шестой день написал королю покаянное письмо с просьбой о помиловании, считая, что уже искупил свой поступок. В ту же ночь он вновь очутился в Бастилии, в темнице. Теперь это было полутемное подземелье, где он провел полтора года. И на сей раз утешителем ему стал Бернье, разрешивший давать узнику книги, бумагу и чернила. Прошло еще шесть месяцев. Положение Латюда не менялось, и как-то в порыве отчаяния он на полях одной из книг написал эпиграмму на маркизу де Помпадур:

Ну и дела во Франции прекрасной!
Здесь можно дурой быть из дур
И все же править государством:
Пример – маркиза Помпадур!

Что за невезенье! Латюд не знал, что все книги после прочтения узниками просматривались надзирателями. Вскоре об эпиграмме знал комендант Бастилии, который, желая выслужиться, сделал так, чтобы о ней узнала маркиза, и последствия тут же сказались. Бернье она запретила даже упоминать о Латюде. Мало того, он еще получил и выговор за то, что защищал такого негодяя. А Латюду запретили пользоваться книгами и письменными принадлежностями. К тому же срок его пребывания в подземелье был продлен еще на год.

Между тем здоровье узника стало ухудшаться. Стараниями того же Бернье Латюда перевели из подземелья в другую камеру и «подселили» к нему заключенного, его ровесника Далегра, который также оказался личным врагом маркизы Помпадур. Он имел неосторожность отправить ей письмо с советом не обострять ненависть народа к себе. Друзья по несчастью еще несколько раз через Бернье передавали прошения о помиловании, но безуспешно. И тогда они решили бежать. Но как? Башню, в которой они находились, окружал ров с водой, за ним шла высокая стена и еще один ров, а кроме того металлические решетки, перекрывающие даже дымоходы, и круглосуточная охрана… Позже в своих мемуарах Латюд досконально описал их приготовления к побегу и сам побег. Из металлических петель складного стола узники смастерили небольшие ножи, из подсвечника – нечто вроде пилы, из разорванной одежды сплели две лестницы, ступеньки для которой они выстругивали из дров, которые им давали для отапливания камеры. А как быть с толстыми стенами Бастилии, с массивными решетками на дымоходе? Не зря же Латюд учился в технической школе! Он знал, что стены, сложенные из прочного известняка, хорошо крошатся под воздействием воды. Это обстоятельство узник и решил использовать для того, чтобы через дымоход выбраться из камеры на крышу. Набрав в рот воды, оба заключенных, обдирая руки в кровь, карабкались по узкому дымоходу к решеткам и размачивали отверстия, в которые были вставлены железные прутья. Работали они по ночам, чтобы стража их не обнаружила. За полгода упорного труда они сумели так расшатать решетку, что ее можно было свободно вынуть. В общей сложности на подготовку побега ушло почти два года. И вот наступила ночь 25

февраля 1755 года.

Погода благоприятствовала побегу. Шел дождь, заглушавший все звуки. Латюд и Далегр через дымоход выбрались на крышу и по веревочной лестнице спустились в ров, заполненный ледяной водой, но подняться на внешнюю стену они не смогли. Тогда Латюд придумал другой план. Всю ночь с помощью самодельных инструментов узники расшатывали и вынимали камни из стены метровой толщины, ныряя каждый раз в воду, когда раздавались шаги часовых. К утру проход в стене был сделан, и, с большим трудом преодолев следующий ров, заполненный жидкой грязью, беглецы вырвались из Бастилии на свободу.

Первое время друзья прятались в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре, а затем им помогли укрыться у портного Рюи, протестанта, где они находились почти месяц. Но оставаться во Франции было опасно, и беглецы решили перебраться в Германию. Первым, переодевшись нищим, отбыл Далегр. Добравшись до Брюсселя, он сообщил о своем благополучном прибытии Латюду и тут же совершил роковую ошибку, написав письмо, полное горечи и оскорбительных выражений… маркизе Помпадур. Когда Латюд прибыл в Брюссель, он узнал, что Далегр арестован и передан в руки французской полиции. Жан Анри тут же уехал в Амстердам, надеясь затеряться в этом большом городе. Но напрасно. Вскоре он был схвачен и также выдан. Так Латюд в третий раз очутился в Бастилии, в темнице, закованный в ножные и ручные кандалы. Там он провел 40 месяцев. Потеряв счет дням, узник решил уйти из жизни. Он перестал принимать пищу и ослаб настолько, что действительно был близок к смерти. Направленный к нему тюремный врач был потрясен видом узника и потребовал немедленно прекратить издевательство над ним. От постоянного насморка у Латюда растрескалась верхняя губа и обнажились испортившиеся зубы, он почти полностью облысел. Тюремщики начали его кормить насильно, а затем он все же был переведен в камеру в башне, где с него сняли кандалы и разрешили прогулки и чтение, но не позволили иметь письменные принадлежности. Но Латюд, решивший на сей раз обратиться к общественному мнению, нашел выход. Из мелкой монеты он выточил перо, из сажи сделал чернила, а бумагой послужили чистые листы из книг. Поначалу он еще надеялся получить свободу, оказав какую-нибудь услугу отечеству. Так Жан Анри начал составлять и отправлять королю различные проекты: вооружить унтер-офицеров ружьями, создать богадельни для вдов солдат и офицеров, погибших на войнах, увеличить пошлину на письма для улучшения финансового положения страны… Большинство проектов было принято, но Латюд оставался в тюрьме. И только

когда он подал проект об образовании запасных хлебных магазинов, его тут же «заметил» начальник полиции Сартин, принимавший участие в спекуляции хлебом, и предложил ему деньги и даже свободу, если Латюд откажется от проекта. Но заключенный с гордостью отклонил его предложение и остался в тюрьме…

Понимая, что иначе на свободу не вырваться, Жан Анри решил передать рукопись о своих злоключениях на волю. Во время прогулок ему удалось привлечь внимание двух девушек в доме напротив тюрьмы, и им он перебросил пакет с рукописью. Через некоторое время девушки выставили в своем окне лист бумаги, где сообщалось о смерти 17 апреля 1764 года маркизы де Помпадур. Латюд уже предвкушал свободу, но ничего не изменилось. Мало того: комендант Бастилии сообщил, что по Парижу распространяется скандальный памфлет, и он уже получил указание по поводу автора этого послания. Тогда Латюд написал гневное письмо начальнику полиции и в результате вновь очутился в Венсенне. Знакомое место! И Жан Анри вновь решился на побег. С криком «Держи вора!» он побежал к воротам, и пока стражники соображали, что к чему, сбив с ног часового, выбежал на улицу. Но, видно, его мало чему научили предыдущие побеги, и он явился к королевскому министру герцогу Шуазелю. Латюда тут же арестовали и вновь отправили в Венсенн, на этот раз в подземелье. Затем по приказу другого министра, Малерба, Жана Анри под видом освобождения в 1775 году перевели в монастырь в Шарантоне, где содержались душевнобольные и те, кого власти таковыми считали. Здесь же находился и сошедший с ума Далегр. Только в 1777 году, после 28 лет заключения, Латюда выпустили на свободу, выдав даже официальный документ. Правда, жить ему разрешалось только в родном городе, с лишением всех прав и под надзором полиции. Жан Анри уже почти добрался до Парижа, но судьба была жестока и на сей раз – его вновь арестовали по обвинению в краже. На самом деле чиновники решили, что Латюду лучше оставаться в заключении. Теперь он очутился в тюрьме для уголовников в Бисетре. Содержание здесь было пострашнее, чем в Бастилии. Через 38 месяцев, тяжело заболев, Жан Анри попал в тюремную больницу. Это оказалось похлеще, чем пребывание в камере: заразные больные лежали в грязи вплотную друг к другу, иногда вперемежку с мертвыми. Но, как ни странно, здесь Латюд выжил и даже несколько окреп от мазей и настоев, которыми его пичкали. Правда, из лазарета он вышел на костылях.

В 1781 году Бисетр посетил очередной судья и, узнав о судьбе Латюда, пообещал помочь. Через слугу Жан Анри передал

рукопись с описанием всего, что с ним произошло, но тот умудрился ее потерять. Однако именно это обстоятельство и спасло Латюда. Рукопись нашла мадам Легро, жена мелкого чиновника. Именно с ее помощью в Париже распространили исповедь заключенного, а затем началась кампания за его освобождение. В конце концов, 22 марта 1784 года – после 35 лет заключения – Латюд был освобожден и полностью реабилитирован. Через пять лет была разрушена Бастилия, пала монархия. Правительство назначило бывшему заключенному достойную пенсию. Латюд прожил еще 20 лет, написал захватывающие мемуары и умер в 1805 году в возрасте 80 лет.

КАЛИОСТРО АЛЕССАНДРО

Настоящее имя – Джузеппе Бальзамо (?)

(род. в 1743 г.? – ум. в 1795 г.?)

Беспокойный и блестящий XVIII век подарил человечеству множество незаурядных личностей, авантюристов, мистиков и философов. Одна из самых загадочных фигур того времени – граф Калиостро. Он заставлял пророчествовать детей и молодых женщин. Он предсказал Великую французскую революцию, падение Бастилии, казнь Людовика XVI и Марии Антуанетты. Он обладал незаурядным умом, огромной силой воли и мощным гипнотическим даром. Его эмблемой была змея, держащая во рту пронзенное стрелой яблоко, что символизировало обязанность мудреца держать свои знания в тайне. О своем титуле Калиостро говорил, что он принадлежит ему не по рождению, а по мистическому праву. Периодически граф утверждал, что был знаком с Александром Македонским, Нероном и Клеопатрой, являлся сподвижником пророков Моисея и Магомета. Он

считал себя воплощением духа Цезаря, посланником пророков Илии и Еноха и даже приписывал себе божественное происхождение. Его жена уверяла, что графу на самом деле 4000 лет, сама она тоже далеко не молода, а свою красоту сохранила благодаря супругу, который изобрел средство против старения.

До сих пор возникают сомнения относительно того, существовал ли такой человек в действительности или это некий собирательный образ. Тот, кто называл себя графом Алессандро Калиостро, был известен также под многими другими именами: граф Феникс, граф Тара, маркиз Пеллегрини, Фридрих Гвалдо, Ахарат, Великий Копт. Его часто отождествляют также с Джузеппе Бальзамо, но вряд ли кто сможет с уверенностью утверждать, что в этом случае речь не идет о двух разных людях (тем более, что сам граф это категорически отрицал).

Калиостро постоянно намекал на собственное необычайно высокое и таинственное происхождение и утверждал, что не имеет права открывать свое настоящее имя. Этот человек так стремился убедить современников и потомков в личной исключительности, напустил столько туману в собственной биографии, что постепенно превратился в легенду…

Кем он был? Алхимиком или ученым, магом или шарлатаном? Утверждать что-то определенное нельзя, по-видимому, и сейчас. Сам Калиостро говорил, что родился и вырос в Медине много столетий назад и впитал в себя «мудрость Востока», приобщившись к тайным знаниям высокого магического искусства.

Подобное заявление у любого современного человека вызовет лишь ироническую улыбку. Но здоровый скептицизм не способен прояснить вопрос о месте рождения знаменитого итальянца: историки утверждают, что граф увидел свет на Сицилии, в городе Палермо; однако более точно ничего сказать не могут, указывая то на респектабельный район недалеко от виа Рома, то на узкие и грязные переулки вокруг рыночной площади.

Не существует и абсолютно достоверных сведений относительно даты его рождения, хотя предполагают, что родился Калиостро 8 июня 1743 года в семье мелких лавочников.

Сицилия – уникальное место: здесь пересеклись многие древние культуры, все пронизано архаикой и мистикой. Неудивительно, что мальчик с раннего детства продемонстрировал живой ум, сообразительность и пылкое воображение. Учиться Джузеппе отправили в семинарию, но он быстро сбежал оттуда. Несколько позже его водворили в

бенедиктинский монастырь городка Колтажироне. Здесь он стал помощником монаха-аптекаря и увлеченно изучал химию и биологию. Фармакология сослужила будущему графу хорошую службу: впоследствии он занимался не только магией, но и медициной.

Вскоре мальчишку уличили в некрасивой проделке и выгнали из монастыря. С этого времени раскрываются совсем иные его способности: составление фальшивых завещаний, подделка заемных писем и документов, торговля рецептами различных снадобий, а также инструкциями по обнаружению кладов. Отец Бальзамо умер вскоре после рождения сына, и семья постоянно находилась на грани нищеты. Но бабка и мать Джузеппе пророчили мальчику великое будущее и графский титул. То же предсказала цыганка.

Несколько удачных афер принесли Бальзамо немалые деньги. Мошенник мгновенно исчез из Палермо и направился в Мессину, чтобы навестить родную тетку, но узнал, что она умерла. Тогда в память о родственнице Бальзамо решил взять себе ее фамилию. Ирония судьбы: согласно предсказаниям, он принял титул графа и стал именоваться Алессандро Калиостро. Это имя как нельзя более подходило человеку, увлеченному древними мистическими знаниями Востока и Африки: на юге Италии «кальостро» называют горячий ветер, дующий из этих областей.

Тогда же, вероятно, граф знакомится с чернокнижником Альтотасом, предсказавшим ему всю дальнейшую жизнь. Вдвоем они отправились на Восток. Там у дервишей и факиров Калиостро перенял чудеса древней магии, приемы профессионального фокусничества, овладел искусством массового гипноза, дополнил свои знания в области химии. Он начал собирать коллекции экзотических предметов, растений, камней, минералов, которые вскоре превратятся в лекарства и талисманы. На Востоке же сложился и чрезвычайно эффектный внешний облик графа: длинный шелковый либо бархатный наряд, украшенный иероглифами; тюрбан из золотой парчи с блестящими каменьями; пояс, на котором крепился рыцарский меч с рукоятью в форме креста; обилие перстней с бриллиантами невероятной величины. Говорил он на трех или четырех языках, но с иностранным акцентом.

В Египте под руководством Альтотаса юноша прошел сложный и опасный ритуал посвящения, состоявшийся глубокой ночью в подземных лабиринтах пирамиды Хеопса. Так Калиостро получил звание Великого Копта. Из Египта он вместе с Альтотасом отправился на Мальту, где был представлен гроссмейстеру Мальтийского ордена и познакомился с

масонскими доктринами. Вернувшись в Италию, Калиостро женился на Лоренце Феличиани – девушке не только очень красивой, но и восприимчивой, внушаемой, что делало ее идеальным медиумом. Вместе с женой граф устраивал во дворцах знати сеансы магии.

Говорили, что он возвращал к жизни неизлечимо больных, превращал неблагородные металлы в золото, увеличивал в размере бриллианты, давал возможность желающим пообщаться с духами умерших родственников, возвращал молодость и продлевал жизнь пациента почти до бесконечности. Слава о чудесном маге распространялась со скоростью молнии.

В 1773 году граф появился в Неаполе, где был посвящен в высшие степени герметического масонства, учредил ложу египетского согласия и… провел две недели в тюрьме.

…В 1777 году великий маг, астролог и целитель прибыл в Лондон. Никто не знал, откуда он явился. Калиостро рассказывал, что встречался внутри египетских пирамид с мудрецами, которые скрываются там на протяжении тысячелетий. Эти великие бессмертные старцы якобы открыли ему секреты, оставленные посвященным самим Гермесом Трисмегистом, богом алхимии и тайного знания.

Во время пребывания в Лондоне Калиостро занимался изготовлением драгоценных камней и металлов и заранее угадывал выигрышные номера лотереи. Расположившись в пустующем особняке, он превратил одно из помещений в лабораторию. Лица, удостоенные чести побывать там, наблюдали, как граф, заглянув в книгу с каббалистическими знаками, бросался к кипящему сосуду, вытаскивал из него драгоценный камень и устало бросал его в чашу в виде черепа.

Что же касается выигрышных номеров, их он сообщал желающим за соответствующую плату. Когда же оказалось, что большая часть этих сведений – обман, мага начали преследовать. Он же утверждал, что его именем подло воспользовались. И действительно, большинство участников лотереи имели дело не с Калиостро, а с некоей дамой, обещавшей передать магу деньги и сообщавшей номера билетов. Многие «совершенно случайно» беседовали и с бедняками, которым Калиостро бескорыстно помог. Вот только в ходе следствия найти этих бедняков так и не удалось. В результате граф был обвинен в магии, колдовстве и мошенничестве. Тяжбы завершилась за отсутствием доказательств в его пользу, но все же Калиостро не стал задерживаться в Англии.

В отделе особо редких книг российской Исторической библиотеки хранится фолиант, изданный еще при жизни графа.

Он написан Шарлоттой фон дер Рекке, лично знакомой с Калиостро и утверждавшей, что все его способности и чудеса – хитрый обман. От нее мы знаем об обстоятельствах пребывания графа в Митаве. Поначалу маг занимался целительством, платы за чудеса не брал, а совсем бедных даже ссужал деньгами. Неудивительно, что в скором времени он был принят самим Бироном. Нежелание получать гонорары внушало окружающим расположение к графу, а поскольку высшее общество не желало оставаться в долгу, то преподносило поистине сказочные подарки. Кроме целительства, большой интерес вызывали сеансы, на которых в сосуде с водой можно было увидеть то, что происходило на больших расстояниях. (Фокус объясняется легко: здесь использовалось незаметное для зрителя приспособление, с помощью которого в графине возникали расплывчатые фигуры или буквы.) Успехом пользовались и проводимые Калиостро сеансы пророчеств «голубей» – красивых мальчиков и девочек, которых его жена Лоренца предварительно поила специальным эликсиром, вводящим организм в полусонное состояние. Калиостро возлагал руки детям на головы, и они якобы обретали способность к ясновидению. Кроме того, граф продолжал заниматься «превращением» металлов в золото. Калиостро в Курляндии задерживаться не хотел, но для покорения северной столицы необходим был «пропуск» в высший свет, которого у него не было. Однажды родня упоминаемой уже Шарлотты прослышала, что их гость собирается в Петербург, и было бы весьма кстати, если бы представительница столь знатного и хорошо известного в России семейства сопровождала его в поездке. Принять это предложение Шарлотте настоятельно советовали даже ближайшие родственники. Но она выдвинула два условия: поездка могла состояться лишь по личному повелению императрицы, а сопровождать девушку должны были отец и сестры; ей самой должны были дать позволение посвятить жизнь магическим наукам. В результате Калиостро был вынужден ограничиться обществом Лоренцы.

Различные источники указывают разные сроки пребывания Алессандро и его жены в Петербурге: то ли девять месяцев 1779 года, то ли только лето. Калиостро выступает в России под новым именем – граф Феникс. Он убежден, что простой русский народ темен и простодушен, знать не знает счету золоту и обожает чужестранцев, а на троне сидит женщина любопытная и падкая на диковины. Граф рассчитывал очаровать императрицу и занять прочное место при российском дворе. Начал он с сеанса черной и белой магии, который произвел на присутствующих довольно сильное впечатление. Сеансы проходили в павильоне «Ротонда», в

подвалах которого, по утверждению Калиостро, якобы хранились рукописи царя Соломона и саркофаг Гомера. Кстати, после того как один из служащих сенатора И. П. Елагина (о нем пойдет речь ниже) повредился рассудком от всей творящейся вокруг этого места мистики, подвал засыпали. (Во время недавних реставрационных работ его раскопали и обнаружили загадочные сосуды, предназначение которых неизвестно). Затем граф изгнал дьявола из одержимого Василия Желугина и занялся целительством. Поначалу денег с больных он не брал, а иногда сам помогал пациентам материально. Когда же его известность возросла, начал требовать за свои услуги непомерные гонорары.

Но если в Европе Калиостро имел репутацию полубога и благодетеля, то в Петербурге народ на него подозрительно косился. Россиянам был необходим какой-нибудь местный мужик на роль целителя. В Петербурге таким лекарем был Василий Ерофеич Воронов, врач Божьей милостью, вылечивший смертельно больного графа Орлова, а в 1769 году именным указом Екатерины II пожалованный в титулярные советники. Будучи неграмотным, этот самоучка лечил всех: и представителей двора, и мещан, и крестьян. Кроме Ерофеича, у Калиостро был и другой соперник – лейб-медик императрицы Джон Самуэл Роджерсон, который вызвал итальянца на поединок. Но хитрый граф предложил сразиться посредством ядов, а на такие условия Роджерсон не мог пойти.

Правда, Калиостро нашел в Петербурге и почитателей: одного из самых образованных людей того времени, сенатора, обер-гофмейстера И. П. Елагина, а также действительного тайного советника, знаменитого мецената и богача графа А. С. Строганова. Елагина граф заинтересовал возможностью «делать» золото. Но секретарь сенатора предложил ему прекратить «вздорную болтовню» и дал графу пощечину, да к тому же распустил слухи о шарлатане, всерьез насторожившие публику. Вскоре Калиостро пообещал вылечить единственного 10-месячного сына приближенного императрицы, которого все доктора признали безнадежным. При этом граф поставил одно условие: ребенок будет находиться в его доме до полного выздоровления, а родители не должны с ним видеться. Спустя две недели к колыбели младенца на две минуты допустили отца. Родителям разрешено было забрать мальчика через месяц. Оставленный в доме Калиостро огромный гонорар был возвращен. Но мать ребенка все уверенней говорила о том, что это не ее сын. В ходе начавшегося дознания Калиостро заявил, что действительно подменил умершего ребенка, купив у крестьян за 2000 руб. другого. А на вопрос, что он сделал с трупом

младенца, отвечал, что в ходе неудачного опыта возрождения сжег его…

Интересно, что у императрицы еще задолго до появления графа в Петербурге сложилось негативное мнение о нем. Обладавшая ясным и рациональным умом, Екатерина не могла симпатизировать человеку, утверждавшему, что сам не знает, когда он родился, и не одобряла его масонских пристрастий. В письмах к барону Гримму императрица называет графа шарлатаном. К тому же Калиостро допустил большую ошибку, воспользовавшись красотой своей супруги, чтобы втереться в доверие к Григорию Потемкину, фавориту Екатерины. Граф предложил князю увеличить втрое весь его золотой запас. Потемкин, увлекшийся Лоренцей, из любопытства согласился. После манипуляций Калиостро золото взвесили и подвергли анализу. Его действительно стало в три раза больше, а граф получил в награду треть суммы.

Известие об увлечении фаворита итальянкой вызвало соответствующую реакцию Екатерины… Государыня, будучи женщиной решительной, быстро поставила светлейшего князя на место, а Калиостро повелела немедленно покинуть пределы Российской империи. Но и на этом оскорбленная императрица не успокоилась. Она выставила графа жуликом и бездельником в своих пьесах «Обманщик» и «Обольщенный», поставленных в Эрмитажном театре. Высший свет над комедиями очень смеялся, обращаться же за врачебной помощью вновь стал к Ерофеичу, который изобрел свой эликсир жизни, состоящий как минимум на сорок процентов из спирта. Придворные правильно поняли намек, и в графа полетели проклятия. Дольше всех держался Строганов, который был искренне благодарен Калиостро «за спасение жизни наследника». Но с государыней не поспоришь, и он тоже принял сторону двора, что вскоре открылся факт подмены ребенка. Граф вынужден был бежать в Варшаву, а оттуда – в германские княжества.

Летом 1780 года Калиостро въехал в Страсбург. На городском мосту его поджидала громадная толпа больных. Никто не знал, что эмиссары мага заранее сколотили группу «неизлечимых», на которых Калиостро и должен был продемонстрировать свое могущество. Шарлатанство? Безусловно! Но… Чародей нередко устраивал сеансы массового исцеления, результаты которых невозможно списать только на действия его подручных. В том же Страсбурге во время посещения графом лечебницы действительно выздоровели около 200 больных. Как же объяснить то воздействие, которое оказывал на страждущую публику великий авантюрист?

Ученик и последователь выдающегося мистика XVIII века Сен-Жермена, Калиостро утверждал, что владеет «эликсиром бессмертия». В своей книге «Секрет возрождения» он действительно дает рецепт продления жизни, в котором очень много рационального. Но состав некоторых пилюль и капель так и остался тайной. Было ли это очередной мистификацией публики? Возможно. Вот только как объяснить то, что маг и его жена Лоренца оставались очень молодыми? В сорок лет граф выглядел двадцатилетним. У Лоренцы в ее тридцать семь не было ни одной морщинки… Прибыв в Париж, Калиостро поразил воображение жителей столицы тем, что устраивал ужины с «духами» Дидро, д'Аламбера, Вольтера, Монтескье, которые затем беседовали с гостями. Граф вел роскошную жизнь и устраивал грандиозные зрелища, объясняя происхождение баснословных сумм тем, что знает тайну «философского камня» и может превращать в золото любые металлы. А когда Людовик XV предложил ему «починить» крупный алмаз чистейшей воды, давший трещину, Калиостро через три дня вернул его королю целым. Инквизиция тотчас объявила графа слугой дьявола.

С 1780 года Калиостро подолгу жил в Лионе – негласной столице «тайных наук». Сюда к нему в погоне за «философским камнем» и «эликсиром бессмертия», а также за советом приезжали весьма влиятельные люди. Когда в 1785 году граф перебрался в Париж, он тут же стал самым модным иностранцем в столице. Калиостро обосновался в особняке на улице Сен-Клод, где в верхнем этаже была устроена лаборатория, а внизу проходили тайные собрания. Среди завсегдатаев графа был кардинал де Роган, желавший получить бессмертие. Он советовался с итальянцем по самым разным вопросам, и именно поэтому Калиостро стал чуть ли не главным подозреваемым в одной из самых запутанных детективных загадок прошлого – знаменитом деле об ожерелье.

Еще в 1772 году Людовик XV решил подарить своей фаворитке мадам Дюбарри ожерелье, состоящее из 629 бриллиантов чистейшей воды. Украшение было изготовлено за два года. Но Людовик XV к этому времени умер, а Людовик XVI и Мария Антуанетта выкупать ожерелье не стали. Королева сочла украшение вульгарным, а ее супруг предпочел на те же деньги купить несколько военных кораблей. Ожерелье имело колоссальную стоимость – 2 млн ливров, так что в Европе на него не нашлось покупателя. А поскольку все камни для уникальной вещи были закуплены в кредит, ювелиры едва избежали банкротства. Через 11 лет они получили письмо от кардинала де Рогана, который сообщил, что Мария Антуанетта хочет выкупить

бриллианты в рассрочку втайне от короля. Кардинал предоставил ювелирам гарантийное письмо, подписанное королевой, и лично забрал ожерелье. Не получив денег в срок, ювелиры решились напомнить государыне о долге. Та высказала гневное недоумение. Поручительное письмо оказалось подделкой, а ожерелье бесследно исчезло. Оказывается, кардинал был впутан в аферу графиней де Ла Мотт, сообщившей, что королева испытывает к нему тайное чувство. Де Роган действительно встречался в Версале с женщиной, похожей на Марию Антуанетту, и согласился выступить посредником в покупке ожерелья. Графиня де Ла Мотт оказалась очень близкой знакомой графа Калиостро… После того как ожерелье попало к графине, ее муж спешно отбыл в Лондон. Впоследствии там всплыли и некоторые камни из знаменитого украшения. Сама же графиня была арестована и на допросе объявила, что автором всей интриги был Калиостро. Впрочем, возможно, на него была возведена напраслина, а королева и кардинал были все-таки замешаны в этой афере.

Так или иначе, но 21 августа 1785 года графа арестовали и заточили в Бастилию. Вскоре состоялся суд. С помощью опытных адвокатов итальянец успешно выстроил защиту. Сильным его местом было алиби: передача ожерелья произошла 29 января 1785 года, а граф прибыл в Париж только на следующий день. Правда, обвинение доказывало, что он состоял в интенсивной переписке с де Роганом и мог бы управлять аферой на расстоянии. Да и в столицу он успел приехать за несколько часов до того, как граф де Ла Мотт отбыл в Лондон. Но разрушить построений защиты обвинение не сумело. Калиостро был оправдан за недостатком улик и на некоторое время стал народным героем как жертва режима. Людовик XVI на следующий же день после суда прислал ему предписание в 24 часа покинуть Париж, а в течение двух недель и пределы королевства. Граф уехал, предварительно прокляв правящую чету и предсказав, что Бастилия вскоре падет. Не прошло и десяти лет, как Бастилия была сметена Французской революцией, а король и Мария Антуанетта казнены.

Калиостро вернулся в Италию в 1789 году, поскольку такая психологически напряженная жизнь утомляла даже этого необыкновенного человека. Все чаще жаловалась на усталость и Лоренца. Она мечтала вернуться в свой родной Рим, и супруг уступил ее просьбе. Поначалу граф занимался врачеванием и оккультными науками, но позже заскучал и предпринял попытку создать тайную масонскую ложу египетского обряда. В этом он не видел для себя большого риска, поскольку среди масонов числились очень многие князья церкви. Но Великая французская

революция очень напугала духовенство, и священнослужители стали спешно покидать масонские ложи. Вскоре Папа Римский объявил масонов дьявольской сектой. По доносу Великий Копт и его супруга были схвачены как еретики и колдуны и заточены в замок Святого Ангела. Судебный процесс был долгим. Графа обвиняли одновременно и в магических упражнениях, и в масонской деятельности. Причем инквизиторы долго не могли решить, то ли считать Калиостро настоящим магом, связанным с нечистой силой, то ли лжемагом, то есть мошенником. В результате его обвинили и в том, и в другом. Говорили также, что большую помощь следствию оказала Лоренца, которая давала показания против мужа. Правда, ее саму предательство не спасло: она была приговорена к пожизненному заключению в монастыре, где и умерла, пережив мужа всего на несколько дней. До сих пор ходят слухи, что ее призрак бродит по площади Испании и горько сожалеет о содеянном.

Приговор, вынесенный графу, заставлял вспомнить самое жуткое Средневековье: сожжение на костре. Калиостро воспринял решение суда с редким равнодушием, что впоследствии дало фантастам возможность предполагать, что это был не сам граф, а его искусно сделанный двойник. За час до казни Папа Римский заменил приговор пожизненным заключением. Существует легенда, что сразу после суда в Ватикан явился чужестранец, потребовавший личной аудиенции у папы. Вместо имени он передал понтифику через кардинала-секретаря некое слово. Гостя немедленно приняли, но аудиенция длилась всего несколько минут. Едва чужестранец покинул дворец, папа отдал распоряжение отменить смертную казнь. 7 апреля 1791 года в церкви Санта-Мария состоялся ритуал покаяния, после которого Калиостро препроводили в замок Сан-Лео в горах Тосканы. Здание было построено на вершине огромной отвесной скалы, так что преступников приходилось доставлять в камеры в специальном ящике, при помощи веревок и блоков.

Калиостро провел здесь четыре года. И тут не обошлось без мистики: по свидетельствам очевидцев, он умудрился без каких-либо инструментов превратить ржавый гвоздь в прекрасный стальной стилет. После этого испуганные стражи заковали неутомимого мага в цепи. Сторожить такого заключенного было делом беспокойным. Тюремщикам приказали проявлять особую бдительность. Но четыре года, проведенные в тесном сыром каменном мешке, все же доконали «бессмертного» графа. Великий маг и авантюрист умер 26 августа 1795 года и был погребен без отпевания и креста. Причина его смерти – еще одна загадка. Возможно, к летальному исходу привела пневмония. Но

некоторые источники говорят о яде, подсыпанном тюремщиками. Не исключено и то, что заключенный был попросту задушен охранником по неизвестным истории причинам… За сутки до смерти граф раздал всем сторожам по рукописному экземпляру своего завещания и наказал, чтобы его похоронили в Палермо, в родовом склепе. Через день Калиостро нашли бездыханным, приготовили к похоронам и повезли в указанное место, но по прибытии ни склепа, ни кого-либо, знавшего об этом семействе, не обнаружили.

И последняя загадка. До сих пор никто не знает, где именно похоронен великий авантюрист. Нет абсолютно никаких доказательств того, что могила Калиостро находится в окрестностях Сан-Лео, на кладбище в Палермо или в другом месте. Так, может, граф только сделал вид, что скончался, а сам до сих пор скитается по нашей планете? Ведь слухи, что Калиостро жив и обитает сейчас где-то в Индии или на Тибете, удивительно упорны…

ЛА МОТТ ЖАННА ДЕ

Полное имя – Жанна Сен-Реми Валуа де Ла Мотт; она же графиня де Круа, графиня Гоше, Гаше, Гашетт, Гашер

(род. в 1756 г. – ум. в 1826 г.)

Знаменитая французская авантюристка, прославившаяся как участница одного из самых нашумевших мошенничеств XVIII века с похищением ожерелья французской королевы Марии Антуанетты, описанного в романе А. Дюма «Ожерелье королевы». Жанна де Ла Мотт явилась также прообразом еще одной литературной героини А. Дюма – Миледи (графини де Ла Фер, леди Винтер) из романа «Три мушкетера».

С именем Жанны де Ла Мотт связана одна из самых загадочных тайн-авантюр XVIII века. Похождения таинственной графини начались в Париже, а закончились в глухом крымском городке… История жизни отчаянной авантюристки будто нарочно придумана для увлекательного приключенческого романа. Не случайно о Жанне де Ла Мотт написано множество романов и мемуаров, снято немало фильмов. Так кто же она такая, эта загадочная француженка? Какие злодейства совершила в Европе и почему оказалась в Крыму?

Точная дата рождения Жанны де Ла Мотт, урожденной де Луз де Сен-Реми, неизвестна. По-видимому, это произошло в 1756 году во Франции, в Бар-сюр-Об (правда, некоторые источники указывают на более поздние даты – 1768 год и 1772 год, что маловероятно). С ранних лет девочка была предоставлена самой себе. Есть свидетельства, что будущая героиня многих романов – жизненных и литературных – еще в детские годы овладела множеством способов отъема денег у простофиль всех происхождений. После смерти отца, Жака де Сен-Реми, семилетняя «бедная сиротка из дома Валуа» (так она сама себя именовала) жила милостыней. Сидя на парижской улочке с протянутой рукой, девочка вещала прохожим, что в ее жилах течет королевская кровь. Следует отметить, что Жанна действительно происходила от королевского рода Валуа по одному из внебрачных сыновей Генриха II, который царствовал с 1547 по 1559 год (ветвь этого древнего рода началась еще с

Филиппа VI де Валуа, ставшего королем Франции в 1328 году).

Вероятно, так бы и осталась маленькая Жанна жалкой нищенкой, если бы в ее судьбу не вмешался Его Величество Случай. Однажды богатая маркиза Буленвилье, проезжавшая мимо в карете, заинтересовалась положением бедняжки. Еще бы, далекая правнучка Франциска I просит у прохожих подаяния! Маркиза проверила родословную девочки и отдала ее в пансион, а затем взяла к себе в дом на воспитание. Когда Жанна подросла, ею увлекся муж маркизы. Не желая «платить черной неблагодарностью своей благодетельнице», девушка покинула дом Буленвилье и поселилась в монастыре в Иерре, под Парижем, а потом в аббатстве Лоншан. Отведав тяжелый хлеб попрошайки и проведя какое-то время в доме богатых господ, Жанна усвоила простую истину, которую любила повторять: «Есть два способа выпрашивать милостыню: сидя на паперти церкви или разъезжая в карете». Разъезжать в карете ей, безусловно, нравилось больше. Но в полной мере способности авантюристки развились в Жанне, когда она вышла замуж за жандармского офицера графа Никола де Ла Мотта и, пытаясь угнаться за призраком ускользающего счастья, перекочевала жить в Париж. Было это в конце 1781 года.

С этого времени жизнь графини де Ла Мотт – это сплошные авантюры и приключения. Бросив не слишком удачливого мужа, Жанна познакомилась в столице со множеством интересных людей. Большая часть из них не могла остаться равнодушной к загадочной провинциалке, умевшей красиво подать свой ум и свое тело. Интересно, что вопрос о женской красоте Жанны до сих пор является среди историков довольно спорным. Некоторые из них полагают, что графиня де Ла Мотт была удивительно красива, но есть и такие, кто считает, будто она вовсе не отличалась внешней привлекательностью и красавицей «стала» лишь благодаря легендам. В качестве доказательств последние приводят свидетельства графа де Беньо, который, подробно описывая наружность знаменитой авантюристки, отмечал «прекрасные руки», «необыкновенно белый цвет лица», «выразительные голубые глаза», «чарующую улыбку» и в то же время «маленький рост», «большой рот», «несколько длинное лицо» и какой-то физический недостаток – какой именно, нелегко понять при вычурном слоге автора: «Природа, по странному своему капризу, создавая ее грудь, остановилась на половине дороги, и эта половина заставляла пожалеть о другой…».

Если о внешних достоинствах Жанны де Ла Мотт и сейчас существуют различные мнения, то в том, что она была дьявольски умна, хитра и проницательна, не сомневался никто и никогда. Видимо, именно эти качества характера помогли ей осуществить

хитроумный план, в результате чего она стала обладательницей бриллиантового ожерелья стоимостью 1 миллион 600 тысяч ливров (что являлось поистине баснословной суммой!). В ловко расставленных сетях ее интриги оказались запутанными королева Франции Мария Антуанетта, кардинал де Роган и даже знаменитый маг – граф Калиостро (Джузеппе Бальзамо). Последнее наиболее удивительно, ведь это был тот самый маг и волшебник, который якобы мог читать мысли собеседников, любой металл обращать в золото, проходить сквозь стены и тюремные решетки, а также врачевать любые болезни. Пожалуй, легче перечислить то, чего не умел делать знаменитый итальянец! Так или иначе, он, так же как и остальные участники интриги, сыграл в ней свою роль. В декабре 1784 года ожерелье из 629 бриллиантов, изготовленное ювелирами Бемером и Боссанжем для королевы Марии Антуанетты (по другим источникам, для фаворитки Людовика XV мадам Дюбарри) и оставшееся не выкупленным по причине смерти заказчика, доставили для осмотра в дом № 13 по улице Нев-Сен-Жиль, где проживала предприимчивая графиня. План авантюристки был прост и сложен одновременно – убедить епископа Страсбурга кардинала де Рогана в том, что королева Мария Антуанетта хочет тайно приобрести это ожерелье и его посредничество при покупке будет благоприятно встречено королевской семьей.

Стремившийся восстановить свое положение при французском дворе, Роган колебался недолго. После прочтения писем, якобы написанных королевой (для всемогущего мистификатора Калиостро это было сущим пустяком), и тайного ночного свидания, когда кардинал встретился с одетой как королева проституткой, он согласился приобрести ожерелье у ювелиров, дав обязательство внести плату по частям. Мошенничество было разоблачено, когда настало время первого взноса. Денег у кардинала Рогана не было, и ювелиры обратились непосредственно к королеве, которая крайне удивилась, узнав о «своем тайном желании» приобрести драгоценность. А ожерелье тем временем бесследно исчезло. По некоторым сведениям, оно было разделено и продано по отдельным камням в Лондоне. Так это или нет, доподлинно неизвестно, и дальнейшая судьба бриллиантов окружена тайной.

Жанна де Ла Мотт была уверена, что королевский двор не решится пойти на скандал, в котором окажется замешанной сама королева. Но авантюристка недооценила ярости короля. По его личному распоряжению графиня была схвачена и осуждена. Приговор судейской коллегии из 64 судей, возглавляемых председателем д'Алигра, оказался суров к Жанне: сечь плетьми,

заклеймить как воровку и отправить на пожизненное заключение в тюрьму Сальпетриер. Выполняя решение суда, в 1786 году на Гревской площади в центре Парижа графине де Ла Мотт раскаленным железом выжгли на плече позорное клеймо – бурбонскую лилию. Палач должен был нанести на плечо всего одно клеймо, но графиня рванулась из его рук и лилия смазалась. Тогда, в нарушение всех существовавших законов, было решено клеймить преступницу еще раз, что и было сделано. Второй раз графиня де Ла Мотт даже не шелохнулась, она была без сознания…

Душераздирающей сценой клеймения отчаянной авантюристки Александр Дюма заканчивает свой роман «Ожерелье королевы»: «Жанна, гибкая, как змея, воспользовалась тем, что палач недостаточно крепко держал ее одной рукой, сделала скачок в сторону. Она обернулась и с какой-то фанатичной радостью подставила палачу грудь. Благодаря этому движению роковое орудие, которое должно было коснуться ее плеча, опустилось ей на правую грудь и провело на теле дымящуюся борозду. Жанна содрогнулась всем телом от боли и стыда. Она была побеждена. Из уст ее не вырвалось более ни звука…» Заклейменную родовитую преступницу заключили в Бастилию. По приказу короля был арестован и кардинал Роган. Однако после десятимесячного заключения он был оправдан, как не подозревавший о злом умысле, и сослан в удаленный приход в Оверне. Правда, при этом он утратил возможность появляться в присутствии короля и королевы, лишился всех должностей и званий. Граф Калиостро также недолго оставался в заточении. После того как величайший мистификатор всех времен и народов девять месяцев провел в Бастилии, в 1786 году он был выслан из Франции.

Прошел всего лишь год с момента ареста графини, и та самым непостижимым образом бежала из заточения. По одной из легенд, Жанне де Ла Мотт удалось совершить побег в 1787 году, соблазнив охрану. После этого беглянка быстро покинула территорию Франции и затерялась на просторах Европы. Долгое время о ней ничего не было известно. Лишь через четыре года появились какие-то слухи, что графиня якобы умерла в Лондоне. По некоторым сведениям, великосветская авантюристка покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна своей комнаты. Так, по крайней мере, записано в приходской книге Ламбертской церкви в Лондоне. Арсений Маркевич, председатель Таврической архивной комиссии, писал об этом: «Большинство биографов графини Ла Мотт полагали, что она умерла в Лондоне в 1791 году, упав или бросившись после ночной оргии из окна.

Они основывались при этом на собственноручном ее письме мужу, написанном якобы перед смертью, и на официальном документе, именно метрическом свидетельстве о ее смерти и самоубийстве в Лондоне… У биографа графини де Ла Мотт г-на Бертрена, французского вице-консула в Феодосии, имеется копия этого документа…» Но действительно ли Жанна де Ла Мотт погибла или это был только ловкий ход для того, чтобы заставить всех забыть о себе и зажить спокойной жизнью?

Еще до того как «умереть», графиня опубликовала скандальные мемуары, чернящие французскую королевскую семью. Романтически настроенные исследователи склонны видеть в пламенных речах Жанны де Ла Мотт, произнесенных на суде, и в ее мемуарах сильнейший компромат на королевскую власть, в недалеком будущем приведший к революционным событиям 1789 года. Сложно судить, насколько верно утверждение о том, что Жанна де Ла Мотт изменила ход истории, бесспорно одно – в своей личной судьбе она уж точно произвела коренной перелом.

Дело в том, что некоторое время спустя после смерти 26 августа 1791 года Жанна «воскресла». Ее по-прежнему именовали графиня, но на этот раз де Гаше («вернувшись с того света», Жанна вышла замуж за графа Гаше). Вместе с именем она поменяла и место жительства. Покинув Туманный Альбион, в 1812 году Жанна очутилась в Петербурге, став российской подданной. Вот как описывает графиню Гаше «Русский архив» – обстоятельный солидный журнал тех лет: «Это была старушка среднего роста, довольно стройная, в сером суконном рединготе. Седые волосы ее были покрыты черным беретом с перьями. Лицо приятное с живыми глазами… Многие перешептывались о ее странностях, намекали, что в ее судьбе есть что-то таинственное. Она это знала и молчала, не отрицая и не подтверждая догадок». Таинственной незнакомкой был заинтригован сам Александр I. Крымский исследователь П. В. Коньков, завороженный личностью графини, приводит отрывок воспоминаний мадам Бирх, из которого следует, что император дал загадочной француженке особую аудиенцию: «…На следующий день, в назначенный час государю доложили о ней. Он подошел к графине: “Вы не та, кем называетесь; скажите мне ваше настоящее имя…”» Получасовая беседа графини с российским императором завершилась тем, что буквально на следующий день Жанна отправилась в Крым, присоединившись к группе пиетистов[2].

Это было странное путешествие российских мистиков, новых миссионеров, желавших обратить в христианскую веру крымских мусульман. Инициировала и возглавила мистическое путешествие, начавшееся весной 1824 года на Фонтанке в Санкт-

Петербурге и закончившееся в конце 1830-х на берегу Черного моря, Анна Сергеевна Голицына, урожденная Всеволожская. В ее имении, в Кореизе, и поселилась графиня де Гаше. Там француженка провела конец 1824 – начало 1825 года. Прошло еще немного времени, и жаждущая уединения графиня переехала в Артек. Она обосновалась в одном из старейших на всем побережье зданий. «Чертовый домик», или, как его называют теперь артековцы, «Домик Миледи», был построен в XVII веке местным мастером по обжигу извести и служил ему сторожкой. Там и поселилась «леди с лилией на груди». До сих пор вожатые Артека пугают ребят рассказами о привидениях, обитающих в этом «проклятом доме». К слову сказать, в двадцатых годах XX века здесь проживал заместитель наркома здравоохранения, основатель и первый директор пионерского лагеря «Артек» Зиновий Петрович Соловьев.

Всевозможные мифы всегда преследовали таинственную графиню. Одно из преданий гласит, будто где-то недалеко от современной костровой площадки «Морского» отряда Артека зарыта шкатулка с тем самым знаменитым бриллиантовым ожерельем Марии Антуанетты. Эту легенду местные экскурсоводы рассказывают приехавшим в Крым туристам. И утверждают, что через некоторое время после переезда в Артек Жанна де Ла Мотт разбилась, упав с лошади. В действительности же графиня еще некоторое время жила на побережье и умерла от старости. Это случилось в Старом Крыму, куда неугомонная Жанна перебралась в 1825 году, чтобы купить сад, принадлежащий директору училища виноградарства и виноделия в Судаке барону Александру Карловичу Боде. Осенью барон предложил графине поселиться в домике, который он собирался построить в Судаке, желая приобрести интересного собеседника для себя и опытную наставницу для своей дочери. Однако насладиться радостями жизни на юго-восточном побережье Крыма Жанне де Ла Мотт не пришлось – 23 апреля 1826 года ее не стало. Баронесса М. А. Боде в своих мемуарах воспроизводит слова старой служанки о том, как провела предсмертные часы графиня. Жанна де Ла Мотт уничтожила весь свой архив, запретив трогать тело – «мол, его потребуют и увезут, а при ее погребении неизменно возникнут споры и раздоры».

Споры, конечно же, возникли, потому что, вопреки воле покойной, выполнявшая черную работу армянка обмыла труп и обнаружила на теле госпожи два сморщенных пятна, выжженных железом. Это «открытие» выступило якобы подтверждением личности гостьи баронессы Боде, так как графиня де Ла Мотт, как известно, «…билась в руках палача, но приняла позорное клеймо,

хотя и неявственно». Среди движимого имущества, оставшегося после ее смерти, было несколько шкатулок. Особое внимание окружающих вызывало содержимое одной из них, темно-синей… Как только в столице стало известно о кончине графини Гаше, в Крым сразу же примчался нарочный с предписанием начальника штаба Его Величества барона И. И. Дибича: по высочайшему повелению надлежало изъять из вещей покойной графини темно-синюю шкатулку. В соответствии с этим распоряжением в канцелярии Таврического губернатора завели дело «Об отыскании в имуществе графини Гаше темносиней шкатулки». Поиски велись долго. Шкатулку все-таки нашли, но она была совершенно пуста. Что в ней было, никто так и не узнал. Бумаги, проливающие свет на ту самую интригу, в которой были замешаны первые лица Франции? А может быть, в шкатулке лежало украденное некогда бриллиантовое ожерелье?

Графиней Гаше и содержимым ее шкатулки, так взволновавшей самого императора, заинтересовался историк Р. Белоусов. Он смог добраться и до результатов проведенного в 1826 году расследования: «Обратимся к этому делу, восстановим ход событий. Ночью накануне смерти графиня разобрала свои бумаги, часть из которых, по свидетельству служанки, бросила в огонь. Слух о том, что перед кончиной она будто бы бредила бриллиантами и рассматривала драгоценности, также исходил от служанки, как и рассказ о том, что графиня распорядилась не обмывать ее и похоронить, не раздевая, в чем была одета. Просьбу эту не выполнили и при обмывании обнаружили след клейма…» Долгое время после смерти графини Гаше велись яростные споры о том, кем же была эта француженка – умелым мистификатором или, на самом деле, легендарной Жанной де Ла Мотт? Ведь официальные бумаги свидетельствовали о том, что знаменитая авантюристка давным-давно похоронена в Англии. Уже в 1913 году писатель и философ, член Таврической архивной комиссии, барон Луи Алексис Бертрен (Луи де Судак) создал смешанную франко-русскую комиссию, которая под его руководством доказала, что графиня Жанна де Ла Мотт в действительности похоронена в Старом Крыму, а не в Англии. В итоге тождество графини Гаше с графиней Жанной де Ла Мотт признало даже Французское историческое общество.

Так нашла свое последнее пристанище в Крыму заклейменная авантюристка, похитительница королевских бриллиантов, урожденная Валуа, графиня де Ла Мотт. Где-то на армяно-католическом кладбище Старого Крыма долгое время существовала могила французской графини, будоражившая воображение «черных археологов»: вензель в стиле рококо, ваза с

орнаментом грубой работы, наверху небольшой крест. Могила просуществовала до 1967 года, пока не снесли церковь, возле которой располагалось погребение.

Казалось, теперь-то уж все ясно, и тайна знаменитой авантюристки раскрыта. Нашел, наконец, упокоение и мятежный дух графини. Но не тут-то было. По-видимому, Жанна де Ла Мотт при жизни получила такой заряд авантюризма, что разряды продолжаются уже второй век после ее физической смерти. И уже не жизнь – смерть ее окружена тайной! Вот где еще одна история, достойная пера несравненного Дюма! Дело в том, что бумаги великой авантюристки так и не были обнаружены. Как вообще не было обнаружено содержимое оставшихся после ее смерти шкатулок. Видимо, так же, как кому-то хотелось взглянуть на исчезнувшие бумаги, которые хранила у себя Жанна де Ла Мотт, кому-то очень не хотелось, чтобы их видели. Один из душеприказчиков французской графини феодосийский купец Аморетти в письме от 31 января 1828 года, адресованном французскому консулу в Одессе Шалляусу, выражал надежду: «Дай Бог увидеть скоро конец этой путаницы». Но чаяниям его не суждено было сбыться. Нам, современникам, остается лишь одно: строить догадки, поражаться причудам истории и думать о том, какие еще тайны скрыты под покровом Времени!

ВИДОК ЭЖЕН ФРАНСУА

(род. в 1775 г. – ум. в 1857 г.)

Современники называли Видока «королем риска» и «человеком с тысячей лиц». Он побывал по обе стороны закона: сделавшись легендой преступного мира, впоследствии прославился как основатель французской криминальной полиции (Сюртэ). Если бы судьба этого человека сложилась иначе, он мог бы стать обладателем маршальского жезла. Но, по его собственному признанию, этому помешала любовь к женщинам и дуэлям…

Видок родился 23 июля 1775 года в семье пекаря в Аррасе. По семейному преданию, в тот день шел проливной дождь, и принимающая роды родственница предсказала новорожденному бурную жизнь. Ее слова оказались пророческими.

И мать, и отец очень любили Эжена Франсуа – только по-разному. Отец надеялся воспитать помощника, который впоследствии займет место у печи. А мать просто относилась к сыну с нежностью. Детство его проходило в обычных мальчишеских забавах. Видок часто заглядывался на военных, пропадал у фехтовальных залов, что несколько тревожило

родителей. Склонность к шикарной жизни проявилась в нем довольно рано, когда Франсуа познакомился с компанией молодых бездельников, проводивших все свое время в кафе. Для того, чтобы заработать на мед и пирожные, Видок вместе с братом нередко запускали руку в родительскую кассу. Когда же это обнаружилось, в ход пошли продукты, которые можно было продать, а затем и столовое серебро. Узнав об этом, отец попросил начальника полиции пару недель подержать сына в тюрьме. Выйдя из заключения, Франсуа был полон благих намерений: он собирался вести себя безукоризненно.

Возможно, так бы и случилось, если бы не два обстоятельства. Прежде всего, Видок был честолюбив. И уже в 13 лет мечтал о необыкновенных приключениях. К тому же у него был свой искуситель – один из завсегдатаев таверны по фамилии Пуаян. Он подбивал Франсуа на новые и новые «подвиги», пока не уговорил его взломать родительскую кассу, взять сразу много денег и отправиться на поиски приключений. Этот план был приведен в исполнение, и юный романтик пустился в путь. Он собирался отправиться в Америку, но в порту Остенде был обобран до нитки, доверившись обаятельному незнакомцу.

Оставшись без единого гроша в чужом городе, Видок не впал в отчаяние. Поначалу он планировал устроиться юнгой на корабль, однако во время прогулки увидел странствующий балаган. Директор этого заведения взял его на работу по рекомендации паяца (Видок завоевал его доверие, купив на последние уцелевшие гроши можжевеловой водки). Оказалось, что о выступлениях мечтать пока не приходится. Была только грязная работа, постоянный голод и побои. В конце концов, когда из Видока решили сделать дикаря, пожирающего сырое мясо, он схватил дубинку… Возможно, он сумел бы отплатить хозяину за все, но на помощь прибежала вся труппа, и строптивого артиста вышвырнули на улицу. Располагающая внешность помогла ему найти сочувствие у супружеской пары, выступавшей с театром марионеток. Но и на этом месте Видок не задержался. Причиной стало чрезмерное внимание, которым оделяла молодого ассистента жена хозяина. Дошло до драки, и Франсуа опять оказался на улице. Воспоминания о родительском доме становились все более привлекательными, и Видок решил вернуться в Аррас. Он нанялся к бродячему лекарю, отцу Готье, и вместе с ним пришел в Лилль. Там они расстались, и Франсуа отправился домой. Покровительство матери и заступничество знакомого священника помогли примирению с отцом. Каково же было удивление родителей, когда только что обретенный блудный сын сбежал с актрисой! Для того, чтобы обмануть

бдительность ее мужа, Видок переоделся в женское платье, а горничная выдала его за свою сестру. Обман так и не обнаружился, но молодой любовник скоро надоел женщине, и они расстались.

Вернувшись домой, Франсуа решил поступить на военную службу. Его осанка, умение владеть оружием и бравый вид стали лучшей рекомендацией, и юношу тут же зачислили в егерский полк. На службе он проявил себя с лучшей стороны, и после битвы с австрийцами при Вальми был произведен в капральское звание (в это время ему исполнилось всего 16 лет). Молодой капрал сделал бы в армии блестящую карьеру, если бы не его вспыльчивость. За полгода он дрался на дуэли раз пятнадцать, убил двух противников и в конце концов затеял ссору с унтер-офицером собственного полка. Видок был посажен на гауптвахту и должен был предстать перед военным судом, но не стал дожидаться заседания трибунала. Вместе с товарищем он бежал, снова использовав свои выдающиеся актерские способности. По пути в Филиппвилль им представился случай поправить свое незавидное финансовое положение: неграмотный солдат Божоле попросил их помочь разобраться с ценными бумагами. Дележ был осуществлен быстро. Божоле получил большую часть ассигнаций и вовсе не подозревал, что та кучка, которую взяли за услуги «помощники», составляет львиную долю всей суммы.

В Филиппвилле Видок узнал, что числится в списке дезертиров и подлежит суду. Он оседлал лошадь, прискакал на австрийские позиции и был принят в кирасиры. В наше время это назвали бы изменой родине, однако во Франции подобные инциденты были не в новинку. К чести Видока, он не собирался сражаться против своих, симулировал болезнь и до окончания боев пролежал в госпитале. А затем начал давать уроки фехтования офицерам. Его характер мало изменился, последовала ссора с бригадиром, и Видок был приговорен к двадцати ударам. Это было сильнейшее потрясение, и молодой человек решил снова отправиться на передовую. На его долю выпало немало испытаний. Выдав себя за бельгийца, дезертировавшего из прусской армии, он поступил в кавалерийский полк (из опасения встретиться с бывшими товарищами по оружию). Однажды он все-таки оказался бок о бок со своими старыми сослуживцами, и они рассказали ему об амнистии. Видок с радостью вернулся в 11 полк. Вскоре он был тяжело ранен, и после пребывания в госпитале начальство дало ему шестинедельный отпуск. После возвращения в строй последовало новое ранение, и Видок решил лечиться дома. Начальство не возражало, и он прибыл в Аррас.

Город был охвачен унынием и ужасом. На городской площади установили гильотину. Ежедневно совершались казни. Зачастую осужденные ничего не знали о причине своего ареста. Революционный террор не щадил ни детей, ни женщин, ни стариков. Видок только чудом избежал казни: перед началом дуэли (виновницей которой, конечно же, была женщина) он был схвачен жандармами и брошен в тюрьму. Только заступничество матери спасло его от знакомства с «гуманным» изобретением доктора Гильотена. Видок вернулся в строй, но и там встретился с гильотиной: ее всюду возили за собой солдаты революционной армии, наводя ужас на местных жителей. В конце концов, помогая ограбленной австрийцами семье судовладельца, Видок был ранен (потерял два пальца) и вместе с дочерью хозяина обосновался в Лилле. Дело шло к свадьбе, но невеста изменила будущему мужу с доктором. Франсуа выставил ее за дверь, дав немного денег на дорогу в Гент – к матери. А сам принялся искать утешения. Через некоторое время, скрываясь от ревнивого мужа в женском платье, он был схвачен. Генерал, которому Видок доверил все подробности своего положения, долго смеялся, а затем снабдил его письменным направлением в Брабант и отпустил.

Вместо Брабанта Франсуа отправился домой, в Аррас. Там он сблизился с патриотом Шевалье, сестра которого сделала все возможное и невозможное, чтобы стать женой Видока. Она объявила, что беременна. Выбирать было не из чего: Шевалье мог жестоко отомстить за бесчестье, и Видок женился – в 18 лет. Брак его не был ни долгим, ни счастливым. Новобрачная сразу дала понять, что предпочитает, чтобы муж находился как можно дальше от нее – в Дорнике. Приехав однажды по поручению в Аррас, Франсуа застал жену с любовником. Сцена погони стала достоянием всех соседей. Даже Шевалье не смог ничего сделать для спасения репутации сестры. Видок выполнил поручение и, простившись со всеми, отправился с докладом к генерал-адъютанту в Дорник. Генерала он не застал, отправился вдогонку и некоторое время колесил по стране. Поиздержавшись в пути, Франсуа решил дождаться возвращения генерала в Брюсселе. Там он поселился у знакомой кокотки и стал вести праздную жизнь завсегдатая кафе. Вскоре он стал свидетелем работы компании шулеров. Как человек наблюдательный, Видок сразу понял, в чем дело, и от него предпочли откупиться. Эта «плата за молчание» вместе с деньгами, присылаемыми матерью, позволила ему жить с некоторым шиком. Однажды его задержала полиция. Видок решил скрыть свое настоящее имя (ведь его могли обвинить в дезертирстве) и назвался уроженцем Лилля по фамилии Руссо. Спустя некоторое время его знакомые из брюссельского кафе

снабдили его фальшивыми документами на эту фамилию. Ему выдали свидетельство подпоручика шестого егерского полка, путешествующего верхом и имеющего право на помещение и продовольствие. Таких «офицеров» во Франции того времени было множество. Все они получали из казны полное довольствие, время от времени устраивали себе «повышение» по службе, и единственным ограничением карьеры служил талант каждого конкретного авантюриста. Видок вскоре стал капитаном гусар, познакомился с баронессой. Его непосредственный «начальник» – авантюрист со стажем – предлагал ему жениться на ней, однако Видок не стал пользоваться доверчивостью женщины и открылся ей. Баронесса на следующий день уехала из города, оставив ему в знак добрых чувств шкатулку с пятнадцатью тысячами золотом.

Судьба словно играла с Видоком: вскоре он сам оказался обманут женщиной. Розина опустошила его карманы столь же быстро, как баронесса их наполнила. Дольше оставаться в Брюсселе было невозможно, и Франсуа решил податься в Лилль. Здесь его жизнь не стала спокойнее. Вначале он связался с шайкой воров, затем (снова из-за женщины) оказался в тюрьме. Видок был осужден всего на три месяца, но его сокамерники – Груар и Гербо – изготовили поддельные документы, чтобы освободить еще одного узника, крестьянина Буателя. Когда их преступление было раскрыто, они дали показания, по которым Видок не только являлся их сообщником, но чуть ли не инициатором всей операции. В результате он был приговорен к шести годам каторги. Видок решился бежать при первой же возможности. Франсина – женщина, из-за которой он оказался в тюрьме, – принесла ему трехцветную ленту. Загримировавшись, чтобы походить на инспектора, и украсив лентой пояс и шляпу, Видок покинул тюрьму. У него не было ни денег, ни паспорта. Искать убежища можно было только у Франсины. По недостатку опыта Франсуа и не подозревал, что именно у нее будут искать его в первую очередь. Он вновь оказался в камере, но вовсе не собирался там задерживаться.

За последующие годы Видок испробовал множество способов выбраться из тюрьмы. Он спускался с башни на веревках, сделанных из простыней; проламывал стены; совершал подкопы… И, конечно же, устраивал «спектакли» с переодеванием. Перевоплощался он мгновенно. Стоило только возникнуть малейшей возможности бежать, как Видок ее использовал. Однажды он облачился в одежду монахини, которая ухаживала за ним в лазарете. В другой раз, когда оба конвоира были зачем-то вызваны из комнаты, надел забытую ими шинель, взял одного из арестантов за руку и спокойно вышел за дверь. Он действовал так

уверенно, что все, кто встретился им на пути, даже не усомнились в его статусе. Впрочем, не все побеги были удачными. Один раз узники неправильно рассчитали направление подземного хода, и он оказался затоплен. Чтобы не захлебнуться в воде, пришлось позвать на помощь тюремщиков. В другом случае веревка оказалась слишком короткой, и Видок сильно повредил себе ноги. Тем не менее, он заслужил репутацию человека, который в огне не горит и в воде не тонет. Преступники его уважали, полицейские агенты – боялись и ненавидели. Все их приемы были бесполезны, когда речь шла о короле риска. Чтобы оправдать свои неудачи, они даже распустили слух, что Видок – оборотень, способный на глазах превратиться в копну соломы.

Свое пребывание в тюрьме (а позже – на каторге) Видок использовал весьма плодотворно. Он обучился кулачному бою у знаменитого Жака Гутеля, освоил искусство нищих, способных при помощи самых простых и безобидных средств симулировать любую болезнь, в совершенстве овладел воровским арго. Однако, находясь в самом сердце преступного мира, Видок сумел сохранить и свою волю, и убеждения. Он не хотел становиться закоренелым преступником, окончательно порывать с обществом. Все, чего он добивался, – свободы. И права вернуться на прямой путь. Но как раз в этом ему и было отказано. Клеймо каторжника делало его в глазах общества не человеком, а сильным и опасным зверем, которого необходимо держать на цепи. Но Видок был французом, а во Франции есть поговорка: сможешь все, если будешь уверен, что все сможешь.

Его цель оказалась вполне достижима, хотя путь к ней был долгим и тернистым. Видок был и погонщиком скота, и школьным учителем, плавал на каперском судне. Ему приходилось участвовать в абордажах, когда их корабль захватывал английские суда. Около десяти лет (1799–1809) он существовал почти открыто в качестве торговца одеждой. Однако прошлое висело над ним как дамоклов меч. В любой момент его могли опознать бывшие каторжники. Многие из них, чтобы получить вознаграждение, охотно сдали бы его властям. Другие потребовали бы платы за молчание или – что гораздо хуже – помощи в организации преступлений. В конце концов так и произошло. Но Видок нашел выход из положения. Он не стал скрываться, а предложил свои услуги властям. Поначалу его действия были крайне осторожными – несколько анонимных писем о готовящихся преступлениях. Затем он отважился появиться в приемной шефа первого отделения полиции префектуры Парижа господина Анри. И предложил ему сделку. Видок брал на себя обязательство очистить Париж от

преступности. Взамен он просил простить все его прошлые проступки и обеспечить средствами его самого и своих помощников – бывших заключенных. Анри был в растерянности. С одной стороны, еще не было случая, чтобы расследование правонарушений доверили каторжнику. Но с другой – Видок, знавший преступный мир изнутри, был единственным человеком, который действительно мог справиться с этой задачей. Дело решилось в пользу новоявленного сыщика. И вскоре на улице Святой Анны открылась контора Сыскной полиции.

Поначалу в распоряжении Видока оказалось всего четыре помощника. Но даже такая небольшая группа вызвала бурю недовольства со стороны горожан, окрестивших ее «бандой Видока». Уголовный мир также не обрадовался такому назначению: ведь энергия нового главы сыска и его целеустремленность была прекрасно известна в этой среде. Опасения преступников оказались не напрасными. Видок ухитрялся справиться имевшимися в его распоряжении силами даже в тех случаях, когда официальная полиция в страхе отступала. Он нередко отправлялся на задержание в одиночку, и его репутация стоила поддержки целого взвода полицейских. Одним из самых знаменитых расследований Видока было дело о похищенных из Лувра драгоценностях. Новый глава сыска предложил господину Анри выпустить из тюрьмы наиболее знаменитых скупщиков краденого, а служащих музея на время заменить карманниками: их наблюдательность могла сослужить хорошую службу. Принятые меры привели к поимке преступника – графа де Руссильона. После этого дела Луи Филипп высочайше даровал Вид оку помилование.

Постоянно балансируя между жизнью и смертью, Франсуа, тем не менее, не ожесточился. Однажды во время задержания знаменитого вора Саблена у его жены начались преждевременные роды. Нимало не смутясь, Видок сказал перепуганной женщине и ее мужу: «Уверяют, что Людовик XIV принял роды у мадам де Вольер. Могу вас заверить, что сумею и я принять роды у мадам Саблен». Мать предложила Видоку стать крестным отцом мальчика, и он из своего кармана оплатил соответствующую церемонию. Анекдот? Вероятно. Но он не мог возникнуть, будь на месте главы криминальной полиции другой человек.

В новой роли Видок выступил так же талантливо и артистично, как и во всех предыдущих. Он часто прибегал к маскировке, появляясь на улицах Парижа то в обличье водопроводчика, то в женской одежде. Безбоязненно проникал в воровские притоны, где его принимали за своего – но не узнавали. Острый ум, хладнокровие, фотографическая память и

умение действовать в самых сложных обстоятельствах сделали его постоянным поставщиком парижских тюрем. К его услугам была широкая сеть осведомителей. Кроме того, Видок стал первым сыщиком, догадавшимся вести картотеку преступников. В каждой карточке значилось имя, количество судимостей, была описана внешность. В архиве насчитывалось около пяти миллионов таких карточек, и их количество постоянно увеличивалось. Все это сделало работу криминальной полиции (Сюртэ) чрезвычайно эффективной. Только в течение 1817 года было произведено свыше 800 арестов, а в среднем подразделение Видока (состоящее к тому времени уже из 12 человек) раскрывало более 100 преступлений в год.

Не забывал он и о личной жизни: в 1720 года женился на Жанне Виктуар Герен, тридцатилетней вдове. Правда, через четыре года ее не стало, как и матери Видока. Он тяжело переживал эти потери, но работа отнимала столько сил и времени, что приносила хотя бы иллюзию утешения. А через некоторое время Франсуа связал свою судьбу со своей кузиной – Флерид Альбертин Монье, которая стала ему настоящим другом и помощником.

Семнадцать лет отдал Видок сыску. За эти годы за решетку попало около 20 тысяч преступников. Однако с назначением нового префекта полиции – Делаво – атмосфера сильно изменилась. Новый шеф не желал, чтобы криминальная полиция состояла из одних уголовников, требовал от Видока совершенно невероятных вещей. Например, чтобы его сотрудники регулярно посещали церковь… Понимая, что под таким руководством ему будет невозможно спокойно работать, в 1827 году Видок подал прошение об отставке. Как бы в отместку за несговорчивость, ему не предложили пенсии, ограничились только благодарственным письмом и компенсацией в размере трех тысяч ливров. В ответ Видок сжег списки осведомителей и увел с собой всех своих сотрудников. Позже, во время Июльской революции 1830 года и восстания 1832 года о Видоке вспомнили как о последней надежде. И он вернулся в Париж с горсткой своих подчиненных, делая все возможное и невозможное для поддержания порядка на улицах. И, может быть, не таким уж преувеличением были слова о том, что именно Видок и его сотрудники спасли королевство. Но все это было позже. А пока бывший глава криминальной полиции решил сменить обстановку.

После ухода из Сюртэ Видок перебрался в деревенский дом в Сент-Манде и принялся писать мемуары. Издатель Тентон тут же купил их, и к славе сыщика добавилась серьезная писательская известность. Тут же появились подделки – якобы продолжение

записок Видока. От соблазна не смог удержаться даже его издатель, что заставило Видока отстаивать свои интересы в суде. Впрочем, литературные труды – далеко не единственное времяпровождение бывшего начальника тайной парижской полиции. Он открыл фабрику по производству бумаги с водяными знаками, пригласив в качестве рабочих бывших каторжников. Затем создал частное детективное агентство («Бюро расследований в интересах торговли»), которое составляло нешуточную конкуренцию полиции. В связи с этим Видоку приписывают фразу: «Я очистил столицу от воров, которых в ней было видимо-невидимо, теперь могу очистить от мошенников торговлю». Вскоре отделения его бюро появились в городах провинции и даже за рубежом. Его услугами пользовались коммерсанты, банкиры, промышленники – люди богатые, и вскоре доход Видока стали исчисляться миллионами. Он занимался расследованием преступлений на самом высоком уровне, часто затрагивая интересы крупных мошенников. На него покушались, пытались подавать в суд. Дважды (в 1837 и 1842 гг.) отправляли в тюрьму. Так, в 1842 году, расследуя дело афериста Шемпе, Видок сумел убедить его вернуть потерпевшим деньги в обмен на свободу. Но вскоре Шемпе был арестован полицией, которая обвинила Видока в превышении полномочий и в том, что он якобы… похитил самого афериста. Самое удивительное, что Шемпе не только подтвердил это обвинение, но и подал на Видока в суд. Его приговорили к пяти годам тюрьмы и пяти годам строгого надзора, а также к штрафу в три тысячи франков. Но после повторного расследования дела сыщик был оправдан.

Видок каждый раз выходил из схватки победителем. Единственный противник, над которым он был не властен, – это время. Силы его постепенно истощались, хотя он пережил уже очень многих близких людей, в том числе свою третью жену. Однако его деятельная натура оставалась еще полной идей. Видок посетил Лондон, где вел переговоры о создании организации «Всемирное расследование» (прообраз нынешнего Интерпола).

Во время революции 1848 года Видок полностью разорился. Он отошел от дел и удалился в свое поместье. Вскоре бывший сыщик оказался за чертой бедности, и только тогда власти выделили ему небольшое ежемесячное пособие в размере 100 франков. В апреле 1857 года восьмидесятидвухлетнего Видока разбил паралич. Он еще надеялся, прикоснувшись к земле, восстановить свои силы, но этого не случилось. После десятидневной агонии Видок скончался. Франция лишилась одного из величайших людей своего времени.

Благодаря своей выдающейся биографии и не менее выдающейся личности Видок вошел не только в историю криминалистики, но и в литературу. Он послужил прототипом бальзаковского Вотрена и героя романа Гюго «Отверженные» Жана Вальжана. А Эдгар По написал свои знаменитые рассказы под впечатлением от прочитанных им мемуаров Видока. С появлением кинематографа было снято множество фильмов об этом человеке: черно-белый «Видок» Жана Кемма (1922), «Скандал в Париже» Дугласа Серка, совсем недавно снятый «Видок» Питофа. И, видимо, интерес к его жизни угаснет не скоро – разве что тогда, когда исчезнет сам дух авантюризма.

МАСТЕРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТРИГИ

АНКУДИНОВ ТИМОФЕЙ ДЕМЕНТЬЕВИЧ

(род. в 1617 г. – ум. в 1654 г.)

Будучи сборщиком налогов, этот авантюрист растратил великокняжескую казну. Сбежав за границу, выдал себя за Василия Шуйского, сына царя Ивана. Как «престолонаследник», заручился поддержкой Польши, Рима, Стамбула, Швеции. Его арестовали в Голштинии, затем передали в Москву, где он и был казнен.

У подавляющего большинства людей жизнь проходит тихо, без больших потрясений и бурь. Что может рассказать о своей жизни скромный обыватель? Родился, крестился, женился, потом – дом, работа и все! Но есть люди, жизнь которых похожа на занимательный авантюрный роман: одно событие нагромождается на другое, да так, что иногда даже не верится, что это правда. С трудом можно вообразить, что за 36 лет жизни можно поменять не только свое имя, но и 4 (!) религии, 8 стран проживания и высоких покровителей. И все это, заметьте, в XVII веке. Оказывается, можно! Знакомьтесь – Тимофей Дементьевич (Демидович) Анкудинов, авантюрист и самозванец.

Впрочем, происхождение его было самое заурядное, семья – не бедной, но и не очень зажиточной. Отец – Дементий Анкудинов, из стрельцов, занимался мелкой торговлей. Покупал по окрестным деревням холсты и полотно, а потом в Вологде сбывал их московским купцам. В сыне родители души не чаяли, мальчик рос красивым и смышленым, и отец определил его на учение в школу при Пафнутьевском монастыре. Способный ученик, Тимофей быстро научился всей школьной премудрости – читать, считать и красиво писать. К тому же он оказался музыкально одаренным юношей, обладал хорошим слухом и прекрасным голосом. Как первый ученик, он не мог не обратить на себя внимание высшего церковного начальства. Отец Нектарий, вологодский архиерей, взял его себе в келейники. Тимошка, великолепно исполняя секретарские обязанности, стал правой рукой у престарелого владыки. Более того, вскоре отец Нектарий за него выдал замуж свою любимую внучку Авдотью Васильевну.

Юноша стремительно поднимался по социальной лестнице – родня самому архиерею, да и неплохое приданое принесла молодая красавица жена. «Внук» столь знаменитого дедушки

вовсю пользовался данными ему привилегиями. А когда старик заболел, Тимофей фактически взял дела епархии в свои руки. На официальных бумагах появилась подпись: «Тимофей Анкудинов, наместник архиерея Вологодского и Великопермского».

Но в 1636 году отец Нектарий умер, и так хорошо начавшаяся карьера Тимошки резко приостановилась. Новый архиерей, как это часто бывает, начал пристраивать к делу своих людей, поэтому «команду» бывшего владыки ощутимо потеснили. Не стало места здесь и двум закадычным друзьям – Тимошке Анкудинову и дьяку Ивашке Патрикееву. Патрикеев, вольный как ветер, подался в Москву, где и устроился в одном из приказов, а Тимофей, связанный семьей, остался в Вологде. Праздная жизнь богатого человека скоро ему наскучила. Анкудинов – натура деятельная, ищет, чем себя занять, и вскоре находит занятие по вкусу – кабаки, продажные женщины, азартные игры. За два года было промотано все состояние, а между тем в семье родился ребенок. Тимофея это отрезвило, и он решил с семьей перебраться в Москву, где уже устроился его друг Патрикеев. За прошедшие два года Иван стал дьяконом при князе Черкасском в приказе Новой Чети. Сюда же он устроил и Анкудинова писцом. Приказ занимался очень прибыльным делом – собирал налог за продажу спиртных напитков с великокняжеских кабаков и трактиров.

Работать Тимошка мог, когда хотел. Князь Черкасский заметил старание молодого писаря, ставшего вдруг таким необходимым. За три года работы в приказе Анкудинов вырос до сборщика денег и хранителя казны. В семье тоже установился мир – к тому времени Тимофей Дементьевич (как его теперь почтительно все называли) был уже отцом двоих детей. Младшему сыну он выбрал крестными своих сослуживцев – писца Ивана Пескова и дьяка Василия Шпилькина.

Но достигнув благосостояния, Тимофей опять заскучал и решил разнообразить свою правильную жизнь азартными играми и посещением увеселительных заведений. Денег на это уходило все больше, поэтому скоро приказной казной он стал распоряжаться как собственной. Неизвестно, сколько это могло бы продолжаться, но в приказ вскоре прибыла ревизия во главе с боярином Морозовым. А в казне к тому времени был уже большой недочет. В те суровые времена с растратчиками царских денег не церемонились, казнокрадам рубили правую руку и сажали в тюрьму. В тюрьму Тимошка не хотел, а деньги уже потрачены, и за короткое время честным путем их не заработать. Тогда Анкудинов выдумал небольшую легенду и пошел с ней к своему куму Василию Григорьевичу Шпилькину. Он поделился с другом

своим горем: приезжает из Вологды богатый купец, его давний приятель. Они давно не виделись, и хочется Тимофею показать себя с самой лучшей стороны, какой он стал богатый и уважаемый человек. Одно плохо: у жены нет дорогих украшений, поэтому он и просит Василия одолжить ему для супруги жемчужный воротник и другие украшения, которые завтра же будут возвращены владельцу. Шпилькин не только на словах посочувствовал бедолаге, он поступил как настоящий друг, дал украшения. А назад их отдавать никто не торопился. Кум долго напоминал Анкудинову о долге, потом не выдержал и пожаловался князю Черкасскому. На княжеском суде Тимошка нагло все отрицал и требовал доказательств: расписки или долгового поручительства. Ничего этого у Василия, естественно, не было, и за неимением доказательств Анкудинова отпустили, а Шпилькин поклялся отомстить бывшему другу.

Украденные драгоценности не залатали все дыры в казне, да и жена все время упрекала за кражу. Тимофей стал опасаться, как бы она во время исповеди не рассказала все священнику. И тогда Анкудинов решился на страшное преступление.

В то время он познакомился с обедневшим польским шляхтичем Константином Конюховским, таким же пройдохой, как и он. Тимошка посвятил его в свои планы, и они вдвоем решились их исполнить. Анкудинов отдал младшего сына под присмотр крестного отца Ивана Пескова, под предлогом того, что едет с женой по святым местам. Авдотье же своей покаялся в грехах, который раз пообещал исправиться. Глубокой ночью, забрав все ценное, он поджог дом вместе со спящей женой. Теперь все нити были обрезаны, и осенью 1643 года Тимофей Анкудинов пустился в «свободное плавание».

От пожара сгорела почти вся улица, опознать останки не было никакой возможности, и соседи решили, что все Анкудиновы погибли в огне. А в это время Тимофей с Конюховским уже был у польской границы. В придорожном кабаке, недалеко от Витебска, беглецам улыбнулась удача. Здесь остановился следовавший на родину немецкий купец Миклаф. Приятели еще раньше приметили его породистого брабантского коня, и пока Тимошка развлекал купца интересной беседой, подливая в кубки вина, его напарник вывел жеребца из конюшни. Конь оказался воистину золотым, в седельных сумках было спрятано 2000 талеров – вся выручка купца от торговли с Московией. Миклаф не поленился, вернулся назад в Москву и в Тайном приказе описал грабителя. Словесный портрет очень напоминал приказным дьякам Анкудинова, и тогда в его смерти засомневались, тем более, что ревизия обнаружила в казне

огромную недостачу.

А беглецы тем временем спокойно добрались до Польши. Для Речи Посполитой это время было не самым лучшим: волнения в Украине, шведское вторжение и последствия затяжной войны с Россией. К тому же не оправдались надежды польского короля Владислава на российский престол. Он уже представлял себя с российскими скипетром и державой в руках, но Поляновский мир 1634 года одним из своих пунктов перечеркнул эти мечты напрочь. Поэтому польский король с радостью пользовался любой возможностью, чтобы досадить восточному соседу. И Тимошка, по совету Конюховского, решил теперь именоваться Иоанном Шуйским, сыном умершего великого князя Василия Ивановича Шуйского. Его не смущало, что Василий Иванович детей не имел, да и его два брата – Дмитрий Иванович и Иван Иванович не оставили потомства мужского пола. Не смущал этот факт и короля Польши. Владислав милостиво принял «престолонаследника», обещая ему свою поддержку во всех начинаниях. «Нам ведомо, что он вор, но через него я принесу много хлопот Московии», – парировал король возражения приближенных по поводу самозванца. А пока Анкудинову был предоставлен дом в Варшаве, «4 пары коней, 2 крытых возка для пользования, 10 жолнеров для стражи, 6 пахолков для услуг и 3000 злотых в месяц на содержание». Два года для господина и его слуги, которого играл верный Конюховский, прошли совсем незаметно. Снова женщины, карты, вино… Но идиллия, к сожалению, не может продолжаться вечно. Владислав умер, не успев воспользоваться услугами Лжешуйского, а новому королю Яну Казимиру было не до Анкудинова. Он отказал в выдаче Тимошке очередной суммы содержания. Опыт пройдохи подсказывал, что ловить здесь больше нечего, пора искать других покровителей.

Мошенники отправились в Едигульские орды к хану Девлет-Гирею. Со своей легендой они стремились попасть к турецкому султану. И чтобы доказать ему свою лояльность, Анкудинов принял мусульманство. Наконец, при содействии Крымского хана, они попали в Стамбул, ко двору султана. Умел очаровывать людей Тимошка, в этом ему не откажешь. Его басням о высокородности поверил Великий визирь. «Иоанн Шуйский» пообещал турецкому хану Астрахань с пригородами, если тот поможет ему с войском. В это время Османская империя расширялась, и предложение авантюриста звучало очень заманчиво. Пока султан раздумывал, как ему лучше к этому делу приступить, Анкудинов совсем потерял голову. Легкие победы вдохновляли его на безумные выходки. Однажды напившись, он

проник в гарем любимца султана Мухамеда Киуприли, что считается в мусульманском мире очень большим оскорблением. Но, видимо, под счастливой звездой родился Тимофей, судьба и на этот раз дала ему уйти от неминуемой смерти.

Далее «путешественники» отправились в Италию: сперва в Венецию, а потом в Рим. В 1648 году в очередной раз, третий по счету, наш герой поменял религию. Мусульманство в Италии не ценилось, и чтобы понравиться очередному покровителю, на сей раз папе Иннокентию X, Анкудинов принял католичество. Папе подошел инициативный «царевич», и он удовлетворил просьбу «Шуйского» о Конгрегации, поручив проповедовать унию в Украине.

Поэтому Анкудинов и Конюховский в 1649 году перебираются в Украину к казацкому предводителю Богдану Хмельницкому, который в то время находился в Переяславе. Тимошка и здесь, естественно, отрекомендовался Иоанном Шуйским со слугой. Очевидцы отмечали: «Льстивыми речами он добился того, что стал Хмельницкому мил и любезен, и обращались с ним здесь хорошо». Гетман в это время набирал силу, принимал многочисленные посольства: польское от Яна Казимира во главе с Адамом Киселем, посольство из Трансильвании от князя Дьердя Ракоци, русское – от молодого царя Алексея Михайловича во главе с Унковским.

Русское посольство преподнесло Анкудинову неприятный сюрприз. Среди посольских людей оказался Тимошкин знакомый – дьяк Иван Козлов. Они, конечно, узнали друг друга. Не зная всех Тимошкиных махинаций, Козлов предложил мошеннику вернуться на Родину и с повинной прийти к Алексею Михайловичу. Молодой царь недавно женился и поэтому очень милостив, он легко сможет простить недостачу в своей казне. Анкудинов поблагодарил друга за заботу и участие, но, увы, домой ехать не спешил.

Простодушный Козлов рассказал о своем заблудшем товарище Унковскому, и тот навел справки у самого Хмельницкого. Услышанное его ошеломило: мало того, что прохвост выдает себя за отпрыска царской фамилии, так он еще и посягает на царский престол! Посол немедленно потребовал у гетмана выдачи Анкудинова и отправил срочную депешу в Москву. Богдан Хмельницкий самозванца выдавать не спешил: «Вам его надо, вы и ловите, а я своих казаков на такое дело не дам!» Но 22 апреля 1650 года король Ян Казимир отправляет Хмельницкому письмо, в котором среди прочего приказал выдать по просьбе российского посольства «самозванца Тимофея Анкудинова, который называет себя царевичем Иваном, внуком

Василия Шуйского». Понимая, что тучи над ним сгущаются, Тимошка грозы ждать не стал и в одну из ночей тихо отбыл в одном ему известном направлении.

Тем временем царь Алексей Михайлович приказал разослать во все посольства указ о поимке Тимошки Анкудинова. Немецкому купцу Миклафу, как человеку, знавшему самозванца в лицо, был выдан открытый лист на его поимку в случае встречи.

Тем временем бывший казначей расширил географию своих похождений. С верным Конюховским он отправился сперва в Австрию, в Вену. Однако как Анкудинов ни старался, там никто на его чары не среагировал, и мошенник решил пробираться в Трансильванию к князю Ракоци, о котором он много слышал от послов еще у Богдана Хмельницкого. В 1650 году Анкудинов прибыл в столицу князя город Вейсенбург, представляясь, как всегда, Иваном Шуйским. Еще раньше, когда при дворе турецкого султана Тимошка услышал, что Швеция стремится к союзу с Ракоци против России, у него созрел план дальнейших действий. Самозванец здраво рассудил, что у шведской королевы «престолонаследника» примут очень сердечно. Осталось только у Дьердя Ракоци взять рекомендательные письма – и в путь.

Правившая в то время Швецией королева Кристина, дочь Густава II Адольфа, была личностью неординарной. Время ее царствования называют «золотым веком» шведской аристократии, щедрой рукой королева раздавала титулы своим любимцам – достойным и не вполне достойным. В начале ее царствования в Швеции насчитывалось 4 графских и 9 баронских родов, в конце – 76 титулованных дворянских фамилий. Помимо этого, Кристина была экстравагантным для своего времени человеком. Терпеть не могла женское общество, обожала мужскую одежду, скачки, охоту, собак и хорошее вино, окружала себя умными и оригинальными людьми.

Анкудинов как раз очень хорошо вписывался в систему ее предпочтений, тем более что при нем были рекомендательные письма Ракоци. Не только королева, но и влиятельный канцлер Оксеншерна были очарованы «Иваном Шуйским». Кристина своим повелением назначила ему «дом для помещения, обед со своего стола, 10 человек прислуги и 5000 талеров в месяц». Для Анкудинова и Конюховского снова наступили прекрасные времена. Тимошка, чтобы угодить государыне, в очередной раз поменял религию – теперь он стал лютеранином. «Царевичу» было обещано самое деятельное содействие при занятии престола.

Но все хорошее очень быстро заканчивается. В Стокгольм прибыли русские торговцы и опознали Анкудинова. В Москве

купцы сообщили об этом в Тайный приказ, и в Швецию был отправлен дьяк Иван Козлов с депешей для королевы Кристины, в которой указывалось: «Дошло до сведения Его царского Величества, что некий русский, к большому ущербу для Его царского Величества именующий себя родным сыном царя Василия Ивановича Шуйского (не оставившего, однако, никакого мужского потомства) и называющий себя Iohannes Sinensis, явился в Стокгольм; поэтому желательно, чтобы, ради соседственной дружбы, означенный Лжешуйский был выдан этому их посланному». Кристина, ознакомившись с депешей, пришла в ярость и повелела схватить обманщика. Но Анкудинов узнал о грозящей ему опасности и испарился буквально из-под носа королевских посланцев. На этот раз он убегал так быстро, что в спешке не успел забрать своего друга Константина Конюховского. Шляхтича поймали, заковали в кандалы и отправили в Москву. Тимошка же в это время убежал в Лифляндию. Но удача, похоже, окончательно отвернулась от авантюриста. Оскорбленная королева Кристина со своей стороны тоже начала искать Анкудинова. В Ревеле Тимошка был схвачен и заключен под стражу именно по ее розыскному письму. Но в тюрьме самозванец томился недолго. Губернатор Ревеля оказался между двух огней: два монарха разыскивают мошенника, выдай его одному, другой обязательно обидится. Не желая испытывать судьбу, он потихоньку освободил заключенного.

Свободу Анкудинов получил, но сохранить ее теперь было очень нелегко, ведь за ним уже началась настоящая охота. Русский царь Алексей Михайлович разослал ко всем европейским королям и князьям своих послов с розыскными грамотами. Тимошка уже нигде не мог чувствовать себя в безопасности и, как заяц, петлял по всей Европе, пытаясь запутать следы. Рига, Мемель, Вертенберг, Голштиния, Брабант… Вот неполный перечень тех мест, где он пытался скрыться от правосудия. В целях безопасности мошенник не всегда назывался Иваном Шуйским. В Брабанте он гостил у эрцгерцога Леопольда, а в Тильзите и Лейпциге со странствующей труппой фокусников «показывал силу». Наконец, Анкудинов прибыл в Голштинию, в город Нейштадт – владения герцога Голштинского Фридриха II, где всегда было много купцов и другого торгового люда. И надо же было такому случиться, что в это время в Нейштадте находился и немецкий купец Миклаф. Неизбежное произошло – купец опознал вора. Его заключили в ратушу, но все еще могло обойтись, однако здесь оказался новгородский купец Петр Микляев, посланный к немецким князьям и монархам с царскими розыскными грамотами. Самозванца доставили в княжескую

резиденцию – Готторп и стали держать до особых распоряжений.

Алексею Михайловичу сразу же доложили о поимке Лжешуйского, и тот немедленно направил гонцов к его светлости князю Шлезвиг-Голштинскому со следующим посланием: «В минувшем 1644 году – по московитскому календарю 7152-м – обокрали нашу царского величества казну Тимошка Анкудинов да Костька Конюхов, которые от наказания смертною казнью бежали из земель нашего царского величества в Константинополь и там приняли мусульманство. Так как они и там совершили злые поступки, то они вновь бежали от наказания смертной казнью и прибыли в Польшу и Литву, вызвали смуту у государей и находились в войске запорожских казаков у генерала Федота [Богдана] Хмельницкого, который обоих вышеназванных наших воров и изменников, по приказанию великого государя Иоанна Казимира, нашего брата, короля польского, должен был схватить… Однако воры и изменники наши бежали в Рим и приняли там латинскую веру, а затем бежали к другим государям, затевая у них смуту и переменив имена свои. Один из них, Тимошка, называл себя Шуйским, а в иных местах Sinensis'ом, Костька же выдавал себя за его слугу. Оба появились и в шведском королевстве, где их узнали наши купцы из Новгорода и иных городов…позже он в Голштинии, в Нейштадте, был схвачен и брошен в темницу. Поэтому мы и послали к вашей любви с нашего царского величества письмом посланника Василия Шпилькина с несколькими из наших подданных, чтобы вы указали передать ему означенного нашего изменника и переслать его нам». Два раза русский царь посылал это послание голштинскому князю – 31 октября 1652 года и 5 января 1653 года. Тексты обоих посланий были идентичны, но во втором была маленькая приписка, что за выдачу изменника «…наше царское величество, в свою очередь, окажем вашей любви всякую услугу, когда в этом будет необходимость». Фридрих II очень долго, почти год раздумывал, как бы повыгоднее обменять своего пленника. 17 октября 1653 года русский государь в третий раз попросил выдать пленника, и голштинский князь наконец выдал Анкудинова в обмен на несостоявшийся договор о позволении торговать с Персией и Индией через русские земли.

Все это время сидел в Нейштадте и Василий Григорьевич Шпилькин – по иронии судьбы сопровождать пленника поручили именно ему. Однажды бывшим друзьям было разрешено свидание в присутствии знатных придворных князя. Анкудинов с важным видом выступил навстречу посетителям, попросил, чтобы говорили с ним на «сарматском» языке. На вопрос Шпилькина о Тимофее Анкудинове он ответил: «…весьма возможно, что

негодяй по имени Тимошка Анкудинов и обокрал казну великого князя, но его лично это не касается, так как его имя Iohannes Szuensis, по-сарматски – Шуйский». Позже в особой записке для князя о своей родословной он напишет: «Родился я и воспитан в некоей части королевства Польского, в провинции Новгород-Северской, вотчинник я в Украине Северской, где у меня собственные именья “Великое Болото”, близ московитской границы». Словом, Тимошка сам развлекался и герцога потешил.

Наконец самозванца повезли домой, в Москву. Анкудинов понимал, что от царя пощады не будет, поэтому два раза покушался на самоубийство. Оба раза неудачно, его жизнь для дознания берег Шпилькин. Доставили Тимошку в разбойных дел приказ, где на дыбе стали выяснять его личность. Полгода проводилось царское дознание. Анкудинов упорно именовал себя Иваном Шуйским. К нему приводили бывших коллег-писцов, купца Миклофа, Василия Шпилькина, кума Ивана Пескова и даже родную мать. Но ни многочисленные очные ставки, ни пытки не смогли вырвать у него признаний. Царю надоело слушать доклады об упрямстве самозванца, и он приказывает казнить его четвертованием – обычной казнью для преступников такого рода.

В августе 1654 года на площади перед Кремлем Тимофею Анкудинову прочли приговор и потом мучительно казнили. На казнь привели его друга и сообщника Константина Конюховского. Он покаялся во всех грехах, поэтому ему оставили жизнь и только отрубили три пальца на левой руке, а не на правой, чтобы он смог креститься, затем отправили на каторгу в Сибирь.

Остается добавить, что в день казни Анкудинова приехал из Польши посланник к русскому царю. И на аудиенцию его провели специально через место казни самозванца, чтобы вся Европа потом знала, что с Лжешуйским покончено.

Д’ЭОН ДЕ БОМОН ШАРЛЬ ЖЕНЕВЬЕВА

Полное имя – Шарль Женевьева Луиза Августа Андре Тимоти д’Эон де Бомон

(род. в 1728 г. – ум. в 1810 г.)

Французский дипломат, посланник при дворе русской императрицы Елизаветы Петровны, капитан драгун, тайный агент короля Людовика XV Д’Эон считался непревзойденным мастером интриги, великолепным фехтовальщиком и стрелком, бесшабашным и удачливым дуэлянтом, одаренным литератором. Об этом удивительно талантливом человеке, сыгравшем большую роль в заключении русско-французского договора и написавшем интересные заметки о России, долгие годы ходило множество самых невероятных слухов. Личность уникальная даже в перечне наиболее известных авантюристов Европы: он прожил 82 года, причем в течение 48 лет считался мужчиной, а 34 – женщиной…

Родился знаменитый авантюрист 5 октября 1728 года в

городе Тоннере. В документах значилось, что в семье де Бомон появился наследник, соседи также были уверены в том, что новорожденный – будущий шевалье. Но один из биографов д'Эона де Ла Фортейль заявлял, что на самом деле речь шла о девочке, которую, по странной прихоти родителей, записали в акте как мальчика. Соответственно этому ее одевали и воспитывали с пеленок. Тот же биограф объяснял подобную «оригинальность» семьи де Бомон просто: мол, отец, желавший непременно иметь сына, думал этим отомстить обманувшей его природе. Но существует и более правдоподобное объяснение: родители ребенка могли лишиться какого-то наследственного поместья в том случае, если у них не родился бы мальчик. Тогда они, недолго думая, решились на подлог, выдав новорожденную дочь за сына. К тому же часть имен, полученных д'Эоном, явно женские, а часть давалась как женщинам, так и мужчинам. Но ведь наряду с этим среди имен младенца числятся и типично мужские! И вообще, в католических странах существует обычай, по которому новорожденных при крещении нарекают именами их крестных родителей. При этом различия полов в расчет не берутся. На заявления самого авантюриста надеяться также не приходится: в разное время он утверждал как свою принадлежность к прекрасной половине человечества, так и к сильному полу – с равным жаром и убедительностью.

Как бы там ни было, воспитывали юного отпрыска дворянского рода в традиционной манере: растили достойного продолжателя рода, способного постоять за себя в жизни. Едва выйдя из детского возраста, он был отослан родителями в Париж, в коллегию Мазарена, где проявил недюжинные способности к наукам, пытливый ум и прекрасную память. Позже юноша был переведен в юридическую школу, по окончании которой получил степень доктора гражданского и канонического права. Еще в детстве у д'Эона проявился литературный талант, и позднее он написал несколько томов заметок, историко-статистических очерков и очерков своей жизни; его обширная переписка способна не прояснить ситуацию относительно его принадлежности к одному из полов, а еще больше запутать исследователей.

Но мирный литературный труд не удовлетворял эту кипучую, деятельную натуру. Так что вскоре юный шевалье приобрел громкую известность как один из самых сильных и опасных дуэлянтов во всей Франции. Но окружающих всегда удивлял внешний вид этого острого на язык драчуна: при всей своей воинственности д'Эон удивительно походил на хорошенькую девушку. На размышления наводили прекрасные белокурые волосы, томные светло-голубые глаза, нежный цвет лица, на

котором не было и намека на растительность. Добавьте к этому портрету небольшой рост, гибкую и стройную талию, маленькие руки и ноги, нежный голос и изящные манеры – и вы поймете, почему у его современников возникали сомнения по поводу принадлежности шевалье к мужскому полу. Ведь его внешность как нельзя более подходила великосветской даме-аристократке!

Аргументы в пользу своей мужественности д'Эону неоднократно приходилось предъявлять обидчикам в виде удачного удара шпаги или меткого выстрела. Но злые языки не оставляли его в покое: умный и обаятельный поэт не увлекался женщинами… Только в 26 лет д'Эону было суждено испытать чувство любви – его покорила очаровательная и остроумная графиня де Рошфор. Это увлечение шевалье стало поворотным моментом в его жизни. Однажды графиня, любившая розыгрыши, убедила Шарля пойти с ней на один из придворных маскарадов, переодевшись в женское платье. Юная «прекрасная незнакомка» вызвала неподдельный интерес у мужской половины собравшихся и зависть у женщин. Естественно, что на «фальшивку» клюнул и сам король, отличавшийся большой любвеобильностью. Он стал настойчиво проявлять интерес к «юному созданию», а когда узнал о своей ошибке, то был сначала ошарашен, а затем пришел в восторг.

В то время расстроились и без того не слишком стабильные отношения с русским двором. Охлаждение дошло до того, что Людовик вынужден был отозвать из Петербурга своего посла. Франция стала все острее ощущать невыгоды своего отчуждения от России. Так что перед французскими дипломатами остро стоял вопрос если не восстановления отношений с дочерью Петра Великого, то хотя бы получения обстоятельных и достоверных сведений о положении дел при ее дворе. Но каким образом это осуществить, если прекращены все отношения между обеими сторонами? Отправить в Россию тайных агентов? Но один из них уже схвачен, объявлен шпионом и отправлен в заточение в Шлиссельбургскую крепость. Стоит ли рисковать вновь, посылая к Елизавете еще кого-то? Людовик XV все-таки решился на новую попытку восстановления дружественных отношений с Россией. К этому времени своенравная императрица несколько поостыла, а ее фаворитом стал страстный поклонник Франции граф Шувалов. Людовик предположил, что Елизавета может не препятствовать появлению в Петербурге нового французского посольства, но все же боялся получить унизительный для своей страны отказ. Тогда он и вспомнил о встрече на маскараде. Но прежде решил поговорить с принцем Конти, мечтавшем о польском престоле и мнившем себя поэтом. Это последнее его заблуждение как раз и

поддерживал шевалье д'Эон, частенько помогавший высокородному поэту отыскать капризную, ускользающую от него рифму. Принц пришел в восторг от идеи коронованного родственника послать в Россию этого элегантного и утонченного дуэлянта в женской одежде. Но решающей все же стала поддержка авантюрного проекта фавориткой короля, знаменитой маркизой Помпадур: она на собственном опыте знала все преимущества, которые имеет красивая женщина в вопросах влияния на государственные дела.

Людовик планировал отправить в Петербург одного из сторонников падшей династии Стюартов, кавалера Дугласа Маккензи. Этот шотландец, изгнанный из Великобритании, проживал в Париже и был известен как ловкий, умный и проницательный человек. Но Маккензи для выполнения миссии был необходим помощник: главная задача, стоявшая перед ним, заключалась в установлении контакта с самой Елизаветой. Так что с шотландцем нужно было отправить человека, который, не вызывая подозрений, мог бы беседовать с императрицей с глазу на глаз. Больше всего на эту роль подходила женщина, но надежной дамы-агента у Людовика просто не было. Так что кавалер д'Эон, обаятельный, артистичный, умный и вместе с тем способный при необходимости исчезнуть, вновь переодевшись мужчиной, оказался находкой для французского монарха. К тому же шевалье был человеком верным и искренне преданным королю.

Итак, Дуглас Маккензи должен был отправиться в Россию под видом частного лица, путешествующего с поручением относительно закупки мехов. Кроме того, шотландец мог при необходимости выдавать себя за ученого геолога. Д'Эон должен был изображать его племянницу. Этой паре поручили собрать сведения о положении в России, о состоянии армии и флота, об отношении к самой императрице разных придворных партий. Маккензи предписывалось составлять очень короткие, отрывочные заметки об увиденном и систематизировать их после возвращения во Францию. Инструкции, полученные от короля, были написаны с большими сокращениями и очень мелким шрифтом, так что вместе с условным шифром поместились в тайнике между стенками обычной табакерки. От д'Эона требовалось войти в контакт с императрицей, узнать о ее чувствах к Франции и о том, не будут ли ее министры препятствовать установлению прямого контакта с Людовиком. Кроме того, шевалье должен был выяснить, на какие партии разделяется русский двор, какие лица пользуются особым доверием дочери Петра, поддерживает ли Елизавета венский и лондонский

кабинеты, насколько большое влияние имеют ее фавориты на министров.

Итак, д'Эон в облике девицы Луизы де Бомон приехал в Петербург. Он выглядел великолепно, вызывая живейший интерес мужского населения: за счет принца Конти его снабдили в дорогу всеми принадлежностями роскошного дамского гардероба. Принц недаром проявил такую щедрость: и он сам, и французский монарх надеялись на брак Конти с Елизаветой. В случае отказа предполагалось, что агент должен добиться передачи принцу командования над русскими войсками либо закрепления за ним Курляндии.

Несмотря на всю таинственность посольства, вскоре по Парижу расползлись слухи о посылке французского шевалье в Россию под видом девицы. Что касается миссии Маккензи, то она была не слишком удачной: английский посол Вильямс Генбюри каким-то образом узнал о цели его приезда и устроил так, что шотландцу был перекрыт доступ ко двору русской самодержицы. Однако озадаченный англичанин писал в своих донесениях, что «секретные интриги Дугласа» все же нарушили отношения Петербурга и Лондона. Дело в том, что Вильямс посчитал проделки д'Эона интригами упрямого шотландца… Агенты Бестужева-Рюмина вскоре выследили Маккензи и выслали его из России. Но представителям «вражеского» дипломатического лагеря оставалось лишь недоумевать: сколько же шотландец успел натворить им неприятностей за столь короткий визит!

«Племянница» Маккензи, которая называла себя Луизой де Бомон (кстати, это правда, – посмотрите на полное имя шевалье!), действительно сыграла большую роль в деле сближения России с Францией. Прямым подтверждением этого факта может служить одно из писем Людовика XV, в котором он говорил о степени влияния этой «барышни» на решения Елизаветы Петровны. О том же говорится и в письмах графа Воронцова, вице-канцлера российского двора, откровенно симпатизировавшего Франции. Девица Бомон, «племянница» Дугласа, была представлена ему первому. Позднее она добилась возможности переговорить с влиятельным вельможей с глазу на глаз. Игривое настроение Воронцова, вполне оправданное столь недвусмысленной встречей, быстро улетучилось, когда очаровательная гостья извлекла из своего корсета зашитое туда письмо Людовика XV. Красавица деловито объяснила опешившему графу, что ей поручено передать его светлости это послание и образец шифра для составления сообщений посреднику французского двора. Кроме того, необходимо, чтобы Михаил Илларионович представил ее Елизавете Петровне, потому как в обязанности девицы Бомон

входит передача лично в руки императрице сочинения Монтескье.

Книга эта была особенная: ее переплет состоял из двух листов плотного картона, между которыми были спрятаны письма Людовика XV с секретным шифром. Переплет был обтянут телячьей кожей, края которой затем подклеили бумагой с мраморным рисунком. После того как том полностью собрали, его на сутки положили под пресс. В результате никакой специалист не мог даже предположить, что книгу использовали в качестве тайника. Поручение, данное девице Бомон, должно было оставаться тайной не только для версальских министров, но и для французского посланника при русском дворе. Ведь д'Эону поручили проверить все сообщения французского министерства иностранных дел относительно сведений, полученных в Петербурге. При этом его обязали сопровождать все пересылаемые документы своими личными комментариями.

Так или иначе, но, представленный ко двору, д'Эон блестяще справился с поставленной перед ним задачей. Он умудрился настолько войти в доверие к своенравной самодержице, что вскоре был объявлен ее чтицей и поселен во дворце, рядом с апартаментами государыни. Ловкая и обаятельная «барышня» завоевала расположение Елизаветы, которая под влиянием бесед со своей любимицей написала Людовику XV письмо дружеского характера. В нем высказывалось согласие принять дипломата, который предоставит ей основные условия заключения союза Франции и России. Правда, миссия, возложенная на д'Эона принцем Конти, оказалась все же неудачной: Елизавета отклонила его предложение о браке. На просьбу назначить принца главнокомандующим русских войск также был дан вежливый, но категорический отказ. Мечты Конти о Курляндии оказались столь же безжалостно разбиты. Уязвленный, он отошел от дел, уступив место старшему королевскому секретарю по иностранным делам де Терсье. Д'Эон, получив из рук императрицы письмо к своему монарху, отправился обратно в Париж. Людовик принял своего агента очень благосклонно.

В следующий свой визит в Петербург авантюрист оказался облаченным уже в мужское платье. Правда, при дворе русской государыни невероятное сходство секретаря посольства и мадемуазель де Бомон, возвратившейся во Францию, вызвало поначалу недоумение и нездоровый интерес. Тогда д'Эон объявил, что Луиза – его родная сестра, они близнецы, которых в детстве путали даже их собственные родители.

С назначением Маккензи поверенным по делам Франции и д'Эона – секретарем посольства в Петербург прежняя политика государства Российского круто изменилась. Елизавета разорвала

заключенный ранее стараниями Бестужева-Рюмина договор с Англией, открыто приняла сторону Австрии против Пруссии, отправила войска, расположенные в Лифляндии и Курляндии, на соединение с австрийскими и французскими войсками. Правда, возникли и некоторые трудности. Дело в том, что Австрия и Франция традиционно считались защитниками Турции. Россия же не желала налагать на себя союзнические обязанности по отношению к своему исконному врагу. И если представители Австрии сразу же выразили согласие заключить с Елизаветой новый наступательный и оборонительный союз, применимый в равной степени и к Турции, то Франция не спешила присоединиться к нему. Тогда Дуглас предложил некую полумеру: новый договор не являлся обязательным в отношении Турции, но эта особая статья должна была оставаться в глубокой тайне.

В Версале подобное двоедушие было принято весьма неблагосклонно. Тогда на выручку послу пришел д'Эон. Он использовал доверие Елизаветы к себе и подключил к решению проблемы Шувалова – решительного противника политики Бестужева. В результате спорный вопрос был решен в пользу Франции. И снова Шарль-Луиза отправился в дорогу. На этот раз он должен был доставить в Версаль подписанный Елизаветой договор и план кампании против Пруссии. Копия плана была им доставлена также маршалу д'Этре в Вену. Людовик остался очень доволен и в качестве благодарности за услуги пожаловал своему агенту чин драгунского поручика и золотую табакерку со своим портретом, усыпанным бриллиантами.

По словам самого авантюриста, в это же время он добыл в одном из самых секретных архивов империи, в Петергофе, копию с так называемого завещания Петра Великого. Эту копию и свою записку о положении дел в России он передал двум лицам: Людовику XV и министру иностранных дел аббату Бернесу. То, что данный документ был не слишком ловким подлогом, не вызывает никаких сомнений. Об этом свидетельствует стиль изложения, говорящий о том, что завещание не могло быть написано не только самим Петром, но и вообще русским. Но вот авторство д'Эона здесь бесспорно. Вполне вероятно, что ловкий авантюрист мог решиться мистифицировать даже французского монарха, чтобы показать свою значимость как удачливого дипломата. Ведь риск подобного предприятия сводился к минимуму, так как не было никакой возможности проверить подлинность «украденной» копии. Да и король не мог предать огласке этот не слишком честный поступок своего доверенного лица. В бумаге, доставленной д'Эоном в Париж, значилось, что,

согласно воле Петра, Россия должна была находиться постоянно в состоянии войны. Все войны должны были служить территориальному увеличению империи. Управление русской армией Петр будто бы требовал передать иностранцам. В общем, весь документ свидетельствовал о захватнической политике России, которая должна была в итоге покорить всю Европу, распространить свое влияние до Константинополя и Индии, завладеть Турцией, разорить и захватить Францию.

Конечно, сочинить «завещание» д'Эону было не так уж и сложно. Некоторые из пунктов документа могли быть просто позаимствованы из той политики, которой государство Российское в действительности придерживал ось со времен Петра. Остальные же могли быть плодом фантазии реального автора «завещания». Но кабинет министров Франции счел планы, изложенные в документе, фантастическими. Тем не менее, д'Эона снова отправили в Петербург, где в начале 1758 года место Бестужева занял граф Воронцов. Благодаря его дружбе и доверию шевалье получил от Елизаветы предложение навсегда осесть в России. Но д'Эон отказался от такой чести и в 1760 году уехал на родину. Принять такое решение его заставили проблемы со здоровьем, среди которых числилась и болезнь глаз, требовавшая серьезного лечения у лучших врачей. С собой он увозил продленный русско-французский договор и морскую конвенцию, заключенную между Россией, Данией и Швецией. По возвращении шевалье был удостоен личной встречи с Людовиком XV и назначения приличной ежегодной пенсии. На время с дипломатией было покончено, и д'Эон в качестве адъютанта маршала Брольи принял участие в военных действиях.

Наступали тяжелые для Франции времена: в результате переворота 28 июня 1762 года на российском престоле оказалась Екатерина II. Вслед за этим Россия вышла из Семилетней войны, что ускорило поражение французов. Тогда Людовик задумал способствовать реставрации правления Стюартов и возрождению Ирландии. И д'Эон получил назначение секретаря при посольстве в Лондоне. Его обязанностью была добыча сведений, полезных для армии Людовика. О его миссии должны были знать только трое: король, его личный секретарь и глава Тайного отдела. На сей раз информация, полученная от агента, держалась в секрете даже от мадам де Помпадур, доверие к которой со стороны монарха дало серьезную трещину.

Шевалье д'Эон по приезде в Лондон был принят королевой Софи-Шарлоттой. Его встретили весьма любезно и предоставили комнату во дворце. Но через несколько месяцев маркиза Помпадур через своих шпионов узнала о поручении, данном

Людовиком д'Эону. Могущественная фаворитка обиделась на короля и решила отомстить… агенту. Случай открыть тайные военные действия вскоре представился. В Лондон был направлен новый посол, граф де Герий, друг маркизы. Вскоре после своего прибытия он потребовал от д'Эона передачи доверенных ему королем бумаг и немедленного отъезда шевалье во Францию. Но Шарль-Луиза взбунтовался и отказался покидать берега Туманного Альбиона без прямого распоряжения Людовика XV. Тогда министр иностранных дел Франции, еще один друг мстительной фаворитки, прислал письмо, подписанное королем, с тем же приказом. Интуиция, видимо, была сильной стороной д'Эона: он не подчинился предписанию, а вечером того же дня Людовик тайной запиской потребовал от своего агента впредь до особого распоряжения оставаться в Англии, так как дома его ожидают неприятности.

Вскоре к д'Эону был подослан некий де Вержи, мелкий служащий. Ему было приказано выкрасть у шевалье тайные бумаги. Попытка подсыпать агенту снотворное за ужином провалилась. Тогда в квартире француза была взломана дверь и произведен тщательный обыск, который также не увенчался успехом. Следующий приказ, исходивший от мадам Помпадур, де Вержи исполнять отказался: он не хотел оказаться причастным к убийству. Молодой человек отправился к своей потенциальной жертве и все рассказал. Д'Эон укрылся у друзей.

В это же время шевалье стал любовником королевы, и однажды ночью, в 1771 году, столкнулся в ее спальне с Георгом III, закатившим супруге безобразнейший скандал. Сложно сказать, чем могла бы обернуться эта семейная сцена, если бы не вмешательство церемониймейстера Кокрейля. Он объяснил королю, что ничего предосудительного в этом случае не могло иметь место, так как на самом деле очаровательный француз – девица, тайный агент Людовика XV, уже в течение нескольких лет носящая то мужское, то женское платье. Георг решил разузнать правду у своего посла во Франции. Кокрейль же, известив королеву о том, что он сообщил ее супругу, посоветовал своей госпоже послать письмо французскому королю. Людовик был весьма озадачен, получив из Англии сразу два послания. Из затруднительного положения ему помогла выйти новая фаворитка, принявшая сторону королевы Шарлотты. Георг, получивший сообщение о том, что д'Эон действительно женщина, сразу же сделал его достоянием гласности. Сам шевалье был весьма раздосадован этими слухами. Возвратившись во дворец, он вызвал всех сомневающихся в том, что он мужчина, на дуэль. Английский король, не избавившийся от подозрений, тут же

принял решение о разрыве отношений с Францией. Людовик, не ожидавший такого поворота дел, вынужден был обратиться к д'Эону с просьбой признать себя дамой. Шевалье не мог отказать в помощи своему патрону, тем более что в данном деле оказалась замешана честь королевы Англии. Но Георг заявил, что женщина обязана носить приличествующее полу платье. Д'Эон взбунтовался, между ним и Людовиком завязалась ожесточенная переписка. Вопрос неожиданно решился в сентябре, когда до француза дошли сведения о том, что ревнивый супруг сделал все, чтобы превратить жизнь Шарлотты в ад. Но шевалье все же потребовал компенсации за моральный ущерб: он выговорил себе денежное вознаграждение, которое французский двор был обязан выплачивать ему в течение 21 года, а также восстановление всех его должностей и званий. В том случае, если его требования не выполнялись, он грозил опубликовать тайную переписку между Людовиком и русской императрицей.

Окончательные переговоры было поручено провести Бомарше, который должен был изъять у строптивца бумаги, из-за которых могли оказаться разрушенными отношения с Россией. Но и здесь не обошлось без анекдота: драматург и не подозревал, что имеет дело с капитаном драгун, и после недолгою знакомства, очарованный умом и внешностью «собеседницы», предложил д'Эону руку и сердце. Слух о предстоящем браке быстро разнесся по Лондону, окончательно успокоив Георга. Во Франции же лично знавшие шевалье люди сначала покатывались со смеху, а после впали в некоторую задумчивость. Сразу всплыли все сплетни и подозрения насчет этого человека, так что многие хмурились: «Да кто его знает…» И действительно, неужели мог ошибиться такой любитель женщин, как Бомарше? А может, именно он и оказался прав?

Сам же д'Эон получил указ переодеться в женское платье. Но в благодарность за самопожертвование и спасение отношений между Англией и Францией королева Мария Антуанетта взяла на себя обязанность снабдить шевалье всеми принадлежностями женского гардероба, пошитыми у лучшей столичной модистки. И тут д'Эон вдруг заявил, что он в действительности является женщиной! Этот плут настолько запутал современников, что никто уже не мог с уверенностью утверждать, к какому же полу принадлежит шевалье. Тем более что позднее он начал жаловаться на не приличествующую настоящему мужчине одежду. Но отныне и до конца своей жизни бывший дипломат и военный будет вышивать, ткать, наносить румяна… Так пройдут последние 34 года его жизни. Правда, после смерти Людовика XV он обратился к его преемнику с просьбой отменить указ бывшего

монарха. В ответ последовал новый заказ модистке. Получив обновы, шевалье вновь сменил курс и стал утверждать, что природа наделила его женским телом, но одарила храбростью настоящего мужчины. Тут же он вспомнил о Бомарше, который покушался на «ее девичью честь».

После революции вновь на смену кокетливой барышне пришел бравый вояка, ополчившийся против юбок и косметики, но… Вместо того, чтобы помочь несчастному, революция отобрала у него пенсию, назначенную королем. Теперь жизнь бывшего дипломата стала совсем безрадостной. Ему оставалось потихоньку распродавать некогда прекрасную библиотеку и зарабатывать жалкие гроши, давая уроки фехтования.

Этот человек, столь озадачивший современников, умер 10 мая 1810 года, немного не дожив до своего 82 дня рождения. После его смерти врачи произвели осмотр и вскрытие тела, заявив, что загадочный шевалье был драгунским офицером. Но похоронили его все же как нищую старуху, поскольку у д'Эона была только женская одежда.

МИРАБО ОНОРЕ ГАБРИЕЛЬ РИКЕТИ ДЕ

(род. в 1749 г. – ум. в 1791 г.)

Один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Великой французской революции, народный трибун. Современники не могли говорить о нем равнодушно: его либо ненавидели, либо боготворили. Русская императрица Екатерина Вторая отзывалась о Мирабо так: «Он не единой, но многие виселицы достоин», а толпа парижан называла его «отцом народа». После свержения монархии он стал фактически двойным агентом. Некоторые лидеры революционного движения догадывались об этом, но не имели прямых доказательств. Знаменитый трибун успел умереть до разоблачения. Он стал первым из великих людей, похороненных в Пантеоне, и первым, кто покинул его.

Оноре Габриель Рикети, граф де Мирабо родился 9 марта 1749 года в замке Биньон в Провансе. Он был старшим среди 11 детей в богатой аристократической семье. Его отца, знаменитого экономиста маркиза Виктора Рикети де Мирабо, по праву считали одним из наиболее просвещенных людей своего времени. Наряду

с Кенэ и Мерсье де ля Ривьером он стал основателем такого знаменитого направления буржуазной политэкономии, как физиократическое учение. Матерью будущего трибуна была Мария Женевьева, урожденная де Вассан. Родители наделили ребенка глубоким умом и буйным нравом. Маркиз и его супруга буквально ненавидели друг друга на протяжении всей своей жизни и вели нескончаемую имущественную тяжбу, так что громкие семейные скандалы были обычной обстановкой в замке, где прошло детство Оноре.

Мальчик родился с физическим недостатком – искривленной ногой. Когда ему было три года, в Провансе свирепствовала эпидемия оспы. Ребенок заразился, болезнь протекала очень тяжело, и родители уже привыкли к мысли о том, что их нелюбимый первенец скоро умрет. Но случилось чудо, ребенок выжил, на всю жизнь сохранив напоминание о страшной болезни – изуродованное лицо. Правда, окружающие довольно быстро привыкали к внешней непривлекательности молодого Мирабо, поскольку ее с лихвой искупали красивые блестящие глаза и необычайная подвижность и выразительность лица. Характер у него был действительно сложным: порывистый, своенравный и вспыльчивый. Но при этом ребенок проявлял такую жажду знаний, упорство в труде и гибкость мышления, что домашние преподаватели, обучавшие Оноре, приходили в полный восторг от способностей своего ученика. Его наследственный непокорный и упрямый характер был основой всех конфликтов мальчика с родителями. Виктор Мирабо с ранних лет возненавидел своего отпрыска, буквально преследуя его. Сын платил отцу той же монетой. Когда Оноре исполнилось 10 лет, в дневнике маркиза появилась запись: «Это – чудовище в физическом и нравственном отношении, все пороки соединяются в нем».

Ребенок рос, скандалы принимали все больший размах, ив 1764 году отец поместил Оноре в военную школу, надеясь обуздать его нрав. При зачислении маркиз запретил сыну называться своим настоящим именем и записал его как Пьера Бюффье. Но четыре года муштры не утихомирили буйного наследника не менее норовистого отца. Под тем же вымышленным именем Оноре после окончания школы попал в полк. Здесь он вел весьма беспорядочную жизнь и умудрился за короткий срок наделать массу долгов. Вдали от родительского дома в полной мере проявилась склонность молодого человека к авантюризму и необузданная страсть к удовольствиям. Внезапно он сбежал с места военной службы, спасаясь от кредиторов и обманутой им девицы. Известия, полученные маркизом о разгульной жизни старшего сына, вызвали у него взрыв

негодования. Он добился особого разрешения и отправил непутевого отпрыска под стражу в крепость на острове Рэ. Это заключение стало началом длительного скитания Оноре по тюрьмам и яростной многолетней борьбы между отцом и сыном. Конфликты чаще всего происходили из-за денег: маркиз был очень богат, но при этом патологически скуп и долги наследника оплачивать не торопился. Не одобрял старый аристократ и бесконечные любовные похождения Оноре, из-за которых тому пришлось оставить военную службу.

Из заключения буйный молодой человек смог выбраться, выразив готовность немедленно отправиться в военную экспедицию на Корсику. Оттуда он вернулся уже в чине капитана драгун, но образ жизни менять решительно не собирался. Правда, между несением службы и веселыми похождениями он все же умудрился выкроить свободное время и написать «Историю Корсики». Это вызвало новый виток напряженности в отношениях с отцом. Маркиз уничтожил книгу, едва она попала к нему в руки, поскольку написанное в ней шло вразрез с его собственными философскими и экономическими взглядами. Но был в этом эпизоде жизни Оноре и положительный момент: отец наконец-то заметил, что его сын обладает большими умственными способностями и талантом экономиста и политика. Спустя некоторое время, обуздав свою гордость, Виктор де Мирабо сообщил юноше, что согласен на примирение и готов дать ему шанс завоевать уважение родителей. В дальнейшем он всячески старался привлечь молодого человека на сторону своих экономических теорий. Так, маркиз внезапно выразил желание вернуть наследника домой, где поручил ему управление своими поместьями, и настоял, чтобы сын вновь принял имя Мирабо.

Казалось, жизнь Оноре потихоньку начала входить в спокойное русло. А в 1772 году он познакомился с Эмилией Мариньян, богатой наследницей, и по совету отца вступил с ней в брак. Но семейная жизнь Оноре оказалась неудачной. Его сын, Виктор, который мог бы удержать семью от развала, умер вскоре после рождения. Отныне супругов ничего не связывало – ни общность интересов, ни взгляды на жизнь. За короткое время молодой Мирабо промотал большую часть состояния жены и наделал долгов на 120 тыс. франков. Разъяренный маркиз в 1774 году добился, чтобы не оправдавшего его надежд сына сослали на жительство в захудалый городишко Маноск. Здесь, лишенный возможности вести разгульную жизнь, ставшую уже привычной, молодой бунтарь написал свое первое большое печатное сочинение. В нем он высказал серьезные смелые взгляды на государственное управление и проблемы, связанные с

содержанием постоянной армии. Книга продемонстрировала не только глубокий и гибкий ум молодого аристократа, но и его обширные исторические знания.

В это время до Мирабо доходят слухи об оскорблении, нанесенном его сестре, г-же де Кабри. Возмущенный дворянин самовольно покидает место принудительного поселения, чтобы сразиться с обидчиком на дуэли. Но вернуться назад в Маноск Оноре не успел: стараниями собственного отца он был арестован и заточен в замок Иф. С этого времени жена оставила Мирабо, отказалась встречаться с ним и не отвечала на все просьбы супруга о примирении. Вскоре новый заключенный превратился в настоящую головную боль для тюремщиков, затем он соблазнил жену начальника замка. После такого скандала Мирабо перевели в крепость Жу, но заключение здесь разительно отличалось от предыдущего. Ограничение свободы в Жу было для него чисто формальным, так что Оноре имел прекрасную возможность поддерживать отношения с аристократическим обществом соседнего городка Понтарлье. Попытки примирения с отцом, предпринятые Мирабо, успехом не увенчались, маркиз упорно отказывался освободить его. Впервые в жизни будущий трибун ощутил, что он покинут всеми.

От ощущения одиночества его спасла встреча с женой старого маркиза де Моннье, Софией. Оноре, влюбленный как никогда ранее, убедил ее бежать с ним в Швейцарию. Оттуда пара переехала в Голландию, где Мирабо предложили работу переводчика с английского и немецкого. Кроме того, беглец подрабатывал написанием статей. Здесь же он создал еще один свой трактат, в котором выразил протест против государственной тирании. Но над головой влюбленных уже сгущались тучи. Оскорбленный в своих чувствах, де Моннье выдвинул обвинение против сбежавшей супруги. По решению суда ее объявили в розыск. К тому же отец самого Мирабо не желал успокаиваться и вновь натравил на него полицию. Вскоре влюбленные были схвачены, Софию заточили в монастырь, где ей предстояло оставаться до конца жизни. Что же касается Оноре, то его отправили в Венсеннскую тюрьму. Ослепленный жаждой мщения, де Моннье подал на него жалобу в парламент, и на очередном заседании Мирабо был приговорен к смертной казни, хотя такая мера наказания в отношении его была незаконна: София сама, добровольно последовала за любимым за границу, так что ни о каком похищении речь не шла.

Исполнение приговора все время откладывалось, и таким образом в тюрьме Оноре просидел три года. Поначалу заключенному не позволяли писать, но вскоре предоставили ему

бумагу и чернила, оговорив при этом, что все написанное будет обязательно просматриваться полицией. В эти годы из-под пера Мирабо вышли письма к Софии, несколько романов, политических трудов и очерков. Свободу необузданный аристократ получил только накануне своего тридцатилетия. Он все же сумел добиться отмены смертного приговора и даже возложить на де Моннье, по чьей милости и был осужден, все судебные издержки.

Вскоре, в 1783 году, Оноре пришлось отстаивать свои права на еще одном судебном процессе, затеянном женой, который завершился не в его пользу. Тогда же Мирабо принял участие в тяжбе между собственными родителями. Дело разбиралось в парижском парламенте, где бунтарь столь яростно ополчился на существующий строй, что вскоре после выступления вынужден был покинуть Францию. Оноре вернулся в Голландию, где познакомился с госпожой де Нера, оказавшей ему внимание и поддержку в трудные минуты жизни. Мирабо очень привязался к этой сильной и уравновешенной женщине, разделявшей его убеждения. Несколько позже он усыновил ее ребенка от первого брака.

В 1784 году этот ярый сторонник государственных преобразований переехал в Лондон, где был принят в лучшее политическое и литературное общество. В Париж он возвратился спустя еще год, а уже в 1786 году его с тайным поручением послали в Пруссию. Мирабо должен был составить отчет о впечатлении, произведенном смертью Фридриха Великого, составить мнение о его преемнике и подготовить почву для займа. Поручение это было выполнено блестяще, министр Калонн получил от посланника 66 писем, которые содержали интересные наблюдения, остроумные выводы, сатирические очерки. Королю Вильгельму II Оноре также отправил письмо с советами относительно необходимых государственных реформ. По возвращении во Францию неутомимый борец за идеи издал брошюру, в которой горячо нападал на Калонна и Неккера. Видимо, именно из-за этого Мирабо не выбрали в собрание нотаблей и вынудили уехать в Тонгр. Там он выпустил еще несколько брошюр, ставших впоследствии основой для знаменитой Декларации прав.

В Провансе уже получивший известность оратор принял участие в первом собрании аристократов своего округа. Однако к заседанию было решено допускать только дворян, имеющих поместья; тогда Мирабо обратился к третьему сословию, поддержав его требование об отмене сословных привилегий. Его нелицеприятные отзывы о высших кругах общества послужили

толчком к обретению им бешеной популярности. Вскоре Оноре Рикети был избран представителем на собраниях нескольких крупных городов и стал одним из авторитетнейших вождей революции. Народ его почти боготворил и беспрекословно ему подчинялся. Мирабо принимал деятельное участие в Учредительном собрании, в разработке Декларации прав человека и гражданина, Конституции. Несмотря на свои реформистские наклонности, трибун на протяжении всей своей жизни оставался убежденным монархистом. Он считал, что правительство является гарантом общества от анархии, обеспечивает безопасность и стабильность общественной и политической жизни государства, охраняет собственность и свободу граждан. Но для этого необходимо, чтобы правительство было сильным, что, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если правительственная линия соответствует требованиям большинства населения. Как раз это условие во Франции и не выполнялось: между политической системой Людовика XIV и французским народом пролегла настоящая пропасть. Мирабо утверждал, что единственный выход из создавшегося положения – преобразование всей системы. Этот избранник народа обосновывал необходимость снятия ответственности с короля, возложения ее на министерства и назначения министров из среды депутатов.

Трибун пользовался огромной популярностью в среде радикальных парижских революционеров, однако сам при этом стремился занять министерский пост, чтобы способствовать укреплению королевской власти и сдержать нарастание революционной анархии. В то же время Мирабо выступил на королевском заседании с краткой, но очень веской и убедительной речью, в которой потребовал от собрания не подчиняться распоряжению доверенного лица монарха и, во избежание расправы за неповиновение, декретировать неприкосновенность своих членов. Популярность Оноре после этого выступления становится беспрецедентной. В начале июля 1789 года он предложил королю потребовать удалить иностранные войска, угрожавшие столице, одновременно указав ему на необходимость создания собственной национальной гвардии. Однако все это не привело к желаемому. А после смут в Париже, последовавших за взятием Бастилии, Мирабо выступил с яростным протестом против насилия, которое, по его мнению, могло только запятнать свободу. Он утверждал, что общество попросту распалось бы, «если бы толпа приучилась к крови и беспорядкам, приучилась ставить свою волю выше всего и бравировать законы». В конце июля Мирабо также добивается

запрещения перлюстрации писем, хотя Робеспьер и высказал свои возражения по этому вопросу. Оноре убеждал общественность и в пользе выкупа церковной десятины, считая ее субсидией, которая может помочь выплачивать жалованье должностным лицам. Слово «жалованье» тогда было не в чести, но противникам пришлось проглотить его после знаменитой фразы трибуна: «Я знаю только три способа существования в современном обществе: надо быть или нищим, или вором, или получать жалованье». Декларация прав была, фактически, детищем Мирабо, но он настаивал, чтобы окончательная ее редакция была отложена. Оноре считал, что этот документ должен составить первую главу Конституции, так что вначале нужно выработать ее основные положения, иначе декларация может противоречить содержанию остальной части документа. Это требование повлекло за собой серьезные нападки на трибуна, которого обвинили в том, что он хочет, чтобы собрание принимало противоречащие друг другу решения.

Тем временем в стране царили анархия и голод. При дворе начали готовить контрреволюционное выступление. Мирабо, как никто другой, понимал опасность разрушения старого строя прежде, чем будут созданы прочные основы нового. Он надеялся привлечь на сторону преобразований двор, тем самым связав воедино все партии. При этом трибун предлагал двору вполне конституционный образ действий. Реформатор представил также проект учреждения министерства, находящегося в прямом подчинении у собрания и включающего в ряды служащих всех наиболее выдающихся деятелей. В конце концов ему удалось наладить постоянную тайную связь с королевским двором. С 1790 года Мирабо регулярно передавал Людовику записки, в которых предлагал планы спасения монархического строя во Франции. По его мнению, для этого было достаточно признать новую Конституцию, разумно руководить общественным мнением через газеты и сплотить вокруг себя армию. Король, в свою очередь, оценив старания трибуна, обязался взамен оказываемых услуг погасить все долги Мирабо (более 200 тыс. франков), выплачивать ему ежемесячно по 6 тыс. ливров, а по окончании сессии передать миллион франков. Оноре с чистой совестью согласился на эту сделку, так как считал себя министром, получающим плату за труды. Вообще, Мирабо был весьма последовательным в своей деятельности, несмотря на попытки связать в единое целое двор и парламент, которые не были поняты его современниками. Он никогда не изменял своим личным убеждениям, часто действуя вопреки мнению короля и его сторонников. Фактически Оноре поддерживал монархию, при

этом непостижимым образом сохраняя верность революции. Значение деятельности Мирабо может подчеркнуть тот беспорядок, который возник после его смерти.

Однако в массы просочился грязный слушок о его «великой измене» и продажности. Положение народного любимца становилось все более двусмысленным. Напряженная деятельность, работа, среди которой не находилось места отдыху, непонимание сторонников, сплетни во второй половине 1790 года привели к резкому ухудшению здоровья Мирабо. Он стал плохо видеть, глаза болели. Вскоре его начали мучить длительные приступы острых болей в животе. Его лечили, но безуспешно. Тогда врачи стали утверждать, что у Мирабо «болезнь крови», и начали проводить частые кровопускания. В начале 1791 году здоровье трибуна, казалось, пошло на поправку, но в марте вдруг наступило резкое ухудшение. И все же тяжелые приступы боли не смогли оторвать его от деятельного участия в делах революции. За шесть дней до смерти Мирабо сказал Ла Марку: «Ваше дело выиграно. А я мертв». С этого времени он был уже не в состоянии покидать дом. Врачи поставили ему новый диагноз: острая дизентерия. Больному становилось все хуже, боли нарастали. Когда эскулапы поняли, что источником их является запущенный перитонит, было уже поздно: болезнь не поддавалась ни хирургическим, ни каким бы то ни было иным видам лечения. Несчастному постоянно давали опий, пытаясь хоть на время заглушить боль. А сам Мирабо жадно вдыхал весенний воздух – в последний раз. Когда парижане узнали, что трибун умирает, они собрались в огромные толпы, часами безмолвно простаивая под окнами его дома. Чтобы не нарушать покой умирающего, улицу Шоссе д'Антен засыпали толстым слоем песка – для смягчения звука колес проезжающих колясок. 1 апреля у больного начались такие боли, которые уже не могли заглушить никакие лекарства. Но утром 2 апреля Мирабо почувствовал некоторое облегчение, с трудом подтянулся на руках наверх, устроившись поудобнее на подушках, глубоко вздохнул и сказал: «Спать, спать, спать…» Это были его последние слова. Он закрыл глаза и сразу же заснул. Но этот сон перешел в смерть.

Мирабо умер в разгар своей деятельности, 2 апреля 1791 года. Ему только исполнилось 42 года. Он работал до самого конца, хотя состояние его здоровья требовало полнейшего покоя. Его трагическая смерть, вызванная ошибкой врачей, заставила замолчать его недругов и клеветников.

Весь Париж присутствовал на похоронах своего великого сына. Национальное собрание постановило захоронить тело знаменитого оратора в соборе Св. Женевьевы, объявленном

Пантеоном великих людей. Мирабо был первым, кто удостоился такой чести.

Его прах был похоронен с величайшими почестями. Однако через полтора года, 10 августа 1792 года, в знаменитом «железном шкафу» Людовика, во дворце, были найдены все записки Мирабо. Его проекты спасения монархии стали достоянием гласности, в результате чего революционеры публично назвали его предателем и обвинили в «двойной игре». Останки трибуна, еще недавно с такой пышностью захороненные в Пантеоне, вынесли из усыпальницы великих людей, а на их место уложили останки Марата. Прах же великого трибуна революции перенесли на кладбище казненных, в предместье Сен-Марсо.

УГРЮМОВА МАРИЯ ТЕРЕЗА

(род. в 175? г. – ум. после 1830 г.)

Авантюристка, ставшая причиной крупного политического скандала в Польше. Она сумела посеять раздор между представителями партии короля и сторонниками князя Чарторыского, обвинив каждую из сторон в заговоре с целью убийства. Клеветнические доносы Марии Терезы едва не погубили репутацию многих видных дворян XVIII века, включая короля Польши Станислава Августа Понятовского. После судебного процесса была выставлена к позорному столбу, заклеймена и осуждена на вечное заточение.

Все, что известно о Марии Терезе Угрюмовой, мы знаем только с ее слов. Эта молодая очаровательная женщина, с большим успехом пользовавшаяся своим обаянием и незаурядным даром убеждения, возникла словно из ниоткуда. Картину ее жизни, напоминающую не то любовный роман, не то драму, представители петербургского высшего света составили из случайных фраз. Выходило, что Угрюмова родилась в Голландии, в дворянской семье де Нери. Была замужем за неким Леклерком,

который из любви к ней похитил у ювелира огромный бриллиант, был схвачен и отправлен на виселицу. После его смерти Мария Тереза обзавелась любовником. Но их союз не был долгим: приревновав возлюбленную к королю Франции, тот вызвал монарха на дуэль. Подосланные убийцы зарезали пылкого юношу, чтобы не допустить поединка. Несчастная вдова осталась совершенно одна. Но тут на ее пути встретился пожилой барон фон Лаутенбург, который постарался сделать все возможное, чтобы утешить несчастную женщину в ее горе. Ценя его чувства, Мария Тереза скрытно обвенчалась с ним. Но барон, чье здоровье давно уже оставляло желать лучшего, не вынес накала страстей и умер прямо в ее объятиях. Наследники, не поверившие в искренность чувств новобрачной, оставили ее без всяких средств к существованию.

Несмотря на некоторую экстравагантность биографии (или благодаря ей – ведь люди падки на все необычное), баронессу фон Лаутенбург в свете приняли радушно. Она бегло говорила на трех языках (французском, английском и немецком), знала музыку, прекрасно танцевала, отличалась живым умом. Наконец, была просто очаровательна. Так что усомниться в ее прошлом никто и не подумал. Вскоре баронесса нашла себе пару в лице коллежского асессора Угрюмова. Этот гражданский чин соответствовал воинскому званию «майор», и впоследствии Угрюмову стали называть «майоршей».

Вскоре мужа назначили на службу в Варшаву, поскольку в Речи Посполитой в то время находилось немало российских войск и гражданских учреждений. Мария Тереза поехала вместе с ним. В то время Польшей правил король Станислав Август Понятовский. Некогда он был фаворитом Екатерины Великой, и польский трон достался ему в качестве воистину царского подарка. Разумеется, у вельможных патриотов была своя кандидатура – князь Адам Чарторыский. Он был претендентом № 1 и по рождению, и по богатству. Поэтому неудивительно, что князя Адама с детства готовили к роли короля Польши. Так что к ставленнику Екатерины отношение было довольно прохладным. До появления на сцене майорши Угрюмовой между Чарторыским и Понятовским (и их сторонниками) сохранялся своего рода вооруженный нейтралитет. Но вскоре разразилась буря, центром и направляющей силой которой стала Мария Тереза.

В 1782 году майорша Угрюмова нанесла визит графу Августу Мошинскому, известному сторонника короля. Пропуском и рекомендацией стала располагающая внешность авантюристки. Первая же фраза прекрасной пани повергла Мошинского в глубочайшее изумление. Гостья утверждала, что против короля

готовится заговор и ей необходимо срочно встретиться с Его Величеством. Оправившись от шока, граф попытался разузнать подробности, но Угрюмова сказала, что сообщит их только королю…

При встрече с Понятовским она перечислила руководителей заговора: графа Браницкого, графа Понинского и Тизенгауза. Подробностей о времени, способе действия заговорщиков и прочих деталях она сообщить не смогла. Поначалу король решил, что имеет дело с очередной авантюристкой, рассчитывающей на вознаграждение за донос. Однако Мария Тереза отказалась от 50 дукатов, которые король предложил ей за информацию. Ему пришлось силой положить деньги в ее сумочку. После ухода Угрюмовой король задумался. Само существование заговора было вполне возможным. Но действующие лица, которых назвала майорша, были преданными сторонниками Екатерины. Как сказали бы сегодня, у них отсутствовал мотив… И Понятовский благополучно забыл о странном визите.

Вскоре Мария Тереза вновь появилась в доме Мошинского. На этот раз она почти прямо попросила денег, которые были нужны для того, чтобы раскрыть заговор. По словам Угрюмовой, для этого необходимо было поехать в Литву, и на дорожные расходы ей требовалось двести дукатов. Граф ответил, что не располагает такой суммой, и вежливо проводил гостью. После этого два года об Угрюмовой ничего не было слышно.

В 1784 году Мария Тереза вновь напомнила о заговоре, на этот раз – королевскому камердинеру Рыксу. Правда, роли действующих лиц несколько изменились: Тизенгауз был представлен как ее любовник, а главным злоумышленником объявлен князь Адам Чарторыский. По словам Угрюмовой, он уже отдал своим сообщникам приказ убить Станислава Августа при первой же возможности. Это звучало более правдоподобно, и камердинер настолько растерялся, что даже не предложил вознаграждения за информацию.

Через три месяца неугомонная майорша решила сменить аудиторию. А заодно – и сюжет своего повествования. 11 января 1785 года она, благодаря посредничеству английского негоцианта Вильяма Тейлора, живущего в Варшаве, встретилась с князем Чарторыским. Угрюмова, вся в слезах, поведала князю, что камердинер Рыке и генерал Комажевский пытались склонить ее к покушению на его жизнь. Рыке будто бы предлагал завлечь Чарторыского в любовные сети и, измучив его любовными играми, заколоть во сне кинжалом. А генерал предлагал подсыпать в вино яд. Пакетик она принесла с собой в кармане. Свое появление у предполагаемой жертвы майорша объясняла на

удивление просто и логично: «Я согласилась для виду, однако убийцей быть не хочу, и потому я здесь…» Князь Адам поначалу не поверил. Он предложил Угрюмовой двести дукатов, если она признается, что все сказанное ею – вымысел. Но Мария Тереза продолжала свою линию. Она изобразила, что страшно оскорблена предложением Чарторыского и его недоверием к ее рассказу. А попутно упомянула, что Рыке обещал ей тысячу дукатов единовременно, пятьсот дукатов ежегодной пожизненной пенсии, а также поместье, лишь бы она выполнила поручение. Князь склонился к мысли, что лучше поверить гостье, но попросил ее изложить все сказанное на бумаге. Она согласилась, записала свой рассказ и подписалась: Мария Тереза, майорша д'Угрюмова, рожденная баронесса фон Лаутенбург. Довольно странно – ведь, по ее же словам, при рождении она носила фамилию де Нери…

Князь, как и королевский камердинер, не дал за информацию ни гроша. Хотя пообещал, что в будущем у нее не будет причин жаловаться. Письменное свидетельство заставило его почти поверить в историю с заговором, но дело было настолько щекотливым, что требовало более веских доказательств. И Чарторыский предложил Угрюмовой вывести Рыкса на чистую воду. Для этого Мария Тереза пригласила камердинера к себе, спрятав князя Адама и его друзей в соседней комнате. Они внимательно прислушивались к каждому слову светской беседы. Но майорше, при всей ее изворотливости, никак не удавалось перевести разговор в необходимое русло. Наконец она решила действовать «в лоб» и спросила, не желает ли Рыке, чтобы она отравила Чарторыского. Камердинер успел сказать только одно слово: «Браво!». В комнату сразу же ворвались друзья князя. Рыке и майорша были арестованы. Его отправили за решетку, а очаровательную доносчицу поселили в доме княгини Любомирской, которая жалела несчастную жертву обстоятельств, стремилась утешить ее и даже подарила 500 дукатов.

Чарторыский использовал сложившиеся обстоятельства с немалой пользой для себя и своих сторонников. Он затеял уголовный процесс против Рыкса и Комажевского, создавший в Польше взрывоопасную политическую ситуацию. Его сторонники на каждом углу говорили о том, что правящий король неоднократно пользовался услугами наемных убийц, устраняя неугодных. В качестве основного исполнителя «заказов» называли майоршу Угрюмову. В одной из брошюр, вышедших вскоре после начала процесса, был опубликован поименный список предыдущих шестнадцати жертв. Сторонники короля не оставались в долгу и клеймили Чарторыского как изменника,

покушавшегося на престол. Екатерина Великая была крайне озабочена. Непопулярность в народе ее бывшего фаворита могла закончиться нанесением серьезного ущерба российской политике в Польше. Она слала русскому послу в Варшаве депешу за депешей, требуя от него употребить все средства для того, чтобы «ненавистное дело майорши» было улажено. Какими путями действовал посол – остается загадкой. Однако во время процесса было установлено, что все действия Угрюмовой и ее утверждения не имеют под собой реальной почвы. Никакого заговора не было. Яд в пакетике – фантазия зарвавшейся авантюристки. Подстрекательство к преступлению – клевета. Впечатление подкреплялось еще и тем, что показания Угрюмовой и всех остальных абсолютно не стыковались между собой.

Немаловажную роль сыграло и то, что майорша оказалась вовсе не той, за кого себя выдавала. Опасаясь международного скандала, об Угрюмовой осторожно навели справки. И выяснилось, что к семейству де Нери, как и к роду фон Лаутенбургов, она не имеет ни малейшего отношения. Однако лично Марию Терезу в Европе прекрасно помнили. Она считалась украшением балов и приемов, на которых откровенно соблазняла титулованных особ. В искусстве обольщения с ней мало кто мог соперничать. Разумеется, Угрюмова – не куртизанка в прямом смысле этого слова, хотя многие щедро вознаграждали ее за интимные услуги. Скорее – популярная красавица, ведущая легкую и беззаботную жизнь. Обвинитель и адвокат полученную информацию использовали по-разному. Обвинение настаивало на том, что Мария Угрюмова – наглая обманщица и авантюристка, погрязшая в самом гнусном разврате. Адвокат пытался убедить собравшихся, что она – просто темпераментная молодая женщина, которая запуталась в обстоятельствах и действовала без злого умысла. Однако никакое заступничество не помогло. 15 марта 1785 года трибунал огласил приговор, признавший справедливыми обвинения в злостной клевете, присвоении чужих фамилий и опасном вымысле о несуществовавших заговорах против короля и князя Чарторыского. Наказание было весьма суровым: выставить майоршу Угрюмову у позорного столба на площади, раскаленным железом наложить ей на левую лопатку клеймо с изображением виселицы, после чего содержать в вечном заточении.

Приговор был приведен в исполнение через месяц с небольшим, 21 апреля 1785 года. После клеймения Угрюмову поместили в крепость в Данциге. Правда, через несколько лет она объявилась в одном из имений Чарторыского. Вероятно, князь выполнил свое обещание, данное молодой пани. А последнее

упоминание о Марии Терезе относится к 1830 году. Хронист сообщает, что она была по-прежнему энергична и обаятельна, а молодые паны из окрестных поместий краснели в смущении под ее вызывающим взглядом. Деталь, безусловно, добавляет романтики, но давайте посчитаем. Только со времени первого доноса Марии Терезы прошло 48 лет! А ведь ко времени ее появления в Польше она успела изрядно повеселиться в Европе. Ее видели в Венеции, Берлине, Гамбурге. Так что к 1830 году ее возраст был уже преклонным – где-то 60–65 лет. Едва ли молодые паны были такими почитателями древности… Но неточность хрониста – лишь небольшой эпизод в серии загадок жизни майорши Угрюмовой.

Так и осталось неизвестным, кем она была на самом деле. Следствие установило, что она не имеет отношения к тем дворянским родам, имена которых использовала долгое время. Но где и когда родилась Мария Тереза? Наиболее вероятной считают версию, согласно которой она была крепостной девкой, обученной грамоте, языкам, этикету и прочим премудростям. Это могло произойти только при условии, что будущая майорша была либо незаконной дочерью кого-то из дворян, либо его любовницей. И в том и в другом случае она могла получить вольную и некоторое количество денег в качестве отступного. В Европе авантюристка, скорее всего, оказалась вместе со своим покровителем (кто бы он ни был), но затем оказалась предоставлена самой себе. Возможен ли такой вариант? Вполне. Но с тем же успехом можно предположить, что Угрюмова происходит из обедневшего дворянского рода одной из европейских стран. Или вовсе не дворянского…

Довольно странным кажется и поведение ее мужа – коллежского асессора Угрюмова. Куда он смотрел? В Варшаву супруги приехали вместе, но во всех позднейших событиях участвовала только «майорша». Майор как сквозь землю провалился, предоставив супруге заниматься бог знает чем, наносить в одиночку светские визиты, принимать у себя в доме заговорщиков… О супруге вспомнили только тогда, когда дело дошло до судебного разбирательства. Угрюмов был привлечен в качестве свидетеля. Как ни странно, оказалось, что он пару раз был свидетелем визитов Рыкса и Комажевского. А когда поинтересовался у жены, о чем был разговор, она сказала, что ей было бы скучно ему все это растолковывать. И он смирился…

Возникает еще один вопрос: чем объясняется довольно странный поступок князя Чарторыского, освободившего узницу из вечного заточения и поселившего ее у себя? Это – явное проявление благодарности. Но за что? Ведь во время процесса

было установлено, что никакого покушения король не готовил, а Угрюмова – ловкая мошенница. Однако в этой истории все далеко не так просто, как кажется на первый взгляд. Те, кто освещал судебный процесс, не смогли назвать ни одного убедительного мотива, которым бы руководствовалась Мария Тереза. Одни подозревали жажду наживы (но вспомним: авантюристка вовсе не пыталась «продать» информацию, она делилась ею безвозмездно). Другие склонялись к выводу, что майорша просто развлекалась. Но это развлечение – вовсе не в ее стиле. Если бы она попыталась соблазнить кого-то из участников событий, то версию интриганства от скуки можно было бы принять на веру. Нет, здесь что-то не сходится. Возможно, авантюристке хотелось славы? И повышения социального статуса? Если бы она в действительности предотвратила покушение на короля или Чарторыского, ее бы называли ангелом-хранителем. И награда (вполне ощутимая) последовала бы и в том, и в другом случае. Король вполне мог посодействовать продвижению ее мужа по службе. Князь Адам – оказать «материальную помощь». Эта версия объясняет и смену партии: не оценили в одном месте – значит, оценят в другом. Но с какой стати князю Адаму принимать участие в судьбе авантюристки? Только для того, чтобы сдержать обещание? Нет, у Чарторыского имелись другие причины считать себя обязанным майорше Угрюмовой. Вольно или невольно, но она способствовала тому, что князя стали воспринимать чуть ли не как мученика, чудом избежавшего смерти. А Понятовский выглядел в глазах Европы злодеем, покусившимся на жизнь своего двоюродного брата. Кроме того, процесс способствовал укреплению в Польше антироссийских настроений. И хотя постановлением сейма в 1786 году дело Угрюмовой было официально предано забвению, отголоски его долго гуляли по Европе. Стараниями Екатерины II из судебного разбирательства удалось исключить графа Браницкого – одного из преданных сторонников России. Остальные названные Угрюмовой лица были полностью оправданы (за исключением Рыкса, которого приговорили к полугодовому заточению за общение с мошенницей). Но оправдание носило формальный характер. В общественном мнении сторонники Екатерины так и остались участниками заговора и лицами в высшей степени подозрительными. Тем более что большая часть документов, фигурировавших на процессе, была торжественно уничтожена.

Кстати, участие Марии Терезы в польском скандале могло быть вовсе не добровольным. Легко предположить, что кто-то из сторонников князя Чарторыского опознал в майорше Угрюмовой блистательную красавицу, чьими услугами он пользовался во

время пребывания в Европе. Это открывало превосходные возможности для шантажа. И авантюристка, которая только-только успела вздохнуть с облегчением (ведь ее жизнь наконец-то стала налаживаться), оказалась перед выбором: либо рискнуть и принять участие в тщательно спланированной операции, либо быть опозоренной перед всем светом. Тогда история предстает совсем в ином свете: визит Угрюмовой к королю и разошедшиеся после него слухи должны были подготовить почву для скандала. Ведь в то, что Понятовский ни с того ни с сего решил положить конец вооруженному перемирию, поверить сложно. А в случае, если он стремился опередить соперника, не проверив полученную информацию, все выглядело абсолютно правдоподобно. А может быть, те политические силы, которые стояли за спиной Угрюмовой, рассчитывали как раз на то, что король поверит обвинению и арестует злоумышленников. Это дестабилизировало бы отношения с Россией. Но в любом случае в выигрыше оказалась бы партия патриотов и ее предводитель – князь Адам Чарторыский. Если эта версия верна, то весьма интересно: знал ли князь об интриге с самого начала? Или просто вовремя воспользовался обстоятельствами? Но, как бы там ни было, Мария Тереза сделала все, что от нее зависело. И осталась в человеческой памяти примером старой истины: незначительные события часто имеют грандиозные последствия. А слабая женщина может стать угрозой для целого государства.

МЕДОКС РОМАН МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1795 г. – ум. в 1859 г.)

Русский авантюрист. Под именем поручика лейб-гвардии конного полка и адъютанта министра полиции Соковнина пытался собрать ополчение из горцев для борьбы с французами. Когда обман был раскрыт, Медокса посадили в Петропавловскую крепость. В 1825 году его сослали рядовым в сибирские батальоны. За попытку фальсифицировать заговор против императора был осужден и заключен в Шлиссельбургскую крепость, откуда выпущен только в 1855 году.

Смутные времена, как, например, война или смена власти в государстве, выносят на поверхность общества мошенников и авантюристов разных мастей. Зачастую эти люди обладают даром убеждения и разносторонними талантами, которые в обыденной жизни раскрыть и применить не удавалось.

Именно таким человеком был Роман Медокс, чья жизненная история может послужить основой для авантюрного романа. О подобных историях говорят: невероятно, но факт. Достоверность событий подтверждают документы, хранящиеся в Центральном

государственном военно-историческом архиве.

В декабре 1812 года в город Георгиевск, в то время центр Кавказской губернии, прибыл молодой человек приятной наружности в новеньком мундире офицера конной армии. Обратившись в Казенную палату и представившись поручиком Соковниным, личным адъютантом министра полиции генерала А. Д. Балашева, молодой офицер потребовал выдать ему 10 тыс. рублей ассигнациями и 2 тыс. рублей серебром «по случаю препорученного ему экстренного дела». В подтверждение своих полномочий он предъявил предписание министра финансов Д. А. Гурьева от 24 ноября того же года, в котором палате строго указывали немедленно по требованию поручика Соковнина отпустить «все нужные ему суммы денег, числа коих по экстренности сделанного ему поручения означить невозможно». Если же денег в казне окажется недостаточно, предлагалось выдать три четверти запрошенной суммы, а о недостаточных средствах срочно донести министру финансов с нарочным курьером.

Ко времени появления поручика в Казенной палате о нем был наслышан весь город. Блестящие манеры, светский лоск и несомненное знание своего дела очаровали даже вице-губернатора Врангеля, которому по приезде отрекомендовался Соковнин. Он приказал коменданту Георгиевска плац-майору Булгакову оказать молодому офицеру всяческое содействие в его сложной, но благородной миссии – формировании конного полка из горцев для отправки в действующую армию на войну с французами. Врангель и Булгаков представили гостя влиятельным людям города, и вскоре слух о блестящем молодом офицере из столицы разнесся по всему Георгиевску. Соковнин произвел впечатление даже на сурового армейского генерала С. А. Портнягина, командующего Кавказской линией. Бывалому вояке импонировала идея создания конного полка из горцев, хотя она была не нова. В разное время ее пытались осуществить главнокомандующий в Грузии князь Цицианов и главнокомандующий на Кавказской линии генерал-лейтенант Ржищев, но безуспешно. Теперь за ее воплощение взялся Соковнин, а Семен Андреевич Портнягин стал ему активно помогать. Он возил поручика по кордону, знакомил с обстановкой на пограничной линии и даже приказал издать прокламации к горским народам, агитируя их вступить в ополчение.

Для этих целей и нужны были деньги. Однако Казенная палата за неимением свободных средств удовлетворять требование Соковнина не спешила. Некоторые подозрения вызывала у чиновников и достоверность подписи министра

финансов, но личное распоряжение вице-губернатора Врангеля об отпуске денег «без малейшего промедления» заставило казначеев изыскать необходимую сумму.

Полученные 10 тыс. рублей (огромная по тем временам сумма) пошли на выплаты тем горским князьям, которые изъявили желание воевать с Наполеоном. Благодаря личному влиянию генерала Портнягина к вступлению в ополчение удалось склонить многих знатных горцев. Первыми на место сбора явились князья Бековичи-Черкесские, Росламбек и Араслан-Гирей – потомок Чингисхана. По их примеру стали подтягиваться подвластные им удзени и дворяне. Видя успех дела, генерал Портнягин так растрогался и воодушевился, что внес свои собственные 500 рублей и торжественно вручил свою шашку одному из горцев. Тем более, что успех этот был просто ошеломительным. Не конная сотня, о которой раньше мечтали, собралась, готовая отправиться бить французов, а несколько тысяч всадников-горцев – хорошо обученных, экипированных, вооруженных, – словом, настоящая отборная конница.

Сегодня трудно судить, насколько могла бы она изменить расклад сил в войне с Наполеоном, но поддержку русской армии, несомненно, оказала бы весьма серьезную. Так, известный военный историк и историограф Василий Потто, упоминая об этой горской коннице в своей книге «Кавказская война», утверждает: «Есть основание думать, что появление их на европейском театре могло бы значительно повлиять на ход военных действий, и с другой стороны, внести много новых вопросов в область военной науки и кавалерийского дела. Быть может также, что это обстоятельство повело бы к сближению горцев с русскими и имело бы влияние на весь последующий ход и события Кавказской войны».

Но Европа так и не увидела грозных кавказских воинов. В то время как Соковнин и Портнягин объезжали Кавказскую линию, собирая горцев в поход, один из советников Казенной палаты Иван Хандаков, усомнившись в полномочиях молодого офицера, направил министру финансов донесение, в котором сообщалось о выдаче денег Соковнину и спрашивалось, «следует ли производить далее денежную выдачу поручику всякий раз, когда он того потребует и в каком объеме».

Пришедший 15 января 1813 года ответ министра финансов произвел переполох в Георгиевске. Из Петербурга уведомляли, что ни о каком лейб-гвардии поручике, посланном на Кавказ «со специальной миссией», там и слыхом не слыхивали. Поступило распоряжение арестовать самозванца и отправить в столицу.

На допросах Соковнин сначала выдавал себя за Всеволжского,

затем за князя Голицына. Оказалось, что блестящий молодой офицер не кто иной, как Роман Медокс – сын московского антрепренера, выходца из Англии Михаила Медокса. До сих пор доподлинно неизвестно время его рождения: сам он указывал 1795 год, его племянник утверждал, что Роман Михайлович родился в 1789 году, а в деле его жандармами была указана еще одна дата – 1793 год. В юности Медокс получил довольно приличное образование, знал помимо обязательного тогда французского еще и латынь, немецкий, английский, старославянский и несколько языков кавказских и сибирских народностей. Однако за свое распутство был изгнан из дома и вынужден был с ранних лет зарабатывать себе на жизнь. Некоторое время Медокс служил писарем в полиции, а в начале войны 1812 года вступил в ополчение, где числился корнетом в отряде донского атамана Платова. Очень скоро ему наскучила монотонная служба, не сулившая орденов и наград. Молодой человек любил размах, обожал внешние эффекты и имел склонность к чудесным превращениям, переодеваниям и авантюрам. В своих записках впоследствии он признавался: «Для моего счастья нужен блеск красок и металлов… природа дала мне чувства пылкие». Поэтому он вскоре сбежал из части, не забыв прихватить с собой полковую казну. На эти деньги он сшил себе прекрасный гвардейский мундир и отправился на Кавказ. Дальнейшее развитие событий происходило совсем не так, как задумывал авантюрист.

На допросах открылись и другие интересные детали: например умение лжепоручика искусно подделывать подписи государя и министров, благодаря чему ему удавалось долгое время водить за нос чиновников Казенной палаты Георгиевска. Кроме того, на одной из промежуточных почтовых станций у него был сообщник, который задерживал посылавшиеся ранее запросы для установлений полномочий Соковнина, а ответы он писал сам, подделывая подписи. Не удалось ему только перехватить послание И. Хандакова, которое стало роковым для Медокса и привело к провалу так успешно начатого им дела.

Помимо деталей обмана следователей интересовала также причина, по которой Медокс затеял всю эту авантюру. Однако на все вопросы несостоявшийся герой отвечал односложно: «Я хотел служить Отечеству в смутные времена, и если нарушал закон, то ничего не делал против своей совести. Наконец меня легко проверить. Черкесы готовы к походу, и я советовал бы не распускать их».

И действительно, никаких фактов, позволяющих обвинить Медокса в присвоении полученных денег, установлено не было.

Денежная отчетность велась аккуратно, небольшие суммы, предназначенные для выплат горским князьям, он раздавал в присутствии комендантов и даже истратил на задуманное дело свои 3 тыс. рублей. Но это не имело уже никакого значения. Романа Медокса под конвоем отправили в Петербург. Горское ополчение было распущено.

Но он был не единственным пострадавшим в этой истории. Невольные соучастники обмана Медокса тоже были сурово наказаны: вице-губернатор Врангель был отстранен от должности, кроме того, вместе с генерал-майором Портнягиным и некоторыми чиновниками Казенной палаты он вынужден был «как можно скорее пополнить в казну выданные десять тысяч рублей».

Дальнейшая судьба Медокса складывалась весьма непросто. По прибытии в Петербург он был помещен в Петропавловскую крепость и осужден по всей строгости тогдашних законов. 14 лет провел авантюрист в заключении и ссылке. Лишь в 1827 году царь Николай I удовлетворил его просьбу о помиловании и разрешил поселиться в Вятке под надзором полиции.

Однако вопреки здравому смыслу Роман Медокс не стал вести себя более благоразумно. Почувствовав вкус свободы, он пустился в новые приключения. Авантюрист сбежал из Вятки и очутился в Екатеринодаре. Там его вновь арестовали, но по дороге в Петербург он опять сбежал и появился в Одессе, откуда написал письмо Николаю I. По повелению царя в 1829 году Медокса сослали в Иркутск. Установив контакты с Третьим отделением, он решил свою неуемную энергию применить на ниве политического сыска и сделать карьеру жандарма.

В то время городничим Иркутска был А. Н. Муравьев, прежде осужденный по делу декабристов, затем помилованный, но оставленный под подозрением. Несмотря на солдатское звание, Медоксу удалось войти в доверие к нему и его семье, чему немало поспособствовало знакомство авантюриста с Алексеем Юшневским, с которым они вместе сидели в Шлиссельбургской крепости. А благодаря своим «изящным способностям и образованности» он даже стал домашним учителем в доме Муравьевых. Наблюдая за городничим и его родственниками, авантюрист выяснил, что Муравьевы и проживающая в их доме Варвара Шаховская, невеста декабриста Петра Муханова, поддерживают нелегальные отношения с Петровским заводом, где содержались каторжане-декабристы. Сообщив об этом относительно невинном факте властям, Медокс решил создать на таком убогом фундаменте здание грандиозной провокации. Тайная полиция Иркутска, желая показать собственную

значимость и возвыситься в глазах столичного начальства, дала согласие на проведение операции.

Мошенник собрался сыграть на самом слабом звене в этой истории – романтичной натуре Варвары Шаховской. Пытаясь разыграть роль влюбленного, он написал целый фальшивый дневник, каждая страница которого содержала лживые признания в любви. Тетрадку эту он оставлял всегда на видном месте, рассчитывая на женское любопытство. Неизвестно, как отнеслась к Медоксу и его чувствам молодая княжна Шаховская, но в мнимом заговоре авантюрист отвел ей ключевую роль. Воображение его работало исправно, и вот уже в Петербург полетела депеша с сообщением о готовящемся преступлении. Жандармы Третьего отделения ужаснулись, когда узнали, что Муравьев, двоюродный брат второго лица в тайной полиции А. Мордвинова, пригрел у себя в доме главарей подпольного тайного общества с филиалами не только в Иркутске, но и в Москве и Петербурге. Возникший на бумаге «Союз Великого Дела» якобы поддерживал связь с осужденными декабристами и своей главной целью ставил свержение правящей династии. Для подтверждения своих слов Медокс сфабриковал от имени декабриста Юшневского фальшивую шифровку крамольного содержания. Как ни странно, провокатору легко поверили. Из столицы к нему на помощь был выслан ротмистр Вохин, который устроил Медоксу поездку на Петровский завод, где содержались декабристы. Там, пользуясь знакомством с женой Юшневского, он перезнакомился с декабристами и составил донесение, подтверждавшее существование разветвленного заговора. В качестве вещественного доказательства Медокс представил некий им же самим сфабрикованный документ («купон»), который должен был послужить ему верительной грамотой для доступа в столичные круги «Союза Великого Дела».

В Петербурге дело «о злоумышлениях между государственными преступниками» предстояло вести Александру Николаевичу Мордвинову. Полтора года начальник канцелярии Третьего отделения находился в двусмысленном положении следователя по делу своих родных. Роман Медокс не упустил случая сообщить об этом императору. Намекая на пристрастное к нему отношение, он писал: «Я донес сентября 1832-го, а выехал из Сибири октября 1833-го – через целый год… Прибыв в Москву и узнав от генерал-лейтенанта Лесовского, что нет и не ожидается никакого предуготовления к моему действию, я с его согласия сам отправился для объяснения в С.-Петербург, где, явившись к начальнику Третьего отделения канцелярии Его Величества Мордвинову, встретил одни угрозы…»

Глава тайной канцелярии А. Х. Бенкендорф, стараясь избавиться от навязчивого информатора, отправил Медокса в Москву, где он якобы должен был явиться со своим «купоном» к членам тайного общества. Власти начали расследование по его доносам, а он тем временем проживал казенные деньги в Москве. Приставленный к нему жандармский генерал требовал от него конкретной работы, но Медокс либо обещал грандиозные результаты в ближайшем будущем, либо строчил бессмысленные доносы на заведомо лояльных людей (эти доносы также расследовались). И продолжал жаловаться. «Господин Мордвинов, – писал Медокс императору, – ничего не слушая, заключил меня при штабе корпуса жандармов и после освободил с приказанием отправиться в Москву. В Москве я снова очутился в ужаснейшем заключении, которое господин Мордвинов предсказал, обещавши сгноить меня в крепости».

Вечно так продолжаться не могло, и власти начали подозревать провокатора в обмане. Почувствовав опасность, Медокс, успевший к тому времени выгодно жениться, прихватил полученное приданое и скрылся. Весело пожив в провинции и растратив все деньги, он вернулся в Москву с обширными планами новых авантюр. Однако реализовать их ему не удалось. Семья обманутой жены уже давно разыскивала своего беспутного родственника, чтобы передать его в руки полиции. Медокс попытался было действовать старыми методами и оттянуть тяжесть наказания с помощью новых сенсационных «разоблачений», но тут ему пришлось еще раз убедиться в том, что с силовыми ведомствами шутки плохи. Мошенник вынужден был сознаться в обмане и вновь надолго оказался в Шлиссельбургской крепости. Только через 22 года его, уже глубокого старика, освободили указом Александра II, а через три года Роман Медокс скончался.

Позднее конно-мусульманский полк был все-таки сформирован. Особый отряд, составленный из представителей лучших горских фамилий, стал личным конвоем государя. И высокое доверие к кавказским горцам не могло не вызвать в них чувство гордости и преданности русским монархам.

СОБАНЬСКАЯ КАРОЛИНА

Полное имя – Каролина-Розалия-Текла Ржевуская-Собаньская-Витт-Чиркович-Лакруа

(род. в 1793 г. – ум. в 1885 г.)

Знаменитая польская авантюристка, правнучка королевы Франции Марии Лещинской. Была тайным агентом политического сыска, сыграла заметную роль в судьбах многих известных личностей своего времени. В Собаньскую были влюблены А. Мицкевич и А. Пушкин. Ее часто называли «Одесской Клеопатрой».

Каролина Собаньская родилась в 1793 году под Бердичевом, в поместье Погребищенский Ключ, принадлежавшем семье графов Ржевуских. Родные называли ее Лолиной или Лоли. Очень рано ее выдали замуж за Иеронима Собаньского, подольского помещика, предводителя дворянства Ольгополевского повята, владевшего доходным торговым домом в Одессе. Супруг был старше Лолины на 33 года, имел репутацию человека дурно воспитанного, пьяницы, невежды и развратника. С мужем ее

ничего не связывало. Воспользовавшись временным нездоровьем после рождения дочери Констанции, Каролина сумела в 1816 году получить от Подольской римско-католической консистории разрешение впредь до выздоровления жить отдельно от мужа. В 1825 году, после смерти отца, она добилась развода.

Каролина получила прекрасное образование и воспитание и очень гордилась своим происхождением (девушка приходилась правнучкой французской королеве Марии Лещинской). Мать ее происходила из старинного рода Рдултовских, а по отцу она была родственницей княгини Ржевуской, которую гильотинировали на Гревской площади в Париже вместе с королевой Марией Антуанеттой. Ветви генеалогического древа ее рода восходили по обеим линиям к известным в истории гетманам, воеводам, фельдмаршалам и вели к королю Яну Собескому.

Большую роль в воспитании Лоли сыграла ее тетка Розалия, дочь той самой княгини, которая погибла на эшафоте в Париже. Впоследствии она стала женой знаменитого Вацлава Ржевуского, воспетого Мицкевичем и Словацким. Супруги поселились в Вене, где Розалия устроила один из самых знаменитых салонов Европы, который посещали многие известные персоны, даже королевского ранга. Розалия неоднократно бывала в Петербурге, считалась подругой Александра I, который любил разговаривать с ней на мистические темы. Графиню очень уважал и Николай Павлович. Ходили слухи, что, будучи примечательной фигурой при дворе Габсбургов, Розалия оказывала политические услуги Российской империи. Многие историки считают, что она была тем, кого сегодня называют «агент влияния». Лолина часто жила у тетки. Здесь девушка многому научилась, серьезно занималась музыкой, постигала искусство красноречия и эпистолярного жанра, в чем потом не знала себе равных. (Скорее всего, эти способности, как и мотовство, передались ей по наследству от отца.) Тетка блестяще развила у племянницы еще один талант – умение слушать, объяснив, что уши служат не только для того, чтобы выслушивать любовные клятвы… «На свете есть много вещей, достойных того, чтобы их видеть, слышать, говорить о них», – поучала «страшная тетка», обладавшая не только талантом дипломата и политика, но и совершенно несносным характером. Каролина уже тогда была очень красива, но красота без разума, убеждала ее родственница, все равно, что счастье без состояния. Красота только тогда приносит счастье, когда ей сопутствуют искусство жить и ловкость. Надо сказать, что племянница оказалась достойной ученицей своей тетушки.

С годами Каролина довольно открыто стала поклоняться Приапу – богу сладострастия. Искусством распалять страсти в

мужчинах она владела виртуозно, но самой крупной ее «добычей» стал граф Иван Осипович Витт, начальник военных поселений на юге России и руководитель тайного сыска в этом районе. Из-за этой связи ее называли наложницей, но Собаньская умела и в этом унизительном положении сохранять достоинство. Она поняла, что мнение окружающих не может лишить ее ни обаяния, ни ума, ни силы характера, и поэтому попросту перестала обращать внимание на пересуды за своей спиной. Положение «незаконной жены» стало причиной той атмосферы отчуждения, которая сохранялась вокруг нее многие годы. Далеко не все считали для себя возможным появляться на приемах у Собаньской, не всегда ее приглашали и на приемы к генерал-губернатору графу Воронцову.

Пушкин впервые встретился с Собаньской в начале 1821 года в Киеве, куда он ездил погостить к генералу Н. Н. Раевскому вместе с Давыдовыми. Это было обычное светское знакомство, но оно произвело на Александра Сергеевича неизгладимое впечатление. Каролина была на шесть лет старше Пушкина. В следующий раз они неожиданно встретились в Одессе, после чего поэт стремился к новым встречам с ошеломившей его красавицей. Видимо, именно с этой целью он неоднократно отпрашивался из Кишинева в Одессу. Правда, Ганский, муж сестры Каролины, счел долгом предупредить друга о жестоком, холодном кокетстве красавицы и бесчувственности к тем, кто ее боготворил. Однако поэт не прислушался к советам и, как оказалось, зря…

В присутствии Каролины он становился скованным и неловким: «Любя, был глуп и нем». Пушкин пытался ухаживать смелее, но все его попытки красавица встречала насмешкой. Он искал с Каролиной встреч, стремился бывать там, где могла оказаться и она. Иногда Александру Сергеевичу казалось, что он может надеяться на взаимность. Однажды, в день крещения сына графа Воронцова в кафедральном Преображенском соборе, она опустила пальцы в купель со святой водой, а затем коснулась ими лба Пушкина, словно обращая в свою веру. И он действительно был готов на это, чтобы завоевать сердце Собаньской. А во время совместного чтения французского романа «Адольф» он почти поверил в ответное чувство. В то время Каролина казалась ему похожей на героиню Констана де Ребека не только своей красотой, но и своим авантюрным характером.

Во время пребывания в Одессе поэт не сумел растопить холодность красавицы и отступил, смирившись. Неудачу помогло пережить другое увлечение… Но спустя шесть лет Пушкин вновь встретился с Каролиной Собаньской, теперь уже в Петербурге. Старая страсть вспыхнула с новой силой. Все иные увлечения

были забыты. Они часто беседовали о литературе, поэт ценил ум и вкус Собаньской. Александр Сергеевич прочитал ей «Бориса Годунова», и они долго беседовали о Марине Мнишек. Поэта интересовало мнение Каролины по поводу этой странной красавицы с необычным характером. Ответ был емким и лаконичным: «Она ужас до чего полька». Что хотела этим сказать Собаньская? Не имела ли она в виду и собственную жизнь? Вскоре поэт пишет два послания к ней, свидетельствующие о поистине роковой страсти, однако не решается их отправить. Некоторые пушкинисты считают эти пылкие признания набросками к какому-то неизвестному литературному замыслу.

Письма показывают, что Пушкин боялся этой женщины и тянулся к ней против своей воли. Он просил о дружбе, «точно нищий», вымаливающий кусок хлеба, и утверждал, что его жизнь неотделима от жизни той, которая стала его злым духом. Он продолжал умолять ее: «Мне необходима ваша близость». И, как бы подводя итог, писал: «Я рожден, чтобы любить вас». Многие знаменитые пушкинские строки посвящены польской красавице: «Что в имени тебе моем?..», «Я вас любил…», «Когда твои младые лета…», «Ночь». Все стихотворения пронизаны чувством огромной любви и трепетным отношением к этой женщине. Кроме того, исследователи указывают на связь восьмой главы «Евгения Онегина» с любовным романом Пушкина. Письмо Онегина к Татьяне отражает настроение его писем к Собаньской. А малиновый ток Каролины превратился в красный берет Татьяны… Оказалось, что и прототипом величавой, блистающей в свете Нины Воронской была не только А. Ф. Закревская, но и К. А. Собаньская. Черты последней просматриваются в образе католички донны Анны из «Каменного гостя» и «милого демона» Лауры. На Каролину странным образом похожа и героиня из отрывка «Мы проводили вечер на даче…» – Вольская, оказывающаяся Клеопатрой XIX века. Пушкинский герой Алексей Иванович, в словах которого явно слышен голос автора, восклицает: «Судьбою властвует она». «Разве жизнь уже такое сокровище, что ее ценою жаль и счастие купить?» – рассуждают герой и его создатель, выражая отчаяние, отсутствие надежды на взаимность женщины, «больной бесчувствием».

Известно, что Александр Сергеевич намеревался создать образ «анти-Татьяны», «страшной темной грешной женской души». Прототипом должна была стать именно Лолина, жестоко терзавшая его сердце не один год. Находясь рядом с ней, Пушкин, по его собственным словам, ощущал высокомерную холодность красавицы, называл ее существом выдающимся и злотворным. В его письме есть такое признание: «В вас есть ирония, лукавство,

которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки». При этом Пушкин, видимо, прекрасно сознавал, что Каролина Собаньская никогда не захочет всерьез связать с ним свою судьбу. Влюбленность не мешала поэту быть достаточно трезвым в оценке обстоятельств. В своем письме он констатирует: «От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя и немного робости». Это настроение пронизывает его очередной лирический шедевр, вписанный в альбом «черной музы». Ей, давней собирательнице автографов, в самом начале 1830 года Пушкин записал мадригал, который начал с вопроса: «Что в имени тебе моем?». Это стихотворение можно назвать прощанием с прошлым.

В письмах Пушкина к Собаньской обращает на себя внимание одна деталь: он подчеркивает некоторые темные стороны характера своей возлюбленной, говоря: «Вы – демон, то есть тот, кто сомневается и отрицает, как говорится в Писании». Лики Собаньской украшают рукописи Пушкина 1821–1823 годов. Это красивая брюнетка зрелого возраста, с печатью демонизма в лице, с резкими чертами греческого типа. Взгляд миндалевидных глаз изменяется от огненного и пронзительного до злобного и мрачного. Примечательны подбородок ведьмы и маленький красивый рот с верхней губкой изящного, стрельчатого рисунка и нижней – по-польски втянутой, вампической… Особенно часто это лицо мелькает на «адских» рисунках Пушкина, например в виньетке, изображающей бал у Сатаны (1821 г.). Именно такой воспринимал красавицу Каролину поэт. Он называет чувство, испытываемое к этой непостижимой личности, «черной мутной страстью». Она – женщина-вамп с «обугленной душой», доводящая его до отчаяния, заставляющая ревновать, измучившая его, не оставившая никаких надежд в будущем. Избавление придет неожиданно. В один прекрасный день рядом с блестящей Собаньской – «сей Клеопатрою Невы» – возникнет «беспечной прелестью мила» юная Н. Н. Гончарова…

И хотя Пушкин долго не мог изжить в душе образ польской красавицы, в лице «воплощенной женственности» Натали он обрел подлинную любовь.

Сравнить изображения на полях рукописей поэта с известными портретами графини долгое время не представлялось возможным, так как они считались исчезнувшими. Помог случай: в архиве фотодокументов Варшавского Музея литературы им. Адама Мицкевича нашлась фотография с изумительного портрета женщины лет сорока. Сведений ни об оригинале, ни о художнике

нет, но имеется запись, что это Каролина Собаньская. Лицо на фотографии удивительно похоже на рисунки, сделанные Пушкиным.

Александр Сергеевич не был единственным гением литературы, потерявшим голову из-за этой красавицы. В феврале 1825 года в Одессу приехал высланный туда 27-летний Адам Мицкевич. Собаньская быстро сумела его увлечь, ей вновь посвящались стихи. Мицкевич принял ее приглашение совершить путешествие по Крыму, но их спутники оказались весьма зловещими: сам граф Витт, брат Каролины Хенрик Ржевуский, агент царского правительства в Варшаве, и один из самых доверенных помощников Витта А. Бошняк. Последний почему-то старательно изображал из себя ученого-энтомолога и потому вызвал подозрения Мицкевича. Знаменитый поляк посвятил своей соотечественнице сборник «Крымских сонетов», навеянных этим путешествием. Роман поэта и женщины-демона оказался кратковременным, вскоре последовала ссора и разрыв. Причина была в том, что Каролина не скрывала, что не испытывает к очередному воздыхателю любви. Его же собственное чувство к этой женщине напоминает то судорожное и мучительное любовное опьянение, о котором говорил Пушкин. Каролина внушила опальному поэту «демоническую страсть». «Оставь же милых слов, пустых надежд обманы. В опасности сама, не ставь другим капканы», – просит ее Мицкевич.

О какой же опасности идет речь? И тут мы сталкиваемся с подлинным лицом вампической красавицы: достоверные источники утверждают, что за поляком… ее приставил шпионить Витт! Итак, ангел неожиданно превратился в скорпиона.

Многие видели в Собаньской роковую женщину-вамп, но единицы догадывались о ее секретной службе у Витта и фон Фока – начальника тайного сыска. Сам граф Витт никогда не вызывал особой симпатии у окружающих. Даже брат царя говорил, что это такой негодяй, для которого не существует религии, закона, честности и чести. Его за спиной называли «человеком, достойным виселицы». (Современные исследования также не отвешивают комплиментов графу, доказывая, что он был австрийским шпионом.) Каролина Собаньская служила ему верной и ловкой помощницей в провокаторской деятельности, выполняла обязанности секретаря. Граф отличался недюжинным умом, но был совершенно необразован, так что отчеты и доносы за него составляла его прекрасная подруга… Вскоре она поступила в жандармские агенты. В свой петербургский салон Каролина привлекала таких поклонников, как Пушкин, преследуя цели политического сыска. И в Одессе, и в столице ее дом был

полицейской западней. Она вела игру со многими увлеченными ею лицами, удерживая их возле себя, что значительно облегчало задачу наблюдения за «неблагонадежными».

В судьбе Пушкина роль Собаньской до конца не выяснена. Она оставалась для него врагом-невидимкой. И поэт продолжал воспевать прекрасного хамелеона. Он не рассмотрел подлинной сущности Каролины, о которой Ф. Ф. Вигель сказал, что трудно представить, «сколько мерзостей скрывалось под щеголеватыми ее формами». Эта женщина была настолько же красива внешне, насколько омерзительна внутренне. Многие исследователи не сомневаются в том, что Каролина Собаньская была подослана к поэту.

Трудно сказать, что именно заставило красавицу стать помощницей Витта и добровольной тайной осведомительницей. Может быть, ее увлекала «романтика» сыскной деятельности, требующей артистизма и умения входить в доверие. Как бы там ни было, подобные авантюры требовали ума, цинизма и незаурядной смелости. Все это у Собаньской было. Не был ли это способ самоутверждения? Наконец, нельзя исключать и любви, потому что Витт, по отзывам современников, был очень красив и пользовался репутацией донжуана.

Александр Сергеевич держал имя Собаньской в тайне. Она навсегда осталась для него подлинной богиней любви, посланницей небес, существом мистическим, роковым.

Она обладала способностью разжигать в мужчине страсть, доводя его до потери собственного достоинства, оставаясь при этом холодной и расчетливой. Каролина умела добиться полного доверия своих любовников. Она выслушивала влюбленного поэта, хладнокровно извлекая из бесед с ним информацию, полезную для Третьего отделения и лично для генерала Бенкендорфа. Ведь начальству необходимо было знать, что затаил в душе поднадзорный гений! А он, равно как и Вяземский, Дельвиг, Мицкевич и многие другие, ничего не подозревал и ни о чем не догадывался.

Каролина Собаньская, будучи личностью отрицательной, не вписывалась в классическую биографию Пушкина. Еще при ее жизни литератор Петр Каратыгин сетовал, что история скрывает ту гнусную душонку, которая, прикрываясь дружбой с Пушкиным и Дельвигом, в действительности занималась доносами на обоих поэтов. Каратыгин уверен, что по сравнению с этим демоном даже имя Булгарина покажется синонимом благородства, чести и прямодушия. Имя этого тайного агента всплыло лишь в начале XX века. Но и после этого Собаньскую обычно старались обойти молчанием: характер, склонности и род деятельности этой

женщины снижали величие образа национального поэта. Никак она не укладывалась в списки так называемых «адресатов лирики Пушкина», хотя и была самой яркой среди них!

Ответ на вопрос Пушкина «Что в имени тебе моем?» Собаньская все же оставила потомкам. В дневниках, которые, как оказалось после ее смерти, она вела всю жизнь, много имен, но нет даже упоминания об Александре Сергеевиче. Устно Собаньская, говорят, вспоминала о его влюбленности, но не придавала никакого значения ни его чувствам, ни его стихам.

Как агент Витта, она была настолько законспирирована, что вызывала подозрения даже у государя. Он подозревал Каролину (может быть, и не без оснований) в двойной игре. Ухудшились и отношения Собаньской с Третьим отделением. Ее подозревают в связях с польской революционной оппозицией. По поручению Витта она едет в Дрезден, в центр польской эмиграции, чтобы попытаться выяснить планы бежавших из России польских революционеров. А в Петербург государю приходит донос о неблагонадежности интриганки, и царь требует от Витта, чтобы тот перестал «себя дурачить этой бабой». Виновата ли в конце карьеры Собаньской дезинформация или царь почему-то недолюбливал эту авантюристку?

1 октября 1832 года Каролину Адамовну, только что отгулявшую в Дрездене на свадьбе дочери Констанции и князя Ксаверия Сапеги, удалили в Минскую губернию, откуда она написала подробное письмо Бенкендорфу. Как ни странно, именно после этого Витт с ней обручился, но этот жест ему даром не прошел. Когда Ивана Осиповича хотели назначить председателем Временного правительства Польши, царь отклонил его кандидатуру именно из-за связи графа с Собаньской, утверждая, что «она самая большая и ловкая интриганка и полька, и Витта будет за нос водить».

В 1836 году граф окончательно бросил Собаньскую. Незадолго до этого умерла ее единственная дочь. Каролине уже больше 40, перед ней замаячил призрак бедности и одиночества. Чтобы избежать столь незавидной участи, она в том же году вышла замуж за С. Х. Чирковича, адъютанта Витта, хотя ни о какой любви с ее стороны не могла даже идти речь. Супруги жили в Крыму. Но в 1846 году Собаньская овдовела и уехала за границу, иногда гостила в украинском имении своей сестры Эвелины Ганской, затем обосновалась в Париже. Второй муж сестры, Оноре де Бальзак, относился к новоявленной родственнице с резкой антипатией, называя ее «лицемерной безумицей, худшей из всех». Но эксцентричная и хитрая Каролина еще умела очаровывать и сохраняла удивительную красоту. В

1847 году ее племянница Анна Мнишек называла тетю ослепительно прекрасной, говоря, что подобная красота никогда не исчезает.

В 1850 году Каролина Собаньская вновь вышла замуж за французского писателя Жюля Лакруа (1809–1887). Новый супруг был почти на 14 лет ее младше. По-видимому, именно с этим человеком неутомимая авантюристка обрела счастье. Они были неразлучны до конца жизни, являясь для французов образцом трогательной нежности и верности. В 1872 году Жюль Лакруа выпустил книгу стихов. В одном из сонетов он воспел свою жену, которой в то время было восемьдесят… К старости поэт ослеп, и супруга ухаживала за ним в течение 13-ти лет. Незадолго до смерти Собаньская написала ему письмо, которое велела прочесть после ее кончины. В нем Каролина называла мужа своей любовью, счастьем, совестью и жизнью, говорила, что умрет, обожая и благословляя его. Она просила Жюля заботиться о себе ради любви к ней. Ее постоянно уличали в лицемерии, но перед лицом вечности не лгут. Демон, сумевший стать ангелом для одного-единственного человека, надеялся на встречу с любимым по ту сторону смерти… Спустя несколько месяцев, 16 июля 1885 года, Каролина Собаньская умерла. Ей было почти 92. Муж выполнил волю супруги и последовал за ней только через два года.

С поместьем, в котором родилась эта демоническая женщина, связана любопытная легенда. Ходили слухи, что над родом его владельцев тяготело проклятие. Говорили, что когда-то давно старая хозяйка замка была замурована в башне своим сыном и прокляла все его потомство. С тех пор по ночам ее призрак бродит по комнатам замка, гремя костями и цепями, и перед ним бесшумно распахиваются все двери. И еще говорили, что у всех, кто родился в поместье, нет сердца…

СКОСЫРЕВ БОРИС

(род в 1896 г. – ум. в 1944 г.)

Русский авантюрист, бывший офицер Балтийского флота, именовавший себя бароном Скосыревым и графом Оранжским. Под именем Бориса Первого почти три месяца был королем Андорры. Сочинил самую короткую Конституцию в мире. Именно с ним андоррские источники связывают свои первые достижения на пути к независимости.

История многомиллионной русской эмиграции прошлого века изобилует именами авантюристов. Видимо, это свойство испокон веков живет в загадочной славянской душе, подчас прекрасно уживаясь в ней с такими чертами, как бесшабашная удаль, безграничная фантазия, тяга к алкоголю и… глубокая порядочность! Многие из знаменитых искателей приключений были всего лишь жертвами великой национальной драмы. Они пытались любым способом устроить свою жизнь в тех странах, куда их забросила безжалостная судьба. Лишенные родины, веры, среды, языка, эти ловкие мошенники добивались иногда такого положения, что становились легендой. Но провозгласить себя королем иностранной державы при единодушной поддержке местного населения – такое удалось лишь одному русскому эмигранту. Речь идет о Борисе Скосыреве. Известно о нем до обидного мало, не сохранилось даже изображений этого андоррского самодержца. Существуют лишь разрозненные описания, свидетельствующие о том, что он был высокого роста, голубоглазым, с прямым греческим носом, носил небольшие светлые усики. Всегда был свежевыбрит. Пробор разделял белокурые волосы на две неравные части. С собой практически всегда носил тросточку с серебряной рукояткой.

Не слишком подробное описание, не так ли? Столь же неточными и подчас противоречивыми являются и сведения о первом (и, заметьте, единственном!) короле Андорры. Борис Скосырев, офицер Балтийского флота, попал в Англию после ранения под Кронштадтом, некоторое время служил в королевских морских силах. Следующие 10 лет его жизни с полным правом можно назвать «белым пятном». Лишь в начале 30-х годов он появляется на каталонских пляжах Испании. В июле 1932 года Скосырев зарегистрировался в отеле городка Ситгес на

Плайя де оро (Золотой пляж) как подполковник голландской армии и подданный Голландии. Паспорта этой страны предусматривали обязательное наличие в них гуттаперчевых факсимиле. Почему-то оно было принято местными властями за личное монаршее удостоверение принадлежности хозяина документа к королевской семье. Новоприбывший не торопился рассеять заблуждение на его счет. Вскоре барон Скосырев стал самым заметным человеком среди населения городка, о нем заговорили как о родственнике многих королевских династий Европы. Среди полезных знакомств Бориса особо значимой для него была связь с Полли П. Херрд («Ламарес»), в донесениях испанской полиции названной «английской миллионершей». «Барон» периодически исчезал из городка, но номер гостиницы всегда оставлял за собой, а англичанка щедро оплачивала его счета. В конце концов иностранцем заинтересовалась испанская полиция. Довольно быстро правоохранительные органы получили информацию из Барселоны, где Борис неоднократно продавал подарки и драгоценности своей подруги. Практически удостоверившись, что «барон» – всего лишь очередной ловкий мошенник, и желая обезопасить себя от очередных авантюр, власти позаботились о том, чтобы в декабре 1932 года беспокойного эмигранта выслали из Испании.

Вначале вместе со своей подругой-англичанкой Скосырев перебрался на Мальорку, но остров тоже являлся территорией Испании, где он был объявлен персоной нон грата. Борис недолго размышлял, куда направить свои стопы. Он начал подготовку к переселению в Андорру. (В молодости Борис интересовался географией, точнее, «карликовыми» странами и малоизученными землями). В библиотеках Марселя и Тулузы Скосырев начал подробно изучать историю и этнографию своего будущего места обитания. Информацию о современном положении дел в мини-государстве он получал также из бесед с проводниками, водившими скотоводческие караваны сквозь Пиренейские горы, андоррцами-иммигрантами.

Итак, ему было известно, что страна полна феодальной экзотики, там нет ни музеев, ни библиотек, коренных жителей около 10 тысяч, а эмигрантов вчетверо больше. Гражданином Андорры можно стать только в третьем поколении. Здесь никто не платит налогов, ни местное население, ни приезжие. Таможенных пошлин на импорт в государстве не существует. Бюрократический аппарат этой страны небольшой, армии нет, как и денежной единицы. Здесь функционируют всего три микроминистерства: финансов, соцобеспечения и иностранных дел. Так что местные жители имеют максимум благ… при

известном ограничении политических прав. Дело в том, что история этого крохотного клочка земли на удивление беспокойна. Андорра – одно из древнейших европейских государств. Его территория и сегодня составляет около 600 квадратных километров. В то время оно все еще продолжало выплачивать символическую дань Франции и Испании (960 франков и 430 песет соответственно). Название этому клочку земли дали более тысячи лет назад епископы Каталонии, составившие так называемое «Письмо свободы». В этом документе местность получила официальное признание под библейским именем «Эндор», которое в измененной форме сохранилось по сей день. Веками территорию Андорры использовали для прохода войск. То Ганнибал вел свою армию римлянам в тыл, то опустошали местность крестовые походы. А на рубежах Шести Долин грозно скалились друг на друга мощные укрепления двух извечных противников – Испании и Франции, норовивших превратить эту землю в театр военных действий. Неразбериха продолжалась до 1278 года, когда епископ Урхельский, представлявший интересы скорее Ватикана, чем Мадридского двора, подписал с сеньором французского графства Фуа совместное обязательство об опеке. Этот документ стал основой двойного суверенитета Шести Долин, отныне обретших статус нейтральной территории. Военные укрепления были срыты, и противники обязались больше никогда их не строить. А Андорра, в обмен на гарантии своих соседей, отказалась от собственной армии. Уже 725 лет княжество управляется двумя кронпринцами: с испанской стороны – епископом Урхельским, а с французской – сначала сеньорами графства Фуа, а впоследствии королями и президентами. Обе стороны каждые полгода сдают друг другу дела.

С тех самых пор в здании генерального совета сохраняется древняя шкатулка, закрытая на шесть замков. Ключи от них находятся у депутаций Шести Долин, из которых состоит федеративная Андорра: таким образом, шкатулку они могут открыть только вместе. В ней лежит рукописная книга Антони Фитер-и-Россела «Краткое описание нейтральных Долин Андорры», датированная 1748 годом. Автор этого священного для андоррцев манускрипта вывел нейтралитет как древнюю реальность страны.

Для поддержания такого положения дел он предусматривал возможно худшее состояние дорог, так как плохие пути сообщения не позволят использовать Андорру для прохода армий в случае войны между Францией и Испанией. Правда, в те времена не было известно о таком новом средстве коммуникаций, как телеграф, оказавшийся страшнее приличных дорог… Для

борьбы с этим достижением человечества андоррцы в течение десяти лет пилили по ночам телеграфные столбы и резали провода. (Сейчас, правда, местное население несколько примирилось с техническими новшествами, получив в обмен бесплатные телефонные переговоры и почтовую корреспонденцию внутри княжества.)

К началу 30-х годов Франция и Испания начали строить сквозную автомобильную дорогу по территории Андорры. Почти феодальное государство содрогнулось от шока при встрече с европейской цивилизацией. Ведь вместе со строителями в страну проникали и «современные идеи». Правление Бориса Скосырева – один из авантюрных парадоксов истории страны, возникший в результате ознакомления местного населения с современной политической мыслью. Именно с царем Борисом ревнители андоррской независимости вполне обоснованно связывают первые шаги страны по пути обретения суверенитета и права голоса в Пиренейском регионе.

Что положило конец правлению Бориса Первого, в точности неизвестно до сих пор. Среди версий происшедшего выделяются две. Одна, наиболее достоверная, говорит о том, что монархический строй в Андорре был уничтожен нацистами в начале Второй мировой войны, когда самого Бориса отправили в концлагерь. «Его» же держава в течение семи лет, с 1934 года вплоть до смерти государя, имела статус царства.

Другая версия утверждает, что его правление продлилось всего каких-то пару месяцев, после чего испанская гражданская гвардия и французские жандармы выпроводили самозванца из страны.

Обе версии сходятся только в одном: они свидетельствуют, что царь-авантюрист окончил свои дни в фашистском концлагере во Франции.

Итак, давайте ознакомимся с мнениями обеих сторон по поводу его биографии. Первое из них гласит следующее. Кроме исторических подробностей, Скосыреву удалось выяснить, что в 1933 году почти все взрослое население Андорры потребовало от местных властей, а также Парижа и Мадрида провозглашения всеобщего избирательного права. Местные жители настаивали также на предоставлении им приоритетного права в пользовании природными богатствами своей страны. Испания, будучи республиканской, согласилась с этими требованиями. Что же касается Франции, то она была готова пойти на нарушение испано-французских соглашений по Андорре и угрожала посылкой войск. Пресса обеих держав назвала эти события «Андоррской революцией». Борис Скосырев крайне

заинтересовался возникшей ситуацией. В письмах своим друзьям он очень сожалел, что у андоррцев нет сильной личности на роль вождя, должной политической организации и выработанной программы дальнейших действий. Видимо, искушение сыграть роль такой «сильной личности» было слишком велико. Тем более что альтернативой этой авантюре была судьба, обычная для большинства русских эмигрантов: серое прозябание, случайные заработки и тоска по утраченной родине. Борис сделал свой выбор, решив сыграть ва-банк. В июле 1934 года в сопровождении нескольких офицеров из армий Юденича и Врангеля, а также сомнительных личностей из числа русских эмигрантов, обосновавшихся на юге Франции, Скосырев без особых трудностей проник в Андорру. Вскоре он становится самым популярным оратором на улицах. Как всегда, он имеет очень импозантный и уверенный вид: цветок в петлице, монокль в глазу, блестящие от бриолина волосы, грамотные, тщательно продуманные высказывания. Он убеждает слушателей в том, что жить на задворках истории – недостойно. Он доказывает, что Андорра должна впустить банковский и торговый капитал, учредить анонимные общества. Он открыто иронизирует по поводу «овечьего суверенитета», вменяющего в обязанность терпеть двух чужих кронпринцев, и призывает Андорру… избрать своего короля! Кроме того, приезжий реформатор делает незаурядный ход, советуя не отказываться от опеки, а лишь сменить опекунов. На их место он предлагает назначить короля Испании Хуана III и главу французского королевского дома. Почему именно их? Оказывается, все до смешного просто: испанский монарх его, Бориса, лучший друг; кроме того, оратор, называющий себя уже «графом Оранжским», скоро станет личным наместником главы королевского дома Франции в Андорре! И вот напористый самозванец захватывает власть при полной поддержке населения, которому подошла такая политическая программа. В здание генерального совета толпа внесла его на руках! Итак, новоявленный узурпатор обосновался в столице Андорры, а затем переехал в расположенный поблизости городок Сольдеу, где, не мудрствуя лукаво, провозгласил себя в том же году королем Борисом Первым.

Новоиспеченный правитель немедленно занялся претворением в жизнь государственных реформ и сочинил самую короткую Конституцию в мире. Она состояла из 17 пунктов и заняла всего одну колонку в «Ведомостях Временного правительства Андорры». В данном документе провозглашалось учреждение парламента, которому Его Величество Король представляет состав правительства. Пункты Конституции

гласили, что король будет лично представлять Андорру в Лиге Наций и обладает правом роспуска парламента. Ни у кого не вызывал сомнений результат первых всеобщих выборов, назначенных на 1 августа. По всем прогнозам, победить могла только партия, организованная напористым эмигрантом. Для законного воцарения необходимо было выждать всего три недели. Однако терпение, видимо, не входило в список добродетелей новоиспеченного монарха. Дабы не скучать до выборов, он пишет «Манифест» с объявлением войны епископу Урхельского собора, сеньору Бисбе. Скосырев мотивирует подобные действия обидой, нанесенной епископом ему лично и состоявшей в нелицеприятных высказываниях о нем в публичной печати.

Предварительно переговорив с французским кронпринцем по телеграфу, сановный испанец выслал в Андорру в качестве военной силы отряд из четырех жандармов и офицера, которые без труда одержали победу над регулярной армией Шести Долин. (Она состояла из 16-ти занятых переписью населения полицейских.) Это испанское «войско» и арестовало Бориса во время утреннего чаепития в королевском саду.

Скосырев был препровожден в Барселону, где его допросил главный комиссар правительства Каталонии по делам иностранных граждан сеньор Бакуэр. В голландском паспорте Бориса значились и такие данные: родился в Вильно 12 июня 1896 года, профессия – журналист. Однако буйный правитель заявил, что в его старинной родословной – 40 европейских монархов, а король Испании – его лучший друг, так что особы, взявшие на себя смелость арестовать его, вскоре горько пожалеют о своей неосмотрительности. Но такое заявление само по себе было весьма опрометчивым, если учесть, что оно было сделано представителю республики, где меньше трех лет назад свергли короля. Больше всего следователя интересовал следующий момент: на какие силы рассчитывал самозванец? И вообще, зачем понадобился ему этот «Манифест», да еще и накануне выборов?

Оказалось, Борис решил не распыляться по мелочам и вплотную заняться вопросом возвращения Европы к монархическому порядку. При этом Скосырев, по его словам, рассчитывал на андоррский народ, на 600 испанских добровольцев и на многочисленных эмигрантов, осевших во Франции и симпатизировавших его идеям. Итак, Испания вынуждена была вторично изгнать так надоевшего ей авантюриста. На этот раз его выдворили в Португалию. Оттуда он вновь отправился во Францию, где и попал в фашистский концлагерь Верне, расположенный недалеко от города Перпиньян. Здесь в качестве узников содержались и русские

военнопленные, не раз избивавшие этого странного человека, который доставал их уверениями, что Россия для победы над фашизмом обязательно должна вернуться к монархическому строю.

Эта реконструкция событий считается менее правдоподобной, чем та, которая бытует среди населения Андорры с легкой руки одного дотошного историка-энтузиаста, единственного на все Шесть Долин, сохранившего уникальные реликвии той эпохи.

По поводу Конституции он согласен с приверженцами иной версии жизни единственного короля в истории этого крохотного пиренейского государства. Что же касается правления Бориса, то тут приводится ряд уточнений, позволяющих достаточно высоко оценить некоторые его личные качества. Руководство державой осуществлялось им при помощи указов и манифестов. Государь часто менял министров, глав местных общин, направлял петиции в Париж, Мадрид и Лигу Наций. В этих документах он выдвигал требования официально признать независимость «своего» королевства. «Царь Борис» видел себя в роли просвещенного монарха и был сторонником управляемой, но национальной демократии. Так он подтвердил не только всеандоррское избирательное право, но и выпустил ряд указов, предписывающих местному населению не подчиняться директивам Парижа и Мадрида. Все природные ресурсы страны были объявлены им сугубо национальным достоянием. Это постановление должно было сыграть огромную роль в развитии страны, поскольку здесь находятся знаменитые курортные зоны и минеральные источники, а недра Андорры богаты железной и свинцовой рудой, энергетическим углем (лигнитом), медью и серным колчеданом. Кроме того, на горных склонах страны произрастает немало ценных пород деревьев, причем у многих из них нет аналогов в Европе.

Один из указов короля Бориса I запрещал частную собственность на землю и ее ресурсы и оговаривал, что они должны впредь находиться либо в госсобственности, либо в собственности общин. Государство же предоставляет земельные наделы в аренду или концессию отдельным гражданам, в том числе иностранцам. Подобные мероприятия снискали единодушную поддержку у местного населения, но раздражали Мадрид и Париж.

С началом испанской гражданской войны «андоррский феномен» превратился в немаловажный фактор для противоборствующих сторон. Борис Скосырев заявлял, что не поддерживает ни франкистов, ни республиканцев, но фактически стал союзником последних, поскольку способствовал

бесперебойным гуманитарным и военным поставкам республиканским властям. Он разрешил транзит испанских эмигрантов во Францию и другие европейские страны, запретив при этом «международным наблюдателям» из Комитета по невмешательству в испанские дела в Лондоне контролировать нейтралитет Андорры. Это вызвало резкую критику премьера Великобритании Чемберлена, назвавшего Б. Скосырева «агентом Москвы» либо испанской компартии.

Весной 1939 года Борис, несмотря на угрозы Франко, разрешил части республиканской армии и беженцам проследовать через Андорру во Францию. При этом местные жители особым указом обязывались предоставлять необходимую помощь эмигрантам. В конце концов, захватив власть в Испании, франкисты решили расправиться с сильно насолившим им «русским царем». Однако за него неожиданно вступилась Франция, не заинтересованная в усилении враждебного ей режима на южных рубежах. Франко, оказавшийся перед угрозой столь нежелательного для него конфликта, отказался от плана оккупации Андорры.

Но в 1940 году территория Франции оказалась оккупированной нацистами. «Красная Андорра» могла, как считали в Виши и Берлине, стать одной из перевалочных баз для сил французского Сопротивления. Поэтому было решено устранить режим Скосырева и его самого. С этой целью осенью 1941 года вишисты при содействии франкистской спецслужбы арестовали короля в Сольдеу. Поскольку в самой Андорре тюрем нет и преступникам обычно предоставляется выбор, где отбывать наказание – во Франции или в Испании, Бориса вначале посадили под замок в здании генерального совета. Здесь есть «холодная» с зарешеченным окном, в которой он и провел последнюю ночь на территории своего государства. Наутро его препроводили в уже упоминаемый концлагерь Верне. Здесь в 1944 году и окончил свои дни Б. Скосырев, с именем которого связаны первые достижения Андорры на пути к независимости.

Итак, был ли наш соотечественник, сумевший добиться признания и трона вдалеке от родины, банальным мошенником, старавшимся обеспечить себе райскую жизнь при минимуме усилий, или же перед нами личность, бесспорно, авантюрная, но обладавшая задатками подлинного реформатора и действительно приложившая максимум усилий к достижению подлинного благоденствия в стране? Бессовестный самозванец или именно та сильная личность, которой так не хватало андоррцам? Какая из выдвинутых версий жизни Бориса Скосырева отражает его реальную судьбу и истинный облик? Видимо, мы можем так

никогда и не узнать правды, ведь документальных свидетельств о нем сохранилось немного, а в самой Андорре, по невыясненным причинам, его имя – табу. Кстати, в настоящее время это мини-государство добилось целого ряда политических изменений, которые и собирался воплотить в жизнь его «русский царь» Борис…

ГЕРЦ КОРНЕЛИУС

(род. в 1845 г. – ум. в 1898 г.)

Авантюрист мирового масштаба, медицинский шарлатан, финансовый спекулянт, один из главных участников скандала, связанного со строительством Панамского канала. Шантажист и политический интриган, от закулисных действий которого порой зависело политическое будущее партий, парламента или правительства.

Корнелиус Герц родился в г. Безансон, что на востоке Франции, в семье эмигрантов. Через 5 лет, в 1850 году родители переехали в США, где дали ему среднее медицинское образование. Вернувшись во Францию, Герц участвовал в войне против Пруссии в должности полкового медика и был награжден высокой французской наградой – орденом Почетного легиона. За какие такие заслуги – история умалчивает. Очень может быть, что медик получил орден, используя свои штабные знакомства. Уже тогда пронырливый Корнелиус умел втереться в доверие к нужным людям и пустить пыль в глаза.

После окончания военных действий орденоносец вернулся в Америку и поступил в Чикагский медицинский университет. По одним сведениям, Герц все-таки закончил его и получил диплом врача, после чего женился на очень богатой девушке – дочери преуспевающего фабриканта. По другим – Корнелиус не доучился, а просто с помощью богатого тестя купил диплом. Так или иначе, он начал частную медицинскую практику. Новоиспеченный лекарь брался лечить всех больных новейшим способом – электрическим током. Свой «прогрессивный» и доселе неизвестный метод лечения всех болячек эскулап-мошенник широко рекламировал, раздувая страсти и создавая ажиотаж вокруг своего имени. Пациенты, среди которых были и неизлечимые больные, охотно «клевали на приманку» и без сожаления расставались со своими деньгами. Толпы страждущих получить исцеление у доктора Герца осаждали его, многие заплатили немалые деньги наперед. Но когда несколько больных после «чудодейственного» лечения отошли в мир иной, денежный поток иссяк и запахло судом. Кредиторы начали осаждать шарлатана, и он, спасаясь от них и американского правосудия, отчалил во Францию.

В Париже нечистый на руку врачеватель ударился в технический бизнес. Осмотревшись, он вложил капитал в самые перспективные на то время направления – электрическое освещение и телефон. Но развернуться ему не дали конкуренты, пользующиеся протекцией властей, – они оказались более удачливыми, а начинающий бизнесмен потерпел фиаско. Однако это не отбило у Герца охоту прорваться к большим деньгам. Он начал заводить полезные знакомства в среде власть имущих. Постепенно, шаг за шагом, используя старых знакомых для представления новым, Корнелиус дошел до лидеров влиятельных партий. Среди них оказался будущий премьер-министр Франции, неподкупный радикал Жорж Клемансо, которого трудно было провести. Но даже он поверил заезжему аферисту Герцу, который на правах близкого друга и единомышленника принимал участие в финансировании партийной газеты радикалов. Войдя в доверие к Жоржу, хитрый Корнелиус с его помощью без особых трудностей влился в круг политической элиты Франции. С помощью дорогостоящих, изысканных подарков Герц быстро стал своим человеком среди министров и депутатов. Премьер-министр порекомендовал Корнелиуса в помощники Великому Французу Фердинанду де Лессепсу – президенту Международной компании по строительству межокеанического Панамского канала. Вступая в должность президента, Великий Француз заверял инвесторов, что строительство обойдется не дороже 600 млн золотых франков и продлится не более 12 лет. После его рекламной поездки в 1879 году по Панамскому перешейку, где планировалось прорыть канал, было выпущено 600 тыс. акций, которые разошлись очень быстро. Мировая печать, освещая эту поездку, во весь голос трубила о выгодном вложении капитала в проект Лессепса, и желающих приобрести ценные бумаги было хоть отбавляй.

В 1879 году началось строительство, и сразу возникли осложнения. Новейшая европейская техника не была приспособлена для работы в непроходимых джунглях, болотах и горных массивах. Она не выдерживала нагрузок в тропическом климате с его палящим зноем, повышенной влажностью и быстро выходила из строя. Тропические ливни в сезон дождей вызывали многокилометровые разливы рек, которые затапливали всех и вся, сводя на нет работу десятков тысяч рабочих. Болезни, эпидемии, несчастные случаи уносили жизни тысяч строителей. Ко всему этому добавилась еще одна трудность: невозможность использовать железную дорогу, которая находилась в руках американской частной компании. Так как денег на ее выкуп предусмотрено не было, в 1882 году Международная компания выпустила пятипроцентные облигации выигрышного займа.

Благодаря широко развернутой в печати рекламе акции разошлись почти сразу.

Железная дорога, конечно, не смогла решить проблем, к которым добавились ошибки в проекте строительства и инженерные просчеты – их приходилось исправлять на ходу. А для этого требовались дополнительные средства. Деньги, отпущенные на Панамский канал, иссякали быстрее запланированного.

Но все эти предвиденные и непредвиденные расходы не могли бы так быстро опустошить мешки Международной компании, если б не спевшийся тандем казнокрадов – несостоявшийся доктор Корнелиус Герц и банкир барон Жак де Рейнак. Они вовсю воровали деньги, уютно устроившись за спиной доверчивого президента компании – старого Фердинанда де Лессепса. Особенно преуспел в этом Герц, с самого начала строительства игравший одну из главных ролей в распределении финансов компании на правах помощника Великого Француза. Он их «распределял» чаще в свой карман, чем на нужды проекта. Не удивительно, что денег строителям стало не хватать. Выход нашелся в выпуске новых облигаций. За пятипроцентным займом 1882 года для выкупа железной дороги в следующем году последовал трехпроцентный, затем четырехпроцентный. Новые облигации расходились с большим трудом, несмотря на рекламную трескотню в прессе, а Панамский проект требовал все новых и новых инвестиций. Расходы уже превысили запланированные 600 млн франков, а до завершения строительства было очень далеко. Правительство Франции отказало Международной Панамской компании в просьбе выпустить новый транш облигаций выигрышного займа. Герц взялся «протолкнуть» соответствующий закон в парламенте и добиться положительного решения правительства; не бесплатно, конечно. Он запросил «всего лишь» 10 млн франков из кассы строительства у сына президента компании, Шарля де Лессепса, из которых лично себе – 600 тысяч. Шарль согласился на эту авантюру. Корнелиус, не пачкая руки дачей взяток законодателям и министрам, подключил к этим операциям банк Жака де Рейнака. Жак банковскими чеками дал «на лапу» парламентариям и министрам. В результате правительство приняло нужное постановление о выпуске облигаций, а Герц получил свою долю.

Почему де Лессепс-младший пошел на заведомое мошенничество и доверился пройдохе Герцу? Может быть, потому, что за Корнелиуса поручился барон де Рейнак? А барону зачем было рисковать своей репутацией и «подставлять» свой банк? Возможно, банкир был «на крючке» у Герца. Бывший доктор

покупал за огромные деньги компромат на богачей и влиятельных лиц, а затем умело их шантажировал. Не исключено, что Жак был замешан в каких-то грязных делах на государственном уровне, вплоть до шпионажа и убийства. Корнелиус об этом знал и заставлял барона плясать под свою дудку. В бумагах банкира после его смерти обнаружили счета, в которых значилась сумма около 10 млн франков, выплаченная шантажисту за годы их «дружбы». Правда, Рейнак себя, любимого, тоже не обижал, оставляя в своем банке часть денег компании, выделенных Корнелиусом на рекламу и взятки. С трудом верится, что и Фердинанд де Лессепс – глава и учредитель Международной компании – не ведал, как его помощник Герц ворует миллионы франков из денег, отпущенных на канал. Может, и на «патрона» у запасливого Корнелиуса был компромат?

Герц тем временем увеличивал количество своих миллионов, расширял сферу влияния. Его знали все парижские политики, тепло принимали в президентском дворце.

Новоявленный миллионер для извлечения финансовой выгоды подкупал депутатов, высокопоставленных чиновников и таким образом добивался все более почетных званий в списках Почетного легиона или забирал себе прибыльные контракты у конкурентов. Он любил поиздеваться и позабавиться над «сильными мира сего», сталкивая лбами, например, лидеров враждующих партий. Зная их слабые места, организовывал в газетах за большие деньги публикации подстрекательских статей, после чего разгорался сыр-бор. В своих политических интригах Герц хотел зайти еще дальше и – ни больше ни меньше! – на спор разрушить союз Австро-Венгрии, Германии и Италии, которые были в то время противниками Франции.

Но вернемся к Панамскому каналу. Для предотвращения финансового краха всей панамской затеи были выпущены еще 4 займа, с постепенным увеличением купона до 6 %, чтобы хоть как-то заинтересовать инвесторов. А они не торопились вкладывать деньги в «стройку века» в погоне за мифическими барышами. Если 600 тыс. акций и первый транш пятипроцентных облигаций раскупались «на ура», то теперь дело продвигалось со скрипом. Корнелиус выделял из панамской кассы деньги Рейнаку, а тот, не забывая и свой карман, раздавал взятки крупным чиновникам, организовывал соответствующую рекламу каждого выпуска непопулярных облигаций. Но и после этих усилий удавалось распространить далеко не все облигации.

В 1886 году в прессу просочилась информация, что за 5 лет была прорыта всего лишь шестая часть Панамского канала. Акции компании тут же обвалились. На следующий год до Великого

Француза наконец-то дошло, что в проекте с самого начала допущены ошибки и дальнейшее строительство канала на уровне моря невозможно – нужны шлюзы. В это время в Париже заканчивалось строительство Эйфелевой башни. Фердинанд де Лессепс обратился к ее автору, Александру Гюставу Эйфелю, с просьбой разработать новый проект канала с использованием шлюзов для прохождения судов. Эйфель нарисовал проект. Когда подсчитали стоимость работ, ужаснулись: нужен еще 1 млрд 600 млн франков. С учетом уже вложенного 1 млрд 400 млн золотых франков сумма достигла 3 миллиардов – вместо обещанных Великим Французом 600 млн! После такой новости акции Панамской компании упали почти до нуля. Где взять такие большие деньги на продолжение строительства, никто не знал. А Корнелиус Герц нашел источник. Он задумал новую авантюру – денежную лотерею. Но частные компании по закону не имели юридических прав на проведение лотерей. Опытный авантюрист решил изменить закон. С помощью «закадычного» друга банкира Жака Рейнака находчивый Герц подкупил всех, от кого зависело принятие нужного решения о лотерее, начиная с депутатов и заканчивая премьер-министром. Сумма взяток превысила 4 млн франков! В июне 1888 года подходящий закон приняли, но было уже поздно: в феврале того же года Парижский трибунал ликвидировал Международную компанию Панамского канала. Надежды десятков тысяч вкладчиков и инвесторов развеялись как дым. При расследовании обвинения в получении взяток были выдвинуты против 510 депутатов парламента во главе со спикером. Всплыли многочисленные финансовые преступления, коррупция коснулась всех ветвей власти. Правительство с позором ушло в отставку.

А Герц вышел сухим из воды. Что же касается Рейнака, то ему вменялось соучастие в преступных действиях руководства компании, которому инкриминировалось мошенничество и финансовые махинации. Под горячую руку правосудия попал даже несчастный Эйфель. Но потом депутатские уголовные дела тихо спустили на тормозах. Эйфеля и Шарля де Лессепса осудили и отпустили по амнистии. Фердинанд де Лессепс тоже был амнистирован и вскоре умер в своем поместье. Козлом отпущения сделали одного лишь министра общественных работ Шарля Байо, который с перепугу признал себя виновным и на 5 лет очутился в тюрьме. Но секретное расследование по делу Панамской компании продолжалось.

Позже одна из французских газет, проведя собственное следствие, сделала выводы: поскольку Герц, Рейнак и другие аферисты в окружении Фердинанда де Лессепса были евреями, то

и вся афера – чисто еврейский гешефт. Стало быть, полтысячи депутатов, министры во главе с премьером, сам Великий Француз и его сын Шарль всего лишь заблуждались, не ведая, что творят, и оказались невинными жертвами заговора. Правительство, которому нужно было передохнуть после жуткого скандала, с радостью подхватило эту идею и направило благородный гнев десятков тысяч обманутых вкладчиков на евреев вообще.

Но это будет потом, а пока что Герц как ни в чем не бывало продолжал шантажировать Жака де Рейнака и вымогать у него деньги. Барон пытался убедить шантажиста, что у него нет больше средств, которые компания в свое время перечислила в его банк для взяток высшим чиновникам и законодателям. С этой целью Жак даже отослал Корнелиусу список лиц, получивших «скромное денежное вознаграждение» и сумму, врученную каждому «слуге народа». Это не помогло, а наоборот – стало еще одной уликой против Рейнака, да и против депутатов тоже. (Вполне возможно, что Герц, имея такие веские доказательства, начал преследовать и «слуг народа».) Тогда отчаявшийся банкир написал письмо своему знакомому, бывшему полицейскому, изгнанному со службы за должностное преступление, и предложил за крупное вознаграждение убрать Герца. Бывший блюститель порядка предупредил Корнелиуса о намерениях Жака Рейнака и, возможно, предложил купить у него это письмо. А может, Герц сам захотел выкупить его, но так или иначе, послание Жака оказалось в руках Корнелиуса, что стало еще одним козырем для дальнейшего шантажирования банкира, которого Герц продолжал «доить». Бывший полицейский вскоре неожиданно скончался. То ли от приступа астмы, как констатировал врач, то ли ему «помогли» умереть…

Тем временем в газетах стали появляться сенсационные сообщения о том, что через барона Рейнака один из депутатов парламента получил в свое время от Международной Панамской компании несколько сот тысяч франков для агитации избирателей во время выборов в парламент. Герц наверняка был об этом осведомлен, но перед правосудием снова оказался чистеньким. Барон просил своего заклятого «друга» повлиять на ход событий, приостановить надвигающийся скандал, который мог привести Рейнака в тюрьму. Герц ответил, что ему об этом сообщили слишком поздно, и он ничего не может сделать. На следующий день барон покончил с собой, а Корнелиус уехал жить в Англию, ибо чувствовал: после ознакомления с архивом покойного следствие подберется и к нему. И действительно: после обнаружения в бумагах усопшего Рейнака счета под названием «Шантаж Герца» французское правосудие попросило

выдать им шантажиста. Но Герц заявил властям о своих многочисленных болячках и недугах. Авторитетный консилиум английских и французских врачей этот факт полностью подтвердил (не исключено, что тоже за очень большие деньги). Просьба французов не была удовлетворена.

Правда, под давлением общественности через несколько лет над Герцем в Англии все же состоялся суд. Но доказать его вину не смогли. Наоборот, суд счел доказанным лишь то, что барон Рейнак в одном из своих посланий доктору признал себя его должником. Значит, ни о какой экстрадиции Герца властям Франции речи быть не может. Наоборот: сын барона Рейнака обязан выплатить доктору долг покойного отца… Решение французского суда, который заочно доказал вину Корнелиуса Герца в шантажировании барона де Рейнака, мошенник, естественно, проигнорировал. Более того, он потребовал от французского правительства возмещения морального ущерба за установленную за ним в Англии по просьбе Парижа полицейскую слежку. У Герца, очевидно, были компрометирующие материалы на многих действующих парламентариев и министров. Он позволял себе откровенные публичные насмешки над кабмином и законодательным органом Франции. Узнав, что в парламенте в 1897 году создана очередная комиссия по расследованию деятельности Панамской компании, злой гений высшей пробы заявил о своем намерении рассказать все. Депутаты послали ему телеграмму о готовности прибыть к нему в Борнмут и заслушать показания, но, по-видимому, пройдоха и не собирался «рассказывать все», а сделал заявление для очередного шантажа правительства Франции.

Многие министры были в свое время причастны к денежным махинациям Международной компании. Они-то, наверное, и попросили неугомонного интригана не выносить сор из избы в обмен на его неприкосновенность. Махинатор в ответной депеше «дал задний ход» и отложил разоблачение на неопределенный срок. Так повторялось несколько раз – авантюрист самого высокого пошиба играл с обладателями политической власти как кошка с мышкой и наслаждался своей неуязвимостью. Никто ничего не мог ему сделать. Единственная неприятность, которую французское правительство смогло доставить Корнелиусу за последние 10 лет жизни, – заочно лишить его ордена Почетного легиона. Бывший орденоносец не очень-то и печалился по этому поводу.

Прожил закулисных интриг мастер всего 53 года и умер 6 июля 1898 года. А строительство Панамского канала американцы завершили в 1914 году.

РЕЙЛИ СИДНЕЙ ДЖОРДЖ

Настоящее имя – Соломон-Зигмунд Розенблюм

(род. в 1874 г. – ум. в 1925 г.)

Один из самых известных авантюристов конца XIX – начала XX века. Являлся агентом сразу нескольких разведок, но на кого работал на самом деле, до сих пор остается загадкой. Был лично знаком с Борисом Савинковым и Уинстоном Черчиллем. Послужил прообразом знаменитого агента 007.

Писать биографию разведчика – все равно, что пытаться собрать зеркало из осколков: с одной стороны, о его жизни известно много, с другой – все сведения крайне противоречивы. Но история жизни этого человека стоит того, чтобы, по крайней мере, попытаться.

Сам Сидней Рейли указывал в качестве места своего рождения то солнечную Одессу, то тихий город Клонмел (Ирландия). Однако, по имеющимся данным, с той же долей вероятности он мог родиться и в Херсоне, и в городке Бендзин

(тогда Царство Польское). Тайна самого рождения тоже достойна романа. Наш герой в равной степени мог быть сыном врача, коммерсанта или генерала. При этом, по одной из версий, его отцом являлся родной дядя (брат отца), о чем юноша узнал, пожелав жениться на кузине. Сам Рейли считал себя внебрачным сыном графа Валевского, о чем не раз заявлял. Это позволяло ему «породниться» со своим кумиром Наполеоном.

Как бы там ни было, гимназию тогда еще Соломон Розенблюм закончил все-таки в Одессе. Потом он вроде бы поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета. Не закончив учебу, был исключен за участие в марксистском кружке и в разочаровании покинул страну. При этом есть сведения об инсценировке им самоубийства, которую он организовал для матери, желая уехать из России инкогнито. Позже следы Розенблюма обнаруживаются в Гейдельберге, где он прилежно изучает философию, хотя, возможно, и химию. Опять недоучившись, он отправляется в Лондон, где переходит в католичество и обзаводится женой, а через нее и знаменитой в истории Англии фамилией – Рейли. Затем юный Остап Бендер решает, что пришла пора увидеть мир. Рио-де-Жанейро ждал своего героя, и в 1897 году Сидней Дж. Рейли завербовался поваром на корабль, отплывавший к берегам Бразилии. Это было судно британской научной экспедиции, которую возглавлял майор СИС (британская секретная служба) Фрезерджил. К слову сказать, она окончилась полным провалом, и мало кто помнил бы об этой авантюре, если бы в результате британская разведка не приобрела ценного сотрудника. Вытащив на своей спине двух оставшихся в живых членов экспедиции, Сидней доказал свой талант действовать решительно в чрезвычайных обстоятельствах. Такие люди были нужны МИ-6 (британская разведка). Нелишними на службе Ее Величеству оказались и другие его таланты.

У Рейли наблюдался потрясающий дар к языкам. С детства он прекрасно знал русский и идиш, свободно владел немецким и французским (и еще пятью европейскими языками) и по крайней мере на разговорном уровне японским и китайским. Что касается английского, то бедный еврейский мальчик знал его в совершенстве. Кроме этого, у него рано проявилась коммерческая жилка. Еще до революции он умудрился сколотить громадное по тем временам состояние. Рейли не брезговал ничем: военные поставки во время Первой мировой войны, нефтедобыча, пароходный фрахт, судостроение, фармацевтика и даже табак. Этот перечень далеко не полон, но все перечислить просто невозможно.

Сидней Джордж старался заработать на всем. Существуют данные, что британцам не было никакой необходимости обучать его шпионажу. Еще в 1904 году Рейли, находясь в Порт-Артуре, где у него были коммерческие интересы, занимался там не только коммерцией. Есть основания полагать, что, втершись в доверие к русскому командованию, он выкрал план обороны города, а местоположение фортификационных сооружений срисовал с натуры. Все это было с немалой выгодой продано японцам.

Британцы вполне обоснованно предполагали, что Рейли скорее бизнесмен, чем разведчик. Ему даже не платили жалованья, поскольку считали, что он своего не упустит.

Работал ли он еще на какую-нибудь разведку, или нет – точно не известно. Ясно одно – без средств этот человек не остался бы в любом случае. Он очень своевременно понял, каким ценным товаром является информация, и всячески это использовал. У него был дар к перевоплощению, способность сойти за своего в любом обществе. Не зря именно Рейли был задействован в сложнейших миссиях в России.

За дела на родине ее бывший гражданин брался с особой охотой. Он был ярым противником советской власти, ведь большевики лишили его заработанной с таким трудом собственности. «То, что происходит здесь, сейчас важнее любой войны, которую когда бы то ни было вело человечество. Любой ценой эта мерзость, народившаяся в России, должна быть уничтожена», – писал Рейли.

Первый раз было решено использовать агента против большевиков в 1918 году. Перед тем разведчику доверили представлять Британию на тайном совещании стран Антанты. Именно там Сиднеем был предложен дерзкий план государственного переворота в России при помощи латышских стрелков. Идея была одобрена, и именно для ее реализации Рейли отправился поначалу в Москву, а затем в Петербург. Впоследствии это дело фигурировало в документах под названием «заговор послов».

Под видом греческого негоцианта Константина Мессино (девичья фамилия матери) Рейли прибывает в Архангельск на крейсере «Куин Мери». После он перебирается в Петроград, где знакомится с Владимиром Григорьевичем Орловым, который достает ему удостоверение на имя сотрудника ЧК Сиднея Георгиевича Реллинского. Орлов впоследствии познакомит заграничного друга со своим соучеником по Варшавской гимназии – Борисом Савинковым. После Рейли будет поддерживать деньгами савинковские мятежи в Ярославле и Рыбинске.

С таким документом сидеть на севере не имело смысла, и суперагент ST1 (официальный код Сиднея) отправляется в Москву. Там он связывается с британским послом Локкартом. Позже ему удается убедить самого Петерса в необходимости и своевременности переворота. Однако впоследствии Петерс испугался масштабов замысла, согласно которому следовало «Ленина и Троцкого после ареста немедленно расстрелять». В результате заговор был раскрыт и Локкарт выслан из страны.

Незадолго до провала Рейли отправляется на север для поднятия мятежа в латышских войсках. С треском провалившийся замысел спас ему жизнь. Узнав по дороге из газет о провале заговора, он, быстро сориентировавшись, пробирается в Англию через Ригу, переодевшись священником. При этом Рейли позаботился о своих людях и спас часть агентов, за что был впоследствии награжден Военным крестом Британской империи.

Засвеченному агенту вроде бы уже больше нечего делать на бывшей родине. Но как раз потому что серьезных дел ему нельзя было поручить, Рейли оказался прямо в Одессе. Как представитель английской разведки он был прикомандирован к Деникину. Понаблюдав за белым движением изнутри и исколесив весь юг, Рейли пришел к весьма трезвым выводам, что без помощи союзников все дело обречено на провал. Иностранный офицер был высоко оценен самим генералом и награжден орденом Св. Анны.

До конца не ясно, то ли из-за недоверия, то ли из-за провала, но в 1922 году Сидней Джордж Рейли официально был уволен из британской разведки. Это никак не отразилось на его дружеских отношениях с военным министром Великобритании сэром Уинстоном Черчиллем, который ему всегда покровительствовал. Да и с самим директором СИС (МИ-6) и многими другими коллегами сохранились прекрасные отношения.

Что на самом деле привело Рейли в Россию в 1925 году, наверное, так и останется загадкой. Возможно, опять желание заработать (после увольнения дела у отставного агента шли плохо), то ли действительно существовал приказ Дзержинского выманить его на советскую территорию. Так или иначе Сидней оказался в Ленинграде. Поводом для поездки послужило предложение группы владельцев национализированных русских компаний, создавших объединение «Торгпром». Им-то как раз и потребовались уникальные связи и способности бывшего шпиона. Необходимо было помешать большевикам договориться с Западом.

На этот раз в Россию прибыл коммерсант Николай Николаевич Штейнберг.

Все произошедшее в дальнейшем изучалось не в одной разведшколе мира как классический пример оперативной работы. Причем в нескольких вариантах. Операция имела название «Трест» и была первым блестяще проведенным делом только что созданного ОГПУ.

Являясь консультантом ВЧК, бывший шеф Отдельного корпуса жандармов Владимир Джунковский весьма своевременно объяснил новым коллегам необходимость создания легендированных организаций. Именно на них и следовало ловить пособников белой эмиграции. Оперативная игра велась в течение шести лет. В результате Рейли удалось схватить именно на связи с такой фальшивкой – «Монархической организацией Центральной России».

Подробности дела слишком запутанны, чтобы приводить их здесь целиком. Вкратце же, Рейли якобы был схвачен на конспиративной квартире 26 сентября 1925 года. В тот же день он оказался на Лубянке, в штаб-квартире ОГПУ.

Поскольку заграница могла поднять шум, была проведена еще одна акция. В результате в газетах появилась информация, по которой арестованный был случайно убит как контрабандист при попытке перейти финскую границу.

А Сидней Рейли в это время, возможно, писал письмо, сохранившееся в архивах КГБ. «Я выражаю свое согласие дать вам вполне откровенные показания по вопросам, интересующим ОГПУ, относительно организации и состава британской разведки и, насколько мне известно, американской разведки, а также тех лиц в русской эмиграции, с которыми мне пришлось иметь дело. Москва. Внутренняя тюрьма. 30 октября 1925 года. Сидней Рейли».

Удачно начатое плодотворное сотрудничество не сложилось. По приказу сверху 5 ноября 1925 года был приведен в исполнение висевший над Рейли еще с декабря 1918 года, со времени «заговора послов», смертный приговор.

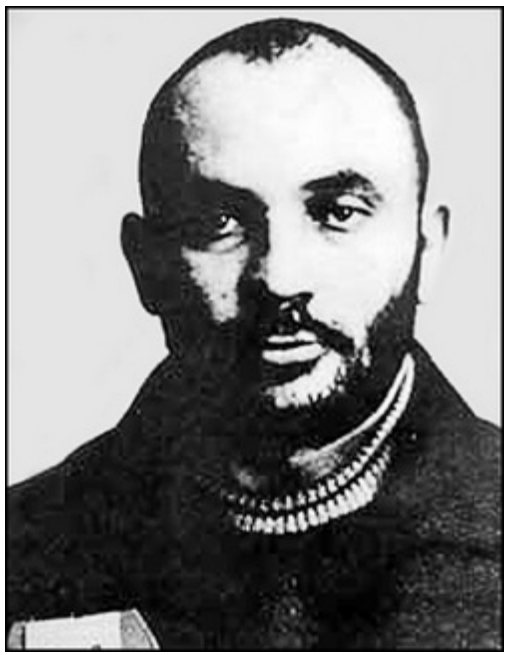
Однако, по одной из версий, британский шпион Сидней Рейли был одним из самых блестящих мифов Дзержинского. «Железный Феликс» якобы переиграл всех и умудрился заслать советского разведчика Сиднея Георгиевича Реллинского в Англию, где тот блестяще выполнил возложенную на него миссию. А вся операция «Трест» была организована для возвращения агента на родину. Правда, конец везде одинаков. Реллинский все равно был расстрелян как английский агент, так как не смог доказать факта своей работы на Дзержинского, являясь его личным агентом.

Остается добавить, что, по заявлению самого Яна Флеминга,

этот удивительный человек явился одним из двух прототипов знаменитого Джеймса Бонда. Именно у него агент 007 почерпнул неодолимую тягу к прекрасному полу, правда, до оригинала ему было далеко. Рейли был много раз женат, имел массу внебрачных связей, в том числе с Этель Лилиан Войнич, и даже не единожды побывал двоеженцем. А вот личному девизу Рейли Бонд следовал неукоснительно: «Не доверяй никому!»

БЛЮМКИН ЯКОВ ГРИГОРЬЕВИЧ

(род. в 1898 г. – ум. в 1929 г.)



Жизнь этого человека до сих пор окутана множеством легенд, домыслов и мифов, за которыми не просто разглядеть одного из самых опасных и удачливых авантюристов XX века. Историки оценивают его по-разному: одни называют Герострато́м, другие – Остапом Бендером, третьи – посланцем самого Боланда. Этот блестящий авантюрист стал прототипом Наума Бесстрашного, главного героя повести В. Катаева «Уже написан Вертер».

Якову Григорьевичу Блюмкину посвящали стихи многие выдающиеся поэты. Среди них – Сергей Есенин и Николай Гумилев, В. Шершеневич, В. Маяковский, Осип Мандельштам. Он был дружен с А. Мариенгофом, Н. Рерихом, сам мечтал стать писателем: писал стихи, а в 1924 году для серии «Люди революции» подготовил брошюру о Дзержинском.

В Большой советской энциклопедии о Якове Блюмкине написано более 30 строк. Нам же он прежде всего известен как человек, убивший в 1918 году немецкого посла в Советской

России Вильгельма Мирбаха. Подобных эпизодов хватало в жизни этого злого гения. Кем же он был на самом деле?

Ранним мартовским утром 1898 года в Одессе в бедной еврейской семье родился мальчик, которому, по старой еврейской традиции, родители на восьмой день дали имя Симха-Янкель. Ребенок рос болезненным. Его отец Герш Блюмкин, мелкий коммерческий служащий, умер от сердечного приступа, когда Яков, так называли мальчика друзья, был еще маленьким. Мама отдала сына в духовное училище – первую в Одессе талмуд-тору. В еврейской школе он успешно изучил идиш и иврит. Уже во время учебы у Янкеля появился интерес к литературе и стихосложению. Он понял ценность старинных еврейских манускриптов, любовь к которым привил ему Яков Абрамович Шалом – хорошо известный под псевдонимом Мойхер-Сфорим Менделе, ставший основоположником современной еврейской литературы.

Окончив духовную семинарию, Яков в 1913 году поступил учеником в электротехническую школу Ингера, а в ночное время подрабатывал в Ришельевском трамвайном парке.

Те, кто хорошо знал Блюмкина до 20-х годов XX века, вспоминали, что уже тогда за ним тянулся целый шлейф криминальных историй. Во время службы в торговой компании у некоего Перемена Яков Блюмкин умело подделывал документы и подписи высокопоставленных лиц, выписывая всем желающим отсрочки по отбыванию воинской повинности. Благодаря природному уму и небывалой изворотливости Якову не только удалось избежать наказания, но и умело свалить свою вину на начальника. К тому же Яков Блюмкин вместе с Мишей Япончиком промышлял налетами. Уже тогда за юным Симхой-Янкелем утвердилась слава жестокого человека.

Во время учебы в техническом училище он примкнул к партии социалистов-революционеров – эсеров. Блюмкин стал завсегдатаем их кружков и даже водил дружбу с одесскими анархистами. А в 1917 году Яков переехал жить в Харьков. Харьковские эсеры отправили его в Симбирск, проповедовать их идеи. И Блюмкин в девятнадцать лет совершил головокружительную карьеру: он прошел путь от рядового члена Симбирского совета народных депутатов до помощника начальника штаба Красной Армии. Молодой командир участвовал в боях с войсками Центральной Рады и с гайдамаками.

Симха-Янкель вскоре был замешан в криминальной истории, которая впоследствии оказала большое влияние на его судьбу. Бывший одесский налетчик, а теперь командир Красной Армии

был патологически жадным. Поэтому, выполняя по приказу Реввоенсовета задание по экспроприации в Государственном банке 4 млн рублей, Блюмкин решил обманным путем присвоить основную часть средств себе. Под угрозой расстрела деньги пришлось возвратить, хотя судьба 500 тыс. рублей так и осталась неизвестной.

Когда волнения поутихли, ловкий авантюрист появился в Москве, где его приютили товарищи по партии. Яков Григорьевич – отныне так он стал себя именовать – был зачислен в охрану партии левых эсеров. Лучшую кандидатуру действительно трудно было найти: он метко стрелял из любого вида оружия, умел обращаться с бомбами. Террористические наклонности открыли Блюмкину дорогу в ВЧК, где его хотели использовать для подготовки терактов против видных политических деятелей Германии и России для срыва Брестского договора. Кроме того, Блюмкин свободно владел несколькими иностранными языками и обладал магическим даром располагать к себе людей, поэтому ему было поручено организовать отделение по борьбе с международным шпионажем. (Интересен тот факт, что некоторые разработки даровитого чекиста до сих пор используются в работе спецслужб.)

Работа в ВЧК вскружила самолюбивому и амбициозному Якову голову. Он возомнил себя человеком, наделенным правом решать судьбы других людей, и нередко кичился этим. «Вот, видите, вошел поэт, – говорил он Есенину и Мандельштаму в писательском кафе. – Он не представляет большую культурную ценность. А если я захочу – тут же арестую его и подпишу смертный приговор». В действительности эти слова были только хвастливой бравадой, но дай авантюристу волю, он несомненно хладнокровно отправлял бы заключенных на смерть. Его друзья по партии быстро поняли, кем является этот человек, и в 1918 году приговорили Якова Блюмкина к расстрелу за отступничество от идей левоэсеровского движения. Три боевика от партии левых эсеров пригласили его за город для проведения политического инструктажа. Но беседа так и не состоялась, а сами переговоры закончились попыткой расстрелять Блюмкина. Однако, похоже, что он родился в рубашке – ни одна из восьми пуль, выпущенных боевиками, в Якова не попала.

Через несколько дней покушение на Блюмкина повторилось. В один из выходных дней в Киеве его расстреляли в упор, когда он сидел в летнем открытом кафе. Но, получив серьезное ранение в голову, он чудом остался в живых. Раненого Блюмкина отвезли в больницу. А через несколько дней эсеры вновь предприняли попытку привести приговор в исполнение. Боевики бросили

бомбу в окно палаты, где лежал раненый Яков. Но каким-то звериным сверхчутьем почувствовав, что его хотят убить, он за несколько секунд до взрыва успел выпрыгнуть в окно. После этого Симху-Янкеля пытались убить еще шесть раз.

Лето 1918 года вошло в историю мирового терроризма убийством германского посла графа фон Мирбаха.

О готовящемся покушении посольству Германии было известно задолго до 6 июля 1918 года. Члены посольства официально обратились в ВЧК с просьбой обеспечить графу фон Мирбаху безопасность. Однако Лубянка молчала. Хотя официальным властям было известно, что ЦК левых эсеров вынесло приговор немецкому послу. По мнению большинства эсеров, это убийство было единственной возможностью сорвать Брестский мир, который Советское правительство заключило с Германией в счет платы за помощь большевикам по захвату власти в России. Это решение держалось в строжайшей тайне. Была назначена дата – 5 июля 1918 года и объявлены имена террористов – Яков Блюмкин и фотограф ВЧК – Николай Андреев. Дата впоследствии была перенесена на 6 июля в связи с тем, что вовремя не было подготовлено взрывное устройство.

Примечательно, что 4 июля, в день открытия Пятого съезда советов наркомвоенмор и председатель РВСР Лев Троцкий во всеуслышание заявил, что всякий, кто осмелится сорвать Брестский мир, будет расстрелян. Однако это заявление уже ничего не могло изменить.

Кому мешал Вильгельм Мирбах? Ответ на этот вопрос достаточно прост – Владимиру Ленину, который всегда стремился вести двойную игру. Германский посол организовал поставку золота для подпитки режима большевиков, с которыми имел тесные контакты еще с дореволюционных времен. Вскоре в Германии стало известно, что большевистский лидер ведет закулисные переговоры с Францией, которую от полного поражения могло спасти только вступление в войну России. Париж обещал крупные субсидии, если Брестский мир будет сорван. Мирбах начал лихорадочные поиски возможностей срыва этой сделки. Немецкий дипломат был занят поиском тех, кто мог бы возглавить новое правительство, устранив Ленина и его союзников. Но среди сторонников Владимира Ильича таких людей не было. Тогда Мирбах начал сотрудничать с правыми организациями. Он все еще надеялся с их помощью поставить во главе России новое правительство.

Германский посол понимал, что для Ленина в сложившейся ситуации он становится опасным. Лидер большевиков был вынужден согласиться на подписание Брестского мира. Можно

предположить, что Мирбах намекнул Ленину, что если тот не подпишет договор, то будет предана гласности вся подноготная Октябрьского переворота, который был финансирован Германией.

Убийство фон Мирбаха развязывало Ленину руки. Ведь ему нужно было любой ценой выиграть время, тем более что в самой Германии тоже назревала революция, которую готовили большевистские агенты на деньги самой Германии. Если бы такая революция свершилась, никакие разоблачения Советскому правительству были бы не страшны.

Возникает еще один вопрос: почему исполнителем был выбран именно Яков Блюмкин? Как уже упоминалось, он был мастером организации разного рода провокаций, умел прекрасно стрелять и метать бомбы, к тому же был молод, энергичен и жаждал славы. Яков Григорьевич понимал, что его имя войдет в историю.

Как же выглядел этот человек? Его портрет – это типичный портрет революционера того времени. У Якова Блюмкина было худое, мужественное лицо, острая бородка под Троцкого, бесноватые темные глаза (левый глаз был похож на лисий). Его большие пухлые губы разбрызгивали слюну на окружающих, когда Блюмкин волновался или кричал, – у него не было передних зубов, которые в К не не ему выбили петлюровцы. Известна еще одна способность Якова Григорьевича – он мог в считанные секунды менять свою внешность, превращаясь в старика или молодого.

Используя свое положение, Блюмкин по поручению левого крыла эсеров занимался сбором информации о германском посольстве, постоянно следя за его сотрудниками.

Среди военнопленных австрийской армии Якову удалось разыскать племянника графа Мирбаха – Роберта. После изощренных способов допроса и психологического воздействия Блюмкин взял с пленника подписку о сотрудничестве с ВЧК. В это же время он завербовал еще нескольких работников посольства. М. Лацис, который был непосредственным начальником Якова, вспоминал: «Блюмкин хвастался тем, что агенты дают ему все что угодно».

Чекист Яков Блюмкин говорил о планирующемся убийстве Мирбаха с Александровым – заместителем Дзержинского – прямо в кабинете последнего. Именно Александров выдал Блюмкину бланк, который уполномочил его вести переговоры с немецким правительством от имени новой власти. Подпись Дзержинского на документе подделал сам Яков, а печать была настоящая.

6 июля 1918 года в 14 часов 15 минут «паккард» темного цвета остановился у особняка германского посольства в

Денежном переулке. Выходя из машины, Блюмкин приказал шоферу не глушить мотор. Советнику посольства Яков Григорьевич объяснил, что он и его товарищ Андреев хотели бы побеседовать с господином послом – графом Мирбахом. Их пригласили пройти в приемную и немного подождать. Германский посол избегал встреч с посетителями, зная, что на него готовится покушение. Но, узнав, что к нему прибыли официальные представители Советской власти, решил выйти к ним. Вместе с послом к посетителям спустились советник посольства Карл Рицлер и военный атташе Леонград Мюллер. Блюмкин предъявил послу документы, которые красноречиво свидетельствовали о шпионской деятельности племянника графа фон Мирбаха, офицера австро-венгерской армии Роберта Мирбаха. Германский посол ответил, что не поддерживает с ним никаких родственных отношений.

В этот момент в разговор вмешался молчавший до сих пор Николай Андреев. Он произнес фразу-пароль: «Видимо, господину графу интересно будет знать, какие меры будут приняты с нашей стороны?».

Манерно, как в немом кино тех лет, Блюмкин выхватил из портфеля револьвер и в упор выстрелил в Мирбаха, а затем в Рицлера и Мюллера. И не попал ни в одного из них! Рицлер и Мюллер упали на пол, а граф Мирбах попытался убежать в соседний зал. Вслед за ним побежал Андреев, бросив под ноги немецкому послу бомбу, но она не взорвалась. Блюмкин наклонился, схватил бомбу, хладнокровно поправил детонатор и с размаха бросил в Мирбаха. Раздался взрыв. Якова взрывной волной отбросило на несколько шагов назад. Что было дальше, сейчас уже очень трудно установить, но на сегодняшний день существуют три разные, порой взаимоисключающие одна другую версии.

По первой (официальной) – после взрыва террористы, захватив в качестве трофея фуражку Мирбаха и оставив на столе шляпы, мандат и портфель с запасным взрывным устройством, выпрыгнули в разбитое окно. Через несколько секунд Андреев уже был в машине. А вот Блюмкину удача на сей раз изменила: он приземлился неудачно, сломал ногу (или порвал связки), но, превозмогая боль, стал карабкаться через стену посольства. В него стреляли несколько раз и ранили в ягодицу, когда он пытался забраться на забор.

Другая версия рассказывает о том, что смертельно раненный Мирбах после взрыва все еще был жив, и Николай Андреев, не найдя под рукой другого оружия, пытался добить его ударами кулака. Ему на помощь пришел Яков Блюмкин, выстрелив в

голову германского посла из пистолета.

Совсем иначе описывали события сотрудники германского посольства, которые были очевидцами покушения на Вильгельма Мирбаха. Они утверждали, что его застрелил вовсе не Блюмкин, а Николай Андреев.

Весть об убийстве германского посла разошлась очень быстро. В германское посольство приехал сам Дзержинский. В адрес террористов неслись самые яростные угрозы: «Я их на месте убью как изменников».

В тот же день за подписью В. И. Ленина была передана телефонограмма, в которой категорически требовалось: «Мобилизовать все силы, немедленно поднять на ноги всех для поимки преступников». Но, по свидетельству наркома просвещения А. Луначарского, эта телефонограмма весьма своеобразно заканчивалась: «Искать, очень тщательно искать, но не найти».

Сам Яков Блюмкин позднее признавался, что о плане покушения на Мирбаха хорошо знал Ленин. Именно поэтому убийца германского посла исчез для властей бесследно. В то время, когда преступников «тщательно разыскивали», во двор особняка Морозова в Трехсвятительском переулке въехал «паккард». Выбор этого дома оказался не случайным – там находился особый отряд ВЧК под командованием левого эсера матроса Д. Попова. Товарищи по партии поместили Якова в лазарет, предварительно обрив и выдав новые документы.

Между тем, в стране начались беспорядки, которые впоследствии были названы левоэсеровским мятежом.

Дзержинский явился в отряд Попова с требованием выдать Якова Блюмкина, но был разоружен восставшими эсерами.

Через некоторое время левоэсеровский мятеж был подавлен. Всех, кто каким-либо образом был причастен к террористическому акту и мятежу, – расстреляли. Хотя главное действующее лицо – Яков Блюмкин остался в стороне. Сначала он залечивал раны в Рыбинске и Гатчине, а затем отправился в Украину, чтобы заслужить доверие Советской власти.

16 мая 1919 года Президиум ВЦИК специальным постановлением амнистировал Блюмкина. Спустя несколько месяцев по рекомендации чекиста № 1 – Дзержинского Якова Григорьевича приняли в члены партии ВКП(б).

В дальнейшем он возглавил штаб бригады Красной Армии. В 1919–1921 годах учился в Военной академии РКК и служил секретарем у Троцкого. В это время Блюмкин проживал в Москве в шикарной четырехкомнатной квартире. Дорвавшись до власти, Яков жил на широкую ногу, попирая все нормы морали. На его

рабочем столе всегда лежал раскрытый на одной и той же странице томик Ленина, в котором он прятал кокаин.

В 1925 году его убрали из Москвы за болтливость и перевели на работу в ОГПУ Закавказья. Именно там он сдружился с Берией.

К этому же времени относится попытка Блюмкина найти загадочную страну – Шамбалу. Во время экспедиции Яков познакомился с Николаем Рерихом и даже стал вдохновителем его первого завещания, по которому все имущество и литературные права Рерих передавал в ВКП(б), назначая распорядителями Сталина и Чичерина. Загадочную страну так и не удалось найти, но под руководством Блюмкина были собраны богатейшие коллекции лекарственных растений и минералов.

В декабре 1926 года по заданию центра экс-террорист был отправлен в Китай, а затем переведен на повышение в Монголию. 24 сентября 1928 года, выполняя очередное задание партии, Яков Блюмкин (купец Якуб Султанов) отправился в Турцию. Со своими задачами он справлялся удачно. Не зря ОГПУ считало его суперразведчиком и многое прощало.

Но 16 апреля 1929 года Яков Блюмкин допустил роковую ошибку. На Кипре он встретился со своим бывшим руководителем – Львом Троцким, который предложил ему начать работать на оппозицию. И тщеславный авантюрист, уверовавший в свою безнаказанность, согласился. Возвращаясь на родину, Блюмкин, подвыпив, разболтал Карлу Радеку о встрече с Троцким. Радек сразу же донес обо всем Сталину.

На родине Блюмкина встретили как героя, но сразу же установили за ним наблюдение. Его новая любовница – Лиза Горская оказалась агентом ОГПУ. Именно она и сдала его властям.

Когда его арестовали, Блюмкин, садясь в машину, сам скомандовал шоферу: «В ОГПУ». Яков все еще надеялся, что его изворотливость и наглость помогут ему остаться в живых, но ошибся.

3 ноября 1929 года дело Якова Григорьевича Блюмкина было рассмотрено на судебном заседании в ОГПУ. Он обвинялся по статьям 58 п. 4, 58 п. 10 УК РСФСР (за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти, за измену революционной чекистской власти). Приговор – расстрел.

В архивах ЧК сохранилось покаянное письмо Якова Блюмкина. Любопытно, что даже перед смертью он не переставал гордиться собой и ни капли не раскаивался в совершенных преступлениях, прикрываясь служением революции. Когда его поставили к стенке, он не нашел ничего лучшего, как крикнуть: «Да здравствует Троцкий!». По воспоминаниям участника

расстрела Александра Орлова, Блюмкин мужественно шел на казнь и держался достойно, за несколько секунд до смерти пел «Интернационал».

Яков Григорьевич Блюмкин хотел быть рыцарем плаща и кинжала, романтиком революции, ее демоном. Но общеизвестно, что революция всегда пожирает своих детей.

ВЕЛИКИЕ КОМБИНАТОРЫ И ФИНАНСОВЫЕ МОШЕННИКИ

ФИЛИПП IV КРАСИВЫЙ

(род. в 1268 г. – ум. в 1314 г.)

Король Франции из династии Капетингов, правивший государством с 1285 по 1314 год. Внук Людовика IX Святого. Стремился к укреплению королевской власти путем ослабления позиций крупных сеньоров и ликвидации власти Папы Римского над Францией. Постоянно нуждался в средствах для ведения войн, направленных на объединение королевства. Вошел в историю под именем Филиппа Красивого, но известен также под прозвищами Железный Король и Фальшивомонетчик.

Деньги изобрели, конечно, раньше, чем возникло фальшивомонетничество, но, по всей вероятности, не намного. Изготовление фальшивых денег во время монетного хозяйства было промыслом не только рядовых мошенников, но и весьма высокопоставленных особ. Конечно, простым людям и экономике той или иной страны наносился существенный ущерб, но зато правитель-авантюрист получал столь же весомую прибавку к собственным доходам. Чаще всего главы государств прибегали к систематической фальсификации монеты, стремясь увеличить так

называемый доход казны: разницу между номинальной стоимостью денег и фактической стоимостью металла, из которого они были изготовлены. «Порча» заключалась в уменьшении веса монет либо в увеличении удельного веса малоценных примесей в сплаве. Подобными приемами пополнения казны грешили многие представители правящих кругов, однако никто из них не причислял себя к фальшивомонетчикам. Рядовых граждан, решивших таким образом заработать себе на жизнь, предавали в руки правосудия и подвергали нечеловеческим пыткам, после чего казнили «в назидание»…

Совсем иная судьба ожидала сановных мошенников: покупательская способность «испорченных» денег падала, цены, соответственно, росли, народ втихомолку проклинал виновника экономического безобразия, иногда бунтовал, но быстро успокаивался, не решаясь прибегать к крайним мерам. В конце концов, папская курия в XIII веке приняла решение применять понятие фальшивомонетничества в отношении всех лиц, как частных, так и высокопоставленных. Папа Римский грозил отлучением от церкви каждому, кто был повинен в этом грехе. Светская власть возмущалась принятым постановлением. Ситуация стала выходить из-под контроля и вылилась на рубеже XIII и XIV веков в борьбу за власть между «мирскими» правителями и римским Священным престолом. Яркой иллюстрацией к сложившимся в то время условиям может стать история Франции и, в частности, период правления короля Филиппа Красивого из династии Капетингов. И хотя махинации, ставшие нормой в тогдашней монетной политике Франции, без труда можно обнаружить у многих более поздних европейских властителей, Филипп IV остался единственным в истории королем, привлеченным к ответственности за выпуск фальшивых денег.

Новый король Франции начал свое правление в 1285 году. К этому времени в стране сложились условия, способствующие экономическому развитию городов. Но доходы французской короны при этом продолжали оставаться небольшими и не соответствовали запросам амбициозного монарха, начавшего проводить политику объединения королевства. Для достижения успеха Филиппу нужны были деньги, которых и без того постоянно не хватало. А ведь укрепить свою власть над принадлежавшими короне территориями без значительных средств не удавалось ни одному правителю! Преследуя поставленные цели, Филипп начал планировать войны за герцогство Аквитанию, находившееся в вассальной зависимости

от английского короля, и графство Фландрию. Но состояние финансов двора на тот момент было плачевным, так что Филиппу пришлось срочно изыскивать новые возможности пополнения казны. И в 1292 году во Франции было введено всеобщее налогообложение, впервые распространявшееся и на представителей духовенства. Кроме того, с этого времени налогом облагалась любая движимость, любой доход и все торговые сделки (мальтот). Но война за Аквитанию требовала все больших расходов, и новый налог уже не спасал положение. Тогда в 1295 году в государстве начали практиковать внутренние займы, имевшие большой успех лишь поначалу. Вскоре подданные Филиппа уразумели, что война, вопреки прогнозам, грозит оказаться очень долгой, а в этом случае рассчитывать на возврат своих денег не приходится.

Выход из положения предприимчивый властитель нашел быстро: по его указу в государстве приступили к чеканке «облегченных монет» – номинальная их стоимость была намного выше прежней, а содержание в них драгоценного металла столь же существенно снижалось. Суммы же, ранее объявленные государственным займом, были превращены в постоянный налог. Объем проведенных денежных махинаций в масштабах государства всего за три года принес королевской казне более миллиона ливров чистой прибыли. При этом доход рядовых подданных не увеличился, так что не удивительно, что подобные меры не вызывали энтузиазма у населения. В стране стали появляться очаги недовольства монетной политикой Филиппа, немедленно подавлявшиеся королевской властью.

Следующий указ, датированный 1296 годом, продемонстрировал намерение французского монарха прибрать к рукам и церковные средства: он предписывал французской церкви удвоить взнос в казну на поддержание защиты государства. В те времена влияние Папы Римского на европейскую политику было весьма значительным, так что подобное требование Филиппа было явным перебором… Бонифаций VIII отреагировал на новый указ молниеносно, издав буллу, запрещающую любые контрибуции с церкви в пользу мирских властителей. Обозленный король в отместку запретил вывоз золота и драгоценных металлов из Франции. Филипп Красивый отличался злопамятностью и мстительностью, так что хорошо знающие его представители знати были уверены: только этим дело не закончится, скорее всего, их сюзерен выждет удобный момент и заставит понтифика пожалеть о вмешательстве в дела французского королевства.

В 1297 году начались военные действия против Фландрии –

одного из самых богатых вассальных владений короны. Через три года графство было разгромлено. Мародерство войск, не получивших платы, на завоеванной территории приняло такой размах, что привело ко всеобщему восстанию населения. При попытке его подавления французские войска были разбиты. Королю же ненавязчиво дали понять, что всему виной нерациональное распределение доходов казны, полученных от налогов и манипуляций монетного двора: вместо того, чтобы выплатить жалованье армии, деньги были пущены на придворные развлечения. Филиппу опять нужны были свободные средства. Объем чеканки фальшивых монет увеличился, казна вновь стала наполняться. Кроме того, Филипп разрешил своим вассалам, не желавшим идти на военную службу, вносить вместо этого значительные денежные откупы. А тут еще подвернулся редкий случай произвести крупное денежное вливание, одновременно крепко насолив Святому престолу. Пармский епископ Бернар Сэссэ, и ранее неоднократно выступавший против деспотического правления Филиппа, в сердцах назвал новые деньги, выпущенные монетным двором, грязными, нечистыми и фальшивыми, а того, с чьего ведома их выпускают, – бесчестным обманщиком. В 1301 году король организовал процесс против мятежного прелата, лишив его в итоге не только сана, но и имущества стоимостью в 40 000 ливров… (И хотя сан бывшему епископу милостиво возвратили спустя семь лет, денег своих он, естественно, назад не получил.)

Этот процесс оказался последней каплей, переполнившей чашу терпения Рима. В том же году папские послы доставили в Париж буллу Бонифация VIII, в которой понтифик заявлял о ликвидации всех привилегий французского двора, дарованных Святой церковью. Здесь же приводился подробный анализ политики, проводимой королем, который прямо обвинялся в манипуляциях с монетами, приведшими к обнищанию Франции. Единственное, чего не сделал папа, – не назвал открыто Филиппа фальшивомонетчиком. За него это сделали сами королевские подданные, прилепив своему монарху это нелицеприятное прозвище, сохраненное для нас историей. 18 ноября 1302 года в Париж была доставлена еще одна булла, написанная в более миролюбивом тоне, но столь же решительная по содержанию. Реакция собрания Генеральных штатов, организованного Филиппом, была неожиданной для Рима и всего католического мира. Собрание, в котором впервые участвовали не только представители знати и духовенства, но и горожане, приняло решение осудить буллу папы. Самого же Бонифация VIII обвинили в ереси на собрании дворянства и духовенства в Лувре.

Третья булла была доставлена ко двору 8 сентября, она являлась ответом на созыв Церковного Собора во Франции. Тогда Филипп отдал распоряжение хранителю государственной печати королевства Гийому де Ногаре силой доставить неугомонного понтифика на предстоящий Церковный Собор. Указание было незамедлительно выполнено: 86-летний Бонифаций фактически был взят в плен и препровожден под стражей в Париж, где подвергся жестокому обращению. Вскоре после своего освобождения папа умер в Ватикане, предварительно все-таки отлучив де Ногаре от церкви и прокляв своего главного обидчика. Так Филипп победил в борьбе с Римом за власть, но… казна потеряла при этом церковную десятину, так что прямой убыток от ссоры со Святым престолом составил около 800 000 ливров. Чтобы раз и навсегда урегулировать подобные вопросы, а заодно и получить возможность контролировать деятельность понтифика, Филипп добился, чтобы новым папой избрали его ставленника. Климент V освободил короля от проклятия предшественника и дал ему отпущение грехов, связанных с денежными махинациями и вымогательствами церковных средств. А чтобы не позволить Клименту вырваться из-под своего контроля, французский монарх настоял на перенесении папской столицы поближе к нему – в Авиньон.

В 1305 году Филипп внезапно повысил стоимость денег, неожиданно вернувшись к чеканке полновесных качественных серебряных монет. Однако это «похвальное» начинание привело лишь к тому, что столицу и другие города охватила волна мятежей. Ведь при новых условиях люди, получившие кредиты и обзаведшиеся имуществом несколько ранее, вынуждены были платить проценты и возвращать долги деньгами, стоящими только треть того, что на них недавно чеканилось. На волнения власть ответила массовыми казнями. Железный Король в который раз подтвердил этим свое прозвище. Но подобная мера не могла полностью загасить народное недовольство. Выходом из создавшегося положения стала развернувшаяся в 1306 году кампания по изгнанию из Франции евреев. Ведь многие из них были ростовщиками или менялами, так что направить ненависть сограждан в новое русло королю не составило большого труда. Государство надеялось хорошо погреть руки на этой акции, поскольку имущество изгнанных конфисковывалось и вместе с долговыми обязательствами переходило во владение короны. Однако, вопреки ожиданиям, прибыли от такого «мероприятия» оказалось немного – не более 200 000 ливров за четыре года.

У Филиппа Красивого был, кроме папы, еще один мощный противник – орден рыцарей-тамплиеров. После того, как Климент

V (Бертран де Го) по требованию французского короля перенес папскую столицу из Рима в Авиньон и власть короны над католической церковью стала почти абсолютной, Железный Король решил покончить и с суровым орденом рыцарей-монахов, претендовавшим на самостоятельность в его королевстве. Алчный и завистливый интриган, чья глубокая религиозность была отравлена склонностью к суевериям, Филипп многие годы подготавливал свое выступление против тамплиеров, продолжавших стоять между ним и той абсолютной властью, к которой король стремился в течение всей своей жизни.

Ненавистный ему орден был основан еще в 1119 году для защиты паломников и христианских святынь Палестины. Его члены посвящали свою жизнь служению Иисусу Христу и давали обет безбрачия. Участие в крестовых походах принесло ордену огромные богатства и сделало его крупнейшим землевладельцем и банкиром того времени. Город Храма – Тампль – был своеобразной офшорной зоной Средневековья; здесь велась беспошлинная торговля. Всякий, кто просил приюта в Тампле, оказывался под защитой ордена, и даже король не обладал достаточной силой, чтобы нарушить порядки, заведенные монахами в этом государстве в государстве. Клиентами ордена были многие европейские монархи. У тамплиеров, которых никто не мог обвинить в недостатке порядочности, хранились и сокровища французской короны. У хозяев Тампля был, по мнению Филиппа, лишь один существенный недостаток: они были значительно богаче его самого. Кроме того, его самолюбие сильно раздражала независимость тамплиеров от светской власти.

Вначале король решил сделать хорошую мину при плохой игре и прибрать сокровища ордена к рукам вполне мирно и цивилизованно. С этой тайной надеждой он просил принять его в ряды рыцарей-тамплиеров, но получил вежливый и категорический отказ. Глава ордена напомнил Филиппу, что его подопечные обязаны соблюдать обет безбрачия и придерживаться других монашеских правил; кроме того, законы ордена не позволяют объединять преходящую королевскую власть и вечную духовную. Злопамятный правитель отступил, но затаил обиду. Ближайшее его окружение знало, что подобные действия тамплиеров не могут остаться без последствий… Однако никто не мог себе представить масштабность лелеемой мести. Опасения же самих представителей ордена были рассеяны мнимой благодарностью короля за поддержку тамплиеров в противостоянии с папой, хотя именно в тот момент Филипп и задумал самую грязную интригу в своей жизни.

Он активно создает нужные обстоятельства, грамотно

используя уже имеющиеся. В частности, охотно использует в своих целях ордена тевтонцев и госпитальеров, не менее организованной и влиятельной, но не столь богатой силы. К этому времени крестовые походы, бывшие смыслом существования орденов монахов-воинов, закончились полным провалом. Противостояние орденов усиливалось, а влияние тамплиеров начало слабеть. В результате возникла ситуация, необходимая мстительному и алчному монарху: наконец-то старый лев мог быть растерзан шакалом.

Вопреки здравому смыслу, тамплиеры, возвратившись в Европу, обосновались не в Англии, Испании или Португалии, где им ничего не грозило и где они достойно, в величавом спокойствии могли пережить угасание некогда столь благородной и грозной организации. Орден решает пережить свой закат на родине, во Франции. Здесь его непосредственным соседом оказался сам король, одержимый манией установления абсолютной власти, вечно нуждавшийся в деньгах и до сих пор таящий смертельную обиду. Ему было проще забыть о том, как в 1306 году, во время мятежа возмущенных денежной реформой жителей Парижа, рыцари прятали его за стенами Тампля от народного гнева, чем о том, что Его Величеству отказали в чести вступления в орден. А ведь тогда монахи вряд ли догадывались, что скрывают от парижан своего будущего палача…

Уже в том же году Филипп IV настоял, чтобы папа отозвал с Кипра, из штаб-квартиры ордена, великого магистра тамплиеров Жака де Моле и направил его во Францию. Здесь старый рыцарь был схвачен и отдан в руки заплечных дел мастеров, которым было поручено любой ценой добыть компрометирующие орден сведения для предстоящего судебного процесса. 13 октября 1307 года замок тамплиеров в Париже был захвачен по указу короля, а 140 человек, оказавшихся в здании, отправлены в пыточные для допросов. Беспрецедентный процесс длился семь страшных лет. За это время выжившие жертвы королевской алчности не раз завидовали умершим. Только за 1309 год 54 монаха ордена были заживо сожжены как вероотступники. Вообще же тамплиерам предъявили обвинение, вполне соответствующее духу времени и королевскому суеверию: их пытались уличить в контактах с нечистой силой. В 1312 году орден прекратил свое существование, будучи распущен Климентом V во всех странах.

А 18 марта 1313 года наступил последний акт этой трагедии: в Париже на медленном огне были сожжены великий магистр ордена Жак де Моле и приор Нормандии Жоффруа де Шарнэ. Еще двое высокопоставленных лиц ордена были приговорены к вечному заключению. Трое из этих искалеченных, убеленных

сединами старцев на площади перед костром обвинили королевский суд во лжи и утверждали, что все признания вырывались у них под пыткой. Четвертый из приговоренных, но не сломленных муками стариков, незадолго до этого сошел с ума и, видимо, уже не осознавал, где находится… Во время казни великий магистр (который, по одним сведениям, являлся некоторое время воспитателем Филиппа, а по другим – его крестным отцом) произнес проклятие своим палачам. Он сказал, что папа Климент, Гийом Ногаре и Филипп Красивый умрут в течение года. Он же, Жак де Моле, назначает им встречу на Божьем суде. Голос магистра, звучавший из пламени, перекрыл гул толпы и гудение огня. Его последние слова слышали все, собравшиеся поглазеть на казнь. И до тех пор, пока не погас костер, из него грозно вздымалась рука монаха-рыцаря, указывавшая в небо. Французов проклятие старца поразило, а когда 20 апреля 1314 года внезапно скончался Климент V, страх перешел в тоскливое ожидание новой трагедии. Ждать пришлось недолго – Ногаре, отравленный бывшим рыцарем-тамплиером, отправился следом за папой уже через четыре недели.

Королевская казна получила от разгрома ордена всего 250 000 ливров, что не решало финансовых затруднений монарха. Воистину, ни одно неблаговидное действие правителя не пошло на пользу государству! Судите сами: полученная от войны с Фландрией контрибуция перекрыла едва ли десятую часть расходов кампании, невозвращенные займы подорвали доверие знати, фальшивые деньги приводили к обнищанию подданных, изгнание евреев прекратило ежегодные крупные поступления в казну, а ликвидация ордена тамплиеров лишила короля единственного действительно надежного финансиста и кредитора. Вот уж, действительно, «добрыми намерениями выстлана дорога в ад»!

Уход с политической арены тамплиеров, одной из задач которых было присматривать за соблюдением положенной валютной пробы, окончательно развязал руки венценосному фальшивомонетчику. Филипп IV делает еще одну судорожную попытку наполнить вечно пустующую казну и решается на крайнюю меру – ухудшение качества золотых монет, до сих пор бывших неприкосновенными. Он отдал распоряжение вместо монет достоинством в 44 ливра, имевших хождение в зажиточных кругах, чеканить из того же веса золота 55 ливров, 10 солей и 4 денье. Кроме того, Парижскому монетному двору было отдано распоряжение обтачивать с торца золотые, поступающие в казну, и из опилок отливать новые монеты. В этом случае из 100 монет получалось 110–115. Естественно, цены сразу же были взвинчены

торговцами на невероятную высоту, что свело на нет королевские усилия. И что интересно: испорченными золотыми монарх отдавал долги, в то время как по его распоряжению платежи в казну принимались только хорошей, полновесной монетой.

Вскоре Филипп предпринял свою последнюю попытку пополнить казну за счет махинаций с фальшивыми ливрами. Он объявил о равенстве достоинств монет по новой и старой парижской системе обращения. Ранее соотношение между ними составляло 5 к 4, так что теперь французы вынуждены были платить при расчетах на 20 % больше. Эта новая афера вызвала серьезный взрыв негодования, перед которым король, испугавшийся мятежа, поспешил отступить. Продолжить свою деятельность фальшивомонетчика Филипп IV уже не успел: 29 ноября 1314 года он скончался после серии апоплексических ударов. Так сбылась последняя часть проклятия, провозглашенного Жаком де Моле 18 марта 1313 года из пламени костра. Перелистывая страницы истории, невольно убеждаешься в том, что деяния этого правителя исчерпали терпение и благосклонность Судьбы: после его кончины над домом Капетингов простерся покров трагедий, неудач, неожиданных смертей и глупых, но фатальных неожиданностей. Потомков Филиппа Красивого сначала народ, помнивший слова великого магистра ордена тамплиеров, а затем и историки, следившие за развитием событий, назвали Проклятыми королями…

ЛОУ ДЖОН

(род. в 1671 г. – ум. в 1729 г.)

Шотландский финансист, «отец» финансовых «пирамид».

Джон Лоу – это имя благоговейно должны произносить все создатели финансовых «пирамид»: и МММ, и «торговых домов», и «быстрых денег», и прочих. Именно он триста лет тому назад заложил их фундамент. К сожалению, Лоу остался в истории как мошенник, авантюрист, шарлатан и игрок. К сожалению! Нет, не потому, что люди, подверженные азарту быстрого обогащения, продолжают попадать в ловушки, расставленные Лоу еще в XVIII веке, а потому, что итоги его эксперимента оказались настолько масштабными, что и по сей день все человечество продолжает жить по его системе, а кредит и биржевая игра продолжают оставаться основным двигателем мировой экономики. Более всего, в результате выиграли государства, которые время от времени обращают свои финансовые обязательства в простую бумагу. Так, может, он гений?

Лоу верил, что только деньги являются решающим фактором богатства нации. По его мнению, увеличение денежной массы в

обороте могло привести к всеобщему благоденствию, а выпуск кредитных денег вовлечет в деятельность производительные силы общества и приведет к росту национального богатства. Что для этого нужно? Лоу считал: «Хорошие законы могут довести денежное обращение до той полноты, к какой оно способно, и направить деньги в те отрасли, которые наиболее выгодны для страны…» И нужны не металлические, а кредитные деньги, создаваемые банком в соответствии с нуждами хозяйства. «Использование банков – лучший способ, какой до сих пор применялся для увеличения количества денег». Здесь все правильно, просто и гениально – и никакого шарлатанства. Но отрицать наличие у Лоу авантюрной жилки и азарта игрока нельзя. Он рискнул и проиграл, правда, не без помощи власть предержащих, похоронив при этом на долгие десятилетия свое изобретение.

Несмотря на то, что первая биография Джона Лоу вышла еще при его жизни, известно о нем не так много. Родился он в 1671 году в Шотландии, в г. Эдинбурге, в семье ювелира и ростовщика. От своего отца он унаследовал состояние, которое позволяло ему довольно безбедно жить. Джон был всегда весел, изысканно одет, сверкал драгоценностями и не выходил из дома без сотен фунтов стерлингов в кармане. Правда, без громкого титула путь в высший свет был для Лоу закрыт. Дорогу туда ему проложили карты. Он научился превосходно играть и вскоре приобрел массу знакомств среди аристократической молодежи. Провинциальный Эдинбург быстро стал тесен для молодого человека с амбициями и замашками игрока и бретера. Он перебрался в Лондон. Трехлетнее пребывание здесь Лоу во многом изменило не только его мировоззрение, но и жизненный путь. В Лондоне Джон не ограничился кругом игроков, кутил и женщин сомнительного поведения. Он познакомился с финансистами, и тогда же стал страстным проповедником банковского дела.

Все изменил 1694 год. Карточные долги вынудили Лоу расстаться к этому времени с большой частью отцовского наследства, а в апреле 1694 года он за игорным столом поссорился со своим товарищем по игре. В результате – дуэль и убийство противника. Суд приговорил Лоу к смертной казни, которую потом заменили тюремным заключением. Друзья помогли ему бежать. Несмотря на то, что после прыжка с 10-метровой высоты Джон повредил ногу, ему все же удалось скрыться.

В 1695 году Лоу оказался в процветающей Голландии, где его весьма заинтересовала основанная на кредите финансовая система. Поскольку Джон был человеком азартным, а азарт

требовал выхода, то нет ничего удивительного в том, что он увлекся биржевой игрой. Первые же крупные спекуляции едва не разорили его. Тогда-то Лоу понял, что ему не хватает опыта, и он начал учиться, перечитав всю имеющуюся тогда литературу по экономике. Мало того, Джон стал пристально изучать работу крупнейшего в Европе Амстердамского банка. Он даже некоторое время работал в конторе одного банкира.

Несмотря на то, что значительная часть его средств осела в кармане английских судей, а еще большую «съели» неудачные биржевые операции, деньги у него еще оставались, и в 1699 году Лоу отправился в Париж, а оттуда в Италию. Его сопровождала молодая англичанка Кэтрин Сейнер, которая, бросив мужа, осталась с Джоном. Она пережила с ним и триумф, и крах, родила от него дочь, но венчанной женой так и не стала. Путешествуя по Италии, Лоу жил в Венеции, Генуе, Флоренции, Неаполе, Риме. Средства на жизнь он добывал спекуляцией ценными бумагами и карточной игрой. Ему настолько везло в карты, что итальянские власти, заподозрив его в шулерстве, выслали из страны. Но к этому времени Лоу, как он сам говорил, стал «арбитром» в области денежного обмена, который может поднимать и опускать обменные курсы, и приобрел некоторый научный авторитет: в 1700 и в 1705 годах он издал два трактата, где впервые описал возможности бумажных денег. Лоу утверждал, что деньги имеют самостоятельную ценность, и если заменить золото дешевым материалом, например бумагой, государство сможет бесконечно приращивать свои богатства с помощью обычной эмиссии. Власти и прежде в кризисных ситуациях, когда ощущалась острая нехватка в средствах, прибегали к подобным рецептам, но тогда монетные дворы начинили чеканить деньги из серебра и золота более низкой пробы или уменьшали вес монет, а когда дела начинали идти вообще из рук вон плохо, то выпускали откровенно фальшивые деньги. Обычно все это заканчивалось резким удорожанием товаров, народными волнениями и падением авторитета самой власти.

После появления на свет ученых трудов имя Лоу стало приобретать широкую известность, хотя в высшем свете его считали утопистом и фантазером, а купцы и банкиры при упоминании о нем презрительно усмехались. В течение 12 лет Лоу пришлось безуспешно разъезжать по Европе, предлагая свою систему монархам и парламентам различных стран. В 1705 году он предложил свой проект финансовых реформ правительству Шотландии, но после недолгого совещания шотландский парламент отказался даже обсуждать его проект. Парламентариям не нравился ни сам Лоу, ни то, что он

предлагал. Джон был слишком молод и богат, а происхождение и источники его доходов – сомнительны. Кроме того, он уже имел неприятности с законом, а то, что он предлагал, тоже попахивало судом, на сей раз за фальшивомонетничество. Решение парламента Лоу воспринял спокойно. Он уже привык к отказам. Ему отказали правительства Англии и Голландии, Людовика XIV и Флорентийской республики, а герцог Савойский, даже не дослушав, воскликнул: «Я не так богат, чтобы добровольно разориться!». Но Лоу верил, что его час придет, что его идеи принесут ему славу. Поэтому он решил не останавливаться на полпути.

Наступил 1716 год. Лоу вновь в Париже. На сей раз он очутился там в нужное время. За год до этого умер Людовик XIV, Король-Солнце, правивший страной более 72 лет. Его правление – дорогостоящие военные предприятия, роскошный двор – этот «вечный праздник жизни» довели страну до полного разорения. Только личный долг монарха превышал 2 млрд ливров. Заметно упала в цене национальная валюта – содержание в ливре серебра уменьшилось в 6 раз. Но денег в стране катастрофически не хватало. В некоторых провинциях перешли к натуральному обмену. Промышленность и международная торговля полностью остановились. Армии и государственным служащим жалованье не выплачивалось несколько лет. Лишь одна десятая населения – аристократия, высшее дворянство и чиновничество, крупные купцы и рантье – процветала. Остальные были доведены до нищеты. Невиданных масштабов достигло воровство. Дело дошло до того, что не хватало средств даже на содержание королевского двора, а эта статья расходов по указу Людовика XIV секвестру не подлежала.

Положение в стране усугублялось тем, что над династией Бурбонов нависла реальная угроза вымирания. Единственным прямым наследником трона оказался двухлетний младший сын второго дофина – будущий Людовик XV. Людовик XIV назначил опекуном маленького короля одного их своих незаконных сыновей, герцога Бурбонского, одновременно предоставив ему, впрочем, как и другим своим незаконным сыновьям, статус принца крови. Однако его племянник, Филипп Орлеанский, добился у Парижского парламента изменения завещания в свою пользу и стал регентом при малолетнем короле. Положение его было незавидным, поскольку финансовый крах страны означал бы автоматическую смену регента. А дефицит бюджета Франции между тем уже достиг 140 млн ливров. В поисках средств правительство попыталось потрясти богачей, создав комиссию для проверки происхождения нажитых ими капиталов и

имущества. Проработав полгода, комиссия изыскала всего 70 млн ливров, из которых 1 млн пошел на ее содержание. Ее коррумпированность вызвала всеобщее негодование, окончательно привела экономику в упадок и способствовала увеличению доходов ростовщиков. Тут-то на горизонте и возник Лоу. Для его экономического эксперимента лучшей страны, чем Франция, трудно было представить.

К покорению Парижа Лоу на сей раз подготовился основательно, заручившись поддержкой фаворитки регента мадам де Парабер и банкира Носэ, имевшего большое влияние на Филиппа Орлеанского. Они и рекомендовали Джона регенту, как волшебника, способного с помощью бумажных денег решить все финансовые проблемы. При первой встрече шотландец Филиппу не понравился: щуплый, невзрачный, во всем черном. Он даже решил, что перед ним обычный проходимец. Но когда автор финансовой системы на превосходном французском языке, легко, изящно и доходчиво растолковал суть своих идей, сделав упор на то, что армия, не получая жалованья, ропщет, что герцог Бурбонский времени зря не теряет и что в случае неудачи реформ он готов выделить на компенсацию убытков полмиллиона ливров из личных средств, Филипп Орлеанский подписал заранее составленный Лоу и Носэ документ.

В чем же состояла суть его системы? Лоу предложил не просто заменить деньги из золота и серебра на бумажные (банкноты), а наряду с ними использовать банкноты при торговых расчетах. А чтобы банкноты завоевали доверие людей, необходимо поручительство очень влиятельного лица, каковым являлся сам Филипп Орлеанский. Для этого Лоу предложил создать Королевский банк – главный банк государства, который мог бы принимать платежные поручения, выдавая взамен им же, банком, выпущенные банкноты. При этом любой человек, предъявив такие банкноты, может потребовать, чтобы ему было заплачено банком за них золотом или серебром. Тогда постепенно доверие к банкнотам будет расти, они станут настоящими деньгами, и государство сможет расплатиться со своими кредиторами.

В мае 1716 года Лоу создал в Париже частное (так захотел регент) акционерное кредитное учреждение – Всеобщий банк, который в невероятно короткий срок завоевал огромную популярность. Банкноты настолько быстро и широко внедрились в обращение, что на некоторое время оказались предпочтительнее серебряных и даже золотых монет. Правда, Всеобщий банк выпускал банкноты на сумму, гораздо превышавшую размеры той наличности, которой сам располагал. Однако Лоу считал такие

операции вполне оправданным и необходимым риском, вплоть до вынужденного, на какое-то время, прекращения платежей предъявителям банкнот. По сути, он первым использовал так называемый, принцип частного резерва. Чтобы упрочить могущество и кредитоспособность банка, Лоу в августе 1717 года создал Западную торговую компанию, получившую от регента монополию на торговлю оружием, табаком и рядом других товаров с Луизианой, Канадой, Китаем, Индией, а затем и с Африкой. Вскоре в руках Лоу сосредоточилась вся внешняя торговля Франции. С декабря 1718 года частный банк Лоу стал государственным банком – Королевским, который должен был обеспечить выпускаемые банкноты золотом и другими активами. Для этого казна предоставила Лоу невиданные привилегии: в Королевский банк перешли все казенные откупы и монополии на торговлю важнейшими товарами, а его дочерняя компания «Компания всех Индий» (так теперь стала называться Западная торговая компания) получила подряд на торговлю со всеми французскими колониями. С объединением банка и «Компании всех Индий» осуществилась еще одна идея Лоу – централизация и ассоциация капиталов – идея, опередившая свое время. Теперь в дело пошли акции, на которые тут же началась охота. Тысячи представителей всех социальных слоев ежедневно скупали все акции банка. За несколько месяцев было выпущено 600 тыс. акций, цена которых в 40 раз превышала номинал. В казну теперь пошло золото, разом ставшее не самой выгодной формой помещения капитала, а вскоре акции стали продавать только за банкноты, вокруг которых тут же возник ажиотаж. Все хотели менять золото на бумагу. Тогда пришлось снова включать печатный станок. Для обеспечения новой эмиссии банку были переданы большие участки королевских земель. Так появились новые, уже земельные акции. Они также пошли нарасхват, а банк выпустил банкнот на 1,5 млрд ливров и еще на столько же – акций. Курс их немедленно увеличился в 5 раз.

С большой энергией и размахом Лоу вел и расширял дела компании. Он начал колонизацию долины Миссисипи и основал город, названный в честь регента Новым Орлеаном. Из-за недостатка добровольных переселенцев в Америку ссылались воры, бродяги, проститутки. Туда же отправлялись иезуиты – для обращения индейцев в католичество. В 1719 году Лоу получил право на чеканку монет и на сбор всех французских налогов – и косвенных, и прямых. Он также выкупил французский государственный долг по рыночным (ниже номинала) ценам. Тогда Франция из нищего полуразрушенного королевства в одно мгновение превратилась в страну с неограниченными

возможностями. Акциями и банкнотами спекулировали даже уличные мальчишки. Париж купался в деньгах. Королевский банк инвестировал значительные суммы в торговлю, колонизацию и промышленность. А в Версале возобновились грандиозные балы и приемы. Сам же Лоу купил половину особняков на Вандомской площади, славившейся роскошью и богатством с самого начала своей истории.

В результате этих успехов власть регента окрепла, и он отбросил всяческую осторожность и постоянно поторапливал Лоу. Отныне все решения об эмиссиях исходили непосредственно от Филиппа Орлеанского и, как правило, предшествовали масштабным и очень дорогим увеселениям или строительству новых дворцов, но обеспечивать эти эмиссии уже было нечем. Тогда, чтобы поддерживать оживление на биржах, периодически приходилось организовывать «утечки информации» о наделении банка и «Компании всех Индий» несуществующими привилегиями. Так, в начале 1720 года, как раз накануне биржевого краха, Филипп Орлеанский и Лоу распустили слухи о том, что в Луизиане нашли огромное месторождение золота и на их разработку Королевский банк выделит 25 млн ливров банкнотами. Парижский обыватель клюнул на это. За проведение этой операции Лоу был назначен генеральным контролером (министром) финансов. Но, несмотря на то, что стоимость акций за несколько дней резко возросла, опытные биржевики, владеющие информацией, начали тайно обменивать бумаги на золото. Однако финансовый крах организовали не они, а герцог Бурбонский, отстранив, таким образом, от власти Филиппа Орлеанского. Имея достаточно шпионов в Версале, он после первых же необеспеченных эмиссий принялся скупать банкноты и в феврале 1720 года в сопровождении гвардейцев явился в Королевский банк и потребовал обменять все его банкноты на золото. Под угрозой ему отдали 60 млн ливров золотом, которые он увез в трех каретах на виду у изумленной публики. Больше золота в банке не было. Сразу же началась паника. В банк выстроились огромные очереди, чтобы обменять банкноты на золото. Все попытки Лоу остановить панику успехом не увенчались. По ночам в окрестностях Парижа чиновники жгли огромные костры из банкнот, конфискованных у лиц, подозреваемых в организации паники.

Акционеры требовали суда над Лоу. Мадам Парабер потребовала у регента ликвидации «Компании всех Индий». В тот день, когда постановление об этом было подписано, бумажные деньги и акции превратились в обычную бумагу. По Франции прокатилась волна самоубийств, а затем начались массовые

беспорядки, умело направляемые рукой герцога Бурбонского. Лоу, оставив в Париже жену, дочь и брата, вместе с сыном тайно выехал в Брюссель. Его имущество конфисковали для удовлетворения кредиторов. Правда, из всего, что осталось от капитала банка и компании, по всем обязательствам нельзя было уплатить и 1 %.

Сам же Лоу вскоре обосновался в Венеции и предложил свой проект правительству республики. Но там знали, что произошло во Франции, и отказали ему. Он попробовал увеличить свои капиталы карточной игрой, но удача и на сей раз отвернулась от него: Лоу полностью разорился. Ему не удалось больше увидеть жену и дочь: их не выпускали из Франции. В марте 1729 года Джон Лоу умер от воспаления легких, оставив семье лишь несколько картин и бриллиант стоимостью в 40 тыс. ливров.

Эксперимент Лоу закончился провалом, сотни тысяч людей разорились, страну поразил государственный кризис, а доверие ко всякого рода государственным бумагам и бумажным деньгам во Франции было подорвано почти на столетие. Между тем, в том, что случилось, в немалой степени повинны и власти, которые попустительствовали Лоу, переоценивая кредит доверия подданных.

ДОЛГОПОЛОВ АСТАФИЙ ТРИФОНОВИЧ

Известен также под именами Ивана Иванова и Астафия Трифонова

(род. в 1725 г. – ум. не ранее 1798 г.)

Еще один «Великий комбинатор», только «издания» XVIII века. Купец по роду занятий и авантюрист по призванию, решившийся на мошенничество, жертвами которого чуть было не стали Емельян Пугачев, казачий атаман и народный вождь, и императрица российская Екатерина II. Имея все шансы на успех, в силу сложившихся обстоятельств потерпел неудачу и был сослан на каторгу.

В одной народной сказке рассказывается, что захотелось как-то царю улучшить свое материальное положение. Решил он сыграть с народом в азартную игру. Что поделаешь – и царям свойственна жадность. Игра называлась просто: «Верю – не верю». Приходи, рассказывай, что хочешь. Если царь поверит – отдавай, что имеешь, ежели нет – получай полцарства. Ясное дело, что монарх не собирался ни с кем делиться. В общем, очень легковерным оказался правитель, всему верил. И все у него шло прекрасно, пока, как говорится, не нашла коса на камень. Как это обычно в сказках бывает, перехитрил царя простой мужик. Он просто взял и придумал беспроигрышную байку. Мол, занял ты у меня, царь, …надцать лет назад бочонок золота. Ежели веришь, то долг гони, а если нет – меня и полцарства устроит. Сказка сказкой, но в земле Русской она стала былью.

Разнообразные смуты и народные волнения всегда как магнитом притягивали к себе различных искателей приключений, мошенников и просто темных личностей. Короче, всех тех, кто любит половить рыбку в мутной воде. Восстание Емельяна Пугачева не было исключением. Просто и незатейливо титуловав себя царем-батюшкой Петром III, он собирал возле себя таких же неугомонных и предприимчивых людей, каким был сам.

Одним из них оказался и наш герой, ржевский купец Астафий Трифонович Долгополов. Его история могла бы быть забавной, когда бы не закончилась печально. Инициативный купец, по меткому выражению Валентина Пикуля, «сумел обдурить саму

императрицу Екатерину II, которая, как известно, не была деревенской дурочкой. Согласитесь, что даже для XVIII века, и без того насыщенного аферами и авантюрами, подобная история все-таки не совсем обычна».

А начиналось все весьма просто и незатейливо. Астафий Долгополов был купцом средней руки. Ради прибыли брался за различные подряды, а однажды ему действительно повезло. Подрядился он с компаньонами поставлять овес в Ораниенбаум, ко двору Великого князя Петра Федоровича, а затем уже императора Петра III, для его голштинской кавалерии. Но дело оказалось на самом деле не таким уж и прибыльным. Овес купеческое товарищество завозило большими партиями, и расплачивались за него не сразу. После смерти императора канцелярия отказалась выплатить причитавшиеся Долгополову 700 рублей за поставку 500 четвертей овса. Сумма по тем временам – довольно внушительная, а надежды на ее возврат не было практически никакой. Едва не разорившись, он покинул Санкт-Петербург и своих компаньонов и стал помаленьку приторговывать в небольших городках Российской империи. Так бы и дальше жил он со своей семьей потихонечку во Ржеве, но тут узнал о «возрождении» императора Петра III.

Предприимчивый купец точно знал, что «возродился» вовсе не император. Сам он с императором знаком, конечно, не был, но не раз видел его на конюшнях. Поэтому точно смог бы опознать самозванца. А в том, что это самозванец, Долгополов нисколько не сомневался. Ведь Петр III умер еще в 1762 году, и если сам купец не ходил смотреть на усопшего, то это сделали его компаньоны. Они, как поставщики, не могли не явиться к телу на прощание – такова была традиция.

По здравому размышлению у Долгополова вызрел гениальный план – пробраться в стан к смутьяну, признать в нем при всем народе царя-батюшку и, бухаясь ему в ноги, спросить с него давний долг (который, кстати, за годы прирос процентами и теперь уже составлял 1500 рублей).

Переждав зиму, весной 1774 года Долгополов решил отправиться на поиски Емельяна Пугачева. Он продал себе в убыток бывшую у него на руках партию краски и на все деньги купил реквизит для будущего представления. Шляпа с золотым позументом, богатые сапоги, лайковые перчатки – все это, по его мнению, должно было выдавать в нем богатого купца, приехавшего к императору с приветом от малолетнего сына Павла. А два полудрагоценных камня, которые он прихватил из шкатулки жены, должны были изображать подарки, которые цесаревич посылает отцу. С такими далеко идущими планами

Астафий Долгополов и отправился в Казань.

Тем временем продолжалась война между крестьянской армией Емельяна Пугачева и регулярным войском Екатерины Великой, начавшаяся еще осенью 1773 года. В народе уже давно ходили упорные слухи, что бесчинства, которые творятся местными властями, происходят по воле царицы, наущаемой дворянами. И вот если был бы жив Петр Федорович, то он всех защитил бы от ее злой воли. Народная фантазия пошла еще дальше, и уже появился слух, что царь жив, он спасся от смерти и скоро поведет на борьбу против угнетателей. Оренбургская губерния тогда включала в себя современные Западно-Казахстанскую, Актюбинскую, Кустанайскую, Оренбургскую, Челябинскую области, часть Самарской и Екатеринбургской областей, территорию Башкирии. И вся эта огромная территория готова была взорваться от малейшего толчка. Стоило появиться смельчаку и бросить призыв к восстанию, как его поддержали бы тысячи людей. И такой человек нашелся. Это был донской казак Емельян Пугачев – личность сильная, смелая и не без авантюрной жилки. Александр Сергеевич Пушкин, характеризуя его в своей «Истории Пугачева», говорил о нем как о «славном мятежнике», с «дерзостью необыкновенной», отмечал его незаурядный ум, большой жизненный опыт и хорошее знание военного дела. Вместе с этим Пушкин упоминал и о коварстве, жестокости, мстительности мятежника (материал о Пугачеве поэт брал не только из архивов, а использовал песни и народные сказания того времени, рассказы очевидцев).

В конце августа и первой половине сентября 1773 года вокруг Емельяна собрался первый отряд яицких казаков. Его речи о том, что он – чудом спасшийся император Петр III, упали на благодатную почву. Пугачев обещал своим сторонникам справедливое казацко-крестьянское государство, управляемое «мужицким царем», в котором все делается для простого народа, а не для господ. И подтверждая свои обещания, 17 сентября торжественно провозгласил свой первый манифест яицким казакам, жаловавший их рекой Яиком «с вершин и до устья, и землею, и травами, и денежным жалованьем, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом». С этого момента и началось победное шествие по губернии армии казаков под предводительством Емельяна Пугачева.

Мятежникам нужен был Оренбург, главная крепость на юго-востоке империи, который мог дать оружие и различное снаряжение со своих складов. Взятие центральной крепости также должно было поднять авторитет повстанцев среди населения. Его осада продолжалась полгода, с октября 1773 по март 1774 года,

но закончилась неудачей. Тем временем огромный край пылал восстанием. Казань опустела. Местные дворяне в страхе бежали в центральную Россию, дорога на Москву была забита обозами ошалевших помещиков с имуществом и семьями.

Укрощать строптивых бунтарей были высланы правительственные войска. Хотя с повстанцами пытались бороться не только оружием. Комендант Оренбурга Рейнсдорп обещал за взятие Пугачева живым 500 рублей, а за мертвого – 250. Но подобные посулы должного эффекта не возымели, своего вождя казаки не выдали. В феврале-марте 1774 года численность крестьянской армии настолько выросла, что составила 20 000 человек. Это были бедные казаки и крестьяне, беглые каторжники и множество инородцев – татар, башкиров, мордвы.

Правительственные войска по пятам преследовали бунтовщиков. 22 марта произошла решительная битва между бунтовщиками и регулярными частями. Сражение под Татищевой крепостью выиграли войска Екатерины II, затем 24 марта была разбита крестьянская армия под Уфой. Остатки повстанческих отрядов спешно отступали, но царские войска продолжали их преследовать. У городка Сакмар 1 апреля 1774 года отряды Пугачева снова потерпели поражение.

В это время предприимчивый Долгополов находит в Казани себе товарища – такого же искателя приключений башкира Канзафара Усаева и в его компании отправляется дальше, к своей заветной цели. Здесь он уже вовсю репетирует и обкатывает свою легенду о посланце малолетнего царевича. Хотя вокруг было неспокойно, 21 июня авантюристы добрались до прикамского городка Оса, недалеко от которого расположился в степи отряд Пугачева.

В это время положение мятежников было не самое лучшее. Потерпев поражение от правительственных войск, армия бунтовщиков заметно уменьшилась, припасы, как продовольственные, так и военные, заканчивались. Люди начали роптать, что их ведет не царь-батюшка, а «беглая шаромыга» из казаков. В общем, приезд богатого купца Ивана Ивановича Иванова (так незамысловато окрестил себя Долгополов) с дарами от цесаревича пришелся очень кстати, ибо подыгрывал самому Пугачеву.

Вот как описал встречу двух авантюристов – самозванца и махинатора – В. Пикуль в рассказе «Прибыль купца Долгополова». «Емельян Иванович сидел посреди шатра на шелковых подушках, с ножом у пояса, по бокам держал заряженные пистоли. Долгополов сразу понял, что подушки – это еще не трон. Царь он или не царь, а прибыль с него купцу содрать надобно. “Великий

государь! – бухнулся он в ноги Пугачеву. – А я твоему величеству подарки от Павлика привез". Пугачев даже обомлел. Но "игру" принял».

После взаимного узнавания, рассказа о жизни малолетнего сына Павлика и подношения от него подарков купец приступил ко второй части разработанного им плана. Жалуясь на возрастающие тяготы жизни, он завел речь о царском долге за овес. Но пока Долгополов искал Пугачева, ему стало понятно, какая идет охота за предводителем бунтовщиков и как рискованно находиться рядом с ним. Оборотистый махинатор тут же решил увеличить сумму долга вдвое. «Петру III» был предъявлен счет на 3000 рублей.

Пугачев верно понял, что этим хотел сказать «богатый купец Иванов». Это была плата за прилюдное опознание в нем царя-батюшки Петра III доверенным человеком цесаревича. Деньги, правда, выдавать Емельян не спешил, приглашая немного погостить в его отряде, «чтобы было что потом рассказать сыну». Пребывая в лагере повстанцев, Долгополов все явственнее слышал ропот недовольства соратников своим лидером. 12 июля 1774 года крестьянская армия снова потерпела поражение, теперь под Казанью. Понимая, что денег из Пугачева ему не вытянуть, а опасность быть убитым постоянно возрастает, авантюрист все настойчивее стал проситься в Петербург. В середине июля он наконец вырвался из стана мятежников, практически без денег, но живой, и что самое главное, с новым замечательным планом. Если Долгополов не сумел добыть денег у «императора», то, может быть, ему удастся добыть их у самой Екатерины Великой.

В длинной дороге до Петербурга купец придумывает историю о целом заговоре, который якобы подготавливают яицкие казаки во главе с А. А. Овчинниковым и А. П. Перфильевым. Они-де, опираясь на многих своих соратников, готовы схватить и выдать властям самозванца, если царица за это им пожалует по сто рублей каждому. Для убедительности он к тому же сочиняет «из своей головы» для генерал-адъютанта князя Григория Орлова, теперешнего фаворита Екатерины, и послание от яицких казаков. В письме от 324 казаков, полностью вымышленным Долгополовым – от замыслов до подписей под фамилиями, – был изложен план поимки Пугачева.

В столицу купец прибыл 16 июля 1774 года и уже 18 июля явился к Григорию Орлову. Для того чтобы придать рассказу достоверности и «чтобы больше поверили письму», он назвался яицким казаком Астафием Трифоновым. Доклад получился очень достоверным, и Орлов немедля доставил мошенника в Царское Село, где в это время находилась Екатерина Великая.

Императрица безоговорочно поверила рассказу липового казака и одобрила предложенный план. Уж очень ей хотелось поскорее расправиться с наглым самозванцем, который компрометировал ее в глазах просвещенной Европы. Ей, «матери Отечества», необходима была безоговорочная любовь своих чад, чтобы слыть просвещенным монархом. Была создана «Секретная комиссия» по поимке Пугачева во главе с гвардии капитаном А. П. Галаховым и майором Руничем. Их снабдили 32 тысячами рублей золотом, и небольшой отряд отправился к низовьям Волги искать Пугачева.

Конец августа 1774 года был для Пугачева особенно неудачным. В ночь с 24 на 25 августа его настиг один из царских отрядов. У Черного Яра произошло последнее большое сражение противников. Здесь повстанческая армия была окончательно разбита, потеряв более 10 тысяч человек, а сам предводитель с небольшим отрядом приближенных успел скрыться на левом берегу Волги.

А 1 сентября «Секретная комиссия» добралась до Царицына, где и узнала, что остатки мятежников с предводителем бежали в заволжскую степь. После нескольких дней безрезультатных розысков неугомонный Долгополов стал убеждать Галахова выдать ему из отпущенных денег 3100 рублей и разрешить самостоятельный поиск. Командир решил отпустить купца, но только под присмотром надежного человека. Этим человеком оказался молодой поручик Дидрих. Поиск не успел даже толком начаться, как пришло известие, что Пугачева и его отряд выдали властям свои же казаки. Надо было сворачиваться и «Секретной комиссии», что очень не устраивало Долгополова. Возвращаясь из неудачного рейда, купец и поручик решили заночевать в деревушке недалеко от Симбирска. Дидрих после в рапорте писал: «Мы провели вечер со всем порядком и друг ко другу приличным обхождением». Но несмотря на все приличия, утром Дидрих Долгополова в пределах видимости не обнаружил. «Секретная комиссия» по розыску и поимке Пугачева теперь занималась активным розыском и поимкой Долгополова.

2 октября 1774 года купец Астафий Трифонович Долгополов был обнаружен у себя дома в Ржеве, арестован и в колодках доставлен в Санкт-Петербург. Здесь, в Тайной экспедиции Сената, Долгополову пришлось выдержать восемь допросов с пристрастием. Екатерина II лично следила за допросами мошенника, ей хотелось узнать, не связан ли он со ржевскими раскольниками, которые могли, по ее мнению, стать инициаторами и финансистами выступления Пугачева. Но даже дыба не принудила купца говорить правду. Показания он давал

уклончивые, противоречивые, а некоторые эпизоды из своих авантюр и вовсе выдумывал.

Затем его перевели в Москву, куда также был доставлен в железной клетке Емельян Пугачев и другие уцелевшие повстанцы. Следственная комиссия на пытки не скупилась, здесь ломались и не такие устойчивые личности. Именно на московских допросах Долгополов дал о себе наиболее правдивые показания. Причастность к ржевским раскольникам отрицал, он «злого умысла против государства и Ея Величества никакого не имел и действовал совершенно самостоятельно». Просто бедный, полуразорившийся купец хотел немного поправить свое благосостояние.

Но бывший попутчик Долгополова к стану Пугачева, башкир Канзафар Усаев, на допросах красок не жалел, а чтобы себя обелить, решил очернить других. Он поведал, что всегда являлся надежным человеком и верным слугой «царю и Отечеству», но только «смущенный речами Долгополова» признал в Пугачеве Петра III. Может быть, Екатерина II и помиловала бы Долгополова, но она не смогла простить ему своей доверчивости. Поэтому жизнь он себе выторговал, а свободу – нет.

29 декабря начался судебный процесс, а через несколько дней была вынесена «Сентенция о наказании смертною казнью изменника, бунтовщика и самозванца Пугачева и его сообщников». Своему кровному врагу – Емельяну Пугачеву – просвещеннейшая из монархов выдумала страшное, воистину средневековое, наказание: «…учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по четырем частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь».

Долгополова ждала несколько другая участь. «Сентенция» об этом гласит: «Яицких казаков: Василья Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, мещерякского сотника Канзафара Усаева и ржевского купца Долгополова, за то, что оные злодейские сообщники… Канзафар Усаев был двоекратно в толпе злодейской, в разные ездил места, для возмущения башкирцев, и находился при злодеях Белобородове и Чике, разные тиранства производивших. Он в первый раз захвачен верными войсками под предводительством полковника Михельсона, при разбитии злодейской шайки под городом Уфою, и отпущен с билетом на прежнее жительство; но не чувствуя оказанного ему милосердия, опять обратился к самозванцу и привез к нему купца Долгополова. Ржевский же купец Долгополов разными лжесоставленными вымыслами приводил простых и легкомысленных людей в вящее ослепление, так, что и Канзафар

Усаев, утвердясь больше на его уверениях, прилепился вторично к злодею. Всех пятерых высечь кнутом, поставить знаки и, вырвав ноздри, сослать на каторгу, и из них Долгополова, сверх того, содержать в оковах».

Долгополову еще раз пришлось увидеться с Емельяном Пугачевым. Это случилось в день казни мятежников, 10 января 1775 года. Болотная площадь в Москве, где проходила казнь, была запружена народом. Пугачев попросил перед казнью у народа прощения, и палачи начали исполнять приговор. Е. Пугачева и А. Перфильева четвертовали, еще трех помощников казацкого «царя» – М. Шигаева, Т. Подурова, В. Торнова повесили. Потом настала очередь для экзекуции Долгополова. С клеймом на лбу «В.О.Р.» купец был сослан вместе с другими осужденными на каторгу, в Эстляндскую губернию, в приморский город Балтийский Порт (сейчас г. Палдиски, Эстония). Дата смерти его неизвестна, но последнее прижизненное документальное упоминание о нем датируется 1797 годом.

САВИН НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧ

(род. в? г. – ум. в 1937 г.)

Корнет Савин – один из наиболее дерзких и изобретательных авантюристов, подаренных миру Россией. Легкость, с какой он вживался в любой образ, цинично элегантный стиль, с которым облапошивал очередную жертву, изумительная изобретательность – все это очень напоминает хорошо знакомый образ Великого комбинатора.

Впервые этот аферист привлек к себе внимание полиции еще в годы царствования императора Александра III. Тогда в Мраморном дворце обнаружили кражу: кто-то похитил из спальни Великой княгини золотые и серебряные ризы икон, украшенные драгоценными камнями. Правда, полиция Санкт-Петербурга оказалась на высоте, и вскоре вор был найден. Им оказался корнет лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Савин. В Мраморном дворце он находился как адъютант сына хозяйки ценностей, Великого князя Николая Константиновича. На допросе Савин сознался и в краже, и в том, что заложил похищенное за полмиллиона рублей. Но полный раскаяния мошенник стал доказывать полиции, что действовал не по своей воле, а был лишь исполнителем приказа Николая Константиновича, которому и передал вырученные деньги. Они, мол, срочно понадобились хозяину, чтобы содержать английскую танцовщицу. Вскоре подробности кражи стали достоянием всего города, несмотря на строжайшую секретность расследования. Скандал нужно было срочно замять. Великого князя объявили душевнобольным и выслали «для лечения» в Ташкент, а Савина выгнали из полка, предложив как можно скорее убраться подальше из России.

Сначала изгнанник отправился в Париж, где объявил себя политэмигрантом. Вначале к его личности был проявлен горячий интерес, он давал многочисленные интервью. Савин расписывал подробности дворцовой кражи, заявляя, что деньги, мол, потребовались его хозяину для благородных целей. Корнет утверждал, что сам Великий князь является членом революционной партии и передавал средства на дело революции. А история с английской танцовщицей – не более чем дешевый вымысел, необходимый, чтобы сбить с толку полицию и жандармерию. В Париже Савин успел быстро наделать долгов и

вскоре, спасаясь от кредиторов, сбежал в Америку. Он объявился в Сан-Франциско, где именовал себя графом де Тулуз-Лотреком. Живя в самых дорогих отелях, он охотно общался с прессой, сообщая, что российское правительство поручило ему разместить крупные заказы для строительства Транссибирской магистрали. Для этого ему необходимо ознакомиться с деятельностью наиболее известных машиностроительных корпораций. После такого заявления виднейшие промышленники и финансисты стремились во что бы то ни стало быть представленными «графу». Крупные авансы за посредничество сыпались как из рога изобилия. Но вскоре корнет исчез со всеми деньгами. Он вернулся в Европу. Американцы кинулись в полицию, только взывать к справедливости было уже поздно.

А авантюрист снова решил попытать счастья на родине, вернувшись к военной службе. Тут ему удалось провернуть аферу, ставшую известной всей эмиграции.

Отличительной чертой корнета Савина была располагающая внешность, прекрасное воспитание и великолепное владение несколькими иностранными языками: английским, французским, немецким, итальянским. Когда началась революция, он со своей частью приступил к охране Зимнего дворца. В один из дней, когда корнет исполнял обязанности начальника караула, к порогу здания подошел богатый американский турист. Внутрь дежурные иностранца не пустили и вызвали своего начальника – Савина. Естественно, при виде его солдаты взяли на караул, звякнув шпорами. Турист же, по-видимому, в русских знаках отличия не разбирался совершенно. Американец выразил желание поговорить с хозяином дворца. Корнет, состряпав соответствующее моменту «величественное» выражение физиономии, дал понять пришедшему, что тот обратился как раз по адресу. Далее состоялся диалог, позднее ставший основой популярного анекдота: западный делец выражал желание купить Зимний, в разобранном виде переправить к себе на родину и уже там собрать здание заново. Савин ответил, что американец – отнюдь не первый, кто обратился к нему с подобным предложением. При этом пройдоха выразил удивление, как быстро распространяются новости. Мол, только что к нему с подобным предложением приезжал персидский шах, и договор о покупке здания практически заключен, восточный владыка должен привезти требуемую сумму (кстати, совершенно астрономическую) в шесть часов вечера. Американец сразу же предложил заплатить больше и привезти деньги в пять часов… Тогда Савин, изобразив для большей правдоподобности тягостное раздумье, согласился на предложение настойчивого американца и

пообещал приготовить к пяти часам расписку.

После ухода обрадованного иностранца Савин отправился в архив, где ему ничего не стоило отыскать старый документ с гербовой печатью, исписанный не полностью. Отрезав заполненную часть, мошенник написал расписку и пометил ее завтрашним днем. Здесь же стоял и тяжеленный сундук с огромными ключами, не использующимися уже более века. Корнет отобрал 60 наиболее старых и замысловатых и связал их веревкой. Для придания большей солидности состряпанному им «документу» Савин украсил его оттисками монет разного достоинства (на них изображались имперские двуглавые орлы). Вид у расписки, украшенной многими «печатями», был весьма представительный. К пяти часам явился с деньгами, упакованными в два чемодана, американский бизнесмен. Корнет отдал ему расписку и ключи, однако деньги пересчитывать не стал, величественно сообщив, что в этом нет необходимости, ибо покупатель – настоящий джентльмен. Когда новоявленный «владелец» Зимнего прятал купчую, свет в здании неожиданно погас. Савин, позаботившийся об этом заранее, чтобы американец не стал разгуливать по дворцу, поспешил пояснить, что он звонил на станцию, чтобы со следующего дня счет за электричество посылали новому владельцу. Когда иностранец ушел, корнет приказал часовому поднять рубильник. С этого дня он в карауле больше не появлялся.

Самое интересное произошло на следующий день: к Зимнему подъехал грузовик с рабочими, и американец попытался по-хозяйски обследовать дворец. Естественно, охрана его не пустила, позвав нового начальника караула. Осмотрев «купчую», тот едва не умер со смеху: перед ним было долговое обязательство американского подданного мистера Джонса на сумму с внушительным количеством нулей. А внизу, после подписи, украшенной витиеватым росчерком, бесподобное примечание: «Дураков не сеют, не жнут!» И начались скитания обманутого покупателя по инстанциям. В конце концов кто-то перевел ему содержание «купчей».

Новоявленный «Бендер», прихватив деньги, полученные от американского промышленника, отправился на Балканы и вскоре объявился в Софии. Здесь он зарегистрировался в одном из больших отелей как Великий князь Константин Николаевич (так звали отца его бывшего патрона). В это время русский посланник, лично знавший князя, был болен, так что самозванца отправился приветствовать один из работников посольства. Наглый мошенник сообщил членам болгарского правительства, что готов устроить для Болгарии заем в парижских банках на сумму в 30

миллионов. Финансовое положение страны на тот момент было плачевным, так что от подобных перспектив в правящих кругах начался настоящий ажиотаж. А корнет тем временем демонстрировал всем желающим старинные документы с сургучными печатями и всеми необходимыми атрибутами, весьма искусно подделанные, которые доказывали… его право на болгарский престол! Среди местного населения у него неожиданно появилось много сторонников, которые были уверены, что «князь», наконец, наведет у них порядки. Ведь трон-то в ту пору действительно был вакантным.

В последний момент вся затея рухнула: для оказания услуг высокому гостю вызвали лучшего парикмахера Софии, ранее работавшего в Петербурге и хорошо знавшего Константина Николаевича. Но авантюрист успел сбежать из гостиницы за полчаса до того, как туда пожаловала полиция. Позднее получила огласку история о том, как Савин в это же время умудрился облапошить какого-то англичанина. Английская разведка проявила глубокий интерес к новоявленному претенденту на престол. В результате всплыла история с продажей Зимнего. Чтобы не раздувать скандал, Савину дали приказ оставить Болгарию в 24 часа. В случае неповиновения его обещали выслать в Советский Союз. От денег американца к тому времени не осталось ничего, и мошеннику пришлось срочно продавать какому-то коллекционеру бумаги, доказывающие его право на болгарский трон.

После исчезновения из Софии корнет надолго пропал из поля зрения эмигрантов. Некоторые пессимисты утверждают, что он несколько лет провел в европейских тюрьмах.

Но вот Савин вновь появляется в крупнейших столицах Европы. Каждый раз, возникая на новом месте и в новом обличье, он прокручивал лихие аферы и исчезал прежде, чем одураченные им люди успевали поднять шум. Изобретательность аферист была поистине безграничной, его уловки всегда носили оттенок дерзости и анекдотичности. Савин обладал также редкой способностью всякий раз ускользать из рук закона.

«Гастроль» жулика в Ницце ознаменовалась, например, такими событиями. Корнет принял вид представительного господина с седой бородой, хорошо одетого, с орденской розеткой в петлице. Никто не знал его имени, но окружающие, тем не менее, были уверены, что это богатый и солидный человек. Когда в полицию обратился нефтепромышленник из Батуми с заявлением, что он стал жертвой вымогательства со стороны «благообразного» господина, ему просто не поверили. Но пострадавший продолжал настаивать, что человек с орденской

розеткой подошел к нему на набережной и выманил 1000 франков, угрожая в противном случае отхлестать нефтяного короля по щекам. Жертва, убежденная, что перед ней – вымогатель либо сумасшедший, и боясь быть втянутой в скандал с публичным мордобоем, заплатила требуемую сумму. Мошенник, которого разыскала полиция, пришел в негодование и грозил подать жалобу министру внутренних дел. Его спешно отпустили, извинившись. Но уже через несколько дней в полицию обратился владелец отеля, где остановился «граф»: постоялец внезапно исчез, не заплатив по счету. Хозяин, не желавший огласки, поначалу хотел взять в счет погашения долга имущество уехавшего аристократа – содержимое двух увесистых чемоданов, оставшихся в номере. Но они оказались набиты камнями. Когда же беглец был обнаружен, он снова умудрился до такой степени заморочить голову полицейским, что заставил хозяина гостиницы взять назад свои обвинения и прямо в комиссариате занял у него деньги!

Когда средств на жизнь и вправду не было, ловкач прибегал к совсем уж нахальным трюкам. Он являлся в дорогой ресторан, заказывал роскошный обед. Когда подавался десерт, корнет подкладывал в него… засахаренного таракана! После этого подзывал метрдотеля, указывал на насекомое и начинал первый акт грандиозного скандала. Бедняга служащий был просто счастлив, когда разгневанный посетитель покидал заведение, при этом, естественно, не заплатив ни гроша. Ему просто боялись напомнить об этом. Аферист любил также заказывать обувь у двух хороших мастеров: две пары одного фасона, качества кожи и цвета. После изготовления заказа сообщал каждому хозяину мастерской, что один ботинок жмет. Те, которые якобы нуждались в растяжке, он оставлял на доработку, а хорошие забирал. При этом он договаривался, что деньги заплатит потом, когда все будет готово. Сапожник, естественно, соглашался: ведь заказчику-то нужен и второй ботинок! А ловкий мошенник не возвращался: ведь он забирал у одного мастера правый, а у другого – левый ботинок…

Неоднократно Савину удавалось «нагреть» и казино в Монте-Карло. То он, побродив по залам казино, решительно требовал от администрации «виатик» – ссуду на отъезд, которая выдавалась вконец проигравшимся клиентам (взявший ссуду не мог посещать казино до ее погашения) и уходил с 1000 франков в кармане. То, явившись в ином обличье через две недели, одурачивал крупье, утверждая, что поставил именно на выигрышный номер. На самом деле он негромко и не совсем разборчиво бормотал что-то по-русски, чего крупье не понимал. Предприимчивый махинатор

устраивал в заведении скандал и все-таки забирал деньги. А еще через месяц, нахально заявившись в помещение администрации, угрожал раздеться догола, выйти в зал и показать всем игрокам, как здесь обирают людей. За отказ от этой «грандиозной» идеи он требовал выплаты еще 1000 франков. И администрация дрогнула. Деньги были выплачены, но надоевшего авантюриста провели до самого вокзала и посадили на поезд двое в штатском.

Через несколько лет следы Савина обнаруживаются в Маньчжурии. В Харбине корнет явился к владельцу громадного универсама «Чурин», предложив ему приобрести большую партию золотых часов. В доказательство он показал накладную на вагон, свидетельство крупной страховой компании и оплаченный счет за товар. Савин сразу же стал договариваться, куда, в случае договоренности, сгружать товар. При этом цену за часы запросил смехотворно малую. Но посетитель назвался своей настоящей фамилией, а дело о продаже дворца к тому времени давно уже перешло в разряд анекдотов. Директор, стреляный воробей, сразу же заподозрил, что наглый мошенник и его посетитель – одно и то же лицо. Вероятный покупатель быстро организовал чаепитие и под шумок отправил мальчишку-рассыльного с запиской на станцию. А пока занялся изучением образца предложенного ему «товара». Часы действительно были хороши: золотые, с клеймом знаменитой фабрики Павла Буре. Через три часа директору сообщили по телефону, что рассказ о вагоне с золотыми часами – полный бред, что товарные вагоны, отведенные на запасные пути, стоят открытыми, в них – кирпичи, уголь и камни. Попутно работник станции сообщил, что страховая компания, указанная в бумагах продавца товара, прекратила свое существование восемь лет тому назад. Савину было предложено незамедлительно убраться вон из дома. Директор сказал ему: «Я мыльных пузырей не покупаю! Я не американец!» Чтобы оградить местных жителей от афериста, один из журналистов опубликовал статью в газете, в которой напомнил историю продажи дворца и сообщил, что мошенник, замысливший очередное надувательство, в городе. При этом в газете рисовался довольно точный портрет Савина. Корнету пришлось питаться в столовой при местном монастыре, а спать в ночлежке. К тому же он подвергался насмешкам со стороны даже самых отъявленных пьяниц. «Великому комбинатору» пришлось срочно покидать город.

Последние годы своей жизни Савин, превратившийся в жалкого старика, прожил в Шанхае. Там он зарабатывал продажей поддельных манускриптов иностранцам, сбором денег на издание какой-то газеты и многим другим. Но Шанхай в то время был переполнен жульем всех национальностей. Поначалу корнет

выискивал в порту иностранных моряков, водил их по кабачкам и рассказывал историю о том, как утонула его яхта, а его самого ограбили китайцы. К фальшивой розетке ордена Почетного легиона в петлице его пиджака добавились какие-то ленточки, а к графскому званию – титулы барона и князя. Благодаря совершенно виртуозному владению иностранными языками, без какого-либо акцента, англичане, французы, немцы и итальянцы действительно считали его земляком и выделяли Савину немного денег и выпивки. В кабачках же, куда он приводил иностранцев, ему тоже платили – водкой. Бывший статный красавец с военной выправкой ссутулился, полысел, при ходьбе шаркал ногами в стоптанных туфлях. Мутные глаза, постоянно слезящиеся, огромные мешки под глазами, серое, небритое лицо – корнет превращался в законченного алкоголика. Он все чаще жаловался на здоровье. Временами появлялось ощущение помутнения сознания, тяжелая дурнота. Однажды вечером ему стало плохо на улице. Перед большой гостиницей, куда он, почти ничего не соображая, каким-то образом вышел, Савин упал в обморок. Хозяин, ожидавший клиентов, был не слишком обрадован, увидав у своих дверей упавшего бродягу. Он быстро подозвал такси и, заплатив двойную цену, закинул корнета на заднее сиденье. Водителю было отдано распоряжение отвезти пассажира как можно подальше. Шофер, зная, что недалеко находится больница для бедных, которую содержит французская католическая миссия, отвез больного туда, оставил его перед дверью, позвонил и уехал.

Но другой водитель, русский, видел, как хорошо знакомого ему Савина увезло такси. Вечером того же дня он позвонил священнику своего прихода. Таксист рассказал, что позднее поинтересовался у коллеги, куда делся его больной пассажир, и тот ответил, что он находится в больнице католической миссии. Монах, выслушавший сообщение, был известен тем, что ходил по больницам и тюрьмам Шанхая, навещая тех, о ком все забыли. Наутро он отправился в путь, прошагав без остановки более двух часов (ввиду крайней бедности, святой отец передвигался по огромному городу пешком). В больнице поначалу не поняли, о каком русском идет речь. Когда священник упомянул фамилию «Савин», ему ответили, что такой больной действительно поступил вчера, но он – чистокровный француз. Сиделка, сама француженка, даже утверждала, будто корнет – парижанин. Монах поинтересовался, можно ли навестить больного. Ему дали разрешение, предупредив, что пациент временами лежит без сознания. У него цирроз печени, это неизлечимо, и кончина корнета – дело нескольких дней. Его поместили в палате № 13, считавшейся преддверием морга.

Савин очень обрадовался и удивился, увидев священника. Монах с жалостью смотрел на одутловатое, искаженное муками желтое лицо, огромный раздувшийся живот и многочисленные синяки – следы побоев – на обритой голове корнета. Прерывисто, еле слышно, продавец Зимнего и несостоявшийся болгарский царь стал говорить о том, что его… мучает совесть! Он попросил монаха об исповеди. Святой отец вытащил старенькую, пахнущую ладаном епитрахиль, литографическую иконку. Корнет принялся вспоминать свои грехи. Говорил он шепотом, с большим трудом, останавливаясь и задыхаясь. В конце исповеди больной сказал, что его «художества» требуют наложения строгого взыскания, но он сам успел страшно наказать себя. Савин утверждал, что чувствует скорую смерть. Помолчав, он вспомнил еще одно событие, мучившее его больше остальных. Однажды корнет получил письмо без подписи, в котором сообщалось, что его недавняя любовница, дочь кавалерийского офицера, ждет от него ребенка. Автор письма призывал Савина поступить так, как подскажет ему совесть честного человека. Если же ему безразлична судьба девушки, пусть пожалеет хотя бы ребенка, который может вырасти без отца. Корнет тогда пробормотал: «Сама виновата», и забыл о досадном известии. Через 20 лет, сидя в харбинском кабачке, он увидел, как двое людей, вышедших с толпой прихожан из церкви, остановились поговорить неподалеку. Один из мужчин оказался почти точной копией его самого в молодости. Даже родимое пятно ниже правого локтя было таким же точно. Тогда Савин решил срочно раздобыть денег, разыскать сына, дать ему свое имя и уехать с ним вместе куда-нибудь в Европу. Но афера с золотыми часами не выгорела… Что же касается матери ребенка, то он даже не помнил, как ее звали. Помнил только, что имя было редкое, он впервые в жизни его слышал. Тогда священник сказал, что на следующий день обязательно придет опять и принесет с собой святцы: может быть, услышав в перечне имен давно забытое, Савин его вспомнит. Монах отпустил грехи несчастному больному, но тот снова потерял сознание. Священник, предупредив монахиню-сиделку, что дело плохо, оставил ей телефон церкви и попросил записать слова умирающего, если тот скажет что-нибудь не по-французски.

Сиделка позвонила утром и сообщила, что в два часа ночи пациент умер, не приходя в сознание. В тот день старенький священник скромной шанхайской церкви сказал монаху, что за обедней надо помянуть усопшего. Но на вопрос, как его звали, монах ответил, что этого, похоже, не знает никто. После обедни отслужили панихиду, собрали деньги на скромный гроб. На коляске рикши привезли к кладбищу останки «великого

комбинатора». В такси следом приехали монах, русский таксист и еще двое прихожан. Из русского цветочного магазина привезли небольшой венок, перевязанный национальным флагом. Священнику явно было жаль мошенника-виртуоза, прожившего бестолковую яркую жизнь и нашедшего вечный покой под чужим небом. После проведения необходимого обряда он вдруг задумался, затем вытащил мешочек с русской землей и высыпал его в могилу.

КРЮГЕР ИВАР

(род. в 1880 г. – ум. в 1932 г.)

Шведский миллионер, один из самых могущественных людей Европы, «спичечный король», контролировавший половину мирового производства спичек, авантюрист международного масштаба. Он был «на короткой ноге» со всеми правителями европейских держав, а они брали у него многомиллионные кредиты. Его финансовая империя рассыпалась, как карточный домик, и ее крах эхом отозвался во всем мире. Но «прогорел» он не на спичках.

Родился Ивар 2 марта 1880 года в провинциальном шведском городе Кальмар. И дед, и отец его, и дядя были владельцами спичечных фабрик. С детства мальчишка отличался умом, хитростью, сообразительностью. Еще в начальной школе он предложил своим одноклассникам, так сказать, «научную организацию труда». Каждый сосредотачивался только на одном предмете и, досконально изучив его, делился добытыми знаниями с остальными, давал списывать. По окончании школы Ивар не захотел продолжать семейную династию, а поступил в Стокгольмский технический колледж. Там юный потомок

фабрикантов тоже постоянно проявлял свои предпринимательско-авантюристские наклонности. Например, на экзамене по минералогии Крюгер, словно фокусник, спрятал образцы неизвестных ему пород в карман, чтобы обмануть преподавателя. А однажды украл и продал информацию об экзаменах. По окончании колледжа в 1899 году Ивар получил степень магистра и диплом инженера-строителя, после чего уехал работать в США.

В Чикаго вчерашний выпускник устроился для начала агентом по недвижимости. О его деловой хватке и умении пользоваться случайно выпавшим шансом говорит хотя бы такой эпизод. Сняв квартиру в этом городе, он нашел почти законченные чертежи дома, оставленные прежним хозяином. Крюгер дождался, пока позвонит клиент, и объяснил ему, что архитектор, выполнявший этот заказ, вынужден был срочно уехать. Но он, как его коллега, завершит работу. «Коллеге» хватило чертежных навыков строителя, и он заработал на этом 50 долларов.

Позже Ивару в числе других специалистов предложили выгодный контракт и пригласили в Мексику строить мосты. Там в тропиках молодой швед, в числе многих, заболел желтой лихорадкой и чуть не умер.

После выздоровления скандинавский инженер нанялся работать в нью-йоркскую строительную компанию, путешествовал по Индии и Европе. В Южной Африке Ивар монтировал строительные конструкции и одновременно держал небольшой ресторанчик. В Париже изучал юриспруденцию, французский язык и историю.

В 1907 году «блудный сын» возвратился в Швецию. Дома Крюгер с коллегой-инженером Паулем Толлем учредил строительную компанию «Крюгер энд Толл», которая занималась возведением зданий с помощью железобетонных конструкций. Эту новейшую в то время технологию предприимчивый швед позаимствовал у своего американского работодателя еще в Нью-Йорке. Железобетон позволял в рекордно короткие сроки строить различные сооружения, в том числе громадные высотные здания различного предназначения. Но это было потом, а поначалу капитал компаньонов рос медленно, несмотря на постоянные заказы. Чтобы увеличить прибыль, они пошли на такую хитрость. При заключении контракта бизнесмены ввели новый пункт, в котором было оговорено: за каждый день опережения графика заказчик выплачивает подрядчику по 5 тыс. шведских крон (по тем временам – примерно одна тысяча долларов США). Первый же построенный на новых условиях объект компания сдала раньше срока на два месяца, и премия превысила сумму самого

контракта в шесть раз! В дальнейшем они возводили объекты как минимум на два месяца раньше оговоренного времени, и предприятие процветало. С 1911 года компания «Крюгер энд Толл» в Швеции стала по праву считаться акулой большого бизнеса, продолжая расширяться. Открылись ее филиалы в России и Финляндии, на очереди были и другие страны. Но Ивар не мог делить власть и сферу влияния с кем бы то ни было. Он стремился быть первым и единственным. Для этого преуспевающий инженер-строитель, не переставая получать дивиденды в прежней компании, резко переключился на… спички.

Шведы еще в 1855 году придумали безопасные спички, в которых ядовитый белый фосфор заменили безвредным, красным. До того времени это производство считалось очень вредным и опасным. Да и в повседневной жизни при неосторожном обращении с такими предметами первой необходимости многие люди получали сильнейшие ожоги, были даже смертельные случаи. Братья Лундстремы придумали спички, которые зажигались лишь от трения о специальную смесь. Но даже с возникновением в Швеции «спичечного» бума и появлением многочисленных фабрик по их производству мировые потребности не были удовлетворены полностью. Спрос превышал предложение, заниматься спичками было выгодно. Скажем, в России они были доступны не каждому, поскольку стоили дорого. Ведь их возили «аж из Швеции!».

Молодой Крюгер обладал огромной работоспособностью, постоянно пополняя багаж технических и экономических знаний. Он хорошо усвоил законы рынка и умело всем этим пользовался для достижения поставленных перед собой целей.

Для начала будущий «финансовый император» скупил в родном городе Кальмаре все семь спичечных фабрик, в том числе предприятия отца и дяди, и основал акционерное общество. Таким образом, на всем шведском рынке у него остался только один конкурент – «Йёнчёпинг-Вулкен». Это предприятие было в три раза крупнее и мощнее крюгеровского. Но сын потомственных фабрикантов уже через 11 месяцев работы сумел добиться двукратного увеличения чистой прибыли на своем детище. На следующий год он опять удвоил капитал акционерного общества, удачно разместив ценные бумаги на биржах. Через пять лет, в 1917 году, Крюгер перегнал соперников и безжалостно «съел» их. Для этого бизнесмен сначала купил заводы, производящие серу и фосфор, после чего йёнчёпингские фабрики остановились без сырья и разорились. Далее он без труда приобрел предприятия-банкроты и соединил обе компании в одну под названием

«Шведская спичка» (если помните, у Чехова есть одноименный детективный рассказ). В 37 лет Крюгер стал ведущим предпринимателем и спичечным монополистом своей страны.

После этого новоявленный миллионер планомерно начал завоевывать мировой рынок. Он поставлял дешевые спички сначала в соседние страны, а затем и по всей Европе, заставляя местные спичечные фабрики испытывать огромные трудности с реализацией своей продукции. Параллельно владелец «Шведской спички» скупил все предприятия континента по производству фосфора и серы и тем самым оставил своих конкурентов без очень важных составляющих «огнедобывающего» производства. Таким образом, предприимчивый скандинав постепенно задушил местных производителей. Далее агенты Крюгера приезжали на стесненные финансовыми обстоятельствами фабрики и предлагали владельцам за их бизнес небольшие деньги. Те, естественно, не продавали свои предприятия почти задаром. Тогда «на выручку» попавшему в беду фабриканту приходил шведский монополист. И давал в два раза большую цену, чем предыдущие «покупатели». Конечно, хозяин с радостью соглашался на сделку. При этом сумма все равно в итоге получалась неадекватно низкой. Так скандинавский бизнесмен скупил за бесценок предприятия вчерашних конкурентов и присоединил их к своей «спичечной империи». После Европы то же самое он проделал на Дальнем Востоке, в Японии и других странах: сначала завалил местный рынок дешевыми спичками и купил поставщиков сырья, затем с помощью подставных «покупателей» сбил цену на обанкротившиеся фабрики и приобрел их за смехотворную сумму.

Несколько еще не до конца разорившихся владельцев попытались организовать антикрюгеровскую коалицию. Они ни за какие деньги не соглашались продавать свои спичечные фабрики «шведу». Кому угодно, только не ему! И продавали, хоть и за меньшую цену, зато не Крюгеру, а другим предпринимателям. Но на самом деле «другие предприниматели» были подставными фигурами «короля спичек».

Во многих странах существовала государственная монополия на производство и продажу товаров первой необходимости, в том числе и на спички. Однако шведский бизнесмен и тут нашел лазейку. Страны Европы, разоренные Первой мировой войной, остро нуждались в деньгах. И Крюгер начал предоставлять им займы. Он брал от имени своего спичечного концерна кредиты в американских банках и давал их под небольшие проценты (5 % годовых) европейским державам. Взамен миллионер требовал у правительств этих стран монопольного присутствия своих

предприятий на местном рынке. Стараясь залатать дыры в бюджете, правители шли на такую сделку, зачастую в ущерб собственной промышленности. Одной из первых стран, воспользовавшихся «добротой» бизнесмена, была Польша, которая получила заем в 6 млн долларов. Уже к 1930 году магнат стал одним из крупнейших кредиторов в мире. Его заемщиками на то время числились 19 государств, а общая сумма их долга составляла 387 млн долларов. Почти все европейские страны «побывали в руках» скандинава.

Только французы упорно сопротивлялись и два года не хотели брать его деньги. Поэтому Крюгер выторговал себе потом «всего лишь» монопольное право поставлять на рынок оборудование, серу и лесоматериалы для спичечного производства Франции.

В начале 1930-х годов Ивар был в зените славы и могущества, он научился «делать» огромные деньги. Почти половина всего мирового спичечного производства принадлежала шведу. Около 250 фабрик и заводов его империи располагались во всех европейских странах, за исключением Испании, СССР и Франции, а еще около двух десятков размещались на других континентах. В 15 странах Крюгер обладал монопольным правом на производство и продажу спичек, а в десяти – просто доминировал на рынке. Правда, с Советским Союзом ему не везло. Когда большевики национализировали его производство в Советской России, скандинавский миллионер потерял большие деньги. В 1931 году сотрудники разведки Слуцкий и Фельдбин (псевдонимы Орлов и Никольский) шантажировали магната поставками дешевых спичек из СССР на Запад. Чтобы не потерять монополию, он, не торгуясь, выплатил Кремлю 300 тыс. долларов отступного. Возможно, Сталин и дальше «доил» бы шведского капиталиста.

Его финансовое положение к тому времени достигло апогея. Многие знаменитые женщины мира мечтали выйти за него замуж. Крюгер окружил себя невероятной роскошью. В Стокгольме он построил себе грандиозный «спичечный дворец», походя покупал недвижимость по всему свету. Приобретал антиквариат, уникальные книги, автомобили «роллс-ройс», картины знаменитых художников. Регулярно пополнял личные банковские счета в Швейцарии, Лихтенштейне, Швеции, Австрии и многих других странах. Продолжая управлять «спичечным королевством», Крюгер купил очень прибыльные месторождения золота и железной руды в Европе, планировал также захватить целлюлозное производство и рынок телекоммуникаций. Но в 1929 году случился небывалый обвал акций, повлекший в

последующем разоблачение многочисленных авантюр магната.

Именно ему принадлежала честь если не изобретения финансовой системы «пирамида», то вынесения ее на международный уровень. Интересно, что тогда такая финансовая схема не считалась зазорным или тем более преступлением.

Ключевые посты на своих предприятиях хозяин спичечной империи укомплектовывал людьми, умеющими держать язык за зубами, не задающими лишних вопросов и всегда готовыми подписывать нужные ему документы. С их помощью фабриковались бухгалтерские книги, где значительно преувеличивались активы предприятия, куда вносились ссылки на несуществующие соглашения, воображаемые лицензии. Искажались финансовые отчеты, заключались фиктивные сделки, денежные средства с успехом перемещались из одной компании Крюгера в другую. Словом, он мошенничал, как хотел.

Магнат бросил свои взоры на США – неограниченный источник денег. Если в Европе в 1920-х годах был заметен экономический спад и рост безработицы, то Соединенные Штаты процветали. Американские инвесторы, которые стремились любой ценой «делать деньги», часто уклоняясь от уплаты налогов, с радостью делали вклады во впечатляющую финансовую империю Крюгера. Своим акционерам он обещал дивиденды до 30 %. Для этого ловкач под высокие проценты брал крупные суммы в американских банках и использовал их для выплаты премий по обыкновенным акциям своих компаний. Когда стоимость его ценных бумаг на биржах увеличивалась, магнат выпускал в обращение и продавал новые акции и так далее по кругу. Акционеры даже не подозревали, что дивиденды им платят их собственными деньгами, которые прокручивались между подконтрольными Крюгеру дочерними компаниями. Средствами, полученными от выпусков облигаций, предприимчивый швед кредитовал правительства Европы, не забывая и свой карман. Только за 1923 год международная корпорация по производству спичек продала на американских рынках акций на сумму 150 млн долларов. Через два года ее дочерние предприятия в Польше перевели из своих прибылей на личные счета шведского бизнесмена 25 млн. В 1927 году он выдал большой заем Франции для стабилизации франка и заодно вложил деньги в расширение собственного производства. В духе того времени авантюрист не афишировал финансовые отчеты своих предприятий, предпочитая полагаться на свою, на первый взгляд безупречную, репутацию. Бизнесмена такого уровня не принято было в деловых кругах рассматривать под лупой.

Несмотря на столь значительные успехи, империя Крюгера

была истощена после выдачи европейским правительствам многомиллионных кредитов. А он все равно не смог устоять перед соблазном и совершил еще одну ошибку, ставшую роковой. В обмен на рыночную монополию спичек нечистый на руку бизнесмен на очень щедрых условиях предоставил заем в 125 млн долларов правительству Германии, но неудачно рассчитал время.

В 1929 году на Уолл-стрит во время обвала на фондовых биржах стремительно упали американские акции, что привело к мировому финансовому кризису, который международный аферист явно недооценил. Сначала обанкротилось только несколько предприятий владыки спичечного королевства, а через три года рухнула вся его империя. «Король» пытался спасти положение и заключить сделку с американской телефонной и телеграфной компанией. Но ушлые «янки» не поверили ему на слово и захотели взглянуть на финансовые документы. А там недоставало ни много ни мало – семи миллионов долларов. Магнат же знал, что даже с помощью подложных бухгалтерских книг он не смог бы покрыть такой дефицит. Так неожиданно стали раскрываться многочисленные аферы Крюгера.

Выяснилось, что он лично подделывал подписи на ценных бумагах и почти вся его империя базировалась на фальшивых акциях. Аферист привлекал к аудиту своих предприятий подставные фирмы и заключал сомнительные сделки. Были обнаружены и более мелкие преступления миллионера. Другими словами, комбинатор мирового уровня мошенничал вовсю.

В ночь с 11 на 12 марта 1932 года на 53-м году жизни создатель империи покончил с собой, выстрелив из браунинга девятимиллиметрового калибра в сердце. Утром в одной из роскошных крюгеровских резиденций в Париже на авеню Виктор-Эмманюэль прислуга нашла его мертвым. Самоубийство великого махинатора потрясло тогда весь мир. Хотя существует версия, что шведскому авантюристу «помогли» уйти из жизни, а самоубийство из-за «сердечных терзаний» и «угрызений совести» было просто инсценировано.

После кончины банкрота кредиторы предъявили претензии более чем на один миллиард долларов. Только американские вкладчики безвозвратно потеряли около 100 миллионов. Оказалось, что долги Крюгера еще в 1931 году превышали национальный долг Швеции и составляли 1,8 млрд крон. А он еще некоторое время продолжал делать хорошую мину при плохой игре.

Позднее эти махинации послужили хорошим уроком для всех правительств и заставили Конгресс США и парламенты других стран принять законы, защищающие права держателей ценных

бумаг. После Великой депрессии 1930-х годов деловая этика изменилась, и ее традицией стала прозрачность сделок, особенно на государственном уровне. Имущество покойного миллионера-банкрота пошло с молотка, но его не хватило, чтобы рассчитаться с акционерами.

Голландский финансовый гений Виллем Паарбум, изучив долговые обязательства величайшего проходимца, сказал, что они стоят минимум в шесть раз больше той цены, за которую продаются. Адвокат Хуго Стенбек входил в группу юристов, оценивавших осколки империи великого авантюриста. Он купил тогда по дешевке одно из крюгеровских предприятий – «Kinnevik». В 1980-х годах оно стало основой империи его сына, Яна, который во многом повторил судьбу Крюгера. Олигарха обвиняли в приписках и неуплате налогов, жульничестве и подделке подписей. Но признавали потрясающий предпринимательский дар медиамагната, называли его финансовым гением. На вершине могущества его империя стоила около девяти миллиардов евро, а личное состояние приближалось к одному миллиарду. 59-летний Ян Стенбек скоропостижно скончался от инфаркта в парижском госпитале. Неожиданную смерть во Франции «крестного отца» шведского бизнеса сравнивали с кончиной в Париже почти семь десятков лет назад его соотечественника и авантюриста Ивара Крюгера.

В 1933 году американская писательница (эмигрантка из России) Эн Рэнд написала пьесу «Чердачный романс» (или «Чердачные легенды»), в основу которой были положены перипетии судьбы «спичечного императора» Крюгера – человека, противопоставившего себя всему остальному обществу. С одной стороны, в произведении подчеркивались такие черты характера магната, как вера в себя, одержимость на пути к поставленной цели, огромная работоспособность и самоотдача, мужество и стойкость, а с другой – ненависть к окружающим, зависть, пренебрежительное к ним отношение, нетерпимость, стремление к безграничной власти. Величайший авантюрист сумел заработать большие деньги, но не сумел достойно прожить жизнь и достойно умереть.

РЕЙС АРТУР ВИРГИЛИО АЛЬВЕС

(род. в 1896 г. – ум. в 1955 г.)

Крупномасштабный мошенник и авантюрист, успешно использовавший путь извлечения баснословных прибылей даже из инфляции. Жулик, заключивший договор о производстве настоящих денег, которые отмывал в собственном банке, и чуть было не ставший владельцем главного Банка Португалии и хозяином финансовой жизни всей страны. Некоторые газеты считали его агентом Кремля.

Родился Артур Рейс в 1896 году в семье бухгалтера и с детства имел в своем характере, так сказать, финансовые наклонности. Еще гимназистом он прослыл среди однокашников ловким ростовщиком: брал проценты, даже давая деньги в долг на несколько часов. В колледже юный бизнесмен продолжал ссужать деньги приятелям, обдирая их как липку, за что его и не любили. Юноша в течение года изучал машиностроение, после чего решил: «Не хочу учиться, хочу жениться!» Ростом будущий жених не вышел, зато был широкоплечим, с рельефными мышцами, поскольку регулярно упражнялся с тяжестями. Невесту Артур выбирал долго и тщательно, пока не остановился на девушке из богатой семьи. Ее хорошее приданое позволило молодоженам жить в свое удовольствие, не особенно утруждая себя заботой о хлебе насущном.

В 20-летнем возрасте А. Рейс, уже будучи отцом, направляется на государственную службу в западно-африканскую колонию Португалии – Анголу, предъявив диплом бакалавра технических наук Оксфордского политехнического колледжа. Дипломы престижного Оксфорда всегда котировались высоко, поэтому в колониальном управлении в Луанде молодой госслужащий успешно делал карьеру, три года уверенно поднимаясь по служебной лестнице. Возможно, он достиг бы немалых высот, но в 1919 году случайно и очень для него некстати обнаружился обман: «корочки» бакалавра выявились поддельными, потому что такого колледжа попросту не существовало. Начинающего жулика с треском «ушли» со службы. Неудачливый «бакалавр» не пал духом, а занялся частной коммерцией: скупал за бесценок в этой бедной провинции пищевое сырье и выгодно продавал его в Европе. Постепенно

расширяя сферу деятельности, торговец за три года сколотил неплохое состояние, купил в Лиссабоне шикарные апартаменты, нанял прислугу, основал свою фирму «Артур Рейс» по продаже автомобилей. Казалось, дальше все пойдет как по маслу. Но последствия Первой мировой войны коснулись и небольшой Португалии. Хотя она и не принимала непосредственного участия в военных действиях, экономическая депрессия тоже затронула эту аграрную страну. Коррупция, уменьшение золотовалютного запаса, массовая безработица, несбалансированность бюджета, инфляция, превышение импорта над экспортом и другие перекосы в экономике и политике явно не способствовали повышению благосостояния народа и доверия к властям. К этому добавлялась политическая грызня кланов за власть. С 1918 года, как в калейдоскопе, менялись президенты и правительства. Некоторые премьеры руководили кабинетом министров всего несколько дней. В таких нестабильных условиях португальская денежная единица эскудо обесценилась в десятки раз. К лету 1923 года за один английский фунт стерлингов нужно было платить больше сотни эскудо. В свою очередь, английская валюта котировалась относительно доллара США еще ниже. Галопирующая инфляция быстро «съела» вклады Рейса, и он оказался на грани разорения. Нужно было срочно что-то предпринимать.

Используя старые связи, бывший госслужащий узнал о предоставлении очередным правительством 100-тысячного кредита железнодорожной компании «Амбако» в Анголе. Рейс отправился в Нью-Йорк, открыл в одном из банков счет всего лишь в несколько десятков долларов и вернулся в Лиссабон. Воспользовавшись номером этого счета, он выписал чек на 40 тыс. долларов (естественно, без реального обеспечения – ведь на том счете были крохи). Затем на лиссабонской бирже скупил на несуществующие деньги контрольный пакет сильно обесцененных акций «Амбако», расплатившись чеком. Зная, что приходование чека займет восемь дней (именно столько времени шел пароход из столицы Португалии в Нью-Йорк), а значит обман не может раскрыться раньше этого срока, мошенник с контрольным пакетом акций пришел в лиссабонскую дирекцию «Амбако», представился новым хозяином компании и на вполне законных основаниях перевел телеграфом 35 тыс. долларов с ее счета на свой счет в нью-йоркском банке для покрытия своего 40-тысячного чека. Недостающие пять тысяч Рейса не смутили – банк не обеднеет (а если бы он перевел все 40 тыс. долларов, то все было бы шито-крыто). На оставшиеся в кассе компании 65 тыс. долларов из 100-тысячного кредита новый хозяин купил

контрольный пакет акций еще одной африканской компании – «Саус Ангола майнинг компани».

Вот так просто 27-летний авантюрист, практически не нарушая закон и не вложив своих денег (если не считать нескольких десятков долларов на счете, затрат на путешествие в США и обратно да разных мелких расходов), стал владельцем двух крупных компаний в Анголе. Их предполагалось задействовать для превращения природных богатств колонии в звонкую монету. Этот вариант Артур обсуждал весной 1924 года с друзьями. Ему понравилось пользоваться несовершенством законов для собственного обогащения. Он продолжал самообразование, тщательно штудируя литературу по юриспруденции, экономике, банкам и финансам. Сие чтиво Рейс не прекращал даже в следственной тюрьме г. Порту, куда его заключили в июле 1924 года. Фирма «Амбако» выдвинула против него обвинения в нецелевом расходовании стотысячного кредита, а нью-йоркский банк требовал с него недостающие пять тысяч долларов. Но арестанта это мало волновало, он уже задумал новую грандиозную аферу и продолжал к ней готовиться, выискивая «белые пятна» и нестыковки в законодательстве. Через два месяца с помощью друзей Артур уладил все «недоразумения» с компанией и банком и его выпустили на свободу.

С каждым витком инфляции Банк Португалии все активнее пользовался своим монопольным правом эмиссии денег. Монетный двор не справлялся с печатанием банкнот, и заказы стали размещать за границей, в частности в Англии. Вот здесь и нашлась лазейка для мошенничества. Рейс задумал изготовить поддельные документы, чтобы заключить по ним договор с английской фирмой, производящей деньги. Готовые банкноты переправлялись из Англии по дипломатическим каналам без таможенного досмотра с помощью друзей, брат одного из которых был Генеральным консулом. Для отмывания денег оставалось только учредить банк, скупить через подставных лиц достаточное количество акций главного Банка Португалии, войти в состав его административного совета, замести следы и подчинить себе всю финансовую систему страны.

Артур купил стандартные бланки договоров, состоящие из нескольких листов. На первом и втором он написал текст мифического договора на поставку шерсти. На третьем листе обоих экземпляров надпись гласила: «Составлено в двух экземплярах и подписано». В присутствии нотариуса Рейс подписал третьи листы договоров, оставив вверху место, а тот их заверил. Поскольку сделка предусматривала пересечение таможенных границ, А. Рейс в торгпредствах посольств Англии,

Франции, Германии заверил подпись и печать нотариуса. После этого он уничтожил первые два листа ненужных договоров, а вместо них на таких же, но чистых бланках составил два новых. Один договор – между Банком Португалии и колониальным управлением Анголы, дающий право последнему взять на внешнем рынке заем в 1 млн фунтов стерлингов и выпустить на такую же сумму деньги, номинированные в эскудо, для обращения на территории этой африканской колонии. Второй договор – между колониальным управлением Анголы и сеньором Артуром Виргилио Альвесом Рейсом, имеющим полномочия на организацию эмиссии новых ангольских денег.

Любой грамотный финансист заметил бы, что все здесь шито белыми нитками: вброс грандиозной суммы денег в обращение просто привел бы к гиперинфляции. К тому же взять кредит на такую большую сумму вряд ли возможно: только кретин станет вкладывать серьезный капитал в очень отсталую колонию Португалии, сотрясаемую экономическими катаклизмами, безо всякой надежды на то, чтобы получить прибыль и даже вернуть свои деньги обратно. Поэтому с целью придания солидности и юридической полновесности такому несуразному документу Рейсу пришлось немало потрудиться. Первым делом, выше своего автографа он расписался за управляющего акционерным Банком Португалии Комачо Родригеса и государственного казначея Жозе да Мотта Гомеша, скопировав их подписи с банкнот. Затем добавил росчерк министра финансов Диего Родригеса, Верховного комиссара по делам Анголы Фердинанда да Куньи Рего Чавеса и специального представителя Анголы Диего Кошты. Не имея под рукой образцов последних трех подписей, Рейс расписался за них произвольно – проверить их все равно англичанам было трудно. Таким образом все подписи оказались нотариально заверенными.

В дополнение к этим бумагам Рейс написал доверенность на имя представителя голландской фирмы из Гааги «Маранг и Коллиньон» Карела Маранга ван Иссельвеере, дающую ему право размещать заказы на изготовление банкнот, подписывать контракты от имени А. Рейса, вести другие организационные работы. Четвертой важной бумагой для предстоящей аферы было состряпанное Артуром письмо от имени управляющего Банком Португалии Комачо Родригеса, в котором тот якобы просил главу английской фирмы «Ватерлоу и сыновья» сэра Вильяма Ватерлоу отпечатать банкноты для Анголы и подтверждал полномочия Маранга и Рейса. Послание Артур вложил в специально заказанный им в типографии цветной конверт с государственным гербом и штампом «Банк Португалии. Управляющий. Личная

переписка». На всех документах красовалась гербовая сургучная печать, которую предусмотрительный аферист заказал заранее. Все вышеназванные бумаги с многочисленными подписями, гербовыми печатями, нотариальными заверениями, заверениями нотариальных заверений, сургучом и прочими атрибутами должны были, по мнению Рейса, произвести нужное впечатление на неспециалистов по финансам – переводчиков и юристов типографии ценных бумаг, которые будут переводить текст с португальского на английский и подтверждать юридическую точность перевода.

А когда документы попадут в руки главы фирмы, то на них уже будут подписи официального переводчика и нотариуса компании, что автоматически повысит доверие к бумагам, как к успешно прошедшим первичную, поверхностную проверку.

Теперь настал черед подключить к делу друзей. Все они – с криминальными наклонностями. Скажем, Жозе душ Сантуш Бандейра. Он на 14 лет старше Рейса, отсидел семь лет в зарубежной тюрьме за кражу со взломом, скупку и укрывательство краденного и т. п. В Португалии его несколько раз спасал от заключения и отец, крупный землевладелец, и старший брат, Антонио Карлуш душ Сантуш, Генеральный консул в Гааге, дипломатическое прикрытие которого и предполагалось использовать в предстоящих махинациях.

Второй подельник – Адольф Густав Хеннис был на 15 лет старше Рейса (настоящее имя – Иоганн Георг Адольф Деринг). Он окончил начальную школу, работал сигарным мастером, одолжил у приятеля приличную сумму денег и скрылся, оставив жену и детей. В США основал сигарную фабрику, в Бразилии представлял швейную фирму «Зингер». Вернувшись по фальшивому паспорту в родную Германию, разбогател на биржевых операциях. Сотрудничал одно время с посреднической фирмой голландца Карела Маранга. Последний на 12 лет старше Рейса, обладал в прошлом солидным счетом в банке. Потом его фирма из-за неудачных махинаций обанкротилась. Именно Маранг и предстал в Лондоне в декабре 1924 года перед сэром Ватерлоу как полномочный представитель Артура Рейса и глава фирмы «Маранг и Коллиньон» из Королевства Нидерланды, как значилось в доверенности Рейса. Нотариус фирмы «Ватерлоу и сыновья» перевел текст на английский, проверил и заверил, после чего Маранг изложил суть дела. В Голландии создан консорциум, в составе которого и его фирма, готовая предоставить Анголе кредит размером в 1 млн фунтов стерлингов. Не возьмется ли «Ватерлоу и сыновья» отпечатать соответствующую сумму в португальских эскудо для эмиссии в колонии? Сэр Вильям,

подумав и взвесив все, согласился (зачем же пренебрегать выгодной сделкой?) с условием, что Банк Португалии направит ему официальный и юридически оформленный заказ на изготовление банкнот. Таким образом, на первом этапе аферы никто ничего не заподозрил.

Через две недели Карел Маранг вручил главе лондонской фирмы два тех самых нотариально заверенных договора, написанных А. Рейсом. Первый – между Банком Португалии и колониальным управлением Анголы, второй – между колониальным управлением Анголы и Артуром Виргилио Альвесом Рейсом. Нотариус фирмы перевел их на английский язык, проверил и заверил, подтвердив, что все юридически правильно. И на сей раз никто не заметил подделки. Но сэр Вильям Ватерлоу – опытный бизнесмен. Он написал управляющему Банка Португалии Комачо Родригесу и просил подтвердить факт заказа банкнот и полномочия Рейса и Маранга. Последний предложил для сохранения конфиденциальности и быстроты ответа воспользоваться спецкурьером Генерального консула Португалии. Так письмо через Антонио попало к Рейсу, а не к управляющему банком. В январе 1925 года тот же курьер вручил сэру ответное «послание» Комачо Родригеса, написанное Рейсом и запечатанное в специальный конверт со штампом банка, сургучной печатью и т. п., в котором все подтверждалось. И на этот раз ни переводчик-нотариус, ни глава фирмы не заметили фальшивки (или за определенную сумму не захотели заметить?). Расчет Артура оправдался. «Маранг и Коллиньон» заключила контракт с «Ватерлоу и сыновья», согласно которому британская фирма должна была отпечатать до 31 января 1925 года 200 тыс. ассигнаций по 500 эскудо каждая, а голландская – переправить их в Анголу с последующей отпечаткой на каждой банкноте надписи «Деньги для Анголы». Стоимость заказа составляла 1500 фунтов стерлингов. В начале февраля 1925 года Карел Маранг привез из Лондона в Лиссабон первую партию новеньких купюр, минуя таможню, так как для провоза были использованы документы и дипломатический канал все того же Генконсула в Гааге. Теперь подельники начали готовить документы для учреждения собственного банка. С этой целью взяли в долю некоего Адриано Сильву, бывшего банковского служащего, изгнанного с работы за должностной проступок. Он-то чуть было не сгубил все дело в самом начале.

Мошенники, естественно, не собирались допечатывать на банкнотах «Деньги для Анголы», а стали понемногу пускать их в оборот в самой Португалии. У многих людей в небольшой стране стало складываться впечатление, что купюр достоинством 500

эскудо слишком много. Это не было похоже на замену ветхих банкнот новыми, и повсюду поползли слухи о фальшивках, вызывая недоверие к ассигнациям. А 4 марта 1925 года банк в г. Брага в течение дня принял от разных клиентов несколько нераспечатанных пачек именно 500-эскудовых банкнот. Последняя крупная партия таких ассигнаций была пущена в оборот еще три года назад, и банковские работники начали сомневаться в том, что все эти годы деньги находились нетронутыми при все возрастающей инфляции. Полиция по сигналу из банка начала расследование и вышла на коммерсанта, того самого Адриано Сильву, платившего своим клиентам нераспечатанными пачками денег, по мнению полиции, фальшивых. Однако их радость по поводу успешной поимки крупного фальшивомонетчика вскоре сменилась разочарованием: деньги, как установила компетентнейшая экспертиза, оказались настоящими. Сильву пришлось отпустить. Но слухи о фальшивках и недоверие к купюрам номиналом 500 эскудо продолжались.

Банк Португалии в мае 1925 года через газету вынужден был официально заявить о том, что для беспокойства по поводу якобы появившихся фальшивых банковских билетов нет оснований. К тому времени все деньги уже были переправлены из Лондона в Лиссабон, как всегда минуя таможенный досмотр, а «Рейс и К°» направил в министерство финансов запрос на разрешение создать «Банк Анголы и метрополии». Среди учредителей значились А. Рейс, Ж. Бандейра и А. Сильва. Уставной капитал – 20 млн эскудо. Совету Нацбанка сразу не понравился состав учредителей с криминальным прошлым, и он отказал им в регистрации на том основании, что никто из них не имел финансового образования, а кроме того, Анголу уже обслуживает «Банко Ультрамарине», и нет нужды создавать еще один банк. В министерстве также полагали: 20 млн уставного фонда на законных основаниях никто из учредителей банка иметь не мог, и это не те люди, которых можно допускать в финансовый бизнес. Но с третьей попытки и, возможно, с помощью крупных взяток банк 15 июня 1925 года был зарегистрирован. Поначалу он даже предоставлял кредиты под приемлемые проценты для некоторых областей промышленности, завоевывая доброе имя, и в деловых кругах о нем стали говорить много хорошего.

На самом деле главные усилия компаньоны направили на тайную скупку акций Банка Португалии, крупные биржевые операции, приобретение валюты.

В июле 1925 года Рейс опять составляет письмо в Лондон от имени управляющего Банком Португалии Комачо Родригеса с просьбой допечатать еще 380 тыс. банкнот номиналом 500

эскудо, используя те же типографские пластины. Карел Маранг вручает его сэру Вильяму Ватерлоу, и история повторяется: нотариус переводит и заверяет текст, ничего не заподозрив, сэр Ватерлоу заключает с Марангом контракт на изготовление новой партии купюр с изображением Васко да Гамы. Для доставки заказа в Лиссабон мошенники задействовали даже посла Венесуэлы в Португалии, графа Симона Планеса-Суареса. За 200 тыс. эскудо он провез без таможенного досмотра два чемодана денег. (Впоследствии посол был объявлен персоной нон грата.)

Но сколько веревочке ни виться… В начале декабря 1925 года клерк банка г. Порту заприметил подозрительного ювелира, который много раз приносил пачки нераспечатанных банкнот в 500 эскудо для внесения на свои депозиты. Плюс к этому в пункте обмена в том же банковском зале он скупал доллары США и английские фунты стерлингов, расплачиваясь 500-эскудовыми дензнаками в новой банковской упаковке. Маловероятно, чтобы деньги в условиях жесткой инфляции так долго лежали у него без движения – ведь Банк не вводил в оборот новые купюры с 1922 года. Значит, деньги фальшивые? Клерк сообщил о своих сомнениях банкиру, тот – Комачо Родригесу, который, в свою очередь, дал знать об этом криминальной полиции. Ювелира арестовали, при обыске в его доме обнаружили доказательства его причастности к различным финансовым махинациям. Но самое главное – он держал свои основные вклады в «Банке Анголы и метрополии», где управляющим было небезызвестный Адриано Сильва, которого арестовывали весной за подозрения, схожие с возникшими сейчас. Сильву задержали и допросили, а в ночь с 5 на 6 декабря вскрыли банковское хранилище. Эксперты Банка Португалии тут же приступили к выборочной экспертизе 4000 ассигнаций номиналом 500 эскудо. Задержали и допросили также владельца пункта обмена валюты, где ювелир покупал доллары и фунты, а в помещении «Банка Анголы…» произвели обыск. Но никаких улик, указывающих на фальшивомонетничество, не было. Более того: специалисты дали авторитетное заключение о подлинности «васкодагамовских» купюр. Следствие зашло в тупик, задержанных в скором времени пришлось бы отпустить. К чести руководителя специальной следственной группы, наделенного самыми широкими полномочиями, он не остановился на полпути, а приказал отыскать банкноты с одинаковыми номерами. Если были повторно использованы типографские пластины, то номера купюр неизбежно должны были повториться, так как преступники ни за что не стали бы печатать денежные знаки несуществующих серий.

Одна группа полицейских начала переписывать номера четырех тысяч банкнот в «Банке Анголы и метрополии» в г. Порту, а вторая занялась тем же в Банке Португалии в Лиссабоне. Время от времени по телефону серии сверялись, и в конце концов обнаружились четыре совпадения. Было принято решение взять под стражу всех учредителей и руководителей «Банка Анголы…».

При подходе судна из Анголы к порту Лиссабона с проходящего катера таможенников не установленные полицией лица сообщили Артуру Рейсу и Адольфу Хеннису об обыске в конторе и банке. (Компаньоны возвращались этим рейсом из африканской провинции, где намеревались вложить капитал в разработку природных богатств.) Хеннис пересел в катер и скрылся, Рейс отказался бежать и вечером 6 декабря 1925 года был арестован. На следующий день А. Хеннис отбыл в Германию с чемоданом валюты. Почему Артур отказался бежать? Может, надеялся на мягкость приговора – до трех лет тюрьмы или ссылка в колонию, т. е. в Анголу, где он был как рыба в воде? Рейс не знал, что через год к власти придут военные и наказание будет грозить очень строгое – до 25 лет заключения.

На допросе главарь банды сообщил, что контролирует более трети всех акций главного Португальского Банка, хотя по закону физическое лицо не могло владеть и распоряжаться таким количеством акций. Но он ловко обошел ограничения, не нарушая законов. Ценные бумаги, имеющиеся в его распоряжении, принадлежали подставным лицам, а Рейс имел их доверенности на право распоряжаться акциями. Если бы их тайная скупка продолжалась, то по достижении определенного количества акций в один прекрасный день аферист мог на вполне законных основаниях стать владельцем национального Банка страны. После чего единолично руководить финансовой, а стало быть и экономической жизнью Португалии, к чему он, собственно, и стремился. Последствия могли быть самыми непредсказуемыми.

Правление Банка приняло решение об изъятии из обращения всех купюр достоинством 500 эскудо. 7 декабря 1925 года португальские газеты опубликовали шокирующее заявление Банка: «… до 22 декабря сего года необходимо в любом банке обменять 500-эскудовые ассигнации на любые другие». Поползли слухи о денежной реформе и даже отмене эскудо. Через два дня европейская, а за ней и мировая печать разнесла сенсацию, что фальшивые деньги печатались в России, налицо коммунистический заговор – масштабная акция Москвы по разжиганию пожара мировой революции, а Рейс и другие учредители – агенты Кремля. Но по приезде в Лиссабон сэра Вильяма Ватерлоу миф о фальшивых купюрах рассеялся. Для

главы фирмы «Ватерлоу и сыновья», имевшей безупречную репутацию, было потрясением узнать, что он печатал настоящие деньги для Банка Португалии, который их не заказывал, а управляющий Банком Комачо Родригес никогда не писал в Лондон с просьбой отпечатать в общей сложности 580 тыс. банкнот. Оппозиция в Португалии потребовала отставки правительства и Правления Банка, а палата лордов парламента Великобритании внесла в повестку дня вопрос «о прояснении всех обстоятельств коммунистического заговора в Португалии с целью изменения образа правления».

Сам виновник переполоха ни на кого не пытался переложить вину, заявив, что является единственным организатором аферы, а его окружение – лишь слепые исполнители. В 1929 году португальский писатель Е. Батталья написал авантюрный роман «Фантастический банк», прототипом главного героя в котором стал Рейс. Суд начался 6 мая 1930 года в столице Португалии. Среди обвиняемых не было Адольфа Хенниса, находящегося в бегах, и Карела Маранга – подданного Нидерландов. В 1926 году голландский суд ничего не смог доказать и ограничился 11 месяцами, проведенными Марангом под следствием. Умер он в Каннах в 1960 году на 77 году жизни в собственной роскошной квартире. Хеннис в 1932–1934 годах отбыл все же наказание в берлинской тюрьме Моабит и умер в 1936 году. Артуру Рейсу вменяли в вину «заговор с целью изменения образа правления», «подделку документов», «использование фальшивого диплома» и главное – «изготовление в обход закона 580 тыс. банкнот и их частичную эмиссию с целью разрушить главный эмиссионный центр страны». Артур заявил, что если следовать букве закона, то денежная эмиссия Банка Португалии тоже была незаконна, так как Банк не внесен в государственный реестр, а значит, его юридически не существует. Рядом с ним на скамье подсудимых должны находиться члены Правления Банка, а также все министерство финансов, чья безответственная политика насыщала экономику все более обесценивающимися деньгами. На эту же скамью следовало пригласить и правительство, не сумевшее остановить рост инфляции. Иск Банка Рейс тоже отверг на том основании, что не может подавать иск тот, кого де-юре не существует. Пришлось служащим Фемиды и парламенту вносить поправки в законодательство, включать Банк в национальный кадастр (реестр) задним числом. Подсудимый после этого стал требовать своего освобождения на том основании, что закон обратной силы не имеет.

Приговор был оглашен 19 июня 1930 года. Артур Рейс и Жозе душ Сантуш Бандейра были приговорены к восьми годам

заключения в каторжной тюрьме и 12 годам ссылки в африканскую колонию. Суд разрешил заменить наказание 25 годами ссылки в колонии, но они отказались.

Брат Жозе – Антонио Бандейра – был отозван из генконсульства в Гааге и осужден, так же как и нотариус, заверявший все фальшивые документы Рейса, и даже секретарь А. Рейса, печатавший эти фальшивые бумаги на машинке. Фирме сэра Ватерлоу Банк Португалии предъявил иск за необеспечение надлежащего хранения типографских пластин и использование их без санкции Банка на сумму более полумиллиона фунтов стерлингов. Сэр Вильям Ватерлоу скончался в возрасте 60 лет в 1931 году. Управляющий «Банком Анголы и метрополии» А. Сильва, ювелир и владелец обменного пункта тоже понесли уголовное наказание.

Главный аферист вышел на свободу за два дня до окончания Второй мировой войны – 7 мая 1945 года – глубоко верующим человеком. Остаток жизни он провел странствующим проповедником протестантской церкви, что для католической Португалии было в диковинку.

Человек, в свое время придумавший и осуществивший самую грандиозную денежную аферу, ворочавший в прошлом миллионами, прожил последние десять лет жизни в глубокой нищете и умер 8 июля 1955 года от инфаркта в возрасте 59 лет.

ПАВЛЕНКО НИКОЛАЙ МАКСИМОВИЧ

(род. в 1912 г. – ум. в 1955 г.)

Остап Бендер времен Великой Отечественной войны.

4 апреля 1955 года трибунал Московского военного округа вынес приговор по делу Николая Максимовича Павленко и его подельников. Павленко был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу, а остальные 16 человек – к лишению свободы сроком от 5 до 25 лет. Уникальное это было дело. Уникальное по своим масштабам, по наглости и цинизму.

Ниточка к распутыванию целого клубка преступлений группы Павленко потянулась в 1952 году из Прикарпатского военного округа. В материалах, собранных следователями, а затем переданных в Москву, в Главную военную прокуратуру СССР, значилось, что в СССР под видом государственной военно-строительной организации уже более 10 лет работает частное предприятие, использующее в качестве рабочей силы служащих Советской Армии, получающее строительные заказы от министерств и ведомств на десятки миллионов рублей и имеющее счета в Госбанке. Эту организацию – «Управление военного строительства-1» (УВС-1), по данным следствия, возглавлял полковник Н. М. Павленко. В Москве в такое дело поначалу не поверили. Да и как поверить! Ведь вся страна окутана сетью секретной агентуры, за каждым следит недреманное око МГБ. Тем не менее, Следственная часть по особо важным делам МГБ запросила данные на УВС-1 и самого Павленко в Министерстве обороны и в МВД. Ответы оказались неожиданными и шокирующими: нигде, ни в каких списках УВС-1 и инженер-полковник Павленко Н. М. не значатся. После этого началась подготовка силовой операции по ликвидации этой подпольной организации.

Операция была проведена в Кишиневе, где находился штаб УВС-1, 14 октября 1952 года. Она прошла бескровно. Застигнутые врасплох бойцы Павленко не оказали вооруженного сопротивления. В операции были задействованы значительные силы, поскольку она проводилась одновременно не только в Молдавии, но и в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии. В тот день было задержано свыше 300 человек, работающих в этой фиктивной организации, из них 50 так называемых офицеров, сержантов и рядовых. Удалось задержать и «полковника» (теперь

его звание, как и других, надо писать в кавычках) Павленко, и начальника контрразведки части «майора» Константинера. Кстати, на квартире Павленко во время обыска обнаружили генеральские погоны. Удивление участников операции вызвали воинские порядки в УВС-1: в части был оперативный дежурный, начальники различных служб, знамя части, охраняемое меняющимися часовыми. На территорию части часовые в форме сержантов и рядовых Советской Армии никаких посторонних не допускали. УВС-1 имело 6 легковых автомобилей, 62 грузовые машины, бульдозер, 3 экскаватора, 4 трактора. Кроме этого, при обыске оперативники изъяли 13 круглых печатей и штампов, множество фальшивых техпаспортов и удостоверений, десятки тысяч различных бланков, а также 18 пистолетов, 25 винтовок и карабинов, 8 автоматов, 3 ручных пулемета, свыше 3 тыс. патронов, 5 гранат.

Николай Павленко родился в 1912 году под Киевом в с. Новые Соколы в семье мельника, где кроме него было еще семеро детей. В 1928 году, как бы предчувствуя грозящую опасность (отцу грозило раскулачивание), изменив в своих документах возраст (прибавив 4 года) и социальное происхождение, Николай сбежал из дома. Через несколько месяцев его семью действительно раскулачили и сослали в Сибирь. Более других Павленко привлекала профессия строителя, и он поступил в Калининский инженерно-строительный институт. Однако проучился там только 2 года и ушел. И опять вовремя. Это был канун чисток в среде интеллигенции и охоты на троцкистов. Николай устроился на стройку и вскоре написал донос в НКВД на двух сотрудников, Афанасьева и Волкова, обвиняя их в троцкизме. Эти двое и так уже находились под подозрением. Но теперь местный отдел НКВД рекомендовал Павленко, как благонадежного человека, в Главное управление военного строительства, где, работая прорабом, он постигал не только свою непосредственную работу, но и науку приписок и хищений. А кроме того, он быстро научился громко рапортовать о перевыполнении плана, даже если этого и не было, развивать идеологическую работу и дружить с органами безопасности. Репрессии 1930-х годов обеспечили ему карьерный рост. К началу 1940-х годов Павленко дорос до начальника строительного участка и уже начал было присматриваться к должности аппарата главка. Но тут началась Великая Отечественная война, и 80 % кадров Главвоенстроя были мобилизованы.

Пребывание на фронте не сулило ничего хорошего новоиспеченному воентехнику 1-го ранга (ст. лейтенант) Николаю Павленко. Стрелковый корпус, к которому он был

приписан, оказался на одном из передовых участков фронта и нес огромные потери, и у Николая появилось огромное желание быть от фронта как можно дальше. В сентябре 1941 года, выписав себе фальшивое командировочное удостоверение, из которого следовало, что воентехник 1-го ранга Павленко Н. М. послан на поиски аэродромной части, он вместе со своим шофером Щегловым дезертировал и отправился в хорошо ему знакомый г. Калинин. По дороге к нему примкнули еще несколько дезертиров, которые признали воентехника Павленко своим командиром неофициального воинского подразделения, абсолютно не желавшего воевать.

В Калинине у Павленко нашлось немало друзей и знакомых. Так что избавление от верной смерти он и его окружение длительное время отмечали бурными застольями. Но к марту 1942 года деньги кончились. Пришлось брать в долг у знакомых. Но и эти деньги быстро испарились. Павленко с компанией перестали пускать в рестораны, потребовали расчета в гостинице. И тогда Николай растерялся. Выход нашелся неожиданно. Один из друзей-дезертиров, Лев Рудниченко, как-то во время гулянки за час вырезал с помощью подручных средств из резиновой подошвы гербовую печать, отличавшуюся высоким качеством. Павленко быстро сориентировался. Как-то на строительной площадке автодорожной станции он увидел огромное количество брошенной в панике во время эвакуации строительной техники. Тогда у него созрела мысль создать некую фиктивную организацию, которая не только дала бы освобождение от фронта, но и приносила бы доход. Обстановка 1942 года как нельзя лучше подходила для афер с армейскими документами. Советские войска то наступали, то отступали. Неразбериха была полная. Даже командиры дивизий зачастую не знали, где находится та или иная часть. На это и рассчитывал Павленко. По его просьбе Рудниченко вырезал печать и штампы «Участок военно-строительных работ Калининского фронта» (УВСР-5). В условиях неразберихи появлению ниоткуда УВСР-5 никто не удивился. В результате некоторых манипуляций Павленко удалось открыть на имя УВСР-5 счет в Калининском банке. Местная типография отпечатала для него 18 тыс. фирменных бланков. Фабрики и склады безропотно выдавали павленковским бойцам продовольствие и обмундирование по фальшивым аттестатам. Вскоре дезертиры щеголяли в новенькой офицерской форме, а Павленко произвел себя в военные инженеры 3-го ранга.

Удивительно, но местная комендатура, где была зарегистрирована новая часть, ничего не заподозрила. Ротозейство и беспечность тылового начальства надолго

обеспечили «процветание дела» Павленко. Никто вроде и не замечал, что за типографские бланки он расплатился продуктами, а комплекты обмундирования были украдены для него несколькими работниками местной швейной фабрики.

Из числа наиболее преданных ему людей Павленко сформировал «офицерский корпус», использовав для этого поддельные документы. А для соблюдения необходимой секретности даже создал свою контрразведку, в задачу которой входил и подкуп тех, от кого зависело безбедное существование УВСР. Вскоре новая воинская часть стала пополняться рядовыми и сержантами, даже не подозревавшими, в какую аферу они втянуты. Для этого Павленко направил в комендатуру г. Калинина официальное письмо – на сфабрикованном бланке со всеми необходимыми печатями – с просьбой направлять в его часть для дальнейшего прохождения службы бойцов, выписанных из госпиталей, а также отставших от своих частей. Дело, конечно, не обошлось без взятки работникам военкомата. Затем Павленко договорился с врачом 1-го ранга Биденко о зачислении всех бойцов УВСР-5 на все виды довольствия в обмен на бесплатный ремонт всех строений эвакопункта. Так преступная организация была легализирована, получила свое помещение и снабжение.

А дальше началась работа. Понимая, что денег, поступающих от продажи товаров, для несуществующей части хоть и хватит надолго, но афера может всплыть в любой момент, Павленко решил заняться тем, что он хорошо знал, – строительством. Он стал заключать хозяйственные договоры по ремонту дорог и строительству с настоящими организациями. Часть денег Павленко потратил на питание рядового состава, а часть, около 1 млн рублей, поделил со своими «офицерами». Недостатка в технике у УВСР не было: они просто подбирали брошенные при эвакуации тракторы, бульдозеры, экскаваторы, иные механизмы и агрегаты, необходимые для строительных работ. Осенью 1942 года после ликвидации Калининского фронта Павленко срочно поменял вывеску своей организации и место дислокации. За крупную взятку командиру 12-го района авиационного базирования (РАБ) Цыплакову павленковцы были зачислены на все виды довольствия 12-го РАБ. Теперь фиктивная воинская часть стала называться УВС-5. Более удачной «крыши», чем 12-й РАБ, трудно было найти, поскольку он двигался вслед за наступающей армией, но на безопасном удалении от места боев, и работы для строителей на освобожденной территории было предостаточно. Пришлось даже расширять штаты, включая в них отставших от частей солдат и вербуя, под угрозой расстрела за уклонение от исполнения долга перед Родиной, местное

население. Уже в середине 1944 года в УВС-5 насчитывалось свыше 200 человек, причем, половина из них были дезертиры. Попутно со строительством павленковцы занимались грабежами государственного и трофейного имущества. Правда, иногда им приходилось ввязываться в бой с противником. Но и это обстоятельство Павленко умело использовал, получив для себя и своих подчиненных по липовым представлениям свыше 230 орденов и медалей. Самого же себя он наградил, кроме медалей, орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Боевого Красного Знамени, орденом Красной Звезды.

Вслед за армией УВС-5 прошло Польшу и попало в Германию. Времени на строительство уже не было, зато были дела поважнее: демонтаж и отправка в СССР предприятий из Восточной Пруссии и просто мародерство. Павленковцы охотно грабили немецкие склады и зажиточные дома. Когда же население Штутгарта пожаловалось на них коменданту города, Павленко решил укрепить дисциплину в своем подразделении, расстреляв перед строем двух зарвавшихся мародеров. Он прекрасно понимал, что только железная дисциплина обеспечивает неуязвимость его части. Дисциплина и работа его «контрразведки», которая на взятки и подкуп нужных тыловиков и командиров расходовала чуть ли не половину всех доходов. Наладив контакты с управлением вещевого и обозного снабжения и комендатурой Штутгарта, Павленко получил от них неформальное разрешение на сбор репараций в некоторых районах Германии. Только за то, чтобы войти в разрушенный, но еще не разграбленный Бремен вместе с передовыми частями, как установило следствие, он выплатил многим военным чинам в качестве взяток свыше 100 тыс. рублей. В три раза больше было затрачено, чтобы без лишнего шума на станции Штеменхорст заполучить вагон для вывоза награбленных в Бремене ценностей – в основном золотых изделий и драгоценностей, изъятых под видом «трофейной команды» из запасников некоторых берлинских музеев еще до того, как туда попали представители Комитета по делам искусств при СНК СССР. В результате «конкуренты» нажаловались «куда надо», но поскольку мифическую воинскую часть не нашли, козлом отпущения сделали коменданта станции Звенягина. Продолжения это дело тогда не получило. По данным следствия, еще в Штутгарте Павленко получил железнодорожный эшелон из 30-ти вагонов, в который было загружено несколько грузовых и легковых автомобилей, тракторов, мотоциклов и другой техники, десятки тонн сахара, круп, муки и сотни голов домашнего скота. Только за реализацию берлинских «трофеев» он получил в СССР 25 млн рублей, а после продажи на черном рынке части товаров –

свыше 3 млн рублей.

После возвращения к месту постоянной дислокации в Калинин Павленко демобилизовал бойцов и «офицеров» и расформировал часть. «Свои» рядовые и сержанты получили от 7 до 12 тыс. рублей, офицеры – от 15 до 25 тыс., а сам Павленко – 90 тыс. рублей. Все разъехались на «заслуженный отдых», а Павленко, оставшись в Калинине с огромными активами, создал строительную артель «Пландорстрой». Но война закончилась, обстановка в стране изменилась, к военным чиновники стали относиться по-другому, свысока, а кроме того, пошли слухи, что артели скоро прикроют. Поэтому Павленко ликвидировал «Пландорстрой» и переехал в 1948 году во Львов, где вокруг него стали собираться уже поиздержавшиеся «боевые товарищи». Тот же Л. Рудниченко изготовил необходимые печати и штампы «Управления военного строительства» (УВС-1). Были отпечатаны бланки и необходимые документы. Свою деятельность Павленко окутал завесой секретности, давая всем понять, что он и его организация относятся к «органам». Штаб УВС-1 располагался под Кишиневом и выглядел как обычная воинская часть – имелось даже боевое знамя и вооруженная охрана. Кстати, охранников для Павленко отбирали местные органы МГБ, а военкоматы поставляли для него призывников-срочников, которые были использованы как бесплатная рабочая сила на многочисленных стройплощадках.

С помощью взяток Павленко быстро нашел общий язык с коррумпированными чиновниками. Счета УВС-1 были открыты в 21 отделении Госбанка, и через них было получено более 25 млн рублей. В период с 1948 по 1952 год УВС-1 заключило 64 договора на общую сумму 38 717 600 руб. Большая часть контрактов проходила по линии Минуглепрома СССР. Во Львове Павленко был в хороших отношениях со всем руководством. Во время праздничных парадов он стоял на трибуне вместе с руководителями в парадном мундире инженера-полковника. Он им стал в 1951 году.

Строить Павленко умел. Качество построенных им дорог весьма высоко. Многие из них эксплуатируются до сих пор. В случае необходимости он не стеснялся сманивать у госпредприятий нужных ему специалистов, платя им в 3–4 раза больше их прежних окладов. Ввел Павленко и сдельную оплату, выставляя строителям-сдельщикам после рабочего дня бесплатно бочку пива.

Погубило УВС-1 банальное воровство управленцев среднего звена. Чтобы создать иллюзию атмосферы настоящей воинской части, «офицеры» распространяли среди вольнонаемных

облигации государственного займа, которые специально для этих целей покупались на черном рынке Львова. Один из рабочих, получив облигаций на меньшую, чем ему полагалось, сумму, написал жалобу в местную прокуратуру. Та начала проверку жалобы, и тогда вскрылось, что УВС-1 – мираж.

На суде Павленко заявил, что УВС-1 никогда не вело антисоветской деятельности: «Мы просто строили, как умели, а умели строить мы хорошо, и, если суд сочтет возможным, с радостью будем строить на пользу Советскому государству». Но суд не счел это возможным. Так закончилась карьера Остапа Бендера времен Великой Отечественной войны.

БОЯРСКИЙ ЧЕСЛАВ

(род. в 1912 г. – ум. в 1966 г.)

Современники называли его «Рембрандтом фальшивомонетчиков». Созданные им поддельные купюры невозможно было отличить от настоящих.

История знает не много талантливых фальшивомонетчиков. Чаще всего они подделывали деньги для собственного обогащения. Но нередко бывало, что их труд использовался и на государственном уровне.

Многие «умельцы» прошлых веков разрезали золотые монеты пополам, изымали внутреннюю часть золота, а полость заполняли дешевым сплавом, чтобы вес монеты оставался прежним и фальшивку нельзя было выявить взвешиванием. С появлением гальванического процесса «алхимики» стали покрывать тонким слоем золота или серебра монеты из дешевого сплава. По весу, размеру и рисунку они ничем не отличались от настоящих золотых и серебряных монет.

Французский король Филипп IV на рубеже XIII и XIV веков, наоборот, уменьшал вес золотых и серебряных монет либо вовсе заменял драгметаллы оловом и медью с целью увеличения собственного состояния. Его так и называли – Филипп-фальшивомонетчик.

На государственном уровне «шалил» в XVIII веке горнозаводчик и некоронованный царь Урала Демидов. Не желая отдавать государству, согласно действовавшим законам, обнаруженные новые залежи серебра, он начал на собственном «монетном дворе» чеканить серебряные монеты, ничем не отличающиеся от царских по внешнему виду. Правда, его деньги содержали больше серебра, чем настоящие. Это, пожалуй, единственный случай в истории, когда фальшивки были ценнее настоящих денег.

С целью ослабления доллара США и для пополнения государственной казны Сталин в 30-е годы XX века с помощью советской внешней разведки открыл в странах Запада банки с фальшивыми долларами. И чуть не погубил зарубежную агентурную сеть, которая по его приказу была задействована в обмене фальшивок. Их печатали на Пермской фабрике Гознака с привлечением лучших фальшивомонетчиков Советского Союза, находящихся в заключении.

А по приказу Гитлера, во время Второй мировой войны лучших граверов, художников, химиков и других специалистов собрали со всей оккупированной Европы в концлагере, где они наладили производство фунтов стерлингов. Миллионы фальшивок очень высокого качества нацисты планировали рассыпать с самолетов над территорией Великобритании. Подделки должны были дестабилизировать денежную систему и, следовательно, существенно ослабить экономику Англии, с которой Германия находилась в состоянии войны.

Особенно преуспевали «блинопеки» (так на блатном жаргоне называют фальшивомонетчиков) в подделке бумажных денег. Во все времена и при всех режимах находились таланты, подобные другу героя фильма «Джентльмены удачи», который «с четырьмя классами образования за полчаса так червонец нарисует – от настоящего не отличишь!» Ныне с помощью копировальной аппаратуры и мощных компьютеров с соответствующим программным обеспечением они изготавливают высококачественные фальшивки, которые можно выявить только с применением специальной техники.

В 50-х годах XX века совершенного компьютерного обеспечения еще не существовало, однако Чеслав Боярский, живший во Франции, умудрился в одиночку в домашних условиях изготавливать франки очень высокого качества, практически идентичные настоящим. Этот «Рембрандт фальшивомонетчиков» на долгие годы лишил покоя полицию и банкиров Франции.

Чеслав родился в 1912 году в г. Ланцут на западе тогдашней Российской империи (ныне Польша) в семье мелкого коммерсанта. Отучившись в Львовском политехникуме, он уехал в Германию и, окончив университет в Данциге, получил диплом архитектора.

Несмотря на свой маленький рост (158 см) и мирную профессию строителя, начало Второй мировой войны 1 сентября 1939 года Боярский встретил офицером польской армии. После падения Польши он чудом не попал в плен и бежал во Францию. Вскоре эта страна тоже капитулировала перед фашистами, и Чеслав ушел в маки к генералу де Голлю, под командованием которого партизанил до конца войны. В 1945 году бывший польский офицер-эмигрант как активный участник французского движения Сопротивления получил возможность легализоваться во Франции. Сначала ему дали вид на жительство, а затем и гражданство. К великому огорчению Боярского, его польский и немецкий дипломы экономиста и архитектора на новой родине не признали, поэтому он так и не смог найти работу по специальности. Чеслав начал заниматься изобретательством и

даже получал патенты. Но экономичные, универсальные электробритвы, кухонные комбайны, уничтожители документов, малогабаритные водяные насосы и прочая техника, а также уникальная пластмасса, клей, краски и очень многое другое оказалось никому не нужным и неоплаченным в послевоенной, разрушенной, голодной Европе.

Возможно, талантливый изобретатель так бы и продолжал бедствовать, если бы по случаю не купил за бесценок старое биде, из которого сделал своеобразную мельницу. Перетерев в пыль на специальных жерновах несколько мелких франков, Чеслав получил уникальный материал для изготовления фальшивых денег. Не имея специального образования, начинающий «блинопек» в сжатые сроки самостоятельно освоил прикладные науки, связанные с производством банкнот, раскрыл секрет нанесения водяных и скрытых защитных знаков, освоил целый ряд специальностей, необходимых в его деле, смастерил малогабаритный печатный комплекс, а также уникальные инструменты и приспособления. Не располагая соответствующей информацией, Боярский научился делать листы бумаги нужной толщины из денежной пыли (кстати, бумага для дензнаков изготавливается, если можно так выразиться, из тряпок, т. е. из ткани, а не из древесины). В результате всех его стараний всего лишь через два года после переоборудования старого биде в машину для получения «денежного сырья», проделав колоссальную работу, «художник печатного станка» выдал на-гора подделки очень высокого качества, по некоторым элементам защиты превосходившие оригинал. Новенькие банкноты Чеслав подвергал искусственному старению. Для этого он нагревал их в специальной печке, мял в мешочках с обычной пылью, прокручивал в сепараторе и т. д. После многократных процедур такого рода на купюрах появлялись потертости, краска немного выцветала, сами банкноты приобретали вид и цвет денег, бывших в употреблении.

Первые фальшивки номиналом в 1000 франков Боярский преподнес себе в подарок к Рождеству 1950 года. И только в 1951 году один из экспертов Банка Франции обнаружил первую подделку. Проверяя денежные пачки методом случайной выборки, он обратил внимание на необычный хруст, издаваемый при смятии купюры (для профессионалов ощущение плотности бумаги и хруст купюры являются более красноречивым признаком подлинности, чем наличие водяных и скрытых печатных знаков). Тщательный спектральный анализ показал, что сделана она методом глубокой печати из настоящей денежной бумаги(!), но при ее производстве допущены некоторые

отклонения от технологии Монетного двора, отчего и появился едва уловимый специфичный хруст. Водяные знаки защиты были нанесены правильно, но в скрытых знаках допущены микроскопические неточности.

Комиссар полиции Эмиль Бенаму, длительное время успешно руководивший отделом по борьбе с фальшивомонетчиками в Министерстве внутренних дел Франции, оценил поступившую из Банка информацию как исключительно важную. За многие годы работы в полиции ему не встречались фальшивые франки такой филигранной работы и мастера такого высокого класса. Комиссар был тоже профессионалом в своем деле. Как и Боярский, он имел нефранцузское происхождение (араб-алжирец) и сражался с нацистами в рядах Сопротивления (служил в контрразведке де Голля). Чеслав, конечно, не мог знать, что его деятельностью заинтересовался бывший контрразведчик и побратим по оружию. Сейчас они оказались по разные стороны баррикад, и начался их незримый поединок.

Боярский тем временем рассчитался с долгами, удачно женился на молодой француженке из состоятельной семьи, открыл счет в швейцарском банке. Он потом лопнул, и Чеслав одно время вел переписку с банкирами в надежде спасти вклад, но тщетно. Письма сохранились и впоследствии сослужили Боярскому очень плохую службу…

До 1954 года он подделывал лишь тысячефранковые билеты, которые сбывал только по одному в крупных универсальных магазинах и всегда сам. Такие меры предосторожности делали его неуловимым: неспециалисту выявить фальшивку было невозможно, эксперты изымали ее только в банках, у полиции не было никаких зацепок для вычисления преступника.

Разбогатев незаконным промыслом, Боярский захотел вновь стать честным человеком. Три года он не печатал денег, а занимался изобретательством, получал патенты, пытался пустить в производство свои многочисленные изобретения. Но его талант опять не получил признания – Чеслав опередил свое время. Это сейчас, допустим, уничтожитель документов можно увидеть во многих офисах, а тогда изобретение безработного архитектора не нашло достойного применения. Отчаявшись заработать большие деньги легально, «гений печатного станка» принялся за старое. В 1957 году, учитывая инфляцию, он переключился на 500-тысячные купюры, а после денежной реформы во Франции в 1960 году – на «сотенные». Утратив осторожность, Боярский задействовал в обмене фальшивок этнического француза Антуана Довгье, которому продавал 100 своих франков за 70 настоящих. Антуан позже втянул в «дело» с согласия босса своего

двоюродного брата Алексиса Шувалова, сына русских эмигрантов из Ниццы, в прошлом – коммивояжера. Чеслав продавал Алексису 100 своих франков уже за 75 настоящих. Сотенных подделок образца 1960 года стало поступать в оборот намного больше, чем тогда, когда Боярский в одиночку «сплавлял» фальшивки. Вовлечение посторонних людей в «бизнес» и сгубило его. Еще одной роковой ошибкой Чеслава было то, что он стал «рисовать» деньги всего лишь четырех серий.

Если в предыдущие 12 лет полиция только фиксировала случаи изъятия фальшивок экспертами банков и не продвинулась в расследовании ни на шаг, то теперь повторяющиеся серии банкнот стали уликой и зацепкой.

В сентябре 1963 года кассирам торговых объединений, банковских касс и крупных магазинов Парижа предложили запоминать людей, расплачивающихся 100-франковыми банкнотами четырех серий, и сообщать в полицейский участок.

Боярский категорически запрещал разменивать подделки в почтовых и банковских кассах. Шувалов нарушил инструкцию и дважды за два месяца «сбросил» фальшивки в одно и то же почтовое отделение Парижа. Комиссар Бенаму посадил на место кассира полицейского, который действовал втайне от сотрудников почты и приходил на работу как обычный служащий. 29 ноября 1963 года Алексис купил на этой почте государственные облигации и расплатился за них с кассиром-полицейским четырьмя 100-франковыми купюрами. Увидев искомую серию банкнот, страж закона запомнил лицо этого человека и номер его машины. Так Шувалов попал под круглосуточное наблюдение полиции. Все его телефонные разговоры прослушивались, передвижения и контакты фиксировались, связи проверялись. На его квартире устроили тайный обыск, но никаких следов типографских работ не нашли. Чтобы выйти на изготовителя или группу изготовителей фальшивок, полиция пока не арестовывала сбытчика, а продолжала скрытое наблюдение, о котором последний не догадывался. Еще трижды за два месяца Алексис оплачивал фальшивыми франками свои покупки в магазинах и ценные бумаги в кассах почтовых отделений, но где он брал подделки – так и оставалось для комиссара загадкой. 17 января 1964 года Шувалов снова отправился в вояж по магазинам и филиалам банков, где его взяли с поличным. На допросе подозреваемый заявил, что ничего не знает о поддельных деньгах, а пачку 100-франковых билетов ему дал двоюродный брат Антуан Довгье. Тот в свою очередь назвал Чеслава Боярского, жившего в престижном пригороде Парижа. Комиссар Эмиль Бенаму лично возглавил

группу, отправившуюся в город-спутник Парижа Монжерон на задержание респектабельного хозяина двухэтажного коттеджа. В холле этого роскошного жилья стоял портфель, набитый пачками стофранковых купюр. Боярский стал утверждать, что деньги настоящие и получены из банка. Комиссар, конечно, не поверил и поспешил доложить начальству о задержании неуловимого фальшивомонетчика и обнаружении портфеля с его «продукцией». Но случилось непредвиденное: эксперты подтвердили подлинность денег в портфеле, а длительный и самый тщательный обыск в доме Боярского и вокруг него не дал результатов – следов типографских работ не нашли.

Самолюбие Эмиля Бенаму было уязвлено, честь мундира запятнана. Но он все же был сыщиком высокого класса. Его внимание привлекли письма-ответы Чеславу из обанкротившегося банка Швейцарии, где пропали его деньги. Эти бумаги и послужили дополнительным поводом для дальнейшего содержания под стражей арестованной тройки и более серьезных допросов. Из троих задержанных Боярский больше всего подходил на роль организатора преступной группы своим аналитическим складом ума, выдержкой, самообладанием. Из богатой практики полицейские знали, что обычно функции изготовителя и распространителя денег не совмещаются, а в данном случае Шувалов и Довгье только сбывали фальшивки.

Боярского попросили пояснить, откуда у него, безработного архитектора, взялись такие большие суммы денег на счету швейцарского банка еще в 1950 году? Чеслав пытался доказать их происхождение удачной женитьбой. На поверку оказалось, что это не так, а примерно в 1949 году у него появился нелегальный источник доходов, с каждым годом дававший все больше денег. Но доказательства отсутствовали, а Боярский все обвинения отрицал. Ни жена, ни ее родители не могли указать источник процветания мужа и зятя. А он, по некоторым сведениям, сидя в тюрьме, был неофициальным, но непревзойденным экспертом государственного казначейства по выявлению фальшивок и поиску их авторов.

Подельники Чеслава сначала молчали, но через несколько недель Антуан Довгье вступил в сговор со следствием. В обмен на гарантию прокурора, что обвинители в суде не станут требовать его заключения в тюрьму, Антуан указал на Боярского как изготовителя подделок. Но он не знал, где находится подпольный «Монетный двор», а Чеслав продолжал запираться. Так как в Монжероне полиция ничего не нашла, стали искать в окрестностях и у друзей по всей Франции помещение с водопроводом и электричеством, где Боярский мог бы уединяться

время от времени на 10–15 часов без риска быть застигнутым врасплох. Длительные поиски ничего не дали, и комиссар решил еще раз обыскать жилище подозреваемого, ведь проект дома был сделан самим дипломированным архитектором Ч. Боярским, и Бенаму заподозрил, что в коттедже может быть одно или несколько помещений, остающихся скрытыми при обыске. Он получил специальное разрешение даже на разборку несущих конструкций, после чего здание могло рухнуть. На восьмом часу обыска при снятии полов был обнаружен отлично замаскированный лаз из кабинета хозяина в подземелье. Узкая лестница была устроена внутри несущей стены, а само подземное помещение вынесено за периметр подвала. Поэтому ни с поверхности земли, ни из подвала его обнаружить не удалось. В комнатке размером 2х3 метра была размещена уникальная типография, в которой Боярский воспроизводил весь технологический цикл – от изготовления бумаги до печатания банкнот и их искусственного старения. Эксперты отказывались верить своим глазам, но в апреле 1964 года хозяин этой типографии на шести квадратных метрах площади в ходе следственного эксперимента блестяще продемонстрировал все этапы изготовления денег высочайшего качества.

В 1965 году у Боярского обнаружили рак костного мозга и туберкулез легких. Но он отказался от операции, не желая оставаться инвалидом. Следствие было ускорено, чтобы успеть осудить заключенного, пока это было возможно по состоянию его здоровья. Чеслав мужественно держался на следствии и на суде, который начался 12 мая 1966 года. Накануне Боярский официально заявил Банку Франции, что располагает собственным рецептом денежной бумаги, которую невозможно подделать. Банк уведомил о своей незаинтересованности в изобретениях Боярского.

Большинство журналистов, освещая этот резонансный судебный процесс, увидело в «деле Боярского» прежде всего несовершенство общества, не позволившего очень одаренному и неординарному человеку занять достойное место в жизни. Другая часть работников пера изображала подсудимого изворотливым, хитрым, «негодяем в превосходной степени», который отплатил черной неблагодарностью стране, давшей ему убежище от коммунистической чумы в Польше. Прокурор Шарасс на суде договорился до того, что стал обвинять Боярского в неуплате налогов с фальшивых денег, чем вызвал взрыв хохота в зале.

Банк Франции оценил общий ущерб от преступной деятельности группы Боярского в 3,6 млн франков. Скорее всего, Чеслав отпечатал и пустил в оборот больше денег, чем смогли

выявить эксперты. Сам он на этот вопрос ответить отказался и виновным признал себя только частично.

Шувалов прикинулся наивным и заявил на суде, что, мол, не ведал о происхождении банкнот и думал, что деньги просто ворованные. Свою вину не признал. Довгье поливал грязью вчерашних партнеров по «бизнесу» и свою вину полностью признал.

Через два дня судья огласил приговор. Антуан Довгье, согласно закона Франции, был выпущен на свободу за помощь следствию. Алексис Шувалов получил пять лет, а Чеслав Боярский – 20 лет тюрьмы (прокурор требовал пожизненного заключения).

Через несколько месяцев после вынесения приговора Боярский умер в тюремной больнице. Он вошел в историю криминалистики как талантливый изобретатель, универсальный самородок, направивший свои недюжинные способности против общества, в котором жил. Этот человек стоял в первом ряду выдающихся фальшивомонетчиков всех времен и народов. Позже качество его подделок оценил даже Банк Франции: впервые в истории он разрешил частным лицам, которым попали в руки деньги Боярского, обменять их на настоящие.

ЛОРИАН ДЖОН ЗАХАРИЯ ДЕ

(род. в 1925 г.)

Бывший руководитель отдела новых технологий и главный конструктор компании «Понтиак», бывший генеральный управляющий и вице-президент компании «Понтиак», впоследствии, благодаря своему таланту, был переведен на должность руководителя отделением «Шевроле», также занимал должность руководителя отдела по производству легковых и грузовых машин на территории Америки. В дальнейшем создатель фирмы «Де Лориан Мотор К°», ставшей самой крупной его авантюрой.

Его называли самым скандальным человеком в истории автомобилестроения, и не без оснований. Поступки этой неординарной личности часто шокировали общество, и очередной скандал вряд ли вызвал бы бурное удивление. Поэтому когда в 2000 году весь мир облетела весть о том, что по решению американского суда фирма «Де Лориан Мотор К°» подлежит ликвидации, то большого ажиотажа это не вызвало. Публика уже давно привыкла к скандалам, связанным с именем Джона де Лориана – бывшего вице-президента компании «Дженерал

Моторс». Будучи бесспорно талантливым человеком, он, начав свою карьеру в качестве простого служащего, достаточно быстро занял руководящую должность в одной из крупных автомобильных компаний. Более того, у него были все шансы подняться по служебной лестнице до самой вершины. Но склонность к разного рода авантюрам всегда побеждала здравый смысл, и, наконец, этот купавшийся в собственной славе человек «одним неосторожным движением» все разрушил в погоне за мечтой. И в результате остался ни с чем.

Родился Джон Захария де Лориан 6 января 1925 года в семье итальянского эмигранта. Его отец, сменивший за свою жизнь немало профессий и рабочих мест, очень надеялся на лучшее будущее для сына (впрочем, родители всегда хотят, чтобы дети не повторили их ошибок). Понимая, что залогом будущего является хорошее образование, и руководствуясь этой непреложной истиной, он отправил Джона учиться. Вначале молодой человек обучался в Кассоновском техническом училище в Детройте, а затем – на инженерном факультете Лоуренссонского технологического института.

Получив диплом бакалавра по промышленному конструированию, Джон де Лориан устроился на должность инженера в крупную автомобильную компанию «Крайслер». При этом он имел возможность продолжить свое образование в институте, принадлежащем этой же корпорации. Через три года Джон, получив звание магистра по автомобильному дизайну, оставляет компанию «Крайслер» и переходит на работу в «Паккард Мотор», продолжая повышать уровень своего образования в Мичиганском университете. Через некоторое время он оканчивает его с ученой степенью магистра по управлению бизнесом. Спустя несколько лет де Лориан переходит в компанию «Дженерал Моторс», где очень быстро занимает место руководителя отдела новой технологии.

Заняв руководящий пост, он решает попробовать внести изменения в концепцию автомобилей, выпускаемых отделением «Понтиак». Вместе с дизайнером Джеком Хамбертом де Лориан создал совершенно новую серию автомобилей, имевших весьма примечательную форму и автоматическую трансмиссию, которая впоследствии стала очень популярна среди молодежи. Благодаря его усилиям «Понтиак», считавшийся «машиной для старых дев», полностью сменил имидж. Это позволило спасти марку автомобиля, который с каждым годом пользовался все меньшим и меньшим спросом. Если говорить иными словами, новый руководитель отдела быстро вывел фирму в число лидеров на автомобильном рынке. «Мы вдохнули в “Понтиак” молодость,

создали целую серию новых моделей, отличающихся элегантными формами, особенно высокими ходовыми качествами и легкостью управления», – писал Джон в своих воспоминаниях.

Вполне естественно, что при таком повороте событий таланты молодого специалиста не могли остаться незамеченными, и вскоре он стал руководителем отделения «Понтиак», генеральным управляющим и вице-президентом этого отдела. Проработав некоторое время в новой должности и значительно улучшив финансовое положение отдела (под руководством де Лориана создавался знаменитый «Понтиак GTO»), он перешел в «Шевроле» – самое крупное подразделение в «Дженерал Моторс». Когда Джону исполнилось 44 года, его назначили на должность управляющего этим отделением. Вскоре, под умелым руководством нового начальника «Шевроле» стал приносить компании немалую прибыль. В награду за труды де Лориан получил очередное повышение: пост руководителя операциями по выпуску легковых и грузовых автомобилей в Северной Америке с годовым окладом в 650 тыс. долларов. Казалось бы, человек достиг всего, чего только можно пожелать. Большой доход, работа в престижной компании, уважение начальства – это то, к чему стремятся многие. Но этот неугомонный человек, похоже, был недоволен своей судьбой: подав в отставку в 1973 году, он ушел из компании «Дженерал Моторс». Свои действия де Лориан объяснял следующим образом: «Мое решение не было поспешным. Оно было обосновано и выношено. Я получал до 650 тыс. долларов в год в виде жалования, надбавок и премий, то есть занимал один из наиболее высокооплачиваемых административных постов в Соединенных Штатах, но вместе со всем этим я внезапно оказался в положении администратора без прямых оперативных обязанностей, на бесплодном посту руководителя группы. У меня не было бизнеса, я просто играл роль защитника, а хотелось принимать непосредственное участие в самой игре». Из этих слов понятно, что творческий гений этого человека постепенно угасал от вынужденного, по его мнению, бездействия. Ведь по своей натуре Джон был активным изобретателем, а аппарат главной конторы старался заглушить все его новые идеи, сделав из него простого исполнителя. С этим де Лориан смириться не смог. А к тому же он был твердо уверен в том, что, начав собственный бизнес, сможет добиться гораздо большего. И вот, проработав в течение 17 лет в крупнейшем автомобильном концерне и не видя никаких дальнейших перспектив своего развития, одержимый невероятными амбициями Джон хлопнул дверью и ушел. А после этого началось…

Несмотря на то, что его уход был очень громким, он все-таки мог пройти достаточно мирно, однако, обозленный на компанию де Лориан сам «подлил масла в огонь», выпустив книгу, разоблачающую почти все, что происходило в компании «Дженерал Моторс» (эту книгу издал Патрик Райт, секретарь Джона). На свет всплыли даже такие неприятные подробности, как продажа старых машин под видом чего-то нового и полезного. Кроме того, по словам де Лориана, фирма вела шпионаж за конкурентами и вполне могла перехватить чужое изобретение. Такого предательства компания простить не могла и отплатила скандалисту той же монетой. Через некоторое время «фабрика слухов» заработала вовсю.

Стали известны почти все проступки де Лориана. Например, то, что в 1955 году он со своими коллегами-соотечественниками Элиотом Эстесом и Симоном Нудсеном без ведома руководства «Дженерал Моторс» начали тайком выставлять машины на гонки серийных автомобилей. Припомнили и его махинации с недвижимостью. А в завершение в газетах появились многочисленные пасквили о любовных похождениях бывшего руководителя отдела. Публично осуждались его личные дела: развод в 44 года с женой и женитьба на 19-летней дочери знаменитого в прошлом футболиста. Вспоминались также многочисленные отношения на стороне с достаточно известными особами женского пола – актрисами и манекенщицами. В укор бывшему вице-президенту было поставлено даже то, что он вел себя слишком свободно и постоянно отступал от общепринятых правил: носил модные итальянские костюмы, сорочки броских расцветок в сочетании с полосатыми галстуками (так одеваться в среде чиновников было не принято и считалось моветоном). Правда, особого вреда «виновнику торжества» слухи не причиняли, и, в принципе, на этом все могло бы и закончиться. Разговоры постепенно утихли бы, а де Лориан мог бы безбедно существовать на скопленный за время работы капитал. Но его творческий потенциал и непомерные амбиции не давали покоя, подталкивая к различным аферам, и главное – Джон мечтал воплотить в жизнь давно вынашиваемую идею. Де Лориан хотел создать свой собственный спортивный автомобиль. Эта мысль возникла у него еще во время работы на «Дженерал Моторс», когда он руководил отделением «Понтиак». Тогда Джон пытался продвинуть в этом направлении свои разработки, но, получив выговор за бессмысленную растрату денег и времени, забросил их. Теперь же, выйдя в отставку, он решил, что самое время вернуться к этой идее, создать свое предприятие и выпускать для американцев недорогие спортивные машины. Горя желанием

доказать, что тоже может создавать машины, Джон начинает дело, которое впоследствии будет названо «большой аферой “де Лориана”».

Вначале дела у него пошли неплохо. Весной 1974 года он принялся за разработку своего проекта. Руководил работой инженер Билл Коллинз, сотрудничавший с де Лорианом еще в отделе «Понтиак»; дизайн кузова сделала итальянская фирма «Итал-Дизайн».

Зимой 1976 года под руководством Коллинза были построены два прототипа, носившие аббревиатуру «DSV» (De Lorean Safety Vehicle). Для выбора силовой установки на машинах были использованы 6-цилиндровые моторы от «форда-гранады» и «форда-капри» мощностью 130 л. с. Одним словом – работа кипела, и по всем признакам де Лориана ждал успех, тем более, что интерес к необычному автомобилю нарастал с каждым днем. Несмотря на это, Джон невероятно переживал за свое предприятие, так как по-прежнему существовали две основные проблемы – где добыть деньги и разместить производство. И его единственной надеждой на поступление средств была предпринятая рекламная кампания. Вскоре она принесла долгожданные плоды.

Первая часть средств поступила от дилеров зарегистрированной компании «DMC» («Де Лориан Мотор К°»), самые же большие надежды основатель возлагал на тот штат или страну, которые предложат наиболее выгодные условия для производства. Одновременно велись поиски места для строительства предприятия. Первоначально рассматривалось множество вариантов – от Детройта до Пуэрто-Рико, однако самое заманчивое предложение поступило от английского правительства. Заключить сделку предлагалось на весьма выгодных для американского предпринимателя условиях: на развитие предприятия британские власти выделили заем на 81,3 млн долларов, правда, при этом срок выпуска первого образца был невелик – 20 месяцев. На первый взгляд, столь выгодное предложение кажется несколько странным, но в Великобритании в то время был большой дефицит рабочих мест, организация предприятия, занимающегося автомобилестроением, частично решала проблему безработицы. Тем более, что бывший вице-президент «Дженерал Моторс» пообещал обеспечить рабочими местами около 1500 человек. Джон де Лориан рассыпался в уверениях, что превратит вересковые пустоши Северной Ирландии в огромный сверхсовершенный завод по производству самых прекрасных автомобилей в мире. Англичан это вполне устраивало, и сделка была заключена. Правда, в

контракте была одна небольшая странность: все средства, выделенные на развитие предприятия, должны были поступать в швейцарский банк на счет компании «Итал-Дизайн», которая разрабатывала внешний вид автомобиля-мечты. Однако британские власти не придали этому значения, и, получив финансирование, Джон де Лориан стал разрабатывать свой проект. Таким образом, грандиозная афера стартовала.

Поначалу все шло неплохо. В 1978 году официально зарегистрированная фирма «Де Лориан Мотор К°», которая должна была заняться выпуском задуманных автомобилей, подготовила первые опытные образцы. Представленная на всеобщее обозрение машина имела 2-местный кузов, изготовленный из уникального материала: стеклопластик плюс тонкая «скорлупа» нержавеющей стали. Также автомобиль обладал задним приводом, что позволило ему выдержать испытание на лобовое столкновение при скорости 20 км в час, при этом водителя и пассажира должны были защищать надувные подушки безопасности. Еще одной отличительной чертой новинки должны были стать двери-крылья (как на любимом де Лорианом «мерседесе-бенце 300SL»), Цена на машину составляла около 12 тыс. долларов. Эксперты одобрили эту модель, и Джон стал готовить ее к серийному выпуску.

В это же время его компания находилась в полшаге от заключения контракта с «Порше» на поставку автомобилей, но условия предлагаемого сотрудничества были крайне невыгодны, и сделка сорвалась. После чего выбор по поиску партнера пал на «Лотус Инджиниэринг». Обдумав все, Джон заключил договор с этой компанией и взялся за работу с удвоенной силой. По соглашению, разработка должна была завершиться через полтора года. Это вписывалось в жесткие временные границы, установленные правительством Великобритании. Летом 1978 года глава «Лотуса» Колин Чэпмен со своими людьми прилетел в Аризону, где ему продемонстрировали прототип. Чэпмен согласился заняться этим проектом, но потребовал внести в него радикальные изменения. В 1979 году началось строительство завода в Северной Ирландии. И вот здесь стали происходить странные вещи. Выделенные британским правительством деньги закончились намного быстрее, чем рассчитывалось (предполагается, что большая их часть попросту осела в кармане удачливого авантюриста), и де Лориан потребовал дополнительного займа в 33 млн долларов от АРСИ и 40 млн долларов от британских банков под гарантию североирландской торговли. Он сумел добиться своего. Правда, применяемые для достижения цели методы были, скажем так, несколько

некорректными. Американский автомобилестроитель, к примеру, объявил британским властям, что уедет и вывезет завод с территории Ирландии. Побоявшиеся потерять 1500 рабочих мест англичане поддались грязному шантажу.

А тем временем известный скандалист, получив требуемую сумму, возобновил прерванную работу. Правда, теперь ему необходимо было поспешить, так как поджимало установленное англичанами время. Стремясь сократить срок подготовки машины к выпуску, де Лориан не уделил должного внимания сборке, решив, что «доводить» ее должны специалисты. Спешка и очередная нехватка финансов заставила отказаться и от целого ряда неординарных технических решений, которые было решено использовать в новом автомобиле. Дорогой стеклопластик заменили полимером; вместо легкой рамы из нержавеющей стали появилась хребтовая, из оцинкованной стали, покрытой эпоксидной смолой во избежание коррозии. Убрали подушки безопасности, хотя это и было одним из основных преимуществ автомобиля. После завершения работы от первоначальной идеи остались лишь кузов, двери и место расположения мотора. Но даже при таких радикальных изменениях работа над проектом все равно затянулась больше чем на два года.

И вот, наконец, 3 декабря 1980 года был собран и испытан самый первый серийный образец «ДМС-12». После удачных испытаний в начале марта 1981 года фирма приступила к серийному производству долгожданных и разрекламированных спорткаров. Де Лориан был настолько уверен в успехе, что продолжал утверждать, что ему удастся поддерживать выпуск 30 000 автомобилей в год, даже невзирая на начавшийся мировой топливный кризис, приведший к невероятному повышению цен на бензин. Хотя к тому времени цена на «ДМС-12» возросла вдвое и достигла 25 тыс. долларов. И он оказался прав. Несмотря на недостатки, сделанный им автомобиль действительно ждал громкий успех. Первые полгода продажа спорткаров принесла 26,5 млн долларов чистой прибыли. На машину возникла огромная очередь. За шесть месяцев «ДМС-12» по продажам в США обошел «порше-911» и «порше-924», вместе взятые. Джон де Лориан ликовал, наступило время его триумфа. Только длилось оно недолго.

Воодушевленное первыми успехами, стремясь удовлетворить все заказы, руководство компании отдало распоряжение «гнать на всю катушку», при этом совершенно не заботясь о качестве изделия, которое, и без того довольно низкое, теперь окончательно упало. Автомобили поставлялись в таком виде, что в Америке их приходилось перебирать заново. И последствия не

замедлили сказаться. Вскоре последовали массовые жалобы и отказы покупателей от машины. Доверие к фирме было подорвано. В результате уже в конце 1981 года появились первые признаки финансовых проблем, которые самым неблагоприятным образом отразились на производстве. Склады были забиты машинами, которые не удавалось продать. Предприятие, приносившее до этого достаточно большую прибыль, постепенно приходило в упадок. В январе следующего года из-за снижения сбыта завод работал всего лишь вполовину своей производственной мощности. Денежный поток иссяк, не успев покрыть и половины сделанного займа. Тут уже и правительство Великобритании заинтересовалось происходящим. Деньги-то были вложены огромные, а результата никакого. В связи с этим британские власти провели собственное расследование финансовых дел компании, и результаты оказались крайне неутешительными. Выяснилось, что большая часть выделенных денег просто исчезла. В результате владельца фирмы «Де Лориан Мотор и К˚» обвинили в исчезновении 17,6 млн долларов из суммы, выделенной британским правительством. Но де Лориан, наняв хороших адвокатов, сумел опровергнуть обвинение. Тогда власти предприняли еще одну попытку избавиться от американского авантюриста…

В конце 1982 года в Лос-Анджелесе Джон был арестован по обвинению в перепродаже… 100 кг кокаина на сумму 24 млн долларов. Многие восприняли это как отчаянную попытку спасти дело всей своей жизни. Правда, впоследствии в суде выяснилось, что афера с наркотиками была подстроена ФБР, однако все выглядело вполне правдоподобно на фоне финансовых проблем де Лориана и его искренних попыток вытащить фирму из финансового кризиса любым путем. Несмотря на то, что суд признал де Лориана невиновным, арест и обвинение окончательно поставили крест на его дальнейшей карьере. Вместе со звуком защелкивающихся наручников рухнули и все его надежды. Ни одна фирма больше не хотела иметь с Джоном де Лорианом никаких дел. С этого момента удача окончательно отвернулась от него. К тому же неудачи сильно остудили прежний пыл Джона. Теперь это уже был не боец, и Америка быстро забыла непослушного бунтаря и его несчастный автомобиль.

Здесь надо сделать маленькое отступление и заметить, что единственным, кто помнил о замечательном спорткаре, был американский режиссер Роберт Земекис. В 1985 году он решил использовать творение Джона де Лориана в качестве средства передвижения во времени в своей серии фильмов «Назад в

будущее». Этим Земекис увековечил имя де Лориана и сделал его автомобиль кинозвездой. Однако вернемся к происходящим событиям. После краха «Де Лориан Мотор и К°» о неудавшемся автомобилестроителе напоминала лишь скандальная книга, заброшенный завод и 8583 автомобиля, носящие его имя. Впоследствии многие специалисты, размышляя над делом де Лориана, пришли к выводу, что если бы на «ДМС-12» установили более мощный мотор и устранили мелкие дефекты, то этим, возможно, решили бы проблемы качества сборки. И автомобиль мог бы стать одним из лучших в своем классе, а возможно, даже и одним из великих… Но, к сожалению, не стал. Так окончилась знаменитая «афера де Лориана». А что же стало с самим Джоном? Как выяснилось, на личном благосостоянии крах его мечты никак не отразился. Банкротство фирмы не означало банкротства самого де Лориана (судьба пропавших миллионов становится приблизительно понятной). Он по-прежнему не сдается и продолжает любимую работу, выступая в качестве консультанта во многих фирмах. Его блестящий талант помог вернуть утраченное было к нему доверие и самое главное – уважение. Многие завидуют его стойкости, восхищаются целеустремленностью. Достигнув 75-летнего возраста, Джон де Лориан вновь умудрился поднять волну интереса к себе и своим начинаниям – он пообещал… заняться производством автомобилей! Его голова полна новых, невероятных идей. Самый скандальный автопромышленник готов к новым авантюрам.

БОЙСКИ ИВАН (АЙВЭН)

(род. в 1937 г.)

Арбитражер (спекулянт, скупающий на бирже акции компаний, обреченных на продажу или слияние), дававший официальные взятки в размере 200 (по другим сведениям – 100) млн долларов США. Его авантюристские сделки в Нью-Йорке не раз переворачивали рынок ценных бумаг с ног на голову. Он послужил прототипом корпоративного пирата для голливудского фильма «Уоллстрит». На Уолл-стрит ходила верная примета: если Айвэн Бойски покупает акции вашей фирмы – вам недолго оставаться на плаву.

Его отец владел сетью гастрономов в Детройте. А сын русских эмигрантов в третьем поколении Иван Бойский (он же Айвэн Бойски, как его называли в Америке) не захотел продолжать семейный бизнес. Молодого человека больше привлекали фондовые биржи с их непредсказуемостью, взлетами и падениями. С 1970 года Айвэн был весьма успешным биржевым маклером. Его работоспособность и одержимость вызывали удивление даже у коллег. Каждый день в офис своей фирмы «Иван Бойски» он приходил раньше всех – к шести часам утра.

Финансовый центр Америки – Уолл-стрит – с начала 1980-х годов стал ареной самого бешеного взрыва активности за всю свою историю. Экономическая политика тогдашнего президента США Рональда Рейгана предоставила финансовым рынкам полную свободу действий и вывела на сцену новое поколение дилеров. Огромным успехом пользовалась торговля компаниями, которые были обречены пойти «с молотка» или влиться в более крупную фирму. Например, корпорация «Ревлан» (в 1988 году за нее заплатили 3 млрд долларов) приобреталась более мелкими компаниями по частям через сделки умопомрачительной сложности, которые просто не укладывались в голове и смахивали на авантюру. Акции таких крупных компаний в тот момент становились крайне непрочными, но при известном риске на них можно было делать очень большие деньги.

Айвэн пошел по пути максимального уменьшения риска. До того, как сведения о выставлении на торги становились известны всем, он с помощью своих обширных связей и новых информационных технологий стал выявлять компании, которые

вот-вот будут продаваться. Тогда арбитражер скупал акции этих предприятий, а потом перепродавал их заинтересованным лицам. Позже он стал просто предоставлять платную информацию о том, на какие фирмы будет совершен очередной «наезд».

Как же Бойски всегда угадывал корпорации – потенциальные жертвы, чтобы потом за деньги делиться своими догадками с клиентами? «Финансовый консультант» сам не анализировал конъюнктуру фондового рынка, не сидел за компьютером, отслеживая колебания курсов, циклы роста или спада и всплески ажиотажного спроса на определенные ценные бумаги (хотя новейшие компьютерные технологии наверняка были им задействованы, и, возможно, услугами хакеров он тоже не брезговал). Айвэн все знал заранее – он был членом могущественного объединения, которое само же и организовывало эти всплески, «наезды» и одновременно информировало сеть своих агентов-спекулянтов о том, на кого будет предпринята следующая атака. Не больше и не меньше! Но это открылось только в конце 1980-х годов.

А пока источниками сведений Бойски при таких внутренних сделках иногда были сами будущие покупатели, которые приветствовали дополнительное давление на компании со стороны арбитражеров. Постепенно «русского» начали опасаться, называли его «проклятием Уолл-стрит». В нервозной атмосфере Нью-Йоркской товарной биржи с ее накаляющимися до предела страстями своевременная подсказка владельца фирмы «Иван Бойски» пользовалась большим спросом у маклеров. На волне спекуляций акциями компаний, захват которых осуществлялся, она приносила «скромному консультанту по финансам» огромные барыши.

14 ноября 1986 года на Уолл-стрит разразился очень громкий скандал. В Москве аналитиков Министерства иностранных дел СССР попросили проанализировать ситуацию и объяснить правительству, почему на Западе все так переполошились и телевидение, радио, газеты, журналы тиражируют историю про какого-то Айвэна Бойски, потомка русских эмигрантов, Майкла Милкена и других. Однако аналитическая служба МИДа в то время не смогла понять, что же случилось в США. Возможно, для прояснения ситуации была подключена и советская разведка.

А оказалось, что 49-летний преуспевающий бизнесмен-миллионер Айвэн Бойски – мошенник, и его не только вышвырнули из биржи, но и подвергли судебному преследованию! Он заранее оплачивал штрафы, которые Комиссия по ценным бумагам и биржам (КЦББ) могла бы на него наложить. Будучи по существу взяткой, такая операция носила

вполне официальный характер. Так он с легкостью уплатил целых 200 млн долларов США (по другим сведениям – 100 млн), что было в два раза больше годового бюджета Комиссии! Половину суммы взяткодатель внес в виде штрафа за внутренние сделки, а остальные – за прибыль, полученную в результате незаконного использования внутренней информации. Для сравнения: в 1985 году КЦББ наложила на инсайдеров (внутренних дилеров) штрафы на сумму только 3,7 млн долларов.

Бойски, сам того не подозревая, кроме денег, платил и сведениями о своих многочисленных клиентах. В последние несколько месяцев в его офисе с санкции прокурора установили «жучки», что позволяло получать информацию из первых рук, вернее, из первых уст. Комиссия спокойно вычисляла нарушителей, которых всегда было довольно много, и штрафовала их.

Вкратце о КЦББ можно сказать следующее. Она традиционно считается в США очень влиятельным и эффективным федеральным органом и имеет репутацию защитника законодательства, способного привлечь к судебной ответственности любого нарушителя, невзирая на ранги. Это учреждение пользуется популярностью и среди рядовых граждан, и среди законодателей. Перед ее лицом все равны – и «сильные мира сего», и скромные держатели облигаций. Когда Комиссия расследует деятельность очередного крупного инсайдера, подобного Айвэну Бойски, даже вечно враждующие демократы и республиканцы становятся союзниками в борьбе за интересы простого инвестора.

КЦББ занимается претворением в жизнь законов США о ценных бумагах. Решения, принимаемые Комиссией, реализуются посредством судебных органов. В ее состав входят пять человек, из которых лишь трое могут быть членами одной партии. Все они, включая председателя, назначаются Президентом США (с согласия сената) сроком на пять лет. Ежегодно истекает срок полномочий одного из них, и таким образом каждый год состав частично обновляется.

Комиссия является бюджетной организацией. Ей также идут сборы за регистрацию проспектов эмиссии (0,02 % объема эмиссии), отчисления от сделок с ценными бумагами на биржах (0,03 % от оборота – платит биржа), отчисления от сделок с ценными бумагами на внебиржевом рынке (0,03 % от объема продаж акций – платит брокер) и другие платежи.

КЦББ состоит из девяти региональных управлений (Атланта, Бостон, Денвер, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Сиэтл, Филадельфия, Форт Уорт, Чикаго), одиннадцати функциональных управлений и

шести отделов. Общее количество служащих, включая обслуживающий персонал, – около 2700 человек, свыше 60 % из которых составляют лица с юридическим образованием.

Ее наиболее крупные подразделения – Управление корпоративных финансов, Управление по регулированию рынка и Управление по надзору за законодательством. Управление корпоративных финансов рассматривает отчеты и документы, предоставляемые компаниями. Основная его задача – поддержание стандартов раскрытия информации. Управление по регулированию рынка занимается вопросами проверки фондовых бирж и инвестиционных институтов и работает в тесном контакте с региональными управлениями. Управление по надзору за законодательством определяет степень тяжести правонарушения и представляет соответствующие материалы в суд для возбуждения судебного расследования.

Штрафы, налагаемые судами по представлению Комиссии и составлявшие в последнее время примерно 200–250 млн долларов в год, направляются в федеральный бюджет США.

В 1980-е годы были приняты два закона, ужесточающих санкции против инсайдеров за использование в работе внутренней информации. Если ранее КЦББ могла конфисковать только доходы, полученные в результате использования конфиденциальных сведений, то в соответствии с новыми законами размер штрафа может в три раза превышать такую прибыль. Виновному физическому лицу грозит также тюремное заключение сроком до 10 лет.

Бойски как раз и было инкриминировано то, что в своих биржевых сделках он опирался на конфиденциальные сведения, да еще и полученные незаконным путем. Однако суду с большим трудом удалось доказать, что его деятельность подпадает под эту категорию нарушений. Значительную лепту в обвинение внес тогдашний прокурор Нью-Йорка Рудольф Джулиани, утопивший также короля «мусорных» ценных бумаг Майкла Милкена, о котором будет сказано ниже. Джулиани набил руку в борьбе с «сильными мира сего» еще в 1982 году, когда пустил под откос жизнь сырьевого трейдера Марка Рича.

В большинстве случаев вычислить схему, основанную на передаче конфиденциальной информации, невозможно. По слухам, против Бойски и объединения «Дрэксел, Бернхэм и Лэмбиар» боролась могущественная корпорация «Мерилл Линч». Она собрала компромат сомнительными методами (прослушивание телефонов, слежка, шантаж и прочее) и «сдала» соперников государству. Во избежание обвала финансового рынка, подобного случившемуся в 1929 году, правительство США

своим вмешательством в дела Уолл-стрит склонило чашу весов на сторону экономического гиганта, одного из китов традиционного бизнеса – «Мерилл Линч».

Айвэн, заранее зная о том, кто станет очередной мишенью волны захватов в ближайшее время, советовал своим клиентам приобрести как можно больше акций данной корпорации. Когда на бирже начинались торги, спекулянты выжидали, пока курс максимально поднимется (что случалось неизбежно, поскольку рейдеры скупали акции, чтобы получить контрольный пакет, а корпорация приобретала собственные ценные бумаги, чтобы не дать им этого сделать). В момент наступления пика стоимости акций арбитражеры продавали свой пакет тому, кто больше за него заплатит, – и клали в свой карман колоссальные прибыли.

В 1980-х годах в США шла невиданная волна корпоративных захватов: осуществлялись налеты рейдеров не только на второстепенные фирмы, но и на крупномасштабные компании вроде «Галф Ойл», «Гудьир», «Тексако». И контрольный пакет акций многих из них в итоге действительно оказывался перекупленным. При этом для его покупки порой использовались суммы в 12 млрд (!) долларов.

Одним из источников информации у Бойски был председатель инвестиционного банка Деннис Левин. Он признал себя виновным в использовании недоступных широкой публике сведений, что принесло ему 12 млн долларов чистого дохода, и выдал Айвэна полиции. У Левина было соглашение с «русским» о том, что Деннис будет получать 5 % прибыли от акций, о которых он давал закрытую информацию, и 1 % – за дополнительные сведения о ценных бумагах, которыми уже владел Иван.

Бойски избежал длительного тюремного заключения после того, как пошел на «согласованное признание вины», то есть попросту договорился с судом. Он назвал имена, признал себя виновным в менее тяжких преступлениях, и суд не стал рассматривать его остальные грехи. Его приговорили к тюремному заключению сроком на 20 месяцев и уплате 200 млн долларов штрафа.

В ходе разбирательства, выяснявшего, каким образом Айвэн получал конфиденциальную информацию о состоянии рынка ценных бумаг, он назвал Майкла Милкена и калифорнийскую корпорацию «Дрэксел, Бернхэм и Лэмбиар». Ее заподозрили в том, что именно она стоит за волной корпоративных захватов, и в эту авантюру было вложено почти 180 млрд долларов. Поначалу оставалось неясным, откуда брались такие огромные суммы. А «ларчик просто открывался» – кроме всего прочего, калифорнийцы занимались бросовыми («мусорными») акциями.

Что это такое? В последние десятилетия на Западе возникали десятки тысяч так называемых венчурных компаний. В основе большинства из них – изобретения и новые технологии. К примеру, кто-то изобрел новый велосипед и захотел наладить хотя бы его экспериментальное производство, чтобы изобретение превратить в товар, а денег нет. Тогда, предварительно взяв патент на свое изобретение, изобретатель, образно говоря, на бумажках выводит слово «Акция», указывает номинал и прочее и пытается их продать. Но они либо не продаются вовсе, либо идут за бесценок. Ведь никто не знает новоявленную фирму и не верит, что она способна довести свое изобретение до серийного производства и приносить прибыль, чтобы выплачивать дивиденды.

Такие бросовые акции действительно время от времени появлялись и на рынке ценных бумаг и, конечно, нигде не котировались. И тут находилась та самая спасительная «Дрэксел», которая осуществляла почти незаметную, но очень важную операцию: она на каждой такой акции ставила свой штамп. На нем было написано, мол, корпорация «Дрэксел, Бернхэм и Лэмбиар» гарантирует, что если данная венчурная фирма разорится, то держатель сей акции получит гарантированную компенсацию. А если она станет прибыльной, то акционер должен будет делиться дивидендами с «Дрэксел».

За счет применения новейшей на то время менеджмент-технологии калифорнийская корпорация-акула фактически создала рынок из нигде не котирующихся ценных бумаг, большинство которых как раз и принадлежали венчурным предприятиям. Вынырнув буквально из небытия, она сразу проявилась на фондовом рынке как один из главных игроков. «Игрок» опекал одновременно тысячи пока неизвестных компаний с их «ноу-хау», из которых примерно 90 %, как им и положено, в будущем благополучно разорялись. Но 10 % новичков, продав свои акции благодаря гарантиям «Дрэксел», собирали необходимые деньги, внедряли свои задумки в производство и приносили такие колоссальные прибыли, что позволяли с лихвой покрыть все расходы и сверх того получить значительные дивиденды. «Дрэксел, Бернхэм и Лэмбиар» ухитрялась отслеживать десятки тысяч изобретателей, наводить справки и получать информацию о тысячах малоизвестных компаний с их почти никому не нужными облигациями и другими ценными бумагами. После чего прогнозировать, какие из этих пока незнакомых компаний наиболее перспективны. Возможно, корпорация использовала качественно новые базы данных, которые позволили получать и обрабатывать колоссальную

информацию и содержательно работать с сотнями тысяч клиентов.

За счет того, что «акула» почти монопольно контролировала на тот период рынок бросовых акций, она и получила возможность аккумулировать колоссальные средства и гнать волну корпоративных захватов. Завладев контрольным пакетом, рейдеры быстро и эффективно разрезали на фрагменты бывшие концерны и часть выгодно распродавали, а остальные умело перепрофилировали для получения еще более высоких доходов.

С «королем мусорных облигаций и других ценных бумаг» Майклом Милкеном Бойски обменивался конфиденциальными сведениями и манипулировал стоимостью акций. Для того чтобы не подставлять своих клиентов, фирма «Дрэксел» как бы продавала некоторые ценные бумаги «русскому», но при этом гарантировала возместить любые убытки, которые он может понести.

Майкл даже нанял специалистов для борьбы со слухами о его аферах. Но их усилия не увенчались успехом, а после вмешательства правительства США репутация «короля» была окончательно подорвана. В 1988 году «Дрэксел» была вынуждена заплатить штраф 160 млн долларов за многочисленные нарушения закона. В результате всех передряг в 1990 году фирма стала банкротом. Милкен еще держался до апреля 1990 года. Но, несмотря на отрицание своей вины и организованную по его заказу в средствах массовой информации кампанию, которая пыталась сотворить нимб вокруг его головы, он вынужден был признать себя виновным по шести пунктам обвинения. И заплатить 600 млн долларов штрафа. Эта сумма всего на 50 млн превышала рекордный доход всей корпорации за 1987 год. Как и Бойски, Милкен пошел на «согласованное признание вины». С него сняли 92 обвинения в рэкете и спекуляции закрытой информацией, иначе его 10-летний срок мог бы стать в два раза больше. Милкена досрочно освободили, он остался одним из самых богатых людей в мире. Его общий капитал составлял около 1 млрд долларов.

4 апреля 1990 года выпустили из тюрьмы Бойски, который несколько раз давал свидетельские показания на других процессах. Информация, которую он сообщал, привела к крупнейшему в истории Америки правительственному вмешательству в дела на Уолл-стрит. Общий капитал великого жулика составлял, по разным сведениям, от 1 до 2 млрд долларов.

На протяжении всей своей авантюристской карьеры знаменитый проходимец проявлял потрясающее чутье в выборе

самого верного варианта действий. В 1980 году одни его инвесторы получили 45 % прибыли, но заплатили ему за 95 % потерь. В другом случае, договорившись с судом, когда будет обнародовано о наложении на него штрафных санкций и изгнании с биржи, Бойски до известного ему срока продал акций на 1,32 млрд долларов.

Таким образом, особенно замечательным обстоятельством было то, что комбинатор сыграл на еще не обнародованной информации, которую сам же создал. Даже для Уолл-стрит это было нечто новенькое. КЦББ утверждала, что такой ход позволил избежать массового сбрасывания ценных бумаг, что могло бы привести к спиральному падению рынка, как это произошло в 1929 году. «В знак благодарности» авантюристу позволили заплатить его штраф за 1986 год акциями компаний «Кэмбрион» и «Дженерал секьюритиз», которые вскоре потеряли 13 млн долларов своей стоимости. Мошенник также сумел доказать в суде, что деньги, уплаченные в возмещение его незаконных прибылей, не подлежат обложению налогом.

СОЛОВЬЕВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА

(род. в 1951 г.)

Основательница печально известной «Властилины», одной из многих финансовых «пирамид» постсоветского экономического пространства. Для того чтобы вручить деньги этой талантливой авантюристке, выстраивались целые очереди. А местная «братва» готова была носить ее на руках. Медэксперты считают ее психически неуравновешенной. Судьи полагают, что она хитрая и изворотливая мошенница. А сама Валентина без тени сомнения заявляет: «Я самая богатая женщина России, но я чиста перед Богом и людьми».

После распада СССР на бывшем рублевом пространстве начали происходить чудеса. Менялась психология людей. Прочное обеспеченное будущее, привычное при социализме, стало утопией. Девиз «Один раз живем!» стал достоянием не только маргиналов, но и вполне добропорядочных граждан. Кого-то перемены загнали в глухой угол, но очень многие сумели довольно быстро сориентироваться в новой обстановке и даже извлечь из нее немалую выгоду. Среди последних оказалась и

Валентина Соловьева.

То, что в разряд крупных предпринимателей попала женщина, – само по себе явление неординарное. Но это кажется еще более невероятным в свете ее биографии. Мать Валентины работала на лесозаготовках на Сахалине. Там она познакомилась с молодым солдатом-срочником Иваном Самойловым. Вскоре у них родилась дочь. Но отец, видимо, решил, что семья для него – только обуза, и после окончания службы уехал в родной Куйбышев (Самару). Так бы и росла девочка без отца, но родители Ивана устроили ему настоящий скандал: где это видано – бросить на Сахалине женщину с ребенком! Он уступил, и вся семья собралась в Куйбышеве. Сначала Валентина окончила восемь классов школы, потом – первый курс Куйбышевского педучилища. А потом махнула рукой на учебу, вышла замуж, родила двоих детей (сына и дочь) и в конце восьмидесятых уехала на родину мужа – в подмосковную Ивантеевку. На первых порах Соловьева работала кассиршей в маленькой парикмахерской. А затем (в 1991 году) решила, что семейная жизнь становится невыносимо скучной, развелась, тут же вышла замуж во второй раз – за москвича Леонида Соловьева – и взяла фамилию мужа. Супруги основали что-то вроде семейного бизнеса: муж открыл фирму «Дозатор», занимавшуюся ремонтом и наладкой сельскохозяйственного оборудования, а Валентина была снабженцем. Вскоре она зарегистрировала в Люберцах собственную фирму под тем же именем, но эта фирма была уже торгово-закупочной.

Бизнес Соловьевой шел вполне успешно. Этому способствовал и приобретенный в «Дозаторе» опыт, и установление нужных контактов. После переезда в Подольск Валентина договорилась о сотрудничестве с директором электромеханического завода, основала ИЧП (индивидуальное частное предприятие) «Властилина» и занялась продажей выпускаемого заводом ширпотреба. Это было взаимовыгодное предприятие, и оно бы так и осталось никому не известным, но Валентина вошла во вкус и решила действовать с большим размахом.

До сих пор неизвестно, каким образом Соловьева, с ее неполным средним образованием, додумалась до идеи создания финансовой «пирамиды». Скорее всего, этот вариант ей подсказал кто-то из новых знакомых. Но его имени, как говорится, история не сохранила (во время следствия хозяйка «Властилины» ссылалась на мифические американские бизнес-курсы). А сама схема была просчитана до мелочей.

«Обкатка» происходила на все том же электромеханическом заводе. Соловьева собирала у рабочих деньги, добавляла к ним

банковские кредиты и покупала бытовую технику, одежду и продовольствие. Рабочие были довольны: они получали продукцию за половину, а иногда и за треть цены. Директору завода Валентина подарила новенький «вольво» стоимостью 40 тыс. долларов, и он решил не вмешиваться в дела «Властилины». УВД Подольска тоже не предъявляло никаких претензий к Соловьевой: большая часть сотрудников была ее клиентами.

В начале 1994 года на смену бытовым товарам пришли автомобили – «москвичи», «Волги» и «жигули». Работники завода сдавали Валентине Ивановне по 3 900 000 рублей, чтобы через неделю получить новенький «москвич», стоивший по тем временам вдвое дороже. Время от времени кому-то доставался недоукомплектованный автомобиль, но рекламаций в адрес фирмы не поступало: во-первых, соотношение цена – качество позволяло самостоятельно купить все недостающее (и это было все равно выгодно), а во-вторых – Валентина учитывала психологию клиентов. За машинами их везли на арендованных комфортабельных автобусах, обслуживание было неизменно вежливым и дружелюбным. Первая часть поставленной задачи была выполнена: о «Властилине» стали говорить как о стабильном и высокорентабельном предприятии. Тысячи россиян посылали свои деньги Соловьевой и с нетерпением ждали, когда же подойдет их очередь на машину.

Пора было приступать ко второму этапу операции. Фирма переключилась на финансовую деятельность: с мая 1994 года она начала принимать деньги на депозитные вклады. Процент по двухнедельному рублевому вкладу составлял 50 %, месячному – 100 %. Валюта принималась под 40 % годовых с ежемесячной выплатой процентов. Страну охватила настоящая лихорадка. Люди закладывали все, что у них было, занимали деньги, и все это стекалось в руки Валентины Соловьевой. Вскоре авантюристка поняла, что не имеет смысла возиться с какой-то мелочевкой. Она увеличила минимальный вклад до 50 миллионов рублей, затем – до 100 миллионов… Естественно, рядовые вкладчики не могли предоставить такую сумму самостоятельно и начали объединять свои средства. В Подольск отправляли представителя, в чьи обязанности входила передача денег и последующее распределение прибыли.

В аферу были втянуты люди самых разных социальных слоев – от криминальных структур до работников прокуратуры, МВД и ФСБ. Хозяйка «Властилины» буквально купалась в лучах славы. При этом сами огромные суммы, проходившие через фирму, ее как будто не интересовали. Документации Соловьева не вела

(только билетики, которые выдавались клиентам за сданные суммы), могла сказать клиенту, пришедшему за деньгами: «Возьмите сами из коробки!». То, что кто-то мог взять больше, чем нужно, ее не волновало. К тому времени на благотворительные акции тратилось столько, что уже не было смысла считать «мелочь» в несколько сотен тысяч. Когда к ней наведалась налоговая полиция, Соловьева сослалась на неопытность бухгалтера, который не поддерживал должного порядка в ведении документации, и безропотно заплатила 2 миллиарда рублей штрафа. А для того, чтобы внезапных проверок больше не проводили, обеспечила сотрудников налоговой полиции Москвы и области новыми автомобилями.

В Подольске жизнь била ключом: концерты известных артистов, банкеты, праздники… Соловьева активно занималась благотворительностью. Она оказала материальную помощь историческому музею, расположенному под Подольском, в бывшей усадьбе князей Вяземских. Помогла подольской школе для детей с недостатками физического и умственного развития. Отправила группу подольских школьников в поездку по Германии. А ко Дню учителя сделала подарок сразу всем школам Подольска, подарив им магнитофоны, телевизоры, приемники… Соловьева не оставила без внимания и нужды церкви: помогла отремонтировать Церковь Святой Троицы и купила для нее новые колокола. Неудивительно, что хозяйку «Властилины» в городе буквально боготворили. Уровень преступности в Подольске снизился практически до нуля: криминальным структурам вкладывать средства во «Властелину» было гораздо выгоднее, чем заниматься традиционными способами «перераспределения» денег. При таком положении вещей ей не нужна была никакая «крыша»: слишком многие серьезные люди зарабатывали деньги на «Властилине». Надо сказать, сама Валентина по-прежнему жила в малогабаритной двухкомнатной квартире. В отличие от многих «бизнес-леди», вкладывающих первые заработанные деньги в создание нового имиджа, она изменилась мало. На голове – шестимесячная «химия», одета в «купеческом» стиле (побольше люрекса и блесток). Огромные по тем временам деньги хранила в мешках и картонных коробках от телевизоров. Заморским деликатесам предпочитала пирожки.

Самым замечательным в деятельности фирмы было то, что всякий раз, когда намечался спад финансовых вливаний, клиентам делалось новое заманчивое предложение. Очередной приманкой стал «мерседес-320» за 20 млн рублей. А чуть позже – одно-, двух– и трехкомнатные квартиры в Москве за пять, десять и пятнадцать тысяч долларов соответственно. Последнее

заявление было откровенным блефом – московской недвижимостью «Властилина» не располагала. Но доверие к фирме к тому времени было настолько велико, что люди ничуть не сомневались в реальности проекта. Тем более что их возили в Бутово и показывали только что построенные многоэтажки. Как обстояло дело с «мерседесами» и на что надеялась Соловьева в этом случае – неизвестно. Несколько машин все же было продано. Но «Властилина» с каждым днем приближалась к финансовой пропасти.

В конце лета 1994 года фирма впервые со времени своего основания начала задерживать выплаты, отсрочила выдачу обещанных машин. Недовольным объяснили, что «Властилина» переживает временные трудности, но скоро все уладится. А потом предложили продлить срок договоров. Наиболее сообразительные поняли, что скоро могут потерять все. В сентябре 1994 года фирма расплачивалась уже только с особо важными клиентами. В прокуратуру посыпались заявления «обиженных», было заведено уголовное дело. Московские РУБОПовцы и лидеры подольской преступной группировки послали в офис «Властилины» своих представителей. До конфликта дело не дошло: подольские уступили все московским милиционерам, тем более, что денег в офисе было явно недостаточно. А обманутые вкладчики оказались на грани катастрофы. Многие отдали последнее, другие задолжали крупные суммы. Крах «Властилины» вызвал целый шквал убийств: людям негде было взять суммы, которые они заняли в надежде на скорое обогащение. Случались и самоубийства…

7 октября 1994 года прокуратура Подольска возбудила против «Властилины» уголовное дело по обвинению в мошенничестве. Проверка документации показала, что фирма не обладает никакими финансовыми возможностями для покрытия долга перед вкладчиками, кроме очередного сбора денег. Позже Валентина Ивановна пыталась объяснить, что ее фирма прогорела только потому, что доверилась одному из процветающих банков, который якобы взял у нее под высокий процент 370 миллиардов рублей и не отдал. Но она не торопилась предъявлять иск ненадежному партнеру, а 20 октября и вовсе исчезла в неизвестном направлении, прихватив семью.

Хозяйку «Властилины» тут же объявили в розыск. Ее бегство породило невероятное количество слухов. Версии выдвигались прямо противоположные. Одни считали, что Валентина убита, а ее труп растворен в кислоте. Другие с не меньшей убежденностью заявляли, что ей удалось бежать за границу, сделать пластическую операцию и спокойно обосноваться в Париже.

Некоторые поговаривали, что она живет под надежной охраной на секретной вилле МВД где-то в Подмосковье. Соловьева тем временем пряталась от следствия и пыталась склонить на свою сторону журналистов. Если ей верить, то она якобы собиралась расплатиться со всеми, но власти не давали ей этого сделать. К тому же она боялась за свою жизнь: по ее словам, одному из членов группы задержания был отдан приказ пристрелить Валентину при попытке к бегству. В конце апреля 1995 года в телепрограмме «Времечко» появилось интервью с Соловьевой. Она убеждала слушателей в том, что «АвтоВАЗ» и «Москвич» задолжали ей много автомобилей, что у нее подписаны договоры на реконструкцию Чечни, что вложения в ее фирму принесут грандиозные доходы… На самом деле все обстояло иначе: «Москвич» по решению суда расплачивался за долги «Властилины», а представители «АвтоВАЗа» заявили, что с августа 1994 года все контакты с Соловьевой прекратились. Тогда Валентина попыталась действовать иначе. Она сообщила через своих людей, что готова раздать вкладчикам автомобили, но только при условии, что клиенты внесут доплату (от 5 до 15 млн руб.). 28 июня 1995 года началась выдача машин. Их получили 550 человек. Еще 600 клиентов внесли доплату и рассчитывали на скорое свидание с новым автомобилем, но остались ни с чем. 7 июля 1995 года Валентина Соловьева оказалась за решеткой.

Авантюристку поместили в СИЗО «Капотня» по обвинению в обмане 16,6 тыс. вкладчиков на сумму 536,6 млрд рублей и 2,67 млн долларов. Правда, сама она говорила о другой сумме… В тюрьме Соловьева начала называть имена своих покровителей. Оказалось, что в ее деле замешаны высокие чины правоохранительных органов. История «Властилины» перешла из разряда экономических преступлений в политическую плоскость. СМИ постоянно поддерживали интерес к теме, политики использовали сказанное Валентиной в качестве компромата. Подследственную стали охранять, опасаясь покушения на ее жизнь. Но вскоре выяснилось, что показания Соловьевой – не более чем блеф. Впрочем, как и многие другие сказки, которые хозяйка «Властилины» рассказывала следствию. Так, в частности, она утверждала, что ее отец был генералом, а мать – цыганской красавицей, которую после рождения дочери изгнали из табора и она будто бы бросила Валентину, а впоследствии ее удочерила добрая русская женщина. Прозвучала и другая легенда: Соловьева будто бы закончила музыкально-педагогическое училище, Самарский пединститут им. Крупской, операторские курсы при Высших курсах Прокуратуры РСФСР, Высшие курсы цыганского фольклора при театре «Ромэн» и еще много всего. Однако

следствию не потребовалось долгих изысканий, чтобы установить, что ни курсов цыганского фольклора, ни пединститута в Самаре никогда не существовало. Но правдоподобность легенды Соловьеву интересовала мало. Она то ли действительно верила в свои фантазии, то ли использовала заведомо ложную информацию для того, чтобы тянуть время. Ведь по российским законам подследственную должны были выпустить через полгода. Но так долго Соловьева продержаться не сумела. Следствие успело опросить всех свидетелей. А кроме того, была проведена психиатрическая экспертиза, результат которой настолько интересен, что стоит привести его целиком: «психопатическая личность с завышенной самооценкой, стремлением к лидерству, эгоцентризму, псевдологии, потребности к самоутверждению». Несколько миллионов человек поверили психически больной женщине без всякого экономического образования! Можно было бы сказать, что такое возможно только в России, – но, как ни странно, подобные случаи довольно часты во всем мире (стоит вспомнить хотя бы Хаббарда).

Пожалуй, тяжелее всего пришлось семье Валентины. Муж «взял» на себя найденный у нее при обыске пистолет и полгода провел в тюрьме. А когда вышел на свободу, узнал, что одним из пунктов в бизнес-плане его жены стояло «развестись и уехать в Америку». После этого он запил, а вскоре, не выдержав предательства, повесился. Дочь, сын и внук Соловьевой после ее ареста остались без гроша и были вынуждены где-то скрываться, так что подсудимую, вопреки слухам, в тюрьме никто не посещал. Отношения авантюристьш с внешним миром оставались односторонними. Соловьева писала душераздирающие письма к своим обманутым вкладчикам: «Мне необходима ваша помощь сейчас! И молю Бога как истинная православная дочь российская, не перед судом и следствием я должна отчитаться, а перед каждым из вас. А если со мной и детьми что-нибудь произойдет, это будет дело рук и души наших с вами общих врагов, тех, у кого руки давно в крови народной. Ваша Валентина-Великомученица». Интересно, чего ожидала Соловьева? Того, что растроганные люди заберут свои заявления? Или, еще лучше, голыми руками разберут темницу и выпустят новоявленную великомученицу на свободу? Как бы там ни было, письма мало помогли мошеннице. В 1999 году она была приговорена к семи годам заключения, но к тому времени большую часть срока она уже отсидела. И в 2000 году за хорошую работу и поведение (и по ходатайству Профсоюза предпринимателей Московского региона) Соловьеву досрочно выпустили из тюрьмы.

Обретя свободу, она устроилась в рекламный отдел выручившего ее профсоюза. И сразу же попыталась возродить идею с «Властилиной». Разумеется, ей отказали. Тогда Соловьева все же решила, что все возвращается на круги своя, и учредила все в том же Подольске фирму «Интерлайн». Новое название никак не повлияло на характер деятельности организации. Схема осталась той же: сначала взносы, затем – автомобили за полцены. Спонсором проекта стал (по информации правоохранительных органов) один из подольских криминальных авторитетов по прозвищу Лучок. Судя по всему, нашлись покровители и в органах власти: когда прокуратура совместно с ОБЭП и налоговиками попыталась проверить деятельность фирмы, «сверху» поступило распоряжение Соловьеву не трогать. Впрочем, довольно скоро ей пришлось перенести свою деятельность из Подольска в Тулу: неофициально попросили. «Интерлайн» неоднократно пытались проверять, однажды даже возбудили уголовное дело по статье 159 часть 3 и статье 30 УК РФ (мошенничество и покушение на преступление). Однако, кроме приостановления деятельности фирмы, других результатов это не принесло. Все попытки остановить строительство очередной «пирамиды» закончились неудачей.

Как это ни парадоксально, клиентура у авантюристки нашлась быстро. Некоторые из тех, кто обратился к Соловьевой, – ее бывшие обманутые вкладчики. Они снова понесли деньги Валентине Ивановне, надеясь на то, что успеют получить свое до того, как «пирамида» рухнет под собственной тяжестью. Время от времени по цепочке проходит слух, что новая «Властилина» доживает последние дни. Но не зря говорится, что надежда умирает последней, надежда на «авось» – тем более. Ведь сумма прибыли, которую обещает Соловьева, составляет 1200 % годовых! Это намного больше, чем приносит торговля оружием и наркотиками. С точки зрения законов экономики такое невозможно. Но люди верят. А правоохранительные органы просто не имеют права ничего сделать: до тех пор, пока не начнут поступать заявления от пострадавших, деятельность Соловьевой вне подозрений.

Побывав за решеткой, Валентина Ивановна научилась только одному: осторожности. Теперь она принимает в своем московском офисе только тех клиентов, которых рекомендовали два филиала фирмы (ЗАО «Интерлайн» и «Интерлайн-Тула»), открытых вскоре после выхода Соловьевой на свободу. Кстати, сама она числится только владельцем контрольного пакета акций. Всеми операциями занимаются подставные лица. Ее офис напоминает небольшую крепость – и по укрепленности, и по количеству

охраны. Пробиться к самой Соловьевой очень сложно. Как правило, она отказывается от интервью: не любит журналистов со времени своего разоблачения. Тем, кто приходит к ней за деньгами, отвечает, что уже отсидела за все. А себя по-прежнему считает честным предпринимателем, мученицей, пострадавшей за то, что жила для блага людей.

МАВРОДИ СЕРГЕЙ ПАНТЕЛЕЕВИЧ

(род. в 1955 г.)

Свою предпринимательскую деятельность Сергей Мавроди начал с подпольной торговли кассетами. Через 12 лет в его распоряжении были уже сотни миллионов долларов, но это богатство было нажито отнюдь не праведным путем… Созданная Мавроди финансовая «пирамида» «МММ» стала классическим примером «торговли мечтами».

Основатель скандально известной финансовой «пирамиды» «МММ» родился в обычной московской семье. Детство и юность Сергея пришлись на эпоху застоя, когда частная инициатива не поощрялась, а независимость суждений и поступков легко могла привести в места не столь отдаленные. Трудно представить себе менее подходящие условия для развития будущего финансового гения и аферист. Тем не менее, незаурядные способности Мавроди проявились уже в школе: он достиг таких успехов в изучении математики и физики, что легко одерживал победы на престижных олимпиадах и даже заменял на уроках болеющих учителей.

Окончив московскую школу № 45, юноша поступил на факультет прикладной математики Московского института электронного машиностроения. После окончания института в 1978 году он работал инженером-математиком в НИИ, затем руководителем группы программистов. Словом, это была обычная жизнь советского интеллигента: учеба, работа по специальности «от звонка до звонка»… Больше трех лет Мавроди не выдержал: эта наезженная колея была явно тесна для него.

В 1981 году перспективный специалист бросает работу и, чтобы не попасть под статью о тунеядстве, числится сначала дворником, затем слесарем и, наконец, ночным сторожем в метро… Как и многие его талантливые сверстники, не желавшие вписываться в советскую систему, Сергей пополнил ряды «поколения дворников и сторожей», воспетого Гребенщиковым. Вот только свой талант Мавроди направил совсем в другое русло: он подался в нелегальный бизнес.

На дворе даже не пахло еще перестройкой и экономическими реформами, и нужно было обладать недюжинной коммерческой хваткой и интуицией, чтобы предвидеть перемены и за год до смерти Брежнева начать игру в перегонки с государством. Эти качества ни разу не изменяли Сергею, они-то и определили в дальнейшем его стремительный взлет. Начало же было довольно скромным: Мавроди занялся подпольным тиражированием и продажей видео– и аудиозаписей. В 1983 году за эту деятельность его привлекли к суду и даже арестовали, но уже через 10 суток отпустили: удачливый бизнесмен попал под очередную амнистию.

Вскоре началась перестройка, и Мавроди смог развернуться по-настоящему. Вместе со своим братом Вячеславом Сергей организовал объединение «МММ», которое в 1988 году было зарегистрировано в Ленинском исполкоме Москвы как кооператив. Название, которому суждено было стать нарицательным, – аббревиатура, составленная из начальных букв фамилий основателей (братьев Мавроди и некой госпожи Муравьевой).

Чем только ни торговал кооператив на первых порах – туалетной бумагой и зеленым горошком, русскими пельменями и молдавскими помидорами, китайскими куртками… Но вскоре Сергей нащупал поистине золотую жилу – он занялся ввозом и перепродажей импортной оргтехники и компьютеров. Доходы «МММ» быстро выросли, и это сразу привлекло внимание государства к удачливым коммерсантам. В том же 1988 году против братьев Мавроди было открыто уголовное дело по статье «хищение государственной собственности в особо крупных

размерах», но вскоре их пришлось освободить из-за отсутствия доказательств.

Объединение «МММ» начало стремительно развиваться, и дело было не только в прибыльности бизнеса. Судьба свела Сергея с кинорежиссером Бахытом Килибаевым, который отчаянно искал спонсора для съемок своего нового фильма. Мавроди согласился финансировать картину. Тут старая система кинопроката внезапно рухнула, и о прибыли пришлось забыть; но Сергей согласился, чтобы съемочная группа поработала на него «еще месяц-другой», снимая рекламу. Так возникла «МММ-Студия». На этом заурядная история процветающего кооператива заканчивается и начинается история финансовой империи «МММ», ставшей символом «эпохи первоначального накопления» в постсоветской России.

Мавроди был настоящим пионером в области рекламы. «МММ» стала первой в России компанией, у которой появились собственные логотип и символика, фирменные слоганы – сначала строчка Арсения Тарковского: «Из тени в свет перелетая», а потом самодовольное: «У «МММ» нет проблем!» Знаменитые три бабочки появились в рекламе «МММ» не случайно: Мавроди был обладателем одной из лучших в мире коллекций бабочек.

Сергей Пантелеевич ставил перед собой задачи скорейшего сбыта товаров и агрессивного захвата рынка – и реклама должна была быть такой же агрессивной, прямолинейной и оперативной, а не просто данью моде. Низкая цена товара и интенсивность показа стали основной причиной успеха первых рекламных роликов «МММ», пока что совсем примитивных. Любопытно, что в жизни самого Мавроди реклама тоже сыграла особую роль: с будущей женой Еленой он познакомился во время конкурса моделей, претендующих на участие в съемках. Влюбленные официально поженились только спустя три года, в октябре 1993 года, когда было закрыто старое дело о хищении и над Сергеем перестала нависать постоянная угроза ареста.

Посмотрев телевизор, покупатели сметали с прилавков дешевые телефоны и факсы от «МММ», но Мавроди прекрасно понимал, что для дальнейшего продвижения бизнеса и создания образа надежной фирмы необходимы продуманные рекламные кампании. Очередной рекламной акцией, после которой об «МММ» заговорила вся Москва (а благодаря программе «Время» – и весь Советский Союз), стал день бесплатного проезда в метро, устроенный Мавроди для москвичей 31 июля 1990 года. Какая сумма была выплачена метрополитену, так и осталось коммерческой тайной. К концу 1990 года кооператив «МММ» имел целых 34 филиала в разных городах СССР. Реклама «МММ»

мелькала почти в каждой популярной телепередаче, все центральные газеты пестрели его объявлениями. Журнал «Огонек» отводил под рекламу товара «МММ» обложку, другие солидные журналы печатали цветные вкладки. Все было готово к решающей войне за умы потребителей.

Вскоре Сергей Пантелеевич понял, что в условиях реформ выгоднее всего торговать воздухом – мечтой о богатстве, воплощенной в ценных бумагах собственного производства. В 1991 году кооператив «МММ» трансформировался в акционерное общество, и начался выпуск акций с портретом основателя фирмы, очень похожих на американские доллары (позже в народе их любовно назовут «мавродиками»). Усиливающийся экономический кризис был только на руку Мавроди. Воспользовавшись неразберихой на рынке ценных бумаг, великий комбинатор стал самостоятельно определять курс своих акций – и курс, разумеется, рос не по дням, а по часам. Это и позволило «МММ» выплачивать акционерам дивиденды за счет привлечения все новых и новых вкладчиков. При такой системе, давно опробованной на Западе и получившей название финансовой «пирамиды», множество вкладчиков, которые пришли в бизнес последними, практически не имеют шанса не только приблизиться к «вершине», но даже вернуть вложенные деньги. Этот горький урок американцы и европейцы уже усвоили, но у миллионов доверчивых россиян все было впереди…

Свою «пирамиду» Мавроди строил более трех лет. В феврале 1994 года по телевидению было передано сообщение о том, что «МММ» выплатило своим акционерам дивиденды в размере 1000 % годовых! Пора было начинать масштабную рекламную кампанию, и Мавроди посвятил в свои планы руководителя «МММ-Студии». Теперь Бахыт Килибаев вспоминает: «Когда Сергей комбинатор рассказал мне про эти акции, я половины толком не понял, а за вторую половину сильно испугался. Я говорю: «А почему люди понесут нам деньги?» Он отвечает: «Ты что, не понял? Они же будут получать больше». Я спрашиваю: «Но это же когда-то должно закончиться! Как с ними расходиться потом?» Он объясняет: «На аккумулированные деньги на втором этапе приватизации мы купим все то ценное, что есть в этой стране, и конвертируем свои обязательства перед людьми в акции приобретенных предприятий». Безусловно, я чувствовал ответственность за то, что люди понесут деньги в «МММ». Но я же знал планы Сергея и не думал, что все так обернется».

Если верить приведенным словам Мавроди, АО «МММ» не было задумано как «пирамида» в чистом виде: собранные средства предполагалось инвестировать в реальные

экономические проекты. В принципе, подобная деятельность не отличается от деятельности любого коммерческого банка или холдинга. Да и после краха «МММ» Мавроди постоянно обвинял государство в том, что ему просто помешали осуществить задуманное. Теперь вряд ли можно выяснить, какая доля правды была в этих громких заявлениях, ведь под холдинги маскировались и все остальные финансовые «пирамиды» в СНГ. Согласно рекламе, «Хопер-инвест» тоже была «отличная компания… от других».

Так или иначе, рекламу «МММ» никто не смог превзойти. Она получилась на удивление грамотной, хотя, по признанию режиссера, все делалось по наитию, интуитивно. По замыслу Килибаева, нужно было запустить в телеэфир целый рекламный сериал, наподобие популярных мыльных опер. В роликах следовало показать народу механизм действия акций: сегодня купить, а завтра продать дороже. Рекламная кампания развернулась всерьез: по некоторым данным, на газетную и телевизионную рекламу было потрачено около 40 % актива «МММ».

Недалекие герои рекламных клипов вызывали улыбку у всех, но то была улыбка узнавания, это и действовало безотказно. Безработный Леня Голубков и его брат Иван, шахтер из Воркуты, пенсионерка Марина Сергеевна, студенты Игорь и Юля – почти все слои общества оказались представлены в рекламной мыльной опере, которая раздражала, смешила, но так или иначе приковывала всеобщее внимание. Фразы «Куплю жене сапоги!», «Это лучше, чем стипендия!» и «Надо же, не обманули!» стали афоризмами. Особое, программное значение имели слова Лени Голубкова в споре с работящим братом Иваном: «Я не халявщик, я – партнер».

Невероятно, но рейтинг популярности Лени Голубкова оказался выше, чем у Бориса Ельцина: по результатам опроса 1994 года актер Владимир Пермяков, сыгравший эту роль, был назван «Человеком года»! Леня Голубков и его семья стали обобщенным портретом вкладчиков – социальной группы, порожденной «МММ» и другими финансовыми «пирамидами». Новый Емеля-дурачок, практически не слезая с печи, изучал график своих доходов и переживал свою причастность к большому бизнесу. В этом виртуальном обогащении, внушенном обывателю с телеэкрана, и заключалась теперь шаткая основа всего бизнеса «МММ». Как в действительности расценивал своих «партнеров» Сергей Мавроди, можно понять из слов, которые, по утверждению режиссера Килибаева, он обронил в разговоре с ним: «Меня не интересуют умные. Потому что их совсем мало, а

меньшинство меня не привлекает».

Первым признаком надвигающегося кризиса стал ряд неудач, постигших Сергея в сфере реального, а не виртуального бизнеса. К 1993 году у Мавроди было три основных организации: АООТ «МММ», «МММ-инвест» и Национальный пенсионный банк. В связке с ними работало еще 57 дочерних предприятий. «МММ-банк», куда направлялись средства вкладчиков, собранные акционерным обществом, из-за многочисленных нарушений банковского законодательства был закрыт Центральным банком России еще в начале 1993 года. Чековый инвестиционный фонд «МММ-инвест», созданный тогда же, не выполнил рекламных обещаний сделать каждый ваучер «золотым» – за 1993 и первый квартал 1994 года акционерам были выплачены довольно скромные дивиденды, даже ниже среднего российского уровня.

Тем временем власть обратила внимание на деятельность «МММ». Сергей Мавроди никогда не был близок к партийно-номенклатурным кругам, и потому допускать его к приватизации, к дележу недвижимости и предприятий никто не собирался. Безусловно, у власти были свои планы по поводу передела собственности, и независимый, сильный конкурент в лице Мавроди был совсем некстати. Впоследствии Сергей трубил об этом на всех углах, пытаясь поправить свою репутацию за счет еще худшей репутации Ельцина и его окружения. По-видимому, он действительно ни с кем не делился прибылью и вообще не вписывался со своей концепцией «народного капитализма» в систему капитализма государственно-олигархического, которая начала складываться к середине девяностых.

Но сам Мавроди был далеко не ангел, и у власти были другие мотивы для борьбы с «МММ», не столь корыстные. В окружении Черномырдина нашлись сведущие люди, объяснившие премьеру, что такое финансовая «пирамида» и чем все должно закончиться. По воспоминаниям Александра Шохина, тогдашнего вице-премьера и министра экономики, нахальство Мавроди возмущало Черномырдина, и он требовал принять хоть какие-то меры, пока все не лопнуло. Увы, прокуратура и МВД ничего не могли сделать: махинации Мавроди на рынке ценных бумаг не были предусмотрены законодательством и не могли послужить поводом, чтобы открыть уголовное дело.

И все же атака на «МММ» началась. В июне 1994 года, когда рост курса акций АО «МММ» превысил все мыслимые пределы, а число доверчивых вкладчиков достигло 11 млн человек, президент подписал указ «О защите потребителей от недобросовестной рекламы». Гром грянул в конце июля: финансовая проверка показала, что «Инвест-Консалтинг», одно из

дочерних предприятий «МММ», утаило от государства прибыль в размере 24,5 млрд рублей. Вместе со штрафом сумма, которую «Инвест-Консалтинг» должен был выплатить налоговикам, достигла 50 миллиардов! Впоследствии, кстати, выяснилось, что срок уплаты налогов еще не истек, так что действия налоговиков были явно заказными: государство пожелало ускорить крах неугодной фирмы. Однако крах и так не заставил бы себя ждать, поскольку на тот момент АО «МММ», кроме неуплаченных налогов, имело общую кредиторскую задолженность в 315,09 млн рублей, из них 294,9 млн рублей приходилось на задолженность перед частными вкладчиками.

22 июля 1994 года приемные пункты АО «МММ» были опечатаны, а 28 июля Мавроди выступил с протестом против действий налоговой службы и затем больше двух недель не выходил из собственной квартиры. Как только стало известно о закрытии пунктов скупки, началась настоящая паника. Вкладчики бросились изымать свои деньги, и «пирамида» «МММ» обрушилась, что довольно быстро сказалось и на других подобных структурах. Но, как ни парадоксально, даже эта паника оказалась на руку Мавроди. Тысячи пострадавших вкладчиков еще крепче сплотились вокруг знамени «МММ»: они связывали с компанией все свои надежды и склонны были видеть причину краха в грубом вмешательстве государства.

В августе налоговики нарушили уединение Мавроди, чтобы принудительно доставить его на допрос в свой департамент. Когда бизнесмена вывели из дома и усадили в машину, ее сразу окружила толпа. Раздавались призывы к расправе над полицией и крики: «Руки прочь от Мавроди!». Великий комбинатор понял, в чем теперь его сила, и в сентябре 1994 года, уже находясь в тюрьме, начал… предвыборную кампанию! Тысячи вкладчиков в надежде вернуть свои сбережения вышли на улицы с лозунгами вроде «МММ: Мы были вчера. Мы есть сегодня. Мы будем завтра» и «Мавроди в Госдуму!»

30 октября 1994 года настал звездный час Мавроди-политика: он был избран депутатом Госдумы от города Мытищи, получив 29 % голосов избирателей. Уголовное дело о сокрытии доходов было приостановлено, и Мавроди освободили. Тут-то и открылось его истинное лицо: получив желанную депутатскую неприкосновенность и свободу, Сергей Пантелеевич показался в Думе всего один раз. Он предпочитал отстаивать интересы своих избирателей привычным способом – вновь раскручивая «пирамиду» «МММ».

В программах «Взгляд» и «Пресс-клуб» Мавроди откровенно объяснил телезрителям, что если бы его «пирамида» и

обрушилась, то только лет через пять, и убытки при этом понесли бы не россияне, а жители ближнего и дальнего зарубежья. По его утверждению, планы экспансии «на фондовые рынки практически всех стран мира» были разработаны еще в начале лета 1994 года, после чего в США и Германии напечатаны десятки миллионов билетов «МММ», но скандал с «МММ» и арест самого Мавроди помешали реализации этого проекта.

Тем временем над головой не в меру увлекшегося коммерсанта снова сгущались тучи: государство приводило в порядок рынок ценных бумаг и Уголовный кодекс. В конце марта 1995 года против Мавроди впервые было возбуждено дело по статье «мошенничество». 6 октября 1995 года ему пришлось снова появиться в Госдуме: на этом заседании рассматривался вопрос о досрочном прекращении депутатских полномочий Мавроди, поскольку он не принимал участия в работе парламента и, вопреки закону о статусе депутата, продолжал заниматься «оплачиваемой деятельностью». Потеря депутатской неприкосновенности, впрочем, серьезных хлопот комбинатору не причинила. Поскольку по законам 1990–1994 годов никакого особого криминала в деятельности «МММ» не было, следствие по его делу велось очень вяло, то возобновлялось, то приостанавливалось. Сергея даже ни разу не вызывали на допрос.

В том же 1995 году Мавроди пытается снова попасть в Госдуму, на этот раз во главе собственной партии – «Партии народного капитала». Следующими в федеральном списке партии шли его жена Елена и брат Вячеслав. Однако партия не получила ожидаемой народной поддержки. Последней попыткой главы «МММ» вернуться в большую политику стало выдвижение своей кандидатуры на президентских выборах 1996 года. Большую часть подписных листов в его поддержку Центризбирком забраковал и в регистрации отказал.

Сергей Пантелеевич убедился, что «низы» ему больше не верят, а «верхи» не собираются и близко подпускать его к рулю. В этот раз всерьез опасаясь ареста, он предпочел окончательно уйти в тень. Власти заметили его исчезновение, когда уже было поздно. В 1997 году было возобновлено дело о мошенничестве, а в 1998 году Мавроди объявили в федеральный и международный розыск. Только к 2002 году российские спецслужбы установили, что основатель скандально известной «пирамиды» то ли вернулся из-за границы, то ли вообще никуда не уезжал и скрывается где-то в Москве и ее окрестностях, на удивление умело конспирируясь и постоянно меняя место жительства.

В подполье Сергей Пантелеевич вовсе не сидел сложа руки. Каждое утро он садился за компьютер и играл через посредников

на фондовом рынке России – работал с кредитами, акциями, заключал договоры. Летом 1998 года он даже дал эксклюзивное интервью газете «Совершенно секретно», в котором уверенно предсказал грядущий дефолт («в условиях сформировавшейся олигархии иначе просто не может быть») и справедливо отметил, что выпущенные вскоре после краха «МММ» государственные краткосрочные облигации оказались как раз самым ярким примером «“пирамиды”, в основании которой нет ничего, кроме правительственных обещаний». Мавроди также заявил, что «проблемы акционеров «МММ» – дело самих акционеров «МММ», поскольку отказ поддержать партию народного капитала в 1995 году для них означал отказ от борьбы за собственные деньги.

Вся семья Мавроди тоже была при деле. Елена Мавроди в 1997 году баллотировалась в депутаты Госдумы от Тулы. Вячеслав Мавроди под лозунгом возврата долгов «МММ» создал свою «пирамиду» – «Систему взаимных добровольных пожертвований МММ-96», но в 1998 году попался на незаконных операциях с золотом, ударился в бега и был арестован в январе 2001 года. А в 1999 году в суд штата Массачусетс был подан иск против некой Оксаны Павлюченко за организацию в Интернете виртуальной биржи Stock Generation, на которой прогорели десятки тысяч американцев и европейцев. Оксана Павлюченко, девушка двадцати с небольшим лет, оказалась троюродной сестрой Сергея Пантелеевича, и эта афера тоже была записана на счет знаменитого семейства.

Но всему когда-нибудь приходит конец. Как только сыщики установили, что Мавроди находится в Москве, кольцо вокруг беглеца стало сжиматься. Примерно год понадобился, чтобы отследить схемы его передвижения. Задача была не из легких: он не находился на одном месте более трех дней, деньги и связи позволяли ему каждый месяц менять квартиры и подмосковные дачи. Договор об аренде оформлялся на подставных лиц, да и сам Мавроди несколько лет пользовался поддельным паспортом на имя Юрия Зайцева, жителя Петербурга.

Выяснилось также, что на мошенника работала целая бригада бывших сотрудников спецслужб. «Они хорошо знали, как мы работаем, и использовали наши же методы, в частности слежку, прослушку и контрнаблюдение», – отметили в угрозыске. Конспирация была строжайшей – фактически Мавроди обрек себя на добровольное заключение. Все необходимое доставлялось ему на дом, а при переезде на другое место шестисотый «мерседес» подгоняли вплотную к подъезду. Из этой золотой клетки выхода не было, но сменить ее на настоящую тюрьму Мавроди все же не торопился. Во всяком случае, у великого комбинатора было

достаточно времени, чтобы понять: не в деньгах счастье.

Вечером 31 января 2003 года оперативники Главного управления уголовного розыска МВД незаметно подъехали на нескольких машинах к дому на Фрунзенской набережной, поднялись на третий этаж и позвонили в дверь. Повторилась та же история, что и в августе 1994 года: Мавроди сделал вид, что никого нет дома, и тогда спецназовцы забирались в квартиру через балкон. Теперь же пришлось вызвать специалистов, чтобы они вырезали все замки из дорогой бронированной двери. За дверью оказалось два человека: охранник, который благоразумно не стал оказывать сопротивление, и Мавроди. Жизнь в четырех стенах изменила его до неузнаваемости: он постарел и располнел, хотя одна из комнат была превращена в спортзал. Опомнившись от первого потрясения, Мавроди взял с полки книжку Михаила Князева «История одного преступления. Сергей Мавроди, великий и ужасный» и поставил на титульном листе автограф: «На добрую память уголовному розыску, 31.01.03 г.». Юмор не изменил ему даже в такую минуту.

В феврале 2003 года Мавроди было предъявлено два обвинения: в подделке паспорта, тянущее примерно на год отсидки, и гораздо более серьезное – «мошенничество в особо крупных размерах». В апреле того же года закончилось и бесконечное судопроизводство по делу о банкротстве «МММ», начатое еще в сентябре 1997 года. Большая часть денег вкладчиков до сих пор не найдена, и пока что они могут получить в лучшем случае по 25–30 копеек с рубля…

ФРАНЦЕВА МАРИНА

(род. в 1960 г.)

Легендарная авантюристка, председатель правления банка «Чара», основанного в 1993 году и привлекшего деньги около 60 тыс. вкладчиков. По некоторым данным, банк задолжал своим клиентам около 500 млрд рублей. После возбуждения уголовного дела по факту нарушений в 1996 году Марину Францеву объявили в розыск как свидетеля. Основанием для этого стали имеющиеся у следствия данные о растрате Францевой денег клиентов на личные нужды. Когда бывшая хозяйка «Чары» была найдена, ее задержали уже в качестве обвиняемой. Расследование было закончено 2 июня 1998 года. Но судебное разбирательство получило многолетнюю отсрочку, так как по закону обвиняемый и его адвокат имеют право ознакомиться со всеми материалами следствия и делать выписки. А материалы дела бывшего руководителя АКБ «Чара» составили 1875 томов…

Марина Францева, более известная как леди «Чара», родилась в 1960 году в семье врачей. В доме ее отца – известного

кардиохирурга, профессора, лауреата Государственной премии – часто бывали представители творческой элиты страны: поэты, писатели, композиторы, кинорежиссеры и исполнители. В 1978 году Марина с отличием окончила школу и успешно сдала вступительные экзамены на факультет художественной литературы и искусства в Московском институте культуры. В 1982 году, после окончания вуза, ей был вручен красный диплом и направление на работу в Государственную центральную театральную библиотеку. Но на этом месте Францева долго не задержалась. Еще в 19 лет она познакомилась с аспирантом Владимиром Рачуком. Новый знакомый, сын бывшего начальника главка по кинематографии, был старше Марины на 12 лет. Семья Францевой была против этого брака, но в 1986 году молодые люди все же оформили свои отношения. В 1988 году, после рождения дочери Анастасии, Марина ушла с работы, и семья жила за счет заработка Рачука. Он в то время преподавал историю в школе, а также подрабатывал частными уроками и фотографией.

С началом перестройки Владимир решил попробовать свои силы в частном бизнесе и создал гостиничную фирму «Чара». В начале своей деятельности она занималась размещением приезжих в частном секторе города. Позднее работники фирмы включили в перечень оказываемых услуг расселение коммуналок и сдачу в аренду помещений нежилого фонда. Все это время Францева была домохозяйкой и не принимала участия в работе фирмы. Но вскоре Рачук попросил жену помочь ему с организацией рекламной кампании, и после ее завершения Марина стала заместителем мужа.

Гостиничная фирма просуществовала до 1992 года, после чего была перерегистрирована в индивидуально-семейное предприятие, занимавшееся страхованием. Параллельно с этим был организован ряд фирм с различными направлениями деятельности. В их работе Францева, правда, участия не принимала, но входила в состав учредителей. Тогда же возникла идея и с созданием банка, который заработал уже в 1993 году. Председателем совета «Чары» стал сам Рачук. Девиз банка был взят у Ференца Листа: «Хорошо или никак». (В настоящее время он звучит более чем двусмысленно, не правда ли?) За три года «Чара» прошла путь от индивидуального частного предприятия до «Чара-холдинга», состоявшего из 10 торговых и строительных, одной страховой и одной туристической фирм. Ему принадлежало несколько зданий в центре Москвы, ценные бумаги ряда известных фирм, значительный процент акций Санкт-Петербургского ПО «Ломо», ликвидные ценные бумаги. «Чара»

также установила связи с фирмами Германии, Италии и Финляндии. Ею же совместно с Оленегорским ГОК было создано АО «Золотинка», которое намеревалось извлекать золото из отвалов ГОК. С этого времени Марина становится «лицом» «Чары».

Среди клиентов нового банка было много известных людей, которые хорошо знали родителей Рачука и Францевой. С начала 1994 года Марина начинает исполнять обязанности номинального директора ИСП «Чара». Тогда же Рачук подал заявление в Центробанк с просьбой назначить его управляющим банка, но получил отказ. Управляющим был назначен Эльдар Садыков. В этот период банк постоянно вел переговоры по вопросу обслуживания бюджетных организаций и пытался получить валютную лицензию. Были также предприняты попытки увеличить уставной капитал и найти зарубежных инвесторов. Банк привлек вклады около 60 тыс. лиц.

Положение изменилось летом 1994 года, когда прекратил свое существование ряд фирм, занимающихся финансовой деятельностью. Клиенты «Чары», напуганные сложившейся ситуацией, начали забирать свои вклады. При этом новых притоков финансов не было. Тяжелое положение еще более усугубилось после «черного вторника». Тогда в столице распространилась неофициальная информация о том, что крупный московский банк включил «Чару» в свой «черный список». Вслед за этим вооруженный отряд бойцов налоговой полиции «по ошибке» ворвался в помещение банка, распугав клиентов. Об этом инциденте был снят телесюжет, к освещению скандала подключились и газетчики. А вот о том, что в адресе произошла ошибка, известить общественность как-то «забыли».

Следующим шагом на пути гибели «Чары» стало опубликованное в «Независимой газете» интервью с председателем Центрального банка. В нем почему-то «потеряли» одно слово, в результате чего получилось, что у банка вообще нет лицензии, хотя в беседе речь шла только о валютной. К тому времени «Чара» задолжала своим клиентам около 500 млрд рублей. У Рачука начались сердечные приступы. По словам самой Францевой, он, тем не менее, подготовил программу стабилизации и вывода банка из кризиса и собирался представить ее на встрече с главой ГУ ЦБ по Москве 25 ноября 1994 года. На этой встрече присутствовала делегация известных кинематографистов, потребовавшая отчета о состоянии дел банка. В ходе разгоревшегося скандала у Рачука начался тяжелый сердечный приступ, ставший причиной смерти. (Обстоятельства его гибели до сих пор вызывают сомнения и расследуются в

рамках уголовного дела.) Завещания он не оставил. После похорон Францева, по ее утверждению, занятая проблемой выживания, ни разу не переступила порог банка.

Тогда Марина нашла помощь в лице человека, который, опять же по ее собственным словам, был близким ей еще при жизни мужа. Игорь, «мужчина мечты» Францевой, помог ей пережить то страшное время. Но вот было ли оно столь уж тяжелым – кто знает! Ведь «безутешная вдова» вышла замуж за своего «спасителя» 4 февраля 1995 года – на 40-й день смерти первого супруга… Второй муж Францевой, Игорь, взял фамилию жены. После свадьбы Марина занялась домом и детьми, а все дела по ИСП «Чара» были переданы ее заместителю Касаеву.

Вновь открытый банк начал возвращать деньги вкладчикам. Напротив здания выстраивались огромные очереди. Но положение было отчаянным, по факту нарушений правоохранительные органы открыли уголовное дело.

В начале 1996 года бывшую хозяйку «Чары» объявили в розыск как свидетеля по делу о присвоении денег вкладчиков. Тогда же поползли слухи о том, что после смерти Рачука Марина Францева растрачивала на личные нужды крупные суммы из числа денег клиентов.

1 апреля 1997 года леди «Чара» была арестована и переведена в разряд обвиняемых. Как она говорит, ее ошибка состояла в излишней доверчивости, а ошибка Рачука – в избыточном романтизме. Возможно, но… Первое уголовное дело по факту нарушений в «Чаре» было возбуждено еще в 1995 году Таганским РУВД Москвы. Тогда было установлено, что сотрудники банка принимают вклады в наличной валюте без соответствующей лицензии, но вскоре дело было закрыто.

Что же касается показаний свидетелей, то некоторые сотрудники банка подчеркивали, что у Францевой от денег «поехала крыша». В связи с этим они вспоминают случай, произошедший в 1993 году. Тогда заместитель Францевой попросил у нее премию для одного из сотрудников. На его предложение выплатить сумму в 20 тыс. Марина вытащила две пачки по 10 тыс. долларов каждая. Она просто была не в состоянии понять, что речь идет о 20 тыс. рублей – не теми, видно, категориями привыкла мыслить. Те же сотрудники вспоминали и о том, как их начальница могла позвонить с места отдыха, например из Франции, чтобы потребовать немедленного перечисления 300 тыс. долларов, поскольку ей… не в чем выйти на пляж!

Да и все утверждения бывшей хозяйки «Чары», будто она после смерти первого мужа осталась без денег, весьма

сомнительны. Ведь уже после фактического краха банка Марина продолжала получать деньги от операций с ГКО и акциями АО «Ломо».

После ареста Францевой было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 3 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации – «Мошенничество, совершенное организованной группой, или мошенничество в крупном размере». Наказание, предусмотренное этой статьей УК, – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества или без таковой. Расследование обстоятельств дела завершилось 2 июня 1998 года, а уже через два дня все материалы следствия были переданы для ознакомления Францевой и ее адвокату.

Интересно, что с такой помпой взятая под стражу леди «Чара» была позднее без всякого шума отпущена под подписку о невыезде. Дело в том, что установленный максимальный срок предварительного заключения – два года – давно истек, так что у правоохранительных органов не было никаких оснований держать эту даму и дальше за решеткой. Поэтому Францева продолжала знакомиться с материалами следствия уже дома. На основной же вопрос, куда делись деньги и кто виноват в их исчезновении, ответ до сих пор не найден. Иногда складывается мнение, что подобная ситуация просто кому-то выгодна. Судите сами: еще в начале строительства финансовых «пирамид» эксперты предупреждали, что вскоре последует неизбежное банкротство подобных структур. Однако государство и не собиралось пресекать деятельность «строителей пирамид». Напротив, высокие темпы инфляции и постоянно возникающие дыры в бюджете призывали власти закрывать глаза на некоторые аспекты деятельности подобных структур, являвшихся источником крупных налоговых отчислений. Так, регистрация банка «Чара» совпала по времени с процессом приватизации сырьевых отраслей России. Для проведения в жизнь этого начинания требовались огромные средства, а их в то время как раз и не хватало. Обратите внимание: решение о создании банка было принято на собрании учредителей 31 декабря 1992 года, а лицензия от ЦБ была получена только через девять месяцев – в сентябре 1993 года. Почему?

Правоохранительным органам было прекрасно известно, что все фирмы, входившие в структуру головного предприятия «Чары», до регистрации банка работали с наличной валютой без лицензии. При этом на ее долю приходилось не менее 80 % всего оборота фирм. Так что получение лицензии на банковскую деятельность явно было связано с каким-то закулисным торгом.

Возможно, здесь имело место урегулирование вопросов с ЦБ и высокопоставленными чиновниками, ведающими приватизацией сырьевых отраслей и весьма заинтересованными в наличии неконтролируемых валютных средств. Наконец компромисс был найден: «Чара» получала рублевую лицензию, продолжая при этом работать с валютой. Для того чтобы хоть в какой-то мере легализовать ее прием, ЦБ распоряжением № 1234/2–94 от 22 июля 1994 года обязал Карагандинский и Южно-Казахстанский банки открыть в «Чаре» пункты приема валюты. Таким образом, банк ежедневно принимал огромные суммы бесконтрольных валютных средств. По балансу, представляемому ЦБ, они не проходили, используясь по своему конечному назначению: для закупки сырья и акций металлургических заводов, подлежащих приватизации. Возможно, эти средства использовались также для проведения толлинговых операций в алюминиевой промышленности. А когда у сырьевиков отпала необходимость в дополнительных средствах, было принято недокументированное решение остановить работу банка, имитировав его банкротство. Последовавшие вслед за этим события могут быть объяснены паническим стремлением чиновников, повинных в обвале «пирамиды», уйти от ответственности и списать крах банка на превратности рыночной экономики. Проведенную в то время аудиторскую проверку сложно назвать иначе, как фиктивной. По ее итогам задолженность банка перед вкладчиками составляла 131 млрд рублей. Но ведь при этом в расчет брались только данные официального баланса, представленного в ЦБ!

Это искажение реального финансового состояния «Чары» старательно поддерживалось ответственными чиновниками, прекрасно осведомленными, что большую часть оборота банка составляли операции с валютой, не зафиксированные официальным балансом. Внимание обманутых рядовых вкладчиков было умело отвлечено скандалами и упоминанием о значительных суммах, перечисленных «Чарой» за рубеж, в частности в Америку. Кроме того, была зарегистрирована группа людей, возглавляемая генералом в отставке Ермоленко и полковником Давидюком. Они выступали якобы от имени всех вкладчиков скандального банка с требованием к судам не принимать иски и не выплачивать деньги по исполнительным листам. Кстати, тот же Давидюк попросту присвоил 108 млн рублей, предназначенных для выплат по исполнительным листам. Но к уголовной ответственности он, несмотря на переданные следствию документы, так и не был привлечен.

Во многих государствах в случае обмана вкладчиков коммерческими финансовыми структурами возврат потерянных

средств гарантированно осуществляется из резервного фонда государства. В США, например, таким фондом является Федеральный резерв. Таким образом, в интересах самого государства проявлять особую тщательность при проверке деятельности коммерческих структур. В России, в Центробанке, также хранятся специальные резервные средства для таких случаев. Однако их размер (15 млрд рублей) настолько смехотворен, что не в состоянии покрыть и 5 % реального финансового урона, нанесенного вкладчикам гибелью одной-единственной «пирамиды». Так что решение, вынесенное Таганским судом, выплатить вкладчикам 48 коп. на вложенный рубль объясняется скудностью средств резервного фонда. Пострадавшими же это решение было воспринято как насмешка. В течение полугода, невзирая на протесты обманутых, эта сумма им выплачивалась – необходимо было протянуть время, имитируя процесс возобновления работы с вкладчиками. При этом в средствах массовой информации тиражировались пресс-конференции нового президента «Чары» В. Фадеева. Он вдохновенно вещал о начале выплат денег, что было неосуществимо физически по банальной причине – отсутствии средств.

На самом же деле эта отсрочка позволяла обдумать дальнейшие действия и противопоставить две группы вкладчиков: тех, кто обратился в суд, и тех, кто по разным причинам этого не сделал. Принятое по истечении полугода решение Верховного суда об отмене грабительского постановления в прессе почему-то широко не освещалось. «Черный юмор» государственных структур вполне отражен в материалах следствия. Например, Центральный банк объяснял тот факт, что «Чара» и после банкротства продолжала пользоваться лицензией… волей вкладчиков! Такие действия (хотя правильнее было бы сказать «бездействие») ЦБ привели к тому, что владельцы банка имели прекрасную возможность растащить остатки рублевых средств со счетов и реализовать недвижимость. Например, 20 февраля 1995 года в одном из банков-дебиторов «Чары» было выдано по ее доверенности физическому лицу 700 млн рублей наличными.

Банк оказал кредит в два млн долларов фирме Волкова и Волошина «Саммит Интернэшнл», зарегистрированной в США. На совести хозяев «Чары» и создание «липовой» совместной компании якобы для работы на товарной бирже. Учредителями нового детища были все тот же «Саммит Интернэшнл», «Чара» и Мосстройбанк. До сих пор остается загадкой, каким же образом осуществлялся перевод валютных средств при условии отсутствия у «Чары» лицензии на ведение подобных операций. Позднее ФБР

выяснило, что деньги банка Францевой оказались на счетах как минимум семи американских банков. Вот только работники прокуратуры, которые вели следствие по делу леди «Чары», об этом так и не вспомнили. Кроме того, та же структура выступила залогодателем при выдаче «Леспромбанком» 300 млн рублей АО «Салем». Нужно ли говорить, что «Леспромбанк» этих денег так и не увидел? А каким законом оправдана выдача в тот же период ЦБ «Чаре» из резервного фонда 6,7 млрд рублей? Эти деньги должны были пойти на выплаты ветеранам войны в 1995 году. Пошли они, как сами понимаете, отнюдь не на эти цели. И куда смотрел все тот же закон, когда «Чара» перечисляла деньги на строительство домов, принадлежащих лично руководителям банка?

Если собрать все вопросы, возникающие при рассмотрении деятельности «Чары», картина складывается совсем уж мрачная. В материалах дела всплыл и просто уникальный факт, доказывающий, что банк изначально был этакой «фата-морганой»: за все время своей деятельности он не брал ни одного (?!) кредита. Все финансовые безобразия вокруг него могут иметь одно-единственное разумное объяснение: в действительности у «Чары» существовали могущественные хозяева и покровители из высших сфер власти, использовавшие деньги вкладчиков в своих интересах и поэтому делающие все возможное, чтобы скрыть свое участие в этом грандиозном массовом обмане.

А как же Францева? Вероятнее всего, ей отводилась всего лишь роль этакого зиц-председателя Фунта. Со всеми вытекающими из этого последствиями. Иначе почему телевидение так упорно открещивалось от проведения «круглого стола» с участием вкладчиков, бывших владельцев банка и самой Францевой? Ведь именно подобная встреча как раз могла бы пролить свет на вопрос, куда же все-таки девались деньги «Чары». Причем этот вопрос, по идее, должен беспокоить не только физических лиц, но и государство: скандальное дело укрепило и без того распространенное на Западе мнение о процветающей в России коррупции и продажности чиновников. Такое отношение к России резко ограничивает приток зарубежных инвестиций в экономику страны. Но надзор за использованием иностранных кредитов, в отличие от вкладов частных лиц, весьма серьезный. Так что российским чиновникам инвестиции не выгодны.

Некоторые журналисты справедливо указывали и на благотворительную деятельность «Чары», как-то несовместимую с принципами банальной «финансовой пирамиды». Речь идет об окончании работ над фильмом «Ермак» (это, кстати, последняя роль на экране Евгения Евстигнеева), съемках фильма «Курочка

Ряба», вложении денег в выкуп русских икон для передачи их православной русской церкви (за помощь банк был пожалован Патриаршей Грамотой), поддержке серьезных культурных программ. Кроме того, «Чара» планировала оказать спонсорскую помощь фильму Георгия Данелии и финансировать съемки Никитой Михалковым фильма о Дмитрии Донском. А Рачук собирался основать «Клуб российских банкиров», сплотив вокруг себя честных бизнесменов. Возможно, это отражение именно той «романтичности», о которой упоминала Марина Францева?

Сама она, при всей своей «доверчивости», излишним романтизмом явно не страдала: по непонятным причинам в материалах следствия не упомянута приобретенная леди «Чарой» накануне краха банка недвижимость в Испании, где поселились ее родственники, и остров (!) на Сейшелах, купленный Мариной за четыре млн долларов. Атташе посольства США в свое время заявлял, что будет способствовать возвращению этих денег. Для начала диалога по этому вопросу было бы достаточно обращения российской стороны и предоставления соответствующих документов. Дипломата еще долго удивлял тот факт, что никаких запросов со стороны России так и не последовало. Конечно, надежда на возвращение ушедших за границу денег весьма слабая. Но осуждение Марины Францевой все-таки может принести прибыль бывшим вкладчикам «Чары»: только ее личное имущество оценивается в 10 млн долларов. Вот только когда же это будет? Ведь, напомним, в соответствии с действующим УК Российской Федерации, обвиняемый и его адвокат имеют право до суда ознакомиться со всеми материалами дела. Что Францева добросовестно и делает. Вот только материалы эти составляют 1875 томов… Так что даже при прилежном отношении леди «Чары» к чтению следствие грозит затянуться на 12–17 лет. А если обвиняемая решит поболеть или просто начнет действовать с уловками, то вообще до бесконечности.

Если же брать в расчет иные аспекты того же УК, то завершение расследования дела Марины Францевой невозможно в принципе, поскольку уголовно-процессуальный закон требует в подобных случаях полного и всестороннего исследования всех обстоятельств. То есть должны быть опрошены все без исключения пострадавшие. А их в деле леди «Чары» фигурирует более 60 тысяч… Так что еще, видимо, не раз придется создавать огромные оперативные группы, что ни в коей мере не будет способствовать приближению развязки. И даже после передачи дела в суд может объявиться еще один пострадавший со своим иском. Что будет безусловным основанием для возврата материалов на дополнительное (и часто неоднократное)

расследование. В общем, у Марины Францевой есть вполне реальная возможность спокойно дожить до преклонных лет за чтением материалов собственного уголовного дела и отправиться в мир иной, так и не дождавшись суда.

КОЖЕНЫ ВИКТОР

(род. в 1964 г.)

Авантюрист, специализирующийся в сфере финансовых операций. Основатель «Гарвардского инвестиционного фонда», едва не поставившего Чехию на грань банкротства. Инициатор грандиозной аферы с азербайджанской нефтью, завершившейся скандалом мирового уровня. Гражданин Ирландии, постоянно проживающий на Багамах. Мультимиллионер.

Аналитики давно заметили, что выходцы из стран бывшего социалистического лагеря конкурировать с деловыми людьми Запада могут вполне успешно. Но зато по части сомнительных операций и сделок им просто нет равных. Как правило, подобные люди делают ставку не столько на знание законов экономики, сколько на человеческую психологию и личные связи. Виктор Кожены – один из ярких примеров того, что большие деньги можно заработать, располагая только богатой фантазией и знанием слабых сторон человеческой души.

Виктор родился в Чехословакии. Когда ему исполнилось 16 лет, вместе с родителями он переехал в поисках лучшей жизни в

соседнюю Германию. Но задержался там всего на два года, а затем решил, что пришло время становиться на ноги. Операция по переезду в США была спланирована просто блистательно. Зная, что на Западе с огромным сочувствием относятся к жертвам коммунистических режимов, Кожены явился на лекцию известного американского физика Марлана Скалли и, потрясая блокнотом с неразборчивыми записями, объявил себя гениальным физиком, создавшим абсолютно новую теорию. По его словам, в родной стране он подвергался гонениям и чуть ли не угрозе физического уничтожения. Профессор поверил в эту историю и предложил рыжеволосому юнцу стать студентом университета в Нью-Мексико. Кожены тут же ухватился за эту возможность. И отправился в США. Если бы Марлан Скалли мог знать, чем обернется для него красивый жест в отношении «физика-вундеркинда», он никогда бы не принял участия в его судьбе. Но, как и многие другие, профессор подпал под обаяние Виктора Кожены и стал его первой жертвой. Поначалу он одолжил студенту денег, затем был вынужден поселить его в своем доме. К этому времени мистер Скалли, правда, уже понял, что Виктор не имеет никакого отношения к физике, но решил все-таки дать ему шанс получить образование. А закончились их отношения тем, что неблагодарный ученик попросту сбежал из его дома, прихватив с собой 37-летнюю миссис Скалли, почтенную мать троих детей…

Миссис Скалли было суждено сыграть роль гида, показавшего еще не набравшемуся опыта авантюристу все тайные тропы американского образа жизни. С ее помощью Виктор подготовился в летнем колледже к поступлению в Гарвардский университет и через шесть лет имел в кармане диплом экономиста и ряд блестящих рекомендаций (в том числе – от профессора юриспруденции и будущего Верховного судьи США Стивена Брейера). После этого Кожены быстро развелся с женой и отправился на поиски места под солнцем.

Началом карьеры Виктора стал знаменитый лондонский банк «Флемминге», куда его приняли без лишних вопросов: выпускник Гарварда очаровал чиновника, отвечавшего за кадры, своей эрудицией и знаниями. Однако вместо того чтобы работать в поте лица, ожидая повышения по службе, новый сотрудник не утруждал себя выполнением даже самых простых поручений. К тому же он часами вел по телефону какие-то переговоры на чешском языке. Начальство попыталось напомнить Виктору о его прямых обязанностях, но он, нисколько не смущаясь, заявил, что у него есть секретные дела на материке… В конце концов руководство банка уволило Кожены, что его, впрочем, не

слишком расстроило.

К тому времени (шел 1989 год) у Виктора было накоплено около трех тысяч долларов. Он второй раз женился, дождался появления на свет дочери. Но семейная идиллия быстро приелась, работы не было, так что Кожены потянуло на родину. Едва ли им двигала ностальгия – просто страны Восточной Европы представляли собой лакомый кусочек еще не поделенного рынка, и Виктор решил этим воспользоваться.

Переехав в Прагу с молоденькой секретаршей (позже она стала его третьей женой), Кожены решил в первую очередь позаботиться о солидной вывеске. Он представился бизнес-консультантом, открыл частную практику (вновь помогла репутация выпускника Гарварда) и стал постепенно налаживать связи среди чиновников и политиков. Вскоре в Чехии началась приватизация. Каждый гражданин имел право на буклет ваучеров стоимостью около 35 долларов. Тут-то и пришло время авантюриста, получившего впоследствии прозвище «пражский пират».

Его нашумевшая финансовая афера держалась на трех китах: недоверии населения к ценным бумагам, гипнотическом воздействии слова «Гарвард» на соотечественников (иностранные компании казались надежнее отечественных) и тесных контактах с правительственными чиновниками. Зарегистрированная в первые же дни приватизации группа фондов под общим названием «Гарвардский инвестиционный фонд» обещала всем, кто вложит в нее свои ваучеры, небывалый доход: десятикратную прибыль в течение года. Соблазнившись легкими деньгами, чехи понесли «бумажки» известной (как им казалось) американской компании, даже не поинтересовавшись, существует ли фонд с таким названием в США. Всего было собрано более 850 тыс. ваучеров. Все они были вложены в наиболее перспективные чешские предприятия, которые потенциально должны были занять ведущее место в экономике Чехии. Вскоре «Гарвардский инвестиционный фонд» контролировал 15 % пражского фондового рынка, а с началом торгов его активы выросли до 1 млрд долларов. Имя Кожены стало известно далеко за пределами Чехии. Ведь в результате операций с ценными бумагами он стал чуть ли не хозяином всей страны! Главный парадокс заключался в том, что при этом Кожены не нарушал никаких законов. Сложившаяся ситуация просто не была предусмотрена законодательством. Правительство приняло меры по защите чешских предприятий. Появился закон, согласно которому инвестиционным фондам запрещалось приобретать больше 20 % акций любой компании.

Кожены следил за развитием событий с любопытством. Игра шла по-крупному, и его увлекали не только баснословные прибыли, но и сама возможность действовать на столь высоком уровне. Он приобрел себе роскошный автомобиль, обзавелся телохранителями и прислугой. На попытки правительства остановить его экономический эксперимент он смотрел скептически и даже заявил в интервью, что мог бы купить всю страну. Разумеется, столь мощный финансовый взлет не мог не насторожить чехов. Сначала за дело Кожены взялась пресса, а затем началось официальное расследование. Выдвигались самые разные гипотезы относительно того, каким образом Кожены удалось за короткий срок прибрать к рукам почти всю Чехию. Чаще всего говорили о том, что Кожены получал необходимую ему информацию (компромат на чиновников, сведения о преуспевающих фирмах) от офицера контрразведки Вацлава Валлиса. И хотя официального обвинения «новому чеху» пока не предъявляли, он решил на время уехать из страны.

В январе 1994 года Кожены исчез в неизвестном направлении. В отсутствие подозреваемого расследование само собой заглохло, Валлиса оправдали, а к «Гарвардскому фонду», документация которого была в полном порядке, невозможно было предъявить никаких претензий. Он спокойно продолжал работать, поскольку ни правительство, ни налоговые службы не догадывались, что в самом сердце страны заложена мощнейшая финансовая мина замедленного действия.

Выждав, пока утихнет шумиха, Виктор объявился на Багамских островах. На всемирный курорт он прилетел, разумеется, не отдыхать, а зарабатывать деньги: ведь на Багамах можно встретить представителей финансовой элиты всего мира. Однако самостоятельно проникнуть в круг ведущих бизнесменов Виктор не мог. Ему требовался посредник. Им стал 63-летний Дэвид Маркгрэт. Пообещав напарнику 10 % комиссионных от всех сделок, заключенных с его помощью, Кожены направил все свое обаяние на обитателей «налогового рая». Наиболее перспективным ему показался Майкл Дингман – влиятельный американский бизнесмен, топ-менеджер компании «Форд Мотор». У Дингмана, помимо нужных Виктору связей, имелось бурное прошлое: в свое время он чудом избежал тюремного заключения за финансовые махинации на Нью-Йоркской бирже. Так что найти с ним общий язык было нетрудно. Дингман, который читал в газетах о «пражском пирате», не мог отказать талантливому коллеге в поддержке. Вскоре партнеры работали в одном офисе.

В 1995 году, дождавшись благоприятной инвестиционной ситуации в Чехии, Кожены вместе с Дингманом через

«Гарвардский фонд» занялся скупкой акций восьми наиболее престижных чешских компаний. Конечной целью авантюристов была реструктуризация чешской экономики (разумеется, в расчете на огромную прибыль). Однако чешские власти не пришли в восторг от иностранного вмешательства в экономику страны, и Кожены решил поступить иначе: быстро вернуть все вложенные средства. В течение нескольких месяцев шла лихорадочная работа: в спешном порядке распродавались активы «Гарвардского фонда». В результате фонд подешевел на 80 %, Кожены положил на счет, по разным оценкам, от 200 до 700 млн долларов, а Чехия оказалась на грани финансового кризиса. Иностранные инвесторы не желали иметь дело с такой непредсказуемой страной. Но чехи были совершенно бессильны: единственное, чем они могли отплатить Кожены, – лишили его чешского гражданства. Виктору пришлось немного похлопотать, и через очень короткое время он стал гражданином Ирландии. В этой афере оказался еще один пострадавший: Дэвид Маркгрэт, который уже потирал руки в предвкушении комиссионных. Кожены заявил, что отказывается выполнять взятые на себя обязательства, поскольку контракт с Дэвидом он подписал в состоянии алкогольного опьянения и не осознавал, что делает. Только когда Маркгрэт пригрозил обратиться в суд, Кожены с великой неохотой отдал ему 1 млн долларов.

Зато Дингман был в восторге от своего нового партнера. Он ввел Кожены в круг самых богатых и влиятельных лиц США. Для того чтобы его принимали на равных, пришлось раскошелиться. Виктор тратил деньги с безудержным размахом. Он купил самолет, множество дорогих автомобилей, остров на Багамах, роскошное шале на горном курорте Аспене (штат Колорадо). Некоторые его приобретения вызвали возмущение общественности – например, покупка огромного дома, принадлежавшего композитору Э. Л. Веберу. А одна из его причуд – ужин в ресторане на троих за 13 тыс. фунтов стерлингов – даже вошла в Книгу рекордов Гиннесса.

В Аспене Дингман представил Кожены Рику Бурку – совладельцу крупнейшей компании по производству модных аксессуаров. Результатом этого знакомства стало кругосветное путешествие на личном самолете Виктора. Пока бизнесмены приятно проводили время, посещая одну за другой мировые столицы и менее престижные, но зато экзотические города СНГ, у Кожены возникла новая фантастическая идея. Это произошло в мае 1997 года в столице Азербайджана, Баку. Здесь как раз полным ходом шла приватизация, и Кожены, уже считавший себя экспертом в этой области, решил повторить то, что с таким

успехом прошло в Чехии. Правда, механизм передачи ваучеров населению был несколько другим, но общие принципы были ему хорошо знакомы. Недоверие населения к ценным бумагам было и здесь (чиновники разных рангов открыто пользовались этим, прибирая к рукам малые и средние предприятия). Оставалось добыть два недостающих компонента: связи в правительстве и идею, на которую «клюнут» потенциальные акционеры. На сей раз приманкой стало слово «нефть». По оценкам экспертов, маленькое государство, расположенное между Россией и Ираком, располагало объемами разведанных нефтяных ресурсов порядка 10 млрд баррелей. Однако иностранные инвесторы опасались вкладывать деньги в страну, где все важные вопросы регулировались не законодательством, а личными и родственными связями. Кожены профессиональным взглядом окинул азербайджанскую экономику и понял, что приобретение нефтяного гиганта ГНКАР станет сделкой века. Но для того чтобы заполучить контрольный пакет акций, требовались немалые вложения. Виктор быстро собрал команду, которая скупила у населения ваучеры на 150 млн долларов. Однако этого было явно недостаточно. Требовалась финансовая поддержка со стороны. Но убедить будущих партнеров пойти на риск могли только очень веские аргументы.

И Кожены – в который раз – подтвердил свою репутацию человека, способного убедить кого угодно в чем угодно. Для начала он устроил в Аспене грандиозную вечеринку для 150 самых богатых и влиятельных соседей по курорту. Виктор позаботился буквально обо всем: столы ломились от изысканных блюд, дорогие вина текли рекой. Публику развлекала певица Натали Коул. А напоследок Кожены подарил каждому из гостей по небольшому сувениру – ювелирному изделию из эксклюзивного лондонского магазина драгоценностей. На это мероприятие ушел 1 млн долларов, но затраты должны были окупиться довольно быстро.

Продемонстрировав окружающим, что его дела в полном порядке, Кожены приступил к вербовке сторонников. То тут, то там во время бесконечных званых ужинов, коктейлей и прогулок на самолете он ненавязчиво внушал собеседникам мысль о каспийской нефти. Разумеется, Виктор ни единым словом не намекал, что его денег для реализации проекта недостаточно. Поэтому многие бизнесмены почли за честь, когда он согласился на их предложение об участии в деле. С каждым новым участником престиж проекта увеличивался. Вскоре среди инвесторов значились знаменитый Колумбийский университет, инвестиционный фонд «Омега» и крупнейшая страховая компания

США «Эй-Ай-Джи». Общая сумма инвестиций составила 450 млн долларов. Еще 250 млн добавил Дингман. Все эти деньги Кожены положил на счет в одном из швейцарских банков. И они таинственным образом исчезли…

В Азербайджане тем временем шла подготовка к приватизации ГНКАР – по крайней мере, в этом Кожены и его партнеров убеждали чиновники. Для того чтобы быть уверенным в исходе дела, Виктор лично встретился с президентом Алиевым и услышал от него все то же, что и от чиновников. Гостей с Запада принимали по-царски: обеды на высшем уровне, встречи с политиками высшего ранга. Один из них – заместитель председателя Государственного комитета по имуществу Барат Нуриев – произвел на американцев особенно сильное впечатление. Они никак не ожидали встретить в Азербайджане образованного светского человека, в совершенстве владеющего английским.

Весной 1998 года ваучеры скупались уже пачками. Необходимые для расчетов наличные деньги везли в Азербайджан чемоданами. В самом дорогом офисном здании столицы была открыта инвестиционная компания «Минарет Групп». Для хранения ваучеров оборудовали бронированный бункер, который круглосуточно охранялся. Но приватизация все никак не начиналась. Азербайджанские чиновники переносили сроки, откладывая ее сначала на июнь, потом на июль… Инвесторы начали слегка нервничать. Но их заверили, что после президентских выборов все решится буквально за пару дней. Американцы, надеясь склонить власть имущих к скорейшему принятию решения, оказывали азербайджанским друзьям разные услуги. Сыну Нуриева они помогли поступить в Мичиганский университет, его дочери и внучке устроили встречу с любимыми поп-звездами. Однако азербайджанцы, судя по всему, прекрасно понимали, что нефть нельзя отдавать в чужие руки. Они по-прежнему тянули время.

Между тем один из партнеров Кожены задал ему вопрос, который у многих вертелся на языке: когда же заканчивается срок действия ваучеров? Как оказалось, в августе 2000 года. Ответ на следующий вопрос – что будет, если приватизация не начнется до этого времени? – окончательно выбил почву из-под ног у бизнесмена. Кожены совершенно откровенно объяснил, что в этом случае ваучерами можно будет оклеивать стены. Нетрудно догадаться, что после этого началась паника. Партнеры лихорадочно искали виновного. «Омега» и «Эй-Ай-Джи» подали на Виктора в суд. Он, в свою очередь, сваливал вину на азербайджанских чиновников. Те отрицали наличие коррупции в

правительстве, а самого Кожены объявили персоной нон грата. Вскоре инвесторам стали известны отдельные детали сделок. Выяснилось, что Кожены покупал опционы на ваучеры не по 25 долларов, а всего по 40 центов. И заработал на этом, видимо, неплохо. Только корпоративные вкладчики выделили на покупку опционов 100 млн долларов, а до Азербайджана, судя по документам, «доехало» только 13 млн. Судьба остальных денег так и осталась тайной: то ли их прикарманили азербайджанцы, то ли Кожены, а возможно, они просто поделили прибыль пополам. Инвесторы оказались в крайне затруднительном положении. Вернуть деньги они не могли, о риске знали, но смириться с потерей огромных сумм означало расписаться в собственной некомпетентности…

А инициатор всей этой аферы упорно заявлял, что сам пострадал не меньше. В августе 2000 года он подал иск в федеральный суд южного округа г. Нью-Йорка на президента Гейдара Алиева и других азербайджанских чиновников и их зарубежных советников. За причиненный ему ущерб он потребовал в качестве возмещения 300 млн долларов. Решение суда гласило: президент Азербайджана Гейдар Алиев, его сын Ильхам Алиев, бывший председатель Госкомимущества Надир Насибли и его заместитель Барат Нуриев должны выплатить денежный штраф в размере 100 млн долларов. Однако пока слушалось это дело, на Кожены посыпались иски и от других партнеров. Он проиграл несколько из них, однако его адвокатам удалось добиться значительных уступок, поскольку каждый из участников азербайджанского проекта имел репутацию опытного бизнесмена и проводил собственную экспертную оценку ситуации.

После множества скандалов Кожены продал часть недвижимости, самолет и автомобильный парк. Но в конце 2003 года его имя вновь появилось на страницах газет. На сей раз чешский авантюрист решил попробовать силы в большой политике и заявил о своем желании баллотироваться в депутаты Европейского парламента. Однако министр внутренних дел Чехии Гросс в интервью прокомментировал заявление Кожены как абсурдное. По его словам, мошенник просто не читал избирательный закон: ведь он постоянно проживает на Багамских островах. Кроме того, на него все еще заведены уголовные дела в Чехии и США, так что едва ли Виктору Кожены в ближайшее время предоставится шанс сыграть в увлекательную игру под названием Большая Политика. Впрочем, Кожены чаще всего удавалось как раз то, о чем другие думали как о совершенно невозможном предприятии.

ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ

КАПЕЛЛО БЬЯНКА

(род. в 1548 г. – ум. в 1587 г.)

Дочь богатого венецианского патриция. В юном возрасте бежала с любовником во Флоренцию. Впоследствии стала любовницей, а затем и женой Великого герцога Тосканы. Получила титул «Дочь Венецианской республики и королева Кипра». Стала жертвой собственного коварства, скончавшись от яда, предназначавшегося одному из претендентов на Флорентийский престол.

Имя Бьянки Капелло не вошло в академические энциклопедии и учебники истории, но тем не менее вокруг него сложилась масса легенд. Прекрасная венецианка из богатого рода, познавшая любовь и ненависть, предательство и страсть, бедность и величие подлинного богатства и власти. Ее судьба не оставила равнодушными современников, интересует она и потомков. Вот уже более 400 лет образ этой женщины волнует и очаровывает нас. Ее портреты писал знаменитый флорентийский художник Алл ори, ей посвятил свой труд по хореографии Карозо. В XVIII веке вышла маленькая книжечка Августа Мейснера

«История жизни и трагической смерти Бьянки Капелло» – романтическое повествование об эпохе Ренессанса. Стендаль упоминает о ней в «Истории живописи в Италии».

История Бьянки начинается в Венеции. Прелестная дочь богатого венецианского патриция Бартоломео Капелло росла в строгости и благочестии. Палаццо Капелли, в отличие от большинства венецианских домов, был закрыт для посторонних, здесь придерживались строгих патриархальных правил. Бьянке запрещалось посещать балы, а уж тем более веселые венецианские карнавалы. У молоденькой девушки только и было развлечений, что сходить со своей воспитательницей в церковь да тайком, из самого дальнего окошка, любоваться каналом. Тем временем отец и родственники присматривали богатой наследнице достойного жениха. Но детство закончилось, шестнадцатилетняя девушка влюбилась.

Пьетро Бонавентури был красивым и честолюбивым юношей, но, к сожалению, бедным. Он служил в торговом доме Сальвиати, флорентийского банкира. Конечно, Пьетро был наслышан о самой красивой девушке Венеции. И она действительно была хороша собой – светло-пепельные волосы, большие глаза, яркие губы. Понимая, что шансы его невелики, Бонавентури все же искал встреч с Бьянкой. Судьба была к нему благосклонна: дом дяди, где жил Пьетро, находился как раз напротив палаццо Капелли. Выходя как-то из собора Св. Марка, Бьянка наконец обратила внимание на Бонавентури. Красивый юноша в пурпурно-красной куртке и такого же цвета берете поразил ее воображение. В один из праздников девушка в сопровождении воспитательницы отправилась погулять по монастырям. Когда они собрались переезжать Большой канал, Пьетро сел в их гондолу. Встреча длилась недолго, но молодые люди успели без памяти полюбить друг друга.

Вопреки всем нравственным и церковным запретам, поняв, что иначе они видеться не смогут, юная девушка соглашается на тайное свидание на квартире молодого человека. Она знает, что если об их связи станет известно, то наказанием для обоих будет смерть или изгнание из дома и отлучение от церкви. Но Бьянка готова на все… Беззаботное счастье рухнуло, когда девушка узнала, что ждет ребенка. Единственное спасение для юных любовников – бегство из Венеции.

Легенда гласит, что каждую ночь, выскальзывая из отчего дома, Бьянка оставляла входную дверь приоткрытой, чтобы утром вернуться незамеченной. Однажды ночной сторож, обходя свой участок, увидел приоткрытую дверь и, желая угодить богатым сеньорам, захлопнул ее. Так захлопнулась дверь в сказку,

наступили суровые будни. Во имя спасения своей репутации Бьянка тайно венчается с Бонавентури, Пьетро достает ночной пропуск на выезд из Венеции, и утро молодая чета встречает уже на пути во Флоренцию.

А в это время собирается Высший Совет Венеции под председательством дожа, чтобы судить беглецов. Кстати, в этот Совет входил и дядя Бьянки, епископ Аквилен. Соблазнителя приговаривают к смертной казни, а за поимку преступников назначается премия в 1000 дукатов. Такую же награду назначил и разгневанный, оскорбленный отец.

Беглецам сопутствовала удача. После различных приключений Бьянка и Пьетро добрались до Флоренции, родного города Пьетро. Родственники мужа приняли молодых, но Бьянку ждало огромное разочарование. Мало того, что семья Бонавентури была не очень знатна, она еще оказалась и совсем бедной. Кроме того, родителям не нравилось, что женитьба на Бьянке принесла их сыну одни только неприятности. А воспитанной в богатстве девушке трудно было смириться с положением прислуги. Ведь по приезде молодых старик Бонавентури отпустил последнюю служанку, и Бьянка выполняла ее обязанности по дому. Она стирала, готовила, мыла посуду и полы, шила… Рождение дочери сделало ее еще красивее, но не улучшило положение. Бьянка и Пьетро по-прежнему были в розыске.

В редкие минуты отдыха Бьянка украдкой смотрела в окошко на улицу. И это невинное развлечение сыграло в ее жизни роковую роль, очередной раз круто изменив жизнь. Однажды молодой герцог Франческо, наследник престола Флоренции, ехал в церковь Анунциаты. Проезжая мимо дома Бонавентури, он случайно поднял глаза и встретился взглядом с прекрасной женщиной, смотревшей из окна. Герцог не смог забыть этой встречи, он твердо решил, что неизвестная красавица в окне должна стать его любовницей. А устроить это было в его силах, потому что Франческо был из Медичи, рода, игравшего важную роль в средневековой Италии.

Наследный герцог, сын Козимо I Медичи Франческо, был богат и обладал огромной властью. Но похитить на глазах у всего города хоть и не очень знатную, но замужнюю даму даже он не решился: открытое насилие могло бы привести к весьма нежелательным последствиям. Поэтому личное счастье Франческо взялся устроить его друг и наставник – маркиз Мондрагоне. Маркиза Марчеза Мондрагоне постаралась свести знакомство с семейством Бонавентури. В церкви Сан Марко она подошла к матери Пьетро и завела с ней разговор. Польщенная

вниманием столь важной особы, женщина принялась жаловаться на бедность, рассказала про свои обстоятельства, про столь неудачную женитьбу сына. Растроганная рассказом, маркиза выказала горячее участие в судьбе этого семейства и пригласила свекровь с невесткой к ней приехать. Скоро богатая карета была прислана за Бьянкой и старухой Бонавентури. Их привезли в только что построенный огромный дворец на площади Санта Мария Новелла. Здесь женщин встретили весьма ласково, сам маркиз милостиво выслушал историю Бьянки и обещал свою помощь и покровительство. Затем маркиза предложила осмотреть дворец. Бонавентури-мать осталась ждать в садике, потому что ей трудно было ходить по лестницам. Дворец был действительно великолепен, маркиза долго водила гостью по разным апартаментам, показывая все – от садиков и парадных залов до собрания предметов живописи и искусства. Так, гуляя по дворцу, они подошли к отдаленной комнате. Открыв массивные двери, они как бы очутились в пещере Али-Бабы, переполненной сокровищами: здесь были шкафы и сундуки с нарядными туалетами, секретеры и шкатулки с драгоценностями… Бьянка пришла в восторг от такого великолепия, и тогда маркиза великодушно разрешила ей что-нибудь себе выбрать, а сама вышла из комнаты. Молодая женщина очень увлеклась, перебирая ожерелья, серьги, кольца и диадемы, но вдруг ей показалось, что в комнату кто-то вошел. Она испуганно оглянулась и увидела перед собой некрасивого смуглого юношу с тяжелым взглядом. Это был он – Франческо Медичи, наследный герцог Флоренции.

Бьянке трудно было устоять перед его страстью. Любви к Пьетро она больше не испытывала. Да и трудно было любить человека, который не смог ни защитить ее, ни обеспечить ей и ребенку достойное существование. Через несколько недель после первой встречи во дворце Бьянка стала официальной любовницей Франческо, или, как сказали бы в галантном XVII веке, «объявленной». Только ленивый во Флоренции не обсуждал это событие – от знатных дам в будуарах до торговок на базаре. За несколько дней жизнь семейства Бонавентури сильно изменилась: из беглецов и преступников, преследуемых законом, они превратились в господ, допущенных к самому герцогскому двору. Дон Франческо выхлопотал у Сената для обоих право на жительство. Бонавентури получили виллу на очень престижной улице Маджо. (Когда Козимо I стал Великим герцогом и сделал палаццо Питти своей резиденцией, на улицу Маджо переселились почти все благородные фамилии Флоренции.)

Став любовницей Франческо Медичи, Бьянка совершенно изменилась. Кроткая и послушная девушка превратилась в

жесткую и хладнокровную женщину. На портретах, которые писал с нее в то время флорентийский художник Аллори, племянник знаменитого Бронзино, мы видим высокий лоб и тонкие черты лица, свидетельствующие об уме и аристократическом происхождении. В ее лице есть что-то недоброе и очень холодное. Твердость характера этой женщины, закаленного перипетиями судьбы, доказана жизнью. Познав проклятие отца, изгнание из родного дома, жуткую бедность и ненависть родителей мужа, Бьянки желала одного: вырваться из этого ада.

Честолюбивая женщина решает выйти замуж за Франческо. Но этим планам пока многое мешает осуществиться. Во-первых, она все-таки жена Пьетро Бонавентури, а католическая церковь не допускает разводов. Во-вторых, наследник престола должен совсем скоро жениться. Козимо Медичи у себя в замке проклинал Бьянку, так как справедливо предполагал, что она может помешать его планам женить сына. А отец выбрал ему достойную спутницу – благородную эксгерцогиню Иоганну Австрийскую, сестру императора Максимилиана. Герцогиня была очень знатного происхождения, и хоть красотой не блистала, но давала возможность породниться с одним из августейших домов Европы. Узнав о планах старого герцога, Бьянка решает дать свободу любимому мужчине, чтобы он смог без помех жениться. Этим широким жестом она еще больше привязала к себе возлюбленного.

Наступил день свадьбы Франческо Медичи и Иоганны Австрийской. Флорентийский двор обставил это торжество со всевозможной торжественностью и роскошью. Но мало кто из гостей обращал внимание на Великую герцогиню, сидящую на троне, – их восхищенное внимание было приковано к Бьянке. Придворные судачили, насколько долго Франческо будет наслаждаться обществом молодой жены. Скоро их любопытство было вознаграждено: через несколько дней герцог послал своей любовнице дорогие подарки. Это означало, что она остается повелительницей сердца дона Франческо ди Медичи.

А у Пьетро Бонавентури от крутых жизненных изменений закружилась голова. Он и раньше отличался немалым честолюбием, и в жене его привлекала не только ее небесная красота, но и ее богатство. Ну а сейчас, осыпаемый всеми мыслимыми и немыслимыми благами, муж Бьянки вовсе стал несносным – заносчивым, высокомерным и крайне неосторожным. Супругу свою он ничуть не ревновал, наоборот, гордился ею. Это ведь по ее «вине» он выбился «из грязи да в князи». К тому же, оправдывая свое звание рогоносца, Пьетро без устали ставил рога флорентийским дворянам. Очень быстро у него оказалось

множество врагов, друзей не было никогда. И вот, возвращаясь однажды ночью от своей очередной пассии, Бонавентури был убит за мостом Тринита, и тело его сбросили в воды Арно. Кто и за что убил Пьетро, так и не выяснили, расследование прекратили по просьбе Бьянки. Существует несколько абсолютно правдоподобных версий. Во-первых, это мог сделать один из тех бедолаг, которому успел наставить рога Бонавентури. Во-вторых, это могло быть сделано с подачи самой утомленной супруги, поскольку муж мешал ей в исполнении далеко идущих планов. Ну а в-третьих, это мог сделать и Франческо, не желая быть любовником чужой жены.

Наступил 1574 год. Для Франческо Медичи он стал переломным. Умер Козимо I, и его сын принял бразды правления, став Великим герцогом Тосканы. Двор Медичи продолжал славиться как центр итальянского искусства и науки. Герцог основал предприятие по производству фарфора, учредил Академию делла Куска для очищения итальянского языка и создания его грамматики. При дворе наследника блистал Джимболонья, создавший для него несколько своих самых известных скульптур.

Но вернемся к личной жизни Франческо. Вскоре после отца смерть принимает в свои объятия и его болезненную жену. Несчастная Иоганна Австрийская умерла при родах, так и не подарив герцогу наследника. Для Бьянки открывается блестящая перспектива стать Великой герцогиней Тосканы. Герцог переводит ее вместе со свитой в Питти, герцогскую резиденцию, а затем женится на ней.

В 1579 году Бьянка Капелло была обвенчана и коронована. Желая еще больше упрочить свое положение, она послала в Венецию представителей тосканских дворян Сфорца, чтобы они официально объявили сенату о ее замужестве. Кроме того, она просит сенат признать ее «Дочерью Республики». Богатая и могущественная Венецианская республика присвоила Бьянке это наивысшее звание. «Дочь Венецианской республики и королева Кипра» – так звучит ее нынешний титул. Теперь вся ее родная Венеция гордится истинной и достославной дочерью Республики Святого Марка, а папа Сикст V награждает ее золотой розой. Отцу и брату Бьянки присваивается титул рыцарей «Золотой Звезды». Бартоломео Капелло, некогда выгнавший ее из родного дома, теперь готов помириться с ней. Он наносит ей визит и убеждается, что его дочь не только поднялась с самого дна, но и является сейчас самой могущественной женщиной Тосканы.

Итак, Бьянка на вершине. Однако мелкие интриги, сплетни двора могли со временем расшатать положение, которое с таким

тщанием она приобретала. Ей нужен был наследник, очень нужен. Время идет, а врагов не становится меньше. От первого брака у нее была дочь Пеллегрина, выданная замуж в Феррару, но брак с Франческо был бездетным. И тогда в голове прелестной авантюристки рождается еще один хитроумный план: она решает симулировать роды. По Флоренции поползли слухи – Бьянка Капелло беременна. Эта тяжелая беременность вконец измучила несчастную женщину: слабость, тошнота, головокружения. Заботливый муж часами сидит у кровати, пытаясь хоть чем-то ей помочь. Она пишет в Рим брату Франческо, кардиналу Фердинандо, что скоро подарит тосканскому престолу наследника.

И вот настал решающий день, день исполнения Бьянкой дерзкого замысла. Легенды описывают это событие по-разному. Так, по одной версии, в ее план были посвящены четыре женщины. В урочный час, когда «схватки» у Бьянки стали особенно болезненными, а герцог сходил с ума от беспокойства, в ее комнату незаметно пробралась одна из доверенных служанок с необычным грузом – в ее руках был футляр от скрипки, внутри которого лежал… младенец. Мальчик был куплен у неизвестной женщины, чтобы со временем, как надеялась Бьянка, стать Великим герцогом Тосканы. Позже из четырех верных помощниц три были задушены по приказу осторожной Бьянки, и только одной удалось бежать. Она-то и поведала эту историю миру.

Вторую версию описывает Стендаль в «Истории живописи в Италии». Когда Бьянке пришло время «рожать», она потребовала к себе духовника. В это время брат герцога, кардинал Фердинандо, находился в их доме, он спустился к невестке в переднюю с требником в руках. Бьянка умоляла его выйти, дескать она не хочет, чтобы он слышал ее крики. На это кардинал ответил: «Передайте ее высочеству, что я прошу ее делать свое дело, я же буду делать свое». Он ласково встретил духовника, обнял его со словами приветствия. И, продолжая сжимать в своих объятиях, нащупал в широком рукаве святого отца… младенца, которого тот нес роженице. «Слава Богу! – воскликнул кардинал. – Великая герцогиня счастливо разрешилась от бремени, к тому же еще и мальчиком. – И показал своего мнимого племянника остолбеневшим придворным».

Как бы там ни было, младенец был крещен как сын Бьянки и Франческо – Антонио ди Медичи. Больше сыновей у Франческо не было, и его законным наследником после сына являлся брат – кардинал Фердинандо. Он всей душой ненавидел Бьянку, которая своей хитростью и коварством могла лишить его престола. Это были достойные противники, и между ними разверзлась никому

не заметная война – не на жизнь, а на смерть. Так, Фердинандо приложил все старания, чтобы история рождения Антонио стала известна свету.

Нравы тогда были суровые, а семья Медичи стояла как бы в середине обширной и разветвленной цепи преступных жестокостей среди представителей своего рода. Легенда гласит, что Бьянка пыталась отравить Фердинандо, а кардинал в свою очередь ждал удобного случая, чтобы умертвить слишком активную невестку. Как два хищных зверя, они несколько лет сторожили и наблюдали друг за другом, чтобы при первой удачной возможности вцепиться в глотку. Так продолжалось до 1587 года.

…Прекрасен в середине осени загородный дворец Поджио а Кайяно – любимое место отдыха флорентийской герцогини. «Очаровательны во всякое время окрестности Флоренции, но осенью они бывают ни с чем не сравнимы», – писал один из биографов Бьянки. Краски осени будто кровью окрасили пурпуром деревья в дворцовых парках. Осень – самое благодатное время для охоты, благо дичи в окрестностях загородного дворца – изобилие. В это время рядом, на соседней вилле Петрайля проживал кардинал Фердинандо. И герцог любезно пригласил своего брата приехать к нему на охоту. Кардинал принял приглашение и приехал.

В камине весело потрескивали дрова, зажженные свечи рассеивали вечерний сумрак, в небольшом уютном зале дворца разгоряченные охотники делились впечатлениями о прошедшей охоте. Тут же, возле взрослых, играл малыш Антонио. Бьянка весело шутила и перебрасывалась невинными колкостями с братом мужа. Слуги накрыли стол для маленького интимного ужина. Конечно, главное блюдо – это дичь, подстреленная охотниками. Затем подали сладкое. На изысканном блюде в центре стола – любимое пирожное Фердинандо, которое собственноручно, оказывая этим большую честь гостю, испекла Бьянка. Хозяйка настойчиво рекомендует пирожное, рассказывая, что научилась прекрасно готовить, будучи женой бедняжки Бонавентури. Гость, предупрежденный своими людьми о преступном замысле герцогини, не менее настойчиво отвергает угощение. К этому времени герцогу порядком надоело шутливое препирательство его близких. «Уж не думаете ли вы, что оно отравлено», – сказал со смехом он и отправил изрядный кусок пирожного в рот. А Бьянка не посмела его удержать, так как этим она бы выдала себя и навсегда утратила бы любовь герцога… Глядя расширенными от ужаса глазами на мужа, с застывшей улыбкой на мгновенно посеревшем лице, Бьянка, под

пристальным взглядом кардинала, также съедает свою долю… Еще не был окончен ужин, как герцог и его жена почувствовали смертельный огонь яда. Корчась на полу в страшных судорогах, супруги умоляли Фердинандо прислать доктора. Но жестокосердный кардинал не внял их просьбам, его люди с оружием в руках преградили доступ в комнату. Любовь Бьянки и Франческо, длившаяся несколько лет, закончилась смертью обоих. Это произошло 19 октября 1587 года.

На следующий день герцог Фердинанд I взошел на престол Тосканы. Он проводил в последний путь брата с приличествующими почестями. А Бьянку не простил и после ее смерти. Как же нужно было ненавидеть невестку, чтобы захоронить ее тело на кладбище для нищих! Ее, по отцу знатную венецианку, а потом Великую герцогиню, «дочь Венецианской республики и королеву Кипра», хоронили как бесчестную женщину… Титул Бьянки в официальных бумагах был заменен словами «la pessima Bianca» – «злодейка Бьянка». А ее гербы были стерты с общественных зданий. Антонио ди Медичи герцог пощадил – возможно, потому, что сын опозоренной Бьянки уже не мог конкурировать с ним на право Тосканского престола. Со временем Антонио вступил в Мальтийский орден, а Фердинандо правил тихо – «без новых злодейств и почти разумно», как отмечают беспристрастные историки.

Трагическим ужином в Поджио а Кайяно закончился флорентийский XVI век. Яркая и трагическая судьба Бьянки Капелло, как вспышка молнии, озарила богатую событиями итальянскую историю. А под управлением последующих герцогов Флоренция погрузилась в летаргический сон маленького государства.

КОНЧИНИ КОНЧИНО

Известен также под именем барона де Люссиньи, маршала д'Анкра

(род. по разным сведениям в 1576–1578 гг. – ум. в 1617 г.)

Выходец из небогатого итальянского сенаторского рода. Фаворит французской королевы Марии Медичи, второй супруги Генриха IV и матери Людовика XIII. Занимал ключевые государственные посты после смерти короля в 1610 году. Возвысился благодаря влиянию, которым пользовалась его жена Леонора Галигаи у королевы. Был убит в 1617 году по приказу 16-летнего короля Людовика XIII.

Мировая история знает несчетное количество романтичных и не очень былей и легенд о фаворитах сильных мира сего. Правдивые или, наоборот, выдуманные истории будоражат наше воображение. Войны, болезни, заговоры, а иногда и просто роковые случайности убивали многих европейских монархов в самом расцвете сил. Трон в таком случае доставался их

наследникам, зачастую не достигшим совершеннолетия. Регентом при малолетнем монархе, как правило, оказывалась королева-мать. Мимолетная женская слабость молодой вдовы зачастую оказывалась пропуском к рулю государственной власти, чем и спешили воспользоваться различные смазливые проходимцы. Неиссякаемым источником такого рода личностей для французской короны являлась соседняя Италия.

Итальянец родом из Ареццо, главного города провинции Ареццо, появился на политической сцене на рубеже XVI и XVII веков. В феврале 1601 года после свадьбы в Париж из Флоренции приехала Мария Медичи, новоиспеченная французская королева, вторая жена Генриха IV Наваррского. Вместе с ней переехала и ее многочисленная свита. Еще в Италии среди людей, окружавших Марию Медичи, выделялась своим умом, честолюбием и дальновидностью молодая женщина лет двадцати семи, ее молочная сестра Леонора Дози, впоследствии известная как Леонора Галигаи. Родившаяся в богатой флорентийской семье, она с детства была подругой будущей французской королевы, и поэтому неудивительно, что имела на нее большое влияние. По описанию одного из современников, это была «маленькая, очень худая, очень смуглая, хорошо сложенная особа с резкими и правильными чертами лица». Во время путешествия во Францию Леонора Дози обратила внимание на молодого честолюбивого и амбициозного красавца Кончино Кончини, исполняющего при дворе обязанности шталмейстера. Она была богата, а он ехал во Францию с долгами в две с половиной тысячи пистолей. Но она была старше его на два года…

Один из знавших Кончини людей писал, что он был «тщеславен и хвастлив, гибок и смел, хитер и честолюбив, беден и жаден». Кроме того, молодой нотариус был чрезвычайно амбициозен. Именно это качество сыграло в судьбе Кончини огромную роль. Оно позволило ему возвыситься, оно же и погубило его. Заметив интерес придворной дамы, приближенной к королеве, Кончини просчитал все выгоды, которые сулит ему связь с ней, и сделал на нее ставку в своих мечтах о власти: он надеялся добиться влияния на королеву через Леонору.

В Париже Леонора Дози становится камеристкой Марии Медичи. Кончини убеждается, что сделал правильный шаг. Вскоре Леонора и Кончино связали себя узами брака. Благодаря огромному влиянию, которым пользовалась Леонора у Марии Медичи, ее молодой муж начал прибирать к рукам ниточки, ведущие к власти. Постепенно он втирается в доверие к королеве, которая, чем дальше, тем больше, начинает осыпать его милостями. Со временем Кончини настолько приблизился к

Марии Медичи, что для того, чтобы добиваться своих целей, супруга ему уже была не нужна. Королева делает Кончини своим фаворитом. Она не жалеет для него денег и титулов. Мария Медичи отдает ему даже несколько камней из королевской короны, вызвав особое возмущение придворных. Герцог Тосканский писал по поводу их отношений: «Чрезмерная нежность Марии к Кончини и его жене отвратительна, чтобы не сказать скандальна». Народ, уверенный в том, что Кончини является любовником королевы, сочиняет непристойные песенки, очень популярные в столице. Леонора, боясь лишиться милостей королевы, делает вид, что ничего не происходит, хотя муж давно перестал обращать на нее внимание и проводит с Марией Медичи все время.

Новый фаворит королевы ведет себя чрезвычайно бесцеремонно с вельможами при дворе, что, естественно, вызывает их недовольство. Возмущенные дворяне наняли людей, чтобы проучить его. Урок не принес желанного результата. Нападения на Кончини повторялись вновь и вновь. Однако итальянец по-прежнему держал себя нагло и высокомерно с придворными, которые, по его мнению, ниже по положению и не имеют такого влияния при дворе.

Генрих IV смотрел на увлечения королевы снисходительно. Вместо того чтобы отослать ее фаворитов в Италию, король попустительствовал им. Ему было не до того. Сам Генрих в это время приблизил к себе Шарлотту Монморанси, молодую жену принца Анри де Конде, своего двоюродного брата. Для короля это было обычное явление. У Генриха, прозванного в народе «великим повесой», только официальных любовниц, по последним данным, было 56. Случайные же связи никто не брался подсчитать. Но именно это увлечение короля серьезно угрожало благополучию королевы, поскольку тот был сильно влюблен. Генрих мог развестись с супругой или настолько приблизить к себе Монморанси, что та стала бы влиять на принятие им решений и ведение государственных дел. Еще большая опасность остаться не у дел грозила фаворитам королевы – чете Кончини.

Смерть короля была выгодна не только Марии Медичи и ее приближенным, которые могли потерять все, но и французской знати. Годы царствования Генриха IV были временем укрепления абсолютизма и порядка во Франции после междоусобной войны. Генрих всеми способами пытался укрепить королевский трон. Ему удалось снизить прямые налоги и упорядочить государственные расходы. Благодаря этому положение крестьянства несколько улучшилось, хотя обещание «курицы в каждом крестьянском горшке по воскресеньям» так и осталось обещанием. Но несмотря

на его мягкую и компромиссную политику, аристократия создала оппозицию королевской власти. Дворяне не переставали устраивать заговоры против короля.

14 мая 1610 года Генрих IV был убит фанатичным католиком Равальяком. Правительницей государства стала Мария Медичи, сумевшая победить герцога д'Эперона в борьбе за власть. Парижский парламент провозгласил ее регентшей до совершеннолетия сына Людовика XIII, которому было только 9 лет. Официально королева-мать управляла страной до 1614 года, но фактически малолетний Людовик был отстранен от власти еще три года.

Мария Медичи, в отличие от своего покойного мужа, проводила соглашательскую политику по отношению к Габсбургам. В 1612 году был заключен французско-испанский союз. Подкреплением его стало бракосочетание три года спустя Людовика XIII с инфантой Анной Австрийской, дочерью испанского короля Филиппа III. Но король не слишком баловал свою жену вниманием, ее место занял Шарль Альбер де Линь, его фаворит.

После смерти Генриха IV началось еще более стремительное возвышение Кончино Кончини, занявшего все ключевые посты в государстве. На восемь миллионов экю, полученных из казны, он купил себе Анкрский маркизат в Пикардии. Кончини, теперь уже маркиз д'Анкр, был назначен первым камергером, суперинтендантом дома королевы и губернатором Амьена, Перона, Руа и Мондидье, инспектором укреплений в Пикардии и инспектором в Нормандии. Вскоре он стал маршалом Франции, не только не выиграв ни одного сражения, но и ни разу не побывав на поле боя и даже не умея обращаться со шпагой. Фактически он сосредоточил в своих руках всю власть в государстве. Кончини давно уже не тот бедный итальянский юноша, что когда-то ступил на парижские мостовые. Теперь он один из самых богатых людей в Париже, скопивший себе приличное состояние. Один лишь парижский особняк на улице Турнон обошелся ему в 200 тысяч экю. Зависть к нему среди вельмож и ненависть народа все увеличивалась. Нападения на фаворита повторялись, и ему пришлось окружить себя толпой обедневших дворян из 50–60 человек, которые за небольшую плату охраняли его своим присутствием рядом.

Смена монархов породила смуту в стране. Французская аристократия не хотела мириться с потерей своего влияния в государстве в годы правления Генриха IV и решила воспользоваться ослаблением королевской власти при регентше малолетнего Людовика XIII, чтобы поправить свое положение.

Страна вновь оказалась на грани гражданской войны. Во главе дворянской оппозиции стали принц Анри де Конде и сводный брат короля Сезар де Вандом. Вооруженная знать, предъявив регентше свои требования, добилась ее согласия на созыв Генеральных Штатов, распущенных Генрихом. Еще одним требованием мятежников было включение их представителей в Государственный совет в качестве единственных советников регентши. Согласие на это условие для Кончини было крайне нежелательным, поскольку сильно подорвало бы его власть в стране. Но несмотря на свой громкий титул маршала Франции, фаворит королевы побоялся выступить против Конде. Несколько раз он пытался подкупить заговорщиков, но положительного результата это не дало. Конде деньги брал, но продолжал свою политику и отказываться от требований не собирался.

2 октября 1614 года тринадцатилетний Людовик XIII на заседании Парижского парламента был объявлен совершеннолетним, что не лишало Марию Медичи власти. Она по-прежнему оставалась регентшей.

Через 25 дней, 27 октября, начали свою деятельность Генеральные Штаты. Однако надежды вельмож потерпели крушение, поскольку городская буржуазия поддержала правительство. Все города твердо стояли за королевскую власть. Представитель третьего сословия, купеческий староста Парижа Робер Мирон выступил с жалобой на «бесчинства, совершаемые над обществом и личностями, на презрение к справедливости и судьям, на угнетение бедных, на насилие над слабыми», творимые знатью. Мало того, городская буржуазия была готова защитить себя сама: «если ваше Величество не примет мер, можно опасаться, как бы отчаяние не научило бедный народ, что солдат – не кто иной, как вооруженный крестьянин, а когда виноградарь возьмется за аркебузу, он из наковальни станет молотом». Из опасения, что гнев народа может обернуться и против королевской власти, Генеральные Штаты вновь были распущены.

Дворяне, не надеясь больше на народ, повторили попытку вооруженного мятежа. Кончини опять ничего не смог сделать, поэтому вновь пришлось пойти на уступки. Требование включить Конде в Государственный совет было удовлетворено, более того, ему вручили пост председателя совета. Это был удар для Кончини. Лишь спустя время ему удалось через Марию Медичи убрать принца с политической сцены, заключив его в тюрьму. Но в 1616 году Кончини сумел вернуть себе некоторую власть. Началась чистка правительства. Фаворит королевы сместил некоторых членов, заменяя их своими ставленниками. Государственным секретарем по военным делам и внешней

политике в Королевском совете он назначил Армана Жана дю Плесси де Ришелье, бывшего люсонского епископа, а теперь духовного наставника молодой королевы Анны Австрийской. Ришелье, которому не было еще и тридцати, был тверд и одновременно гибок, даже беспринципен, в достижении своих политических целей. Он покорил Марию Медичи своим выступлением на заседании Генеральных Штатов. Начав обвинительную речь как представитель духовенства, он вдруг остановился и принялся восхвалять заслуги королевы с требованием оставить ее регентшей. Втайне Ришелье желал занять место Кончини при дворе, поэтому и вел двойную игру: добиваясь расположения итальянца, в то же время он поддерживал отношения с королем и его окружением.

Но все нововведения Кончини не принесли желаемого результата. Своими злоупотреблениями, жадностью, бесцеремонностью и амбициозностью он возбуждал только ненависть и враждебность по отношению к себе. Чета королевских фаворитов была очень непопулярна в народе.

Кончини оставался первым любовником Марии Медичи. По мнению историка Мишле, именно он был отцом рожденного в 1607 году сына Марии Никола, герцога Орлеанского. Фаворит совершенно не скрывал своей связи с королевой-матерью. Наоборот, казалось, он всячески старался лишний раз продемонстрировать ее. Один из придворных, Амело де ла Уссе писал: «…если он находился в комнате Ее Величества в те часы, когда она спала или была одна, он делал вид, что завязывает шнурки, чтобы заставить поверить, будто он только что спал с нею…» Кончини приказал соорудить специальный мост, соединяющий Лувр с его особняком, названный в народе «мостом любви». Соваль писал, что «каждое утро фаворит шел по мосту во дворец, чтобы засвидетельствовать свое почтение королеве, а каждую ночь он отправлялся той же дорогой, чтобы остаться там до следующего дня». Насмешки и шутки придворных в адрес королевы становились все более злыми. Отчасти все это и послужило толчком для дальнейшего развития событий.

Людовик подозревал фаворитов королевы-матери в убийстве своего отца Генриха IV. Он ненавидел Кончини за то, что его отстранили от управления государством даже после совершеннолетия. Король принял решение убить маршала. Оно было поддержано Шарлем д'Альбером, герцогом де Люинем, главным ловчим Франции и фаворитом короля.

23 апреля 1617 года король отдал приказ капитану гвардейцев Никола де Витри арестовать маршала следующим утром, при этом дав понять, что при попытке сопротивления его

нужно будет убить.

Вечером того же дня Ришелье получил известие о заговоре. В письме сообщались подробности готовящегося преступления, вплоть до места и времени. Епископ решил, что это будет хорошим выходом из сложившейся ситуации и поможет ему избавиться от конкурента. Он спокойно лег спать, а утром получил известие о смерти маршала д'Анкра.

Из опросов очевидцев вырисовывалась примерно следующая картина. Солнечным весенним утром 24 апреля маршал д'Анкр, как обычно, шел в Лувр в сопровождении своей многочисленной свиты. На мосту дорогу ему преградил Витри с гвардейцами. При их попытке арестовать маршала тот возмутился и выхватил шпагу. Витри, получивший указания от самого короля, тут же достал пистолет и несколько раз выстрелил в Кончини. Выстрелы оказались смертельными. Свита маршала, испугавшись расправы, тут же в панике покинула место трагедии. Кончини упал и был затоптан в грязь. Гвардейцы принялись избивать ногами мертвое тело. К королю был отправлен гонец с донесением. Людовик XIII принял весть с благодарностью. «Наконец-то я свободен!» – воскликнул он. Витри был тут же назначен маршалом и герцогом. Де Люинь получил право быть маркизом д'Анкр, стал правителем Нормандии и первым дворянином королевской палаты. Кроме того, ему досталось практически все состояние Кончини, конфискованное после его смерти и ареста Леоноры Галигаи. Позже, будучи правой рукой короля, он стал коннетаблем Франции и герцогом Лунне. В том же году де Люинь женился на дочери герцога Монбазона Мари де Роан, известной нам под именем герцогини де Шеврез. Ей тогда только что исполнилось семнадцать.

Узнав об убийстве Кончини, королева испугалась за свою жизнь, особенно после того, как сын отказал ей в аудиенции. Переживать по поводу смерти любовника у нее не было ни сил, ни желания. Она поняла, что с этого момента уже не имеет никакого влияния в государстве. «Я царствовала семь лет. Теперь меня ждет венец только на небе», – были ее первые слова после того, как ей сообщили об убийстве. Мария Медичи поспешила отречься от бывшего фаворита. Когда ее спросили о том, как сообщить весть о смерти супруга Леоноре Галигаи, она ответила: «У меня и без этого есть о чем подумать. И пусть со мной больше не говорят об этих людях. Сколько раз я им советовала вернуться в Италию». Людовик сначала запер королеву-мать прямо во дворце, замуровав в ее опочивальне все двери, кроме одной, а затем сослал ее в Блуа. Мария не смирилась со своей отставкой. За четыре года она организовала несколько заговоров против

короля, правда, все они были успешно подавлены де Люинем.

После смерти Кончини Ришелье тоже попал в немилость к королю. Сначала опального епископа отправили в Люсон, а затем сослали в Авиньон, где он и провел несколько лет до возвращения на большую политическую арену. В 1619 году Ришелье присоединился к Марии Медичи, которая помогла ему вернуться в Париж в 1624 году после своего примирения с сыном.

Тело Кончини тайно похоронили в Сен-Жермен л'Оксерруа. Но на этом все не закончилось. Ликующие парижане, узнавшие о смерти ненавистного маршала, через несколько дней отправились на кладбище. Кадне, брат де Люиня, писал: «Бесчинство началось с того, что несколько человек из толпы стали плевать на могилу и топтать ее ногами. Другие принялись раскапывать землю вокруг могильного холма прямо руками и копали до тех пор, пока не нащупали места стыка каменных плит». Несколько человек подняли надгробный камень и вытащили тело наружу. Ненависть лишила людей разума. Толпа, истошно крича и ругаясь, размахивая руками, накинулась на тело. Его царапали, били, плевали в лицо. Пытавшиеся вмешаться и прекратить бесчинства священники сами едва спаслись бегством от разбушевавшейся толпы. Затем тело Кончини протащили по всему Парижу и повесили на нижней опоре Нового моста. Здесь вакханалия продолжилась – с безумными плясками и непотребными песнями. Закончилось все тем, что несчастное тело растащили по кусочкам на сувениры. Кадне описывает это так: «В толпе был человек, одетый в красное, и, видимо, пришедший в такое безумие, что погрузил руку в тело убитого и, вынув ее оттуда окровавленную, сразу поднес ко рту, обсосал кровь и даже проглотил прилипший маленький кусочек. Все это он проделал на глазах у множества добропорядочных людей, выглядывавших из окон. Другому из одичавшей толпы удалось вырвать из тела сердце, испечь его неподалеку на горящих угольях и при всех съесть его с уксусом!». То, что осталось от тела, было сожжено на костре перед статуей Генриха IV.

Галигаи разделила участь мужа. Свадебный контракт супругов Кончини предусматривал раздельное владение имуществом. Богатство вдовы никому не давало покоя. Леонору Галигаи арестовали. Ей предъявили обвинение в колдовстве (гадании на внутренностях животных) и участии в заговоре с целью убийства короля Генриха IV. Немалое состояние Галигаи перешло в государственную казну. Сама Леонора была осуждена как колдунья и казнена через два месяца после смерти мужа на Гревской площади. Ей отрубили голову, а тело сожгли на костре. Перед казнью ей задали вопрос, каким колдовством она

подчинила себе королеву. Галигаи ответила: «Превосходством, которое существо, сильное духом, имеет над другими».

КИНГСТОН ЕЛИЗАВЕТА

Настоящее имя – Нелли-Елизавета Чэдлей

(род. в 1720 г. – ум. в 1788 г.)

Фрейлина при дворе английской королевы, после замужества – графиня Бристоль, впоследствии герцогиня Кингстон. Была обвинена английским судом в двоемужии, впоследствии в Англии о ней говорили как о брачной аферистке и авантюристке. Некоторое время пользовалась расположением русской царицы Екатерины II.

Дочь английского полковника Чэдлея, Нелли-Елизавета Кингстон сумела добиться в своей жизни немалого, причем львиная доля этих побед была связана с ее активными действиями на любовном фронте. Кокетливая, обаятельная и жизнерадостная, Нелли была одной из самых симпатичных фрейлин при дворе английской королевы, выгодно выделяясь среди окружения естественным поведением и легким нравом.

Нелли-Елизавета Чэдлей впервые появилась при дворе, когда ей исполнилось 18 лет. Красивая и остроумная молодая девушка

тотчас же привлекла к себе толпы поклонников, в числе которых был и молодой герцог Гамильтон, известный соблазнитель и ловелас. Покоренная обходительными манерами и герцогским титулом, Елизавета попала в сети опытного волокиты, поверив его обещанию узаконить их отношения. Но, как, к сожалению, достаточно часто бывает, через некоторое время, когда первый пыл страсти угас, молодой герцог Гамильтон начисто позабыл о своих обещаниях и покинул Елизавету, увлекшись другой женщиной.

Впрочем, молодая женщина недолго горевала. Она поставила себе одну четкую цель: выгодно выйти замуж. Вскоре ей удалось вскружить голову капитану Гервею, брату графа Бристоля. Но так как этот брак был заключен против воли родителей, и к тому же Елизавета не хотела терять место фрейлины при дворе (в то время существовал закон, по которому фрейлиной могла быть только незамужняя женщина), то бракосочетание было тайным. Однако вскоре молодой жене, которой не так уж часто удавалось видеться со своим благоверным, стало скучно, да и отношения у молодой четы не заладились с самого начала, так что Елизавета решила на время расстаться с мужем и отправилась в путешествие по Европе.

Во время своей непродолжительной поездки она побывала в Берлине и Дрездене, где ей был оказан очень теплый прием (используя свое безграничное обаяние, Елизавета добилась расположения короля Фридриха Великого и польского короля Августа III). Но вскоре финансы молодой искательницы приключений подошли к концу, и ей пришлось возвращаться домой, в Англию. А там ее ждал крайне неприятный сюрприз. Разгневанный отъездом супруги, капитан Гервей стал угрожать Елизавете, что предаст огласке их тайный брак и таким образом лишит ее места фрейлины при дворе. Испугавшись этих угроз, молодая женщина решила любыми способами уничтожить все доказательства их тайного бракосочетания. Узнав, что пастор, который венчал их, умер, Елизавета вместе со своей приятельницей отправилась в ту самую церковь и попросила разрешения у нового пастора сделать небольшую выписку из церковной книги. Не увидев в просьбе молодой женщины никакого подвоха, священник позволил ей это сделать. Подруга Елизаветы отвлекла внимание священника разговором, а ловкая авантюристка вырвала из книги лист, на котором был зафиксирован факт ее замужества. Дома она объявила мужу, что никаких доказательств их брака больше не существует, и вернулась к прежнему, свободному образу жизни и поискам богатого и знатного мужа. Вскоре удачливой интриганке это

удалось – она очаровала старого герцога Кингстона. Елизавета пустила в ход все свои чары и через некоторое время стала герцогиней Кингстон, обладательницей пышного титула и огромного состояния.

Второй брак мисс Чэдлей был намного удачней первого. Старый добродушный герцог находился в полной власти своей молодой жены. Елизавета ни в чем не знала отказа и была очень счастлива. Но безграничное счастье обычно длится крайне недолго. В 1773 году старый герцог умер, завещав все свое состояние молодой жене. Родственники Кингстона не могли смириться с этим и начали судебный процесс против герцогини, обвиняя ее в том, что она, выходя за герцога Кингстона, была замужней и таким образом не имеет никаких прав на наследование состояния и ношение титула. Следует отметить, что в то время такое обвинение для женщины было крайне опасным: по старому английскому закону за двоебрачие грозила или смертная казнь, или же продолжительное тюремное заключение и клеймо. К счастью, Елизавете удалось избежать приговора. Несмотря на то что ее вина была доказана и найдены свидетели первого бракосочетания, суд, учитывая знатное происхождение обвиняемой (а также, видимо, ее красоту и молодость), смягчил приговор. По решению суда герцогиня Кингстон лишалась всего лишь права носить герцогский титул, так как ее брак был признан недействительным. Однако родственникам покойного герцога все же не удалось оставить удачливую авантюристку без наследства, поскольку завещание было составлено крайне хитро: наследство герцога было завещано не графине Бристоль и не герцогине Кингстон, а мисс Елизавете Чэдлей. Так что независимо от решения суда молодая женщина все равно становилась обладательницей огромного состояния и одной из богатейших женщин в Европе.

После скандального судебного процесса Елизавета решила покинуть на некоторое время Лондон и уехала в Петербург. Как многие люди, обладающие авантюрным складом характера, она жаждала не только денег, но и возможности блистать в высшем свете. В Петербурге авантюристка, вопреки решению суда все еще носившая титул герцогини Кингстон, надеялась привлечь к себе внимание великой русской царицы Екатерины и попробовать стать ее статс-дамой. Перед поездкой герцогиня решила заручиться вниманием Екатерины и послала ей в подарок картины, написанные известными художниками. Свой поступок Елизавета мотивировала глубоким и беспредельным уважением к русской императрице. Кроме того, герцогиня Кингстон вступила в переписку с некоторыми лицами, пользующимися большим

влиянием при дворе императрицы, и попросила их помощи в осуществлении своего намерения. Так как картинная галерея Кингстон была широко известна не только в Англии, но и во всей Европе, а императрице очень хотелось получить в свою коллекцию эти замечательные произведения искусства, то она приняла подарок и дала свое согласие на приезд герцогини Кингстон в Петербург.

Расположив таким образом к себе русскую государыню, Елизавета теперь вполне могла рассчитывать на теплый прием в России и немедленно собралась в путь. Для того чтобы произвести впечатление на русское дворянство, леди Кингстон отправилась в Петербург на великолепной яхте. И вот одним прекрасным утром она вошла в Неву и бросила якоря. Появление английской герцогини в Петербурге привлекло к себе огромное внимание. Толпы народа собрались на набережной Невы, чтобы хоть издали посмотреть на прекрасную яхту, о которой ходили слухи, как о каком-то невиданном чуде. А тем временем герцогиня, принимая на палубе представителей русской знати, неустанно повторяла, что столь длинное и тяжелое путешествие она предприняла только ради того, чтобы хоть один раз в жизни взглянуть на великую императрицу, молва о которой гремит повсюду. Естественно, слова герцогини тотчас же были переданы Екатерине. Крайне падкой на лесть императрице было приятно слышать эти высказывания, и она с большим удовольствием принимала у себя леди Кингстон. Ну а русские вельможи, соответственно, следовали примеру своей государыни – они постоянно приглашали к себе в гости знатную иностранку и устраивали в ее честь разнообразные приемы. На все эти приглашения герцогиня отвечала тем же, в свою очередь давала на яхте роскошные обеды и балы. И хотя на первый взгляд казалось, что леди Кингстон со всеми обходится с равным уважением, тем не менее она любыми способами пыталась заслужить расположение тех, кто имел при дворе большое влияние. И ее старания были вознаграждены: вскоре она стала самой желанной гостьей в высших кругах Петербурга. Добившись этого, леди Кингстон приложила большие усилия, чтобы соответствовать созданному ей образу великосветской дамы. Очень часто на различных приемах она появлялась в усыпанной драгоценными камнями герцогской короне на голове. Купившиеся на этот показной блеск, русские аристократы видели в удачливой авантюристке очень влиятельную особу. Ходили слухи, что герцогиня является близкой родственницей английского королевского дома. В некоторых официальных русских документах ее даже награждали титулом «высочество». А

императрица, чтобы подчеркнуть свое расположение к знатной иностранке, отдала в распоряжение леди Кингстон один из лучших домов в Петербурге. Когда же во время бури была повреждена яхта герцогини, Екатерина распорядилась произвести ремонт судна за казенный счет.

Из всего этого становится очевидным, что в России леди Кингстон жилось очень неплохо. Но, как известно, чем больше имеешь, тем больше хочешь иметь. Так произошло и с Елизаветой. Ей захотелось получить должность статс-дамы при императрице. Елизавете казалось, что это еще больше возвысит ее в глазах общества. Но, когда герцогиня поделилась своими планами с наиболее близкими ей людьми, они заметили, что для их осуществления она должна прежде всего приобрести какую-нибудь недвижимость в России. Для имеющей огромные доходы леди Кингстон покупка имения не представлялась большим затруднением. И уже через несколько недель после этого разговора она приобрела имение в Эстляндии (впоследствии это имение, названное по родовой фамилии герцогини Чэдлейским, переименовали в Чудлейские мызы). Приобретя в России недвижимое имущество, леди Кингстон стала с удвоенным напором добиваться звания статс-дамы при дворе. Но Екатерина, несмотря на свое расположение к герцогине, отказала ей в этой чести, мотивируя свой отказ тем, что по принятым ею правилам ни одна из иностранных подданных не могла претендовать на столь высокое звание при русском дворе. Елизавета очень тяжело перенесла крушение своих планов, вдобавок еще оказалось, что купленное ею имение не приносит никакого дохода, так как в нем можно было только рубить лес и ловить рыбу. Предприняв несколько попыток продать его, леди Кингстон решила последовать совету одного из своих знакомых и организовать в Чудлейских мызах винный завод. И напрасно: ибо осуществив это, она из всеми почитаемой великосветской дамы превратилась в простую содержательницу винного завода. Такого удара ее гордость перенести не могла и, оставив свое промышленное заведение под присмотром управляющего, Елизавета отправилась из Петербурга во Францию.

Отплыв от Петербургской пристани на своей яхте, она высадилась в приморском городе Кале. Жители этого небольшого французского городка встретили леди Кингстон очень торжественно. На пристани собрались толпы народа, чтобы приветствовать герцогиню. Когда она сошла с яхты на пристань, ее отвезли в роскошный отель. Все эти почести объяснялись довольно просто: агенты герцогини распространяли слухи, что леди Кингстон собирается навсегда остаться в Кале и употребить

все свои огромные средства на организацию различных благотворительных заведений в этом городе.

Авантюристка была крайне польщена таким теплым приемом и некоторое время наслаждалась пребыванием в Кале. Но вскоре однообразие жизни маленького французского городка наскучило этой жаждущей постоянного праздника особе. Ей все чаще и чаще вспоминался величественный город на Неве, в котором она некогда была очень счастлива. Кроме того, ее крайне беспокоило купленное имение, которое так и не приносило никакого дохода. Елизавета решила вернуться в Россию и еще раз попытаться сблизиться с Екатериной. А также побывать на своей мызе и попробовать разобраться в причинах столь неудовлетворительного состояния дел. Приняв это решение, леди Кингстон отправилась в Петербург, правда, на этот раз не на яхте, а по суше, через Германию, Австрию и Польшу. После того как она побывала при дворе русской императрицы, дворы мелких немецких княжеств стали казаться ей крайне ничтожными, и, поспешив проехать Германию, Елизавета сделала остановку в Вене, поразившей ее своей роскошью. Однако император Австрийского государства Иосиф II принимал леди Кингстон не слишком благосклонно, поэтому она не стала задерживаться в негостеприимной державе и уехала в Польшу, где ненадолго остановилась у известного авантюриста князя Карла Радзивилла.

С князем герцогиня познакомилась во время своей поездки в Рим. В то время Радзивилл, изгнанный из отечества, готовился выставить против русской государыни известную самозванку княжну Тараканову, выдавая ее за дочь Елизаветы Петровны от тайного брака с князем Разумовским. И хотя леди Кингстон не принимала никакого участия в замыслах князя, ее, тем не менее, связывали с ним очень теплые и дружеские отношения. Елизавету вообще привлекали люди с таким же складом характера, как у нее. Поэтому другим ее близким другом и любовником был известный авантюрист Стефан Занович, который, путешествуя по Европе, выдавал себя за покойного императора Петра III. По некоторым источникам, герцогиня даже собиралась выйти за Зановича замуж и с его помощью взойти на русский престол. Но подтверждений этому не найдено.

Приехав в Польшу, Елизавета, как и планировала, остановилась у Радзивилла и провела у него в гостях две недели. Она посетила знаменитый родовой замок князя, находящийся в Несвиже, где был устроен пышный прием в ее честь. Для развлечения герцогини князь устроил охоту на кабанов ночью при свете факелов. Словом, Елизавета чудно провела время и отдохнула. Но среди всех этих увеселений она ни на минуту не

забывала о конечной цели своего путешествия – Петербурге. Поэтому спустя некоторое время герцогиня дружески попрощалась с влюбленным в нее Радзивиллом и отправилась в город своей мечты.

Однако на этот раз Петербург крайне разочаровал Елизавету. Прежний благосклонный прием, оказанный герцогине со стороны императрицы, сменился теперь на вежливую и сдержанную холодность. Русские вельможи не оказывали ей должных почестей, и народ уже не обращал никакого внимания на леди Кингстон, прибывшую не на великолепной яхте, а в простом экипаже. При таком неблагоприятном стечении обстоятельств авантюристка вскоре убедилась, что в Петербурге ей ждать нечего, и ее последней надеждой оставались Чудлейские мызы. Она попробовала организовать в имении сельское хозяйство по типу английского фермерства. Но и этой надежде не суждено было сбыться. За время отсутствия хозяйки винный завод пришел в упадок и невероятно задолжал казне. И Елизавете пришлось выплачивать огромный денежный штраф. Все это пошатнуло имидж герцогини – на нее стали смотреть не как на знатную иностранку, сорящую деньгами, а как на заезжую промышленницу, которая хочет сколотить состояние за счет пьющего народа. Таким образом, вторая поездка в Россию была для леди Кингстон крайне неудачной, и она, окончательно расставшись со своими прежними мечтами, вернулась в Кале, избрав этот город местом своего проживания.

За время своей жизни во Франции Елизавета предпринимала несколько попыток вернуться в Англию, но всякий раз наталкивалась на крайне неприязненное отношение со стороны царствующего дома и английского народа. Оставив всякие надежды на перемены в судьбе, Елизавета арендовала пожизненно великолепную гостиницу «Parlament» и купила замок недалеко от Фонтенбло. В этом замке она и провела свои последние дни, скончавшись 28 августа 1788 года от разрыва сердца.

После смерти герцогини Кингстон осталось огромное состояние, равное 1 млн 400 фунтам стерлингов. Некоторую часть наследства она завещала своим знакомым в России (императрице Екатерине герцогиня оставила головной убор из бриллиантов, жемчуга и различных самоцветных камней). А оставшееся имущество послужило причиной многочисленных споров и интриг. Создавалось впечатление, что это состояние, нажитое путем различных афер, просто притягивало к себе всевозможных авантюристов и интриганов. Ярким примером может послужить барон Фридрих фон Розен, который сразу же

после смерти Елизаветы предъявил право на Чудлейские мызы, мотивируя свое заявление тем, что при жизни герцогини их связывали самые теплые и дружеские отношения. И неизвестно, чем бы закончилось это дело, если бы император Павел не обратил на него свое внимание. Не любивший долгих судебных проволочек, он своей верховной властью очень быстро решал самые сложные и запутанные вопросы, и через некоторое время вопрос о наследстве был закрыт. Почти все оно досталось полковнику Грановскому, сопровождавшему герцогиню в поездках по России, с тем условием, чтобы он выплатил определенную сумму аптекарю Мейеру, и только несколько бесценных картин из галереи Кингстон досталось князю Чернышеву, покровительством которого Елизавета пользовалась в свой первый приезд в Петербург.

В заключение надо сказать, что никому из наследников это богатство счастья не принесло. Но больше всех пострадал полковник Грановский. Вступив во владения Чудлейскими мызами, он начисто «забыл» о некоторых условиях завещания и отказался выплачивать требуемую сумму. Тогда Мейер подал жалобу графу Стенбоку, а тот, в свою очередь, государю. Император Павел, недолюбливавший Грановского, тотчас же отдал приказ о его аресте. Проведя долгие годы в крепости, Грановский вышел оттуда обессиленным и нищим, поскольку за время его отсутствия дела в имении пришли в полный упадок.

ТРЕНК ФРИДРИХ

(род. в 1726 г. – ум. в 1794 г.)

Прусский авантюрист, офицер-ординарец Фридриха II. По ложному доносу был обвинен в государственной измене и посажен в крепость Глац, где провел два года. Совершив побег, скрывался в России и Австрии. В 1754 году был вновь арестован и заключен в тюрьму в Магдебурге. После нескольких попыток бежать был помилован королем. Много путешествовал, занимался торговлей и издательским делом. Был казнен в Париже по обвинению в шпионаже.

Удалой храбрец, любимец женщин и заядлый дуэлянт, Фридрих Тренк всей своей судьбой доказывал, что спокойная жизнь не для него. Любивший принцессу, он был посажен за это в тюрьму. Любивший свободу, вынужден был долгих 11 лет провести в сырых казематах, где ни толстые стены, ни крепкие решетки и двери не смогли сломать его дух. А получив долгожданную волю, погиб на гильотине в стране, избравшей своим девизом слова «Свобода, равенство и братство».

Фридрих Тренк, дворянин по происхождению из древнего прусского рода, родился в 1726 году в Кенигсберге. В детстве мальчик получил приличное по тем временам домашнее образование, родители денег не жалели. Он много читал, знал несколько языков, так что к 16 годам был готов поступать в университет. Там, благодаря своим способностям и упорству, он быстро стал лучшим учеником. Проучившись некоторое время, Тренк осознал, что грызть гранит науки занятие хотя и полезное, но отнюдь не такое привлекательное, как служба в армии, где он мог вовсю проявить себя. Армейское командование было так же покорено молодым человеком, как и университетская профессура, вследствие чего Фридрих быстро продвинулся по служебной лестнице. Талантливый юноша не остался незамеченным и при дворе – в 18 лет он стал офицером-ординарцем короля Фридриха II. Светская жизнь полностью захватила Тренка. Не одной придворной даме он вскружил голову, но сам потерял ее, встретившись с прекрасной принцессой Амалией. Чувство оказалось взаимным, однако это приходилось тщательно скрывать: принцесса не пара для простого дворянина. Неизвестно, как долго влюбленным удавалось бы это, если бы не начавшаяся в

1744 году война с Австрией. Молодой офицер отправился на фронт и стал проявлять чудеса героизма, думая, что таким образом завоюет доверие короля и, может быть, получит от него согласие на брак с любимой. Между тем, его недруги не дремали. Против Тренка уже давно плелись интриги с целью очернить его в глазах Фридриха II, и тут завистникам представился удобный случай окончательно расправиться с «наглым выскочкой».

Во вражеской австрийской армии служил двоюродный брат Тренка – Франц. Между ними всегда были хорошие отношения, и братья даже часто переписывались. Одно из таких писем и было представлено прусскому королю в качестве неопровержимого «доказательства» измены Фридриха. Он был арестован и заключен в крепость Глац «по случаю премьеры – на один год». Только спустя некоторое время бравый офицер узнал, что виновником злоключений был граф фон Яшински – его командир и неудачливый соперник, отвергнутый принцессой Амалией.

Между тем, условия содержания Тренка в крепости были не столь уж плохи – он жил в общей офицерской комнате, нормально питался, имел разрешение гулять во дворе и водил дружбу с офицерским составом крепостного гарнизона. Можно было спокойно жить, дожидаясь, пока тронутый просьбами родственников король его не помилует.

Однако Фридрих считал себя незаслуженно униженным и намеревался вскоре расквитаться со своими обидчиками. Но для начала нужно было оказаться на свободе.

Тренк разработал план побега. Вскоре о нем становится известно коменданту, и условия содержания узника ужесточаются – из обычной камеры его переводят в крепостную башню. Любой на его месте был бы подавлен и отбросил всякие мысли о побеге. Однако Фридрих не сдался. За хорошие деньги он нашел в крепости сообщников, которые передали ему инструменты для подпила решеток. В намеченную ночь, когда последний железный прут был отогнут, Тренк с помощью веревки, сделанной из кожаных ремней, спустился из окна своей камеры. Шел сильный дождь. К тому же беглец не знал точного пути. Поскользнувшись на каком-то уступе, Фридрих угодил прямо в огромную выгребную яму. Понимая, что одному ему не выбраться, он стал в отчаянии звать на помощь. Только утром Тренка извлекли из этой зловонной западни.

Прошла неделя. В один из дней во время утреннего досмотра камеры майор Доо и его адъютант неосторожно вздумали потешиться над неудачливым беглецом. Нападение Тренка было неожиданным и стремительным. Выхватив у майора саблю, он бросился бежать. Часовые, призванные его остановить, были

отброшены сильными ударами. Выбравшись из каземата, Тренк кинулся к крепостной стене, преодолел ее и увидел двухметровый частокол. Свобода была уже так близко, но нога предательски застряла между бревнами, и Фридрих повис вниз головой. В таком положении его и застал комендант крепости генерал Фукэ. Он приказал сначала вытащить Тренка, а затем его наказать, дабы другим неповадно было.

Избитый узник проболел почти месяц. Оправившись, он стал вновь думать о побеге. На этот раз Тренк организовал целый заговор. Путем убеждений, а иногда и подкупа, ему удалось склонить на свою сторону около 30 солдат и офицеров. Заговорщики планировали освободить всех заключенных и уйти за границу. Однако в самый решающий момент двери камеры Фридриха заклинило, и он приказал унтер-офицеру Николаи, который руководил побегом, спасать свою жизнь, а его оставить.

Вскоре Тренку представилась другая возможность оказаться на свободе раньше срока. Как-то в его камеру заглянул некий офицер Бах, имевший дурную славу яростного дуэлянта. Он хотел своими глазами увидеть, так ли уж грозен знаменитый заключенный. Бах стал хвастаться своими подвигами, на что Тренк ему ответил: «Будь я на свободе, вы бы со мной не так легко справились». Гость счел такие слова личным оскорблением, выскочил из камеры, а через некоторое время вернулся с двумя саблями под одеждой. Узник, вынужденный защищать свою жизнь, нанес Баху несколько чувствительных ударов, после чего тот отбросил оружие и бросился Фридриху на шею с криком: «Ты мой владыка, друг Тренк, ты будешь на воле, я сам это устрою!»

Помогать узнику Бах уговорил поручика Шелля. Времени на подготовку было очень мало. Приходилось опасаться предательства, которое в конце концов и случилось, и сообщники вынуждены были бежать не 28 декабря, как планировали, а 24-го. С самого начала Тренка и Шелля преследовали неудачи: перелезая через крепостную стену, поручик сломал ногу, и Фридриху пришлось нести его, потом оказалось, что в темноте они сбились с пути и всю ночь кружили вокруг крепости. Но несмотря на голод и усталость, беглецы упрямо двигались вперед. Уже у самой границы они неожиданно встретились с офицером Церботом, посланным за ними в погоню. Благородный поручик, оценив все мужество Тренка, вместо того чтобы его схватить, направил в нужную сторону.

Так почти через два года после начала своего злоключения Фридрих оказался в соседней стране без денег, друзей и родственников. К тому же постоянно приходилось опасаться за свою жизнь, избегая пули или ножа наемных убийц, подосланных

королем. Фридрих II боялся, что бывший возлюбленный его сестры не станет церемониться с добрым именем принцессы.

Несколько лет Тренк скитался по Европе, пытаясь осесть сначала в Австрии, потом в одной из отдаленных провинций Голландии, но нигде не нашел себе места. Тогда Фридрих решил попытать счастья в России, на бескрайних просторах которой всегда требовались молодые, предприимчивые люди, готовые рисковать собой ради достижения цели. Тренк без труда поступил на службу в драгунский полк и мог бы сделать там неплохую карьеру, если бы не пагубное пристрастие к бурной светской жизни. Оказавшись в центре очередной придворной интриги, в 1749 году авантюрист вынужден был бежать и из холодной России.

Его путь вновь лежал в Вену, где в это время скончался его двоюродный брат Франц, оставивший большое наследство. Получив свою долю, Тренк окончательно решает покончить с полной опасных приключений жизнью и даже нанимается на государственную службу. Но тут в Данциге неожиданно умирает его мать. Надеясь, что за несколько лет злопамятный король успел его забыть, Фридрих отправляется в Пруссию. Но там его узнали и вновь бросили за решетку.

На этот раз все было куда более серьезно. Камера в Магдебургской крепости имела стены толщиной в два метра, тройные железные решетки и тройную дверь, отделявшую ее от коридора. Узника приковали цепями так, чтобы он не мог подойти к окну, и умышленно довели до полного истощения, посадив на хлеб и воду.

Несколько месяцев Тренк изучал существующие тюремные порядки и как мог располагал к себе охранников. Ему удалось узнать, что соседняя камера пуста и дверь ее не заперта. Единственной преградой на пути к свободе была каменная стена. Оторвав от пола две железные скобы, которыми крепилась к полу печка, Тренк принялся за работу. За полгода он разобрал двухметровую стену до последнего кирпича. Самым сложным было каждое утро вкладывать их в обратном порядке, тщательно маскируя швы.

И вновь роковая случайность! Когда работа была уже почти завершена и Фридрих готовился бежать, его намерения стали известны коменданту крепости.

Новую камеру для непоседливого заключенного готовили по особым стандартам: она располагалась в откосе крепостного рва, запиралась на четыре двери, а окно было таким, чтобы в него не мог пролезть даже самый худой человек. Тренка вновь приковали к сырой стене, поэтому одежда его была постоянно мокрой. Но

кормить стали лучше. Набравшись сил, Фридрих хотел исследовать свой новый каземат, однако кандалы мешали это сделать. Следовало от них избавиться. Кое-как освободив одну руку, Тренк с помощью камня стал спиливать заклепки на других оковах. Когда и с ними было покончено, узник бросился к двери. Вырезав внизу небольшую дырку, он определил, что толщина двери всего лишь несколько сантиметров. И хотя их было четыре, Тренк решил, что справится с ними за один день. Работать он начал сразу же после утреннего осмотра камеры. Три двери были открыты к заходу солнца. Оставалась последняя, когда нож, его главная ценность, добытая с таким трудом, вдруг сломался. Причем лезвие выпало наружу, а значит, теперь он будет опять обнаружен. В отчаянии Тренк схватил нож и обломком лезвия вскрыл себе вены. Очнулся он, когда услышал, что его кто-то зовет. Это был верный гренадер Гефгардт. «Я вам доставлю все, что нужно, все инструменты. Не унывайте, положитесь на меня, я выручу вас», – сказал он. Тут как раз подоспела охрана. Увидев открытыми три двери, они в испуге бросились в камеру. Тренка нашли лежащим на полу в луже крови. Его подняли, перевязали раны и привели в чувство. После чего вновь заковали в цепи и поставили обитые железом двери.

В этой, казалось бы, безвыходной ситуации надеяться можно было только на помощь надежных друзей, остававшихся по ту сторону решетки. Вскоре они доставили заключенному все, что было нужно для осуществления очередного побега, – подпилки, ножи, деньги, бумагу и карандаш.

Раздумывая над планом своего спасения, Тренк решил, что если нельзя уйти через дверь или окно, значит, нужно делать подкоп. Он намеревался поднять пол камеры, сложенный из дубовых досок, сколоченных огромными гвоздями. С трудом выдернув один из гвоздей, Тренк стал действовать им, словно ломом. Когда несколько половиц были подняты, узник увидел под ними мелкий сыпучий песок, сделать лаз в котором не представляло особого труда. Но, несмотря на кажущуюся легкость предстоящего дела, Тренку понадобилось около восьми месяцев, чтобы только подрыть стену своей камеры, так как избавляться от грунта он мог только во время дежурства Гефгардта, а это бывало не чаще двух раз в месяц.

К несчастью, вырытый ход пролегал прямо под галереей, где прохаживались часовые. Они-то и услышали подозрительный шум, доносящийся из-под земли, о чем сразу же доложили начальству. В камере Тренка был произведен обыск, однако заглянуть под пол, где он хранил инструменты, оружие и деньги, охранники не догадались.

Когда шумиха улеглась, барон стал рыть новый лаз, но уже в другом направлении. Он нашел способ избавиться от грунта: выкопал небольшой ложный ход и якобы случайно проговорился охране. Никому и в голову не пришло сравнить огромную кучу с объемом явно декоративной норы. Песок из камеры вынесли, а Тренку только этого и надо было. Он стал рыть дальше. Однако начатую работу пришлось прервать – в крепости сменился комендант. Им стал наследный принц Гессен-Кассельский. Узнав историю несчастного Тренка, он распорядился снять с него цепи и облегчить его участь, а взамен попросил не предпринимать новых попыток к бегству, хотя бы на то время, пока он будет начальником крепости.

Через полтора года принц уехал, и Тренк мог свободно продолжать рыть подкоп. Фридрих провел основной ход уже достаточно далеко, достигнув фундамента стены, когда один из ее блоков неожиданно опустился за спиной узника. Тренк оказался в западне. Воздух быстро кончался. В полубессознательном состоянии он стал двигать камень, пока тот не опустился ниже, освободив небольшой проход. Еще немного его расширив, барон смог вернуться в свою камеру.

Прошло восемь лет с начала заключения Тренка в тюрьму, когда подкоп был наконец-то завершен. Теперь он мог в любой момент покинуть стены своей темницы, но благородство в нем взяло верх над желанием свободы.

Однажды Фридрих велел позвать к себе коменданта и в присутствии всего гарнизона заявил, что может в любое время выйти из своей камеры и через несколько минут показаться на гребне крепостной стены, что у него была возможность бежать, но он не воспользовался ею, о чем просит сообщить королю и ходатайствовать о его помиловании.

Комендант крепости герцог Фердинанд Брауншвейгский, пораженный и встревоженный подобным оборотом дел, тут же доложил о случившемся королю. Фридрих II обещал рассмотреть просьбу, но помилования пришлось ждать еще целый год.

На момент освобождения в 1763 году Фридриху Тренку было всего 37 лет, однако испытания, выпавшие на его долю, раньше времени состарили бывшего красавца-офицера. Покинув Магдебургскую крепость, он поселился в Австрии, в городке Ахен, где женился на дочери бургомистра и занялся приносящей хорошую прибыль виноторговлей. Кроме того, Тренк издавал журнал «Друг человечества», писал стихи и повести. Однако через некоторое время спокойная семейная жизнь наскучила ему, и Фридрих отправился путешествовать. Он побывал во Франции, Англии, познакомился со многими выдающимися личностями,

среди которых был и Б. Франклин, и даже, как утверждает Тренк в своих мемуарах, выполнял некие деликатные поручения австрийского правительства.

Затем судьба занесла его в Париж прямо в разгар якобинской диктатуры с ее кровавым террором. Престарелый барон не учел, что он все-таки аристократ, хотя и с довольно демократичными взглядами, да еще и уроженец Пруссии, которая воевала с французской революцией. А посему на волне борьбы с врагами народа он был арестован, посажен в тюрьму и через некоторое время без суда отправлен на эшафот. Это произошло в 1794 году.

Фридрих Тренк, прославившийся тем, что мог сбежать из любого заточения, на этот раз от ножа гильотины уйти не смог.

МОНТЕС ЛОЛА, ГРАФИНЯ ФОН ЛАНДСФЕЛЬД

(род. в 1823 г. – ум. в 1861 г.)

Знаменитая авантюристка XIX века. Выдающаяся танцовщица, фаворитка Людвига I. Называла себя ирландкой по отцу, испанкой по матери, англичанкой по воспитанию, француженкой по характеру и космополиткой в зависимости от обстоятельств. За ней тянулся длинный шлейф скандалов и еще более длинный – поклонников. Была одной из немногих женщин, осмеливших жить в полную силу, не признавая ограничений и запретов.

Судьбы красивых женщин неуловимо похожи, чаще всего – своим трагизмом. А еще – тем, что за каждым их движением, каждым поступком постоянно наблюдают многочисленные зрители. Да, их жизнь значительно ярче, чем у обычных домохозяек, но и цена этой яркости очень высока. Когда каждый день превращается в спектакль, актрисе, играющей главную роль, приходится постоянно следить за собой: что и кому сказать, о чем

промолчать, с кем лучше избегать встреч… Но в любые времена и в любом обществе существуют те, которые, не теряя женственности, противопоставляют себя привычному укладу жизни, сами пишут сценарий для своего выступления. Именно к этой небольшой группе принадлежит Лола Монтес, сделавшая своим главным оружием танец.

Мария Долорес Порис-и-Монтес (именно так впоследствии представлялась эта очаровательная женщина) родилась в семье ирландского офицера по фамилии Гилберт и испанской красавицы, происходившей из старинного, но не слишком богатого рода. Правда, некоторые исследователи утверждают, что ее мать носила до замужества фамилию Оливье (не слишком похоже на старинную испанскую фамилию), а двойное имя будущей дочери – дань моде на все испанское. Да и имя, данное девочке при крещении, несколько отличается от ее сценического псевдонима: Долорес Элиза.

Первые дни ее жизни прошли под жарким солнцем Андалузии. Но вскоре Гилберт получил назначение в колониальные войска и вместе с семьей отправился в сказочную Индию. В то время жизнь в колониях была гораздо выгоднее, чем на материке: цены на продукты были намного ниже, кроме того, вокруг царил настоящий рай, где экзотические плоды и цветы росли буквально на каждом шагу. Правда, в этом раю свирепствовали болезни, а в сезон дождей было невыносимо душно, но отец Лолы не колебался, отправляясь к месту службы. Вскоре маленькую семью постигло большое горе: заразившись холерой, Гилберт умер, оставив вдову с маленькой дочкой в крайне затруднительном положении. Один из его друзей, капитан Крэги, принял большое участие в их положении, а вскоре стал отчимом Лолы. К падчерице он относился как к родной дочери, и девочка росла довольно избалованной и своенравной. Когда пришло время дать ей образование, достойное ее положения в обществе, Лолу отправили в Англию и отдали в пансион. Атмосфера в доме родственников разительно отличалась от той, к которой Лола привыкла в Индии. И хотя она впоследствии говорила, что кальвинистская закалка не раз пригодилась ей в трудную минуту, девушке, видимо, приходилось невесело. Правда, у нее всегда оставалась возможность уйти в себя, в фантазии и воспоминания, но для реальной жизни это не так уж много… Поэтому вместо того, чтобы терпеливо дожидаться, пока родители подыщут ей подходящую партию (а Лола превратилась в изумительно красивую девушку, способную украсить любой дом), она сбежала с бедным офицером по фамилии Джеймс. К чести ее избранника, он женился на девушке. После недолгих

мытарств по английским гарнизонам семья Джеймс перебралась в Индию. Брак их просуществовал недолго – как и у матери Лолы. С той разницей, что Джеймс не умер от болезни, а в 1841 году исчез вместе с женой одного из своих сослуживцев. Лола так и не узнала, был ли он убит ревнивым товарищем, или спокойно осел где-то в маленьком городке – джунгли скрыли все следы.

Перспектива возвращения в Англию, где ей предстояло вести жизнь затворницы, нимало не привлекала молодую женщину. Поэтому она принялась действовать. На корабле по пути в Англию она встретила ничем не примечательного офицера, вышла за него замуж и стала Лолой Монтес. Муж не сыграл сколько-нибудь заметной роли в ее жизни, вскоре супруги благополучно расстались. Благовоспитанные родственники были в шоке, но впереди их ожидали гораздо большие потрясения. Лола Монтес принялась совершать поступки, от которых, по мнению людей «приличных», «бросило бы в дрожь даже ибисов и крокодилов». Она решила избрать карьеру танцовщицы (что само по себе было предосудительно), назвалась одним из своих имен и стала жить так, как будто каждый день был последним, отдаваясь страсти с любым, кто ей понравится. В 1843 году, во время выступления в лондонском театре, ее едва не разоблачили: кто-то из зрителей узнал в «испанской танцовщице» Бетти Джеймс. Скандал замяли, но все ее родственники, включая мать, отреклись от Лолы, и она до самой смерти не общалась с ними.

Вскоре Лола Монтес стала известна всей Европе – и как танцовщица, и как одна из самых красивых женщин своего времени. Ее лицо и фигура соответствовали самым строгим канонам изящества: волосы цвета воронова крыла, ярко-голубые глаза, белоснежная кожа, удивительно пропорциональное сложение… А если добавить к этому умение одеваться со вкусом, отточенность речи и движений и бесконечное обаяние, становится понятно, почему Лола Монтес пользовалась такой бешеной популярностью. Она выступала на сценах Лондона, Парижа, Варшавы (по некоторым сведениям – еще Петербурга и Москвы), танцевала в берлинском дворцовом театре Сан-Суси. После этого танцовщица посетила Лейпциг, Вену, Париж, Венецию, Рим, Капую и Неаполь, побывала в Париже, недолго погостила в Барселоне и Мадриде. Далеко не всегда ее путь был усеян розами. В Брюсселе, чтобы заработать на жизнь, ей приходилось петь на улицах, пока один сердобольный немец (о нем известно только то, что он был небогат и знал множество языков) не добился для Лолы ангажемента в варшавской опере. В Варшаве ее ожидало новое испытание, закончившееся настоящим триумфом. Вице-король князь Паскевич попал под обаяние Лолы

Монтес и потребовал ее взаимности. Князь, которому на тот момент исполнилось 60 лет, не отличался ни красотой, ни обаянием (многие современники считали его просто уродливым), зато обладал немалой властью. Он готов был осыпать Лолу золотом, обещал ей страстную любовь и поддержку во всем. Когда танцовщица отвергла его предложение, он попытался угрожать ей. Лола только рассмеялась в ответ. Паскевич привлек на свою сторону директора оперы и начальника полиции, но не смог добиться своего. Тогда он решил отомстить ей не как женщине (это было не в его власти), а как актрисе: нанял клакеров, которые должны были освистать ее выступление. Отвергнутый поклонник не учел только одного: исключительной власти Лолы над мужчинами. Те, кто видел ее танец, буквально боготворили прекрасную испанку. Публика вышвырнула клакеров из зала, смяла полицейских и торжественно проводила актрису до самого дома. После инцидента в театре она оказалась в центре внимания и, воспользовавшись этим, рассказала о своих злоключениях. Ее незатейливая история вызвала у поляков очередной приступ ненависти к правительству. Власти отдали приказ об аресте смутьянки, но сделать это оказалось не так-то просто: Лола забаррикадировалась в доме, взяла в руки пистолет и объявила жандармам, что выстрелит в первого, кто войдет. Желающих не нашлось, и блюстители порядка отправили гонца к начальству, чтобы запросить дальнейшие инструкции. Тем временем подоспела помощь в лице французского консула, который счел своим долгом спасти прекрасную женщину. Правда, Варшаву после этого ей пришлось покинуть.

Где бы ни появлялась Лола Монтес, вокруг нее постоянно бурлила жизнь. Она не считала нужным сдерживать свои чувства, давая волю как любви, так и гневу. Когда в Берлине во время смотра ее лошадь заступила дорогу самому Фридриху Вильгельму и жандарм попытался оттащить животное назад, Лола избила его кнутом. Но близкие друзья знали ее вовсе не как взбалмошную истеричку, какой ее стремились выставить пострадавшие. Среди «своих» она была совсем иной: остроумной собеседницей, интересующейся наукой, музыкой, литературой. В ее окружении было много знаменитостей: Вагнер, Бальзак, Дюма, Теофиль Готье. В 1844 году в Дрездене Лола Монтес познакомилась с Ференцем Листом. Он стал для Лолы первой настоящей любовью, смыслом жизни. Она пыталась дать ему такую же душевную свободу, какой обладала сама, не понимая, что это невозможно. Какое-то время казалось, что эти поразительно красивые мужчина и женщина созданы друг для друга. Но они прожили вместе всего несколько месяцев (хотя

ради Лолы композитор бросил мать своих детей, графиню д'Агу) и расстались в Париже. Последним подарком Листа Лоле была рекомендация в Гранд-опера. До сих пор неизвестно, почему они не остались вместе. Сами влюбленные не дали никому никаких объяснений. После расставания с Листом Лола нашла себе очередного кавалера – журналиста Дюжарье, который умер ради нее на дуэли и сделал ее своей наследницей. Кстати, именно он стал невольным виновником изгнания Лолы из Парижа: чтобы досадить любовнику, она танцевала почти обнаженной. Полицейские составили протокол, и нарушительница общественного порядка была вынуждена в очередной раз сменить место жительства.

Такого рода неожиданные выходки стали «визитной карточкой» испанской танцовщицы и служили неплохой рекламой. Она могла прыгнуть на стол в ходе оживленного диспута (это случилось на фестивале, посвященном Бетховену) или поднять платье до самых подвязок в игорном зале в Баден-Бадене… За четыре коротких года, прошедших после возвращения из Индии, Лола разительно изменилась. Она привыкла быть объектом поклонения множества мужчин – и опасной соперницей женщин. Она научилась жить так, как ей нравилось, и не обращать внимания на сплетни и оскорбления.

В 1846 году Лола Монтес после долгого путешествия по городам Европы прибыла в Мюнхен. Ее появление в столице Баварии было далеко не случайным. Дело в том, что Людвиг I был одержим идеей возрождения в Баварии греко-римской цивилизации. В Мюнхене повсюду возвышались античные памятники, король основал особую «Галерею Красот», прославлявшую гармонию человеческого тела. Безусловно, Лола решила посетить ценителя красоты, тем более что парижский круг ее знакомых был недоступен, а интеллектуальное общение стало казаться не менее необходимым, чем кусок хлеба. Баварская столица встретила иностранку довольно холодно. Ей отказали в аудиенции у короля, не приняли в театр и вообще постарались сделать вид, что никакой Лолы Монтес не существует. За свое пренебрежение баварцам пришлось заплатить очень дорого…

Танцовщица сумела пробиться к королю, предварительно очаровав камергера Людвига I. Король был околдован. Лола предстала перед ним в полном расцвете красоты, одетая в испанское платье. Стареющий монарх полюбил Лолу с первого взгляда и стал ее самым верным и преданным поклонником. Поначалу увлечение короля танцовщицей не вызывало особой тревоги у его подданных. Всем было известно, что она далеко не

первая в списке красавиц, снискавших благосклонность Людвига (он считался ценителем женской красоты). Если бы Лола удовольствовалась скромной ролью содержанки, общественное мнение смирилось бы с ее присутствием и перестало обращать на нее внимание – как не обращают внимание на экзотическое растение, высаженное в оранжерее два сезона назад. Но вся жизнь авантюристки была сплошным несоответствием чужим ожиданиям. Новая фаворитка короля постоянно эпатировала публику, привлекая к себе слишком много внимания. Она могла появиться на улице с сигаретой или даже сигарой во рту. Легко раздражалась, причем часто скандалы заканчивались рукоприкладством – о знаменитых оплеухах, которые раздавала Лола Монтес, многие знали по собственному опыту. Бесконечные разбирательства, жалобы и публичные скандалы приходилось улаживать королю. Но он был снисходителен к своей возлюбленной, ведь она вернула ему молодость. В письме к одному из близких друзей Людвиг писал: «Я могу сравнить себя с Везувием, который считался уже потухшим и который вдруг начал свое извержение. Я думал, что никогда уже не смогу испытать страсть и любовь, мне казалось, что сердце мое истлело. Но сейчас я охвачен чувством любви не как мужчина в 40 лет, а как двадцатилетний юноша. Я почти потерял аппетит и сон, кровь лихорадочно бурлит во мне. Любовь вознесла меня на небеса, мои мысли стали чище, я стал лучше».

Людвиг постарался сделать все возможное для того, чтобы Лола была счастлива. Он назначил ей ежегодную ренту в 70 000 гульденов, пожизненную пенсию (как артистке придворного театра, хотя после первой неудачной попытки Лола больше не появлялась на сцене), подарил небольшой дворец на Барер-штрассе. Бесчисленные наряды, изысканные драгоценности, экипаж и небольшая придворная конюшня по сравнению с этим выглядели просто мелкими приятными сюрпризами. Пожелав всегда иметь возможность любоваться красотой Лолы, король заказал ее портрет для дворцовой галереи.

Однако фаворитка прекрасно осознавала, что вся эта роскошь может оказаться недолговечной. Ей хотелось чего-то более прочного, того, что нельзя отнять. Она попросила у Людвига титул графини. Сделать это было довольно сложно: у авантюристки не было никаких документов, не считая проездного билета через территорию одного из княжеств. В качестве особой милости баварское гражданство мог пожаловать и сам король, но его министры взбунтовались и подали в отставку. Они попытались открыть своему монарху глаза на то, что практически все население Баварии ненавидит иностранную танцовщицу. Но

Людвиг не пожелал прислушаться к своим министрам, как до этого не обращал внимания на карикатуры, появлявшиеся почти во всех газетах. 16 февраля 1847 года король подписал приказ об увольнении министров, а управление Государственным советом передал протестанту фон Мауреру, который немедленно подписал документы о гражданстве. Воля короля была исполнена, а Лоле Монтес пожаловали все права графини Ландсфельд. Следствием этого стал очередной виток напряженности в стране. Прогнозы европейских политиков, запомнивших Лолу еще по варшавскому инциденту, подтверждались (кстати, Меттерних предлагал Лоле 50 тыс. франков за немедленный отъезд из Баварии, но она разорвала чек).

Тем временем Лола начала открыто «помогать» Людвигу в государственных делах. Она просила его, чтобы он приводил в ее салон своих министров (единственный смельчак, осмелившийся отказаться от такой сомнительной чести, немедленно был уволен). Письма мюнхенским деловым людям она подписывала «Метресс дю руа» (куртизанка короля), пока Людвиг не запретил ей этого. Все это только подливало масла в огонь всенародного возмущения. Впрочем, мюнхенские студенты считали Лолу Монтес своим кумиром и даже выделили ей особую «личную гвардию», чтобы защищать от разного рода проявлений недоброжелательности. Конечно же, у группы поклонников фаворитки короля тут же нашлись противники из тех же студенческих кругов. В феврале 1848 года дело дошло до открытой потасовки, после чего королевским указом университет был закрыт до зимнего семестра. Для разгона мирной студенческой демонстрации, ставшей ответом на этот указ, полиция применила штыки. Ситуация вышла из-под контроля. 11 февраля 1848 года толпа осадила дворец, охраняемый полицией. Стекла были выбиты камнями. Осаждающие хотели поджечь дворец, и только приезд короля удержал их от этого. Лола Монтес под усиленной охраной была отправлена в Швейцарию. Но видимость отставки фаворитки только подогрела страсти. Толпа разгромила виллу графини. А затем последовала череда демонстраций. Теперь баварцы требовали уже не только изгнания иностранки, но и свободы собраний, изменения избирательной системы и большей политической свободы. Людвиг издал манифест, в котором обещал провести целый ряд реформ, что вызвало возмущение его семьи. Но даже этот шаг не смог вернуть ему расположение подданных. Противники короля упорно распускали слухи о том, что он собирается вернуть ко двору новоявленную графиню Ландсфельд. Последовали новые возмущения, и Людвиг I был вынужден подписать сначала декрет

о лишении своей фаворитки баварского гражданства, а затем – отречение от престола.

Теперь Людвиг и Лола не могли быть вместе, хотя вели между собой оживленную переписку. Сохранившиеся письма Лолы представляют собой пеструю смесь заверений в любви и просьб, суть которых сводится к одному: нужны деньги. В 1849 году она известила Людвига из Лондона, что выходит замуж по необходимости, но продолжает любить его (новым мужем бывшей королевской фаворитки стал поручик Гульд). Через полгода, находясь в Испании, она жаловалась, что муж бросил ее без средств к существованию. Следующее письмо, из Парижа, было на ту же тему: я в нищете, помоги, не лишай меня пенсии…

В 1852 году Лола бежала в Америку с цирком. Ее номер был верхом оригинальности: Лола Монтес представляла все свои главные «роли» в жизни – Танцовщицу, Фаворитку, Премьер-министра, Героиню Свободы и Беглянку. Увы, ни одна из этих ролей не сделала ее счастливой. Лола уже не пользовалась таким бешеным успехом, как раньше, но все же ее гастроли в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Сан-Франциско и Нью-Орлеане не были провальными. Ей явно не сиделось на месте: она уехала в Австралию, снова вернулась в Соединенные Штаты, отчаянно влюбилась в охотника на кроликов Карла Адлера. Но и этот роман был обречен. После несчастного случая Лола потеряла возлюбленного, продала остатки драгоценностей и вернулась на родину.

Последние годы своей жизни она посвятила пропаганде идеи эмансипации женщин. Многие были возмущены такой позицией: ведь ее жизнь едва ли можно назвать примером для подражания. Да и сам ее образ у большинства ассоциировался скорее с ролью Танцовщицы или Фаворитки, чем Премьер-министра. Впрочем, надо отдать должное: Лола всегда и во всем была самостоятельной (даже вопреки здравому смыслу) и никогда не шла на поводу у предрассудков.

Лучшие дни знаменитой танцовщицы миновали. Она осталась в одиночестве, забытая и бывшими врагами, и бывшими поклонниками. Красота ее увяла. И наверное, в том, что Лола Монтес прожила всего 42 года, есть своя справедливость – слишком невыносимо было бы вести полунищенское существование и помнить времена, что когда-то она была одной из первых красавиц Европы и жила в собственном дворце. Лола умерла 17 января 1861 года и была похоронена на церковном дворе в Гринвуде под Нью-Йорком. Плиту над ее могилой можно увидеть и сегодня. Но не стоит искать на ней имя, под которым некогда блистала придворная танцовщица. Смерть вернула ей

настоящее – Элиза Гилберт.

СОНЬКА ЗОЛОТАЯ РУЧКА

Настоящее имя – Шейндля-Сура Лейбовна

Соломониак-Блювштейн

(род. в 1847 г. – ум. в? г.)

Изобретательная воровка и авантюристка, известная многочисленными кражами и аферами. Некоторое время ее считали королевой преступного мира.

Эту женщину долгое время считали королевой преступного мира. До сих пор в Одессе на памятнике Соньке можно встретить надписи, оставленные ворами и бандитами разных стран: «Помоги, Соня, мы идем на дело», «Мать, дай счастья», «Дай нам успеха в деле», «Помоги избежать тюрьмы», «Соня, научи жить». Миф вокруг ее имени, появившийся еще при жизни удачливой авантюристки, родился в среде одесских бедняков, считавших Соньку грозой богачей и другом неимущих, своего рода одесским Робин Гудом. Одесситы навечно приписали ее к своему городу, хотя жизненный путь этой необыкновенной женщины начался совсем не в Одессе.

К сожалению, подлинной информации о жизни Золотой Ручки в настоящее время практически не сохранилось. Из оставшихся документов (в основном это выдержки судебных протоколов) известно, что Сонька появилась на свет в еврейской семье, жившей на окраине Варшавы, в 1847 году и была записана как Шейндля-Сура Лейбовна Соломониак. (Это потом она станет известной под именем Соня.) Когда девочке исполнилось 4 года, ее мать умерла, и отец женился во второй раз. Вместе со своей новой семьей Соня переехала в Одессу, где у мачехи была небольшая бакалейная лавка. Семья, в которой росла девочка, не особенно соблюдала закон. Используя бакалею как прикрытие, семейство Соломониак занималось контрабандой, скупкой и перепродажей краденых вещей, а также сбытом фальшивых денег. Сводная сестра Соньки Фейга, которая была немного старше, воровала. Так что с самого детства девочка получила все необходимые азы воспитания. Воровской талант проявился в ней с 14 лет. В это время Соня начала совершать первые мелкие кражи. Когда девушке исполнилось 17 лет, она решила, что самое

время покинуть отчий дом и начать самостоятельную жизнь. О причинах, побудивших знаменитую воровку к этому шагу, была сложена красивая легенда, которая сохранилась по сей день. Одесские старожилы рассказывают, что однажды Соня, прогуливаясь по берегу моря, встретила юного грека. Молодые люди полюбили друг друга и решили пожениться. Но семье молодого человека, владевшей сетью магазинов колониальных товаров, совсем не понравилась нищая, на их взгляд, девушка, к тому же еще и с сомнительными манерами, и они запретили своему сыну видеться с ней. Тогда, охваченные страстью, молодые люди убегают из дома, прихватив с собой в странствия приличную сумму денег. Но счастливый медовый месяц длился недолго, и через некоторое время изрядно поостывший молодой человек возвратился под отчий кров, а Сонька начала жизнь, полную опасностей и приключений. Впрочем, такой образ жизни всегда манил эту девушку. Вот такая душещипательная мелодрама. На самом же деле все было гораздо прозаичней.

В 1864 году Софья Шейндля действительно покинула дом своей мачехи, выйдя за некоего Ицка Розенбада (в Варшаве до наших дней сохранился акт о ее бракосочетании). Однако счастливая семейная жизнь вскоре надоела молодой женщине, и через полтора года она сбежала от мужа, прихватив с собой рожденную в браке дочь и 500 рублей (деньги по тем временам немалые). Вскоре она встретилась с неким рекрутом Рубинштейном и уехала с ним в Россию, где продолжала заниматься «любимым делом». Некоторое время, благодаря природному обаянию и удачливости Соньки, все проходило достаточно гладко, но, как говорится, сколько веревочке ни виться, все равно конец видать. В январе 1866 года удача неожиданно покинула авантюристку, и ее первый раз схватила полиция города Клина по обвинению в краже чемодана у юнкера Горожанского, с которым она познакомилась в поезде. Но здесь Соньке помогло выкрутиться ее обаяние и молодость. Молодая красивая женщина, с глазами, полными слез, сумела убедить доверчивых полицейских в том, что никакого злого умысла в ее поступке не было, и чемодан она прихватила абсолютно случайно. К тому же сам юнкер Горожанский, проникшийся симпатией к девушке, тотчас же снял все выдвинутые против нее обвинения.

Окрыленная удачей, Сонька продолжила свой путь и приехала в Петербург. Там она жила в течение двух последующих лет, промышляя кражами и аферами (больше никаких сведений об этом периоде нет). В 1868 году она ненадолго покинула Питер и уехала в Динабург, где вышла замуж за старого богатого еврея

Шелома Школьника. Это был ее второй официальный брак. Но Сонька была не создана для счастливой семейной жизни, и вскоре она бросила мужа и со своим любовником Михаилом Бренером и его братом Абрамом вернулась в город на Неве, где продолжила заниматься кражами, правда, теперь уже по-крупному. Вместе с Бренером Сонька обчищала дачи аристократов. Именно в это время ей приходит в голову несколько расширить воровской бизнес, и она делает первую попытку создать что-то вроде воровской бригады. С этой целью Сонька приглашает в Питер известного вора Левита Сандановича и вместе с ним и его людьми устраивает серию гостиничных краж, получивших название «С добрым утром!». Все эти кражи проходили по одному сценарию: элегантно, со вкусом одетая Сонька снимала номер в каком-нибудь хорошем отеле и начинала присматривать будущую жертву. Выбрав, она, надев на ноги войлочные туфли, проникала в нужный номер рано утром, когда вся обслуга отеля еще спала, и начинала искать деньги и драгоценности. Как правило, воровка успевала уйти до того, как хозяин номера просыпался. Если же вдруг по каким-то причинам ее заставали на месте преступления, то молодая женщина делала вид, что ошиблась номером, смущалась, краснела и пускала в ход все свои сексуальные чары. Иногда, ради дела, могла и переспать с жертвой, причем делала это искренне и естественно, что называется, с выдумкой и огоньком (впоследствии в Питере широко распространится способ воровства с отвлечением жертвы на секс – этот метод получит название «хипеса»). Украденные драгоценности через своих сообщников она сбывала ювелиру Михайловскому.

Будучи по натуре человеком деятельным, она не ограничивалась только гостиничными кражами: с не меньшим успехом воровала в магазинах и ювелирных лавках. Для этого у Соньки были припасены некоторые «фирменные приемы». Например, драгоценности с прилавков она уносила под специально отрощенными ногтями (возможно, именно из-за этого ее прозвали «Золотая Ручка»). Для совершения краж в магазинах она использовала платье-мешок, в котором можно было вынести целый рулон ткани. Так же часто брала с собой на дело обезьянку, и, пока хозяйка торговалась, зверек проглатывал камни, а дома его от них освобождали при помощи клизмы.

Долгое время удача шла с молодой женщиной под руку, но все когда-нибудь заканчивается, и в 1870 году Сонька крупно «засыпалась» в Петербурге, едва успев унести ноги из приемного покоя Литейной части и оставив полицейским изъятые вещи и деньги. После этой истории она, поняв, что уже несколько примелькалась в столице и надо бы на некоторое время

исчезнуть, отправилась в большое «международное турне» по крупным городам Европы. Везде, где бы Золотая Ручка ни появлялась, она выдавала себя за русскую аристократку. Впрочем, большого труда ей это не составляло, так как Сонька прекрасно говорила на немецком, французском, польском языках (не считая, естественно, русского и идиша) и одевалась со вкусом, следуя последним веяниям моды. В своих похождениях она напропалую знакомилась с разными богатыми дураками и обворовывала их, усыпляя либо изнурительным сексом, либо, если клиент попадался очень крепкий, специальными порошками.

В 1871 году, вернувшись из вполне удачного турне, Золотая Ручка предприняла еще одну попытку создать семейный очаг и вышла замуж за известного железнодорожного вора Михеля Блювштейна, чьи родители жили в Одессе. Этот брак продержался несколько лет и распался, подарив Соньке еще одного ребенка – дочку Таббу. Ходили слухи, что причиной развода послужила крайняя любвеобильность молодой женщины (Блювштейн постоянно застукивал жену то с каким-то бароном, то с графом, а то и просто с приглянувшимся нищим офицериком).

Расставшись с очередным мужем, Золотая Ручка продолжила успешную карьеру воровки, но ненадолго. В 1871 году в Лейпциге она попала в полицию, которая передала известную мошенницу под надзор Российскому посольству. Россия, явно не осчастливленная таким приобретением, поспешила поскорее избавиться от Соньки и выслала ее за границу. Мошенница несколько лет путешествовала по Европе, предпочитая немецкоязычные страны: Германию, Австро-Венгрию, бывала также в Париже и Ницце. В течение некоторого периода о талантливой воровке ничего не было слышно, пока наконец в 1876 году она не попалась в Вене вместе со своим тамошним любовником Элиасом Венигером. Их обвинили в краже 20 тысяч талеров в Лейпциге. Правда, из этой истории Соньке удалось выпутаться достаточно легко. Пустив в ход все данное ей от природы обаяние, она очаровала полицейских и ускользнула, заложив в столице Австро-Венгрии четыре краденых бриллианта.

После этого молодая женщина решила, что уже достаточно поездила по заграница, и вновь вернулась в Россию. На родине она снова берется за свое ремесло и обворовывает лучшие отели Москвы, Питера, Нижнего Новгорода и других крупных городов. Некоторое время все сходит ей с рук. Но с возрастом Сонька понемногу становится сентиментальной. В некоторых случаях она проявляет жалость к бедным людям, пострадавшим от ее деяний. К примеру, как-то она узнала из газет, что одна из обворованных ею женщин – бедная вдова простого служащего с двумя дочерьми,

получившая пособие в пять тысяч рублей после смерти своего мужа. Прочитав об этом, Золотая Ручка тут же поспешила на почту и переправила вдове сумму, превышающую сумму украденных денег. К переводу она приложила письмо, в котором написала следующее: «Милостивая государыня! Я прочла в газете о постигшей вас беде. Я сожалею, что моя страсть к деньгам послужила причиной несчастья. Возвращаю вам ваши деньги и советую впредь поглубже их прятать. Еще раз прошу у вас прощения. Шлю поклон вашим бедным малюткам». Объяснить такой поступок, видимо, можно тем, что Сонька сама очень любила своих дочек и тратила бешеные деньги на их образование сначала в России, а потом во Франции.

Второй приступ благородства случился с мошенницей во время ее «работы» в одной из гостиниц Москвы. Войдя в намеченный номер, при свете горевшей свечи она увидела спящего на кровати поверх покрывала молодого человека. Подойдя к столу, где обычно хранятся портмоне, часы и другие приятные принадлежности клиентов гостиницы, Золотая Ручка увидела там какие-то бумаги, судя по всему письма, и револьвер. Сонька взяла письма в руки. Они были адресованы полицмейстеру, городскому прокурору, хозяину гостиницы и матери. Прочитав их, она узнала о том, что молодой человек потратил казенные 300 рублей на лечение больной сестры и, не имея возможности их вернуть, решил свести счеты с жизнью. Проникшись к нему жалостью, мошенница положила рядом с письмами 500 рублей одной купюрой и тихонько вышла.

Все эти выходки приводили в восторг почтеннейшую публику. Популярность Соньки была настолько велика, что ее начали узнавать на улицах. Поначалу ей это льстило, но затем известность стала мешать карьере. Ведь воровское дело крайне тихое. К тому же потихоньку к ней приближалась старость и удача начала отворачиваться. В поисках ее она вернулась в Одессу. Но вместо удачи нашла здесь любовь. Сонька без памяти влюбилась в двадцатилетнего красавчика Владимира Кочубчика (в миру – Вольф Бромберг, известный тем, что воровать начал с восьми лет). А он, осознав это, бросил воровать и начал нещадно эксплуатировать любовницу, требовать от нее деньги. Владимир просто превратился в капризного и раздражительного альфонса, беспрестанно проигрывавшего все заработанное Золотой Ручкой. Стараясь удовлетворить постоянно возрастающие аппетиты любовника, она вынуждена была все больше рисковать. Этот роман окончился трагически: однажды после провала очередного «дела» Владимир подставил Соньку. А было это так. Молодой налетчик взял под залог у одесского ювелира бархотку с голубым

алмазом и подарил ее любовнице в день ее ангела, 30 сентября. В качестве залога служила закладная на часть богатого дома в Ланжероне, которая на четыре тысячи рублей превышала стоимость камня. Ювелир уплатил клиенту разницу наличными, а вскоре Владимир вернул алмаз, якобы не понравившийся его даме. Владелец ювелирной лавки быстро установил, что возвращенный камень – подделка, а указанного в закладной дома и вовсе нет. Когда полиция задержала Кочубчика, то он тут же «признался», что организатором мошенничества была Сонька, она же дала ему копию алмаза и фальшивый заклад.

В 1880 году в Москве состоялся суд над Сонькой и ее подельниками – многочисленными бывшими мужьями и любовниками, в том числе и над Кочубчиком. Сонька держалась с невероятным достоинством. Создавалось ощущение, что это не известная мошенница и воровка, а великосветская дама, случайно попавшая на вечеринку дворников и кучеров. Вот как она выглядела тогда, по словам очевидца (взято из судебных протоколов): «…Шейндля Блювштейн – женщина невысокого роста, лет 30. Она, если не красива теперь, а только миловидна, симпатична, все-таки, надо полагать, была прехорошенькой женщиной несколько лет назад. Округленные формы лица с немного вздернутым, несколько широким носом, тонкие ровные брови, искрящиеся веселые глаза темного цвета, пряди темных волос, опущенные на ровный, кругловатый лоб, невольно подкупают каждого в ее пользу. Это лицо, немного притертое косметикой, румянами и белилами, изобличает в ней женщину, вполне знакомую с туалетным делом. В костюме тоже проглядывается вкус и умение одеваться. На ней серый арестантский халат, но прекрасно, кокетливо скроенный. Из-под рукавов халата выглядывают рукава черной шелковой кофточки, из-под которой в свою очередь белеются манжеты безукоризненной белизны, отороченные кружевцами. На руках черные лайковые перчатки, щегольски застегнутые на нескольких пуговицах. Когда халат распахивается, виден тончайший передник, с карманами, гофренный на груди и внизу. На голове белый, обшитый кружевами платок, кокетливо сложенный и заколотый у подбородка. Держит она себя чрезвычайно спокойно, уверенно и смело. Видно, что ее совсем не смущает обстановка суда, она уже видала виды и знает все это прекрасно. Поэтому говорит бойко, смело и не смущается нисколько. Произношение довольно чистое и полное знакомство с русским языком… Процесс был долгим и бурным, несмотря на то, что Сонька отрицала все предъявленные ей обвинения, ее приговорили к лишению всех прав состояния и ссылке в отдаленные места

Сибири»…

Ее сообщники отделались намного легче. Их приговорили к арестантским работам на срок от 1 до 3 лет. Например, Кочубчик получил всего 6 месяцев «работного дома» (по выходе он стал состоятельным домовладельцем в одном из южных городов России).

Но и в Сибири Сонька не потеряла присутствия духа. Ее криминальный талант не давал мошеннице жить без «дела». Сплотив вокруг себя отъявленных головорезов, Сонька стала планировать преступные операции против состоятельных поселенцев. Но вскоре ей это надоело, и мошенница решила вернуть себе свободу. Правда, в 1881 году Золотая Ручка все еще находилась в Красноярском крае, но уже летом 1885 года бежала из Сибири. Некоторое время она вела себя вполне пристойно и нигде не засветилась. Но врожденная страсть к аферам не давала покоя, и в ноябре 1885 года Золотая Ручка все же была уличена в нескольких кражах ювелирных изделий на большую сумму. Вот одно из вышеупомянутых ограблений. В некий ювелирный магазин (к сожалению, более точных сведений о его месте нахождения нет) зашла красивая дама средних лет в сопровождении своей семьи – отца, убеленного сединами, и младенца женского пола вместе с бонной. Дама, представившаяся курляндской баронессой Софьей Буксгевден, пожелала купить драгоценности, и управляющий магазина порекомендовал ей коллекцию украшений на 22 тысячи 300 рублей. Когда драгоценности были упакованы, то почтенная дама вдруг вспомнила, что забыла деньги дома. Тогда она, оставив в залог свою семью, удалилась за наличностью, прихватив с собой бриллианты. Прождав 2 часа, управляющий заявил в участок, и тут выяснилось, что оставленные в залог «родственники» были наняты на Хитровке по объявлению в газете. Вот таким образом Сонька ознаменовала свое освобождение.

Однако гулять на воле ей довелось недолго. В декабре того же года ее вновь арестовали в Смоленске и осудили. Но 30 июня 1886 года она бежала из смоленской тюрьмы вместе с надзирателем Михайловым, которого влюбила в себя. Через 4 месяца ее снова поймали и после очередного судебного разбирательства вынесли приговор – ссылка на Сахалин. Видимо, российские власти на этот раз вознамерились упрятать мошенницу как можно дальше. Летом 1888 года ее отправили пароходом из Одессы в Александровск-на-Сахалине. В день отплытия парохода набережная Карантинного мола была усеяна народом. Казалось, что вся Одесса пришла прощаться с Сонькой Золотой Ручкой. Кстати, во время отправления произошел

интересный случай. На палубе парохода, отбывающего на Сахалин, среди чинов администрации находился одесский градоначальник П. Зеленой (видимо, высокое начальство захотело поближе рассмотреть знаменитую воровку). После небольшой прощальной речи он пожелал мадам Блювштейн счастливого пути и попросил передать сахалинскому начальству его соболезнования по поводу столь ценного приобретения. Растроганная таким вниманием, Сонька решила сделать прощальный подарок губернатору. В тот момент, когда он уже собрался покинуть пароход, она протянула ему руку с золотыми часами с накладным гербовым орлом на крышке.

Губернатор посмотрел на болтающуюся пустую цепочку на своем пиджаке и пробормотал: «Спасибо» и тут же, под веселый смех матросов поспешил сойти на берег. А для Соньки с этого момента начался очередной этап жизни в ссылке.

На Сахалине она в первое время, как и все присылаемые сюда женщины, жила вне тюрьмы, на вольной квартире, но мысль о том, что она не свободна, не давала покоя этой женщине, и она решила бежать, нарядившись для этого солдатом. Обнаружив ее исчезновение, тотчас же снарядили погоню. За ней бросили два отряда солдат: один отряд гнал беглянку по лесу, другой – поджидал ее на опушке. Ловили Соньку в течение нескольких суток. И вот, наконец, из леса на опушку выбежала фигура в солдатском платье. Командир первого отряда, измученный долгим ожиданием, отдал команду стрелять, и тотчас же раздался залп тридцати ружей. Упав на землю за мгновение до начала стрельбы, переодетая Сонька закричала: «Не стреляйте! Сдаюсь!» Соньку снова арестовали и под конвоем доставили в Александровск, где она была наказана 15 ударами плетей. Больше желания бежать у нее не возникало.

Вернувшись в город, Софья Блювштейн становится хозяйкой маленького квасного заведения. Официально она стала числиться содержательницей квасной. Сонька варила великолепный квас, построила карусель, набрала среди поселенцев оркестр из четырех человек, отыскала среди бродяг фокусника, устраивала представления, танцы, гулянья, во всем копируя одесские кафешантаны. Можно сказать, что ей удалось в этом диком крае воссоздать маленький кусочек Одессы. Но все же ее воровская натура не успокаивалась. Через некоторое время она начала неофициально торговать водкой, скупать и перепродавать краденые вещи, организовала игорный дом. Полицейские чины, пытавшиеся прекратить эти безобразия, сетовали, что проводят у нее обыски три раза в неделю – днем и ночью, но как и где ей удавалось хранить водку, никто не знал. Проверяли даже пол и

стены – безрезультатно. Можно сказать, что на этом ее история и оканчивается, но, учитывая многочисленное количество легенд, ходивших об этой женщине на Сахалине, мы пришли к выводу, что конец у этой истории мог быть совсем другим, более печальным. По некоторым слухам, постаревшая и больная Сонька решилась на новый побег. Говорят о том, что это был жест отчаяния, последний рывок к свободе. Сонька прошла всего около двух верст. Силы ее оставили, и она упала без сознания. Ее нашли конвойные при обходе. Через несколько дней, не приходя в сознание, она умерла в тюремном лазарете.

Вот так окончился жизненный путь знаменитой воровки и авантюристки Софьи Блювштейн. Но легенда о ней на этом не заканчивается. Воровской мир не мог смириться со смертью Золотой Ручки и создал миф, в котором вместо Соньки наказание отбывала другая, похожая на нее женщина. А сама королева преступного мира тайно уехала в Москву, где доживала остатки дней у своих дочерей. Преклонный возраст и подорванное каторгой здоровье не позволяли больше активно заниматься старой воровской профессией. Но московская милиция столкнулась со странными и загадочными ограблениями. В городе появилась маленькая обезьянка, которая в ювелирных магазинах прыгала на посетительницу, подбирающую себе колечко или бриллиант, глотала ценный предмет и убегала. Эту обезьянку Сонька привезла из Одессы. Легенда гласит, что умерла Сонька Золотая Ручка в преклонном возрасте и похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище, на участке № 1. После ее смерти на деньги одесских, неаполитанских и лондонских мошенников ей был поставлен памятник, и многие нынешние мошенники и воры совершают к нему паломничество.

ЯКУБОВСКИЙ ДМИТРИЙ ОЛЕГОВИЧ

(род. в 1963 г.)

Московский адвокат, к 30 годам совершивший головокружительную карьеру: от технического работника прокуратуры до секретаря правления Союза адвокатов СССР и юридического советника Правительства РФ. Был арестован по обвинению в краже редких книг из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Благодаря СМИ известен под прозвищем Генерал Дима.

О нем снят двухсерийный документальный фильм. И это в то время, когда документальных фильмов, а тем более биографических, практически не снимают. Эта лента была показана телеканалом «Останкино» осенью 1994 года, то есть на самом пике известности Дмитрия Якубовского. Перефразируя Владимира Маяковского, можно сказать – если фильм снимают, значит это кому-нибудь нужно? Чем же так известен этот человек, что один из центральных российских каналов, не скупясь, посвящает ему свое эфирное время?

О Дмитрии Якубовском известно довольно много, но в

основном, как говорится, из субъективных источников. Это многочисленные интервью с ним и близкими ему людьми. Еще существует книга «Генерал Дима. Карьера. Тюрьма. Любовь», написанная его пятой женой. Уже находясь в тюрьме, Якубовский развелся с тогдашней супругой Мариной Краснер и женился на своем адвокате Ирине Перепелкиной, которая и является автором книги. Что же касается интервью, то их герой честно заявляет: «Обо мне уже столько написано, а что – правда, знает только Бог. Все, что я сейчас расскажу, этому верить не надо, потому, что говорить я буду с поправкой на Уголовный кодекс, на что-то еще. А кто хотел знать, тот и так давно все знает».

Дмитрий Олегович Якубовский родился 5 сентября 1963 года в поселке Болшево Московской области в семье старшего научного сотрудника НИИ Минобороны. Его отец умер в 42 года в чине подполковника, облучившись на работе. После школы Дмитрий пытался поступить в Ленинградский институт военных инженеров, но неудачно. В результате он стал курсантом Пермского высшего командного училища ракетных войск. По данным газеты «КоммерсантЪ-Daily», из этого училища его отчислили «за низкие моральные качества». Что кроется за подобной формулировкой, неизвестно.

После отчисления Дмитрию ничего не оставалось, как уйти рядовым в армию. Именно здесь впервые наиболее явно проявился тот авантюрный дух, который впоследствии будет способствовать таким впечатляющим взлетам и падениям нашего героя.

Якубовский – авантюрист нового типа. С одной стороны, он обладает навыками авантюриста классического: ловкостью, находчивостью, умением нравиться, даром красноречия. С другой – для достижения намеченной цели использует современные технические средства. Журналисты так и прозвали его – «Виртуоз коммуникаций». Хотя правильнее было бы сказать – «Виртуоз телефонной трубки». В то доинтернетовское время телефон являлся наиболее удобным, распространенным и доступным средством связи. Именно с его помощью и совершил Якубовский свою головокружительную карьеру.

Но вернемся к пока еще солдату Диме. Примерно раз в неделю рядовой Якубовский, подсоединившись к линии дальней связи, звонил своему командиру. При этом он представлялся генералом. Может, именно отсюда и пошел Генерал Дима? Как бы там ни было, но простой вопрос: «Как там у вас Якубовский служит?», задаваемый регулярно «вышестоящим начальством», возымел свое действие. Солдата, столь интересного самому генералу, демобилизовали в первый же год службы и на белой

«Волге» отвезли на вокзал к поезду до Москвы.

Первое, что купил Якубовский по прибытии в столицу, был телефонный справочник. На Ярославском вокзале он обошелся всего в 5 рублей. С его помощью, обзвонив все министерства и ведомства, Дима получил место в Прокуратуре СССР. Попутно он начал учиться во Всесоюзном заочном юридическом институте. Шел 1982 год. Скажете – фантастика? Нет. Только правильная подача себя, и, конечно же, по телефону. Звучало это примерно так: «Здравствуйте, я демобилизованный из Советской Армии. Не найдется ли у вас места технического работника?». Время советское, к солдатам в госструктурах, особенно правовых, относились уважительно. В дальнейшем, подыскивая работу получше, Якубовский представлялся уже работником Прокуратуры Союза. Таким, как вы понимаете, и подавно не отказывают.

Теперь уже не Дима, а Дмитрий Олегович превратил телефонный разговор в искусство. Он бы мог написать книгу «Как сделать карьеру при помощи телефонной трубки». Исходя из признаний самого вероятного автора основные ее постулаты звучали бы примерно так:

1. Самое главное – техническое обеспечение. У тебя должен быть хороший телефонный аппарат и всевозможные телефонные справочники. Покупай только свежие издания. Хорошо бы приобрести диск с номерами мобильных телефонов абонентов МТС и «Би Лайн» (можно купить на «Горбушке»).

2. Звони из того места, где чувствуешь себя комфортно. Единственное условие – никакого «фонового» сопровождения разговора.

3. Твой голос – главное оружие. Он должен быть уравновешенным и уверенным. Советую улыбаться телефонной трубке.

4. Звони с утра, пока высокий собеседник еще полон сил и не обременен заботами нового дня. Если удастся узнать, в какое время начальник обедает, звони сразу после обеда. В это время люди обычно пребывают в благодушном расположении духа.

5. Будь краток и сразу излагай суть дела.

6. Никогда ничего не проси. Излагай только собственные идеи и предложения. Ты должен заинтересовать собеседника, а не «напрячь» его.

7. Блефуй.

8. Дай понять, что уважаешь время собеседника: «Я знаю, что вы очень заняты, но не могли бы вы уделить мне пару минут?»

9. Никогда не делай ударение на слове «я». Фразу: «Я бы хотел поговорить с вами» – заменяем на: «Не могли бы вы

поговорить со мной?»

10. Не бойся секретарей. Веди себя с ними как большой начальник. Уверенно произноси фамилию, имя и отчество, даже если они известны только тебе и твоим родителям.

11. Используй любой вопрос в своих интересах. Если начальник поинтересуется, откуда, собственно, ты узнал его телефон, не оправдывайся, а спокойно скажи: «У меня было огромное желание пообщаться с вами. Я вообще всегда добиваюсь своего».

12. Никогда не сообщай человеку, что он «твоя последняя надежда». Даже самый гуманный начальник не захочет чувствовать себя соломинкой, брошенной утопающему.

13. Поддерживай свою респектабельность. Будучи рядовым служащим на базе Госснаба, я просил одну из сотрудниц подходить к телефону и интересоваться, кто меня спрашивает. Вывод напрашивался сам: если у человека есть секретарь, значит, этот человек чего-нибудь стоит.

14. Используй шапочные знакомства. В свое время у меня были визитки с текстом в два слова: «Якубовский Дмитрий». По правилам этикета в обмен на твою карточку любой человек, даже занимающий самое высокое положение, должен протянуть тебе свою.

15. Не делай точных заготовок. Если ты собьешься с заученного текста, то растеряешься и не сможешь продолжать нормальную беседу. Достаточно лишь продумать ход разговора.

16. Приготовься к худшему. Перед тем, как набрать номер, представь себе самый плохой вариант развития ситуации: послали куда подальше, назвали проходимцем и т. д. В конце концов, человек никогда тебя не увидит.

17. Не опускай руки. В одной только Москве несколько миллионов абонентов. Среди них есть тот, что принесет тебе успех.

Все эти и многие другие тезисы Якубовский не только вывел, но и принял на вооружение и неоднократно ими пользовался. Хотя большинство из них не ново, сведенные в единую систему, они производят впечатление. Вот как, со слов самого Дмитрия, выглядело наиболее блестящее применение пункта 7. «Как-то мне попался кремлевский справочник с домашними телефонами. Я стал набирать все номера подряд: любопытно было узнать, кто из властей предержащих сам подходит к телефону. “Язов”, – вдруг услышал я в трубке. Шанс поговорить напрямую с министром обороны выпадает раз на миллион. Моментально надо было придумать, чем его заинтересовать. В то время происходило сокращение Черноморского флота, и я предложил юридические

услуги. “Мы этим уже занимаемся”, – ответил Язов. У меня оставалось мгновение, чтобы сделать министру предложение, от которого он не сможет отказаться: “Идет вывод войск из Германии, я знаю, как вернуть наши материальные ценности”. Конечно, как вернуть ценности, я тогда не имел ни малейшего представления. Но разработать план действий можно и потом. Главное – попасть на должность. На следующий день был подписан приказ о моем назначении на должность руководителя рабочей группы Западной группы войск».

Звучит все это, конечно, малоправдоподобно, но пока никто не доказал обратного. В октябре 1990 года Дмитрий Олегович Якубовский действительно был назначен руководителем юридической комиссии по проведению экспертизы имущества Западной группы войск (Группа советских войск в Германии). И это в 27 лет!

Возможно, что у нашего героя и дальше все могло бы сложиться благополучно и успешно. Поначалу так оно и было. С 1990 по 1992 год Якубовский работает в Швейцарии в дочерней фирме «Агрохима». Затем, по возвращении в Москву, – в комитете по военной реформе. Потом становится юридическим советником правительства. Ему присваивается звание полковника, и уже готовятся бумаги на звание генерал-лейтенанта. Вот тут-то и разражается скандал, который впоследствии назовут «войной компроматов».

Еще в 1990 году завязав знакомство с Д. Язовым, Якубовский стал общаться накоротке со многими членами последнего советского правительства. Например, с самим Председателем Верховного Совета СССР Анатолием Лукьяновым, министром внутренних дел РСФСР Виктором Баранниковым, а также с генеральным прокурором РСФСР Валентином Степанковым. Это и позволило ему стать официальным представителем Верховного Совета РСФСР в силовых структурах. И вот в 1993 году разразился скандал, связанный с швейцарско-российской фирмой «Сиабеко», в которой Якубовский также работал. В него были замешаны такие имена, как Александр Руцкой, Владимир Шумейко, Валентин Степанков.

По данным российской прессы, скандал виделся следующим образом. Дмитрий Якубовский, располагая сведениями и материалами о коррумпированности первого вице-премьера правительства России Владимира Шумейко и других высокопоставленных государственных чиновников (все они были сторонниками президента Бориса Николаевича Ельцина), сообщил об этом людям, близким к вице-президенту Руцкому и Руслану Хасбулатову, который находился тогда в должности

спикера. Его стали уговаривать предать эти факты гласности, и он вроде бы согласился. Но потом то ли повел «двойную игру», то ли его вынудили сотрудничать с Межведомственной комиссией при президенте России по расследованию коррупции в высших эшелонах власти. В результате в коррумпированности обвинили самого Александра Руцкого и предпринимателей, близких к Верховному Совету. Это был первый случай, когда Якубовский оказался замешанным в крупном скандале. Однако далеко не последний. Хотя после этого он был уволен и год прожил в Канаде.

По возвращении в Москву в 1994 году Якубовский открывает адвокатскую контору. По словам очевидцев, жил не бедно. Имел целый штат слуг и телохранителей. Однако не желал останавливаться на достигнутом. И в декабре того же года его арестовали, обвинив в соучастии в краже редких книг из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, незаконных операциях с валютой и попытке контрабанды. Якубовский был задержан 20 декабря 1994 года в Москве. Следствие полагало, что принять участие в краже его вынудило тяжелое финансовое положение. Мол, адвокатская практика не позволяла жить на столь широкую ногу, и пришлось задолжать одной канадско-российской туристической фирме. В приговоре фигурировала цифра в 80 тыс. долларов.

Кража, о которой идет речь, получила название «ограбление века». Были похищены редчайшие рукописи, оцененные в триста миллионов долларов. В ночь с 10 на 11 декабря 1994 года через окно книгохранилища, не подсоединенное к сигнализации, преступники проникли в библиотеку и по заранее составленному списку отобрали около девяноста особенно ценных рукописей и книг. Грабителями оказались два израильтянина, два тезки Ицхаки Зруг, двоюродные братья. Участие израильтян объясняется совсем не происками мирового сионизма, а хорошей подготовкой преступления. Похитить подобные ценности можно было не только благодаря нашей извечной халатности (вспомним про окно без сигнализации), но и в результате хорошей информированности. Дело в том, что незадолго до преступления в Израиль эмигрировал питерский профессор Виктор Левада. Именно он до отъезда и являлся хранителем этой самой библиотеки. По данным израильской полиции, Левада познакомился с братьями Зруг и рассказал им, как плохо охраняются уникальные ценности на его прежнем месте работы. Его жена Светлана слетала с одним из братьев в тогда еще Ленинград на разведку. Она же помогла арендовать квартиру, куда впоследствии преступники принесли в чемоданах

украденное. За этими-то чемоданами и должен был якобы прийти Дмитрий Якубовский, но не пришел. Хозяева квартиры, взволнованные наличием вещей и отсутствием постояльцев, вызвали милицию, которая и вернула похищенное в библиотеку. Хотя курсируют неподтвержденные слухи, что возвращено было далеко не все. Вроде бы наиболее ценные экземпляры все-таки пропали и были успешно проданы. Правда, это вызывает сомнение, поскольку продавать такие вещи крайне трудно из-за их уникальности и известности. Но преступники сочли Якубовского способным вывезти раритеты в Швейцарию. Во всяком случае так планировалось. Русский профессор и грабители отрицают факт сотрудничества в столь противоправном деле. Только тогда непонятно, откуда у похитителей оказался столь подробный перечень наиболее ценных рукописей с указанием их места хранения?

Возвращаясь к Якубовскому, следует сказать, что он себя виновным не признал и впоследствии называл дело целиком дутым. Однако суд Санкт-Петербурга признал его виновным по статьям Уголовного кодекса 147-2 (соучастие в хищении предметов особой культурной ценности) и 162-7 (незаконные операции с валютой), а обвинение в попытке контрабанды снял. Наказание было определено в виде 5 лет лишения свободы с содержанием в колонии общего режима и конфискацией имущества. Также с него взыскали судебные расходы.

По отношению к Якубовскому «библиотечное дело» было шито белыми нитками. Будучи практикующим адвокатом, он не мог этого не понимать и не пытаться этим воспользоваться. Следовательно, была подана кассационная жалоба. Если бы Верховный суд ее удовлетворил, то Генерал Дима вышел бы на свободу, так как к тому времени, с учетом предварительного следствия, он уже отсидел 2 года, полагающиеся ему за валютные операции. Но в 1997 году ему добавляют еще 2 года по дополнительному обвинению в издевательстве над сокамерником.

Фамилия Якубовского снова на первых полосах газет, и снова он герой грязной и до конца не понятной истории. И, разумеется, ни в чем не виноват. По собственному признанию, конечно. Вот как объясняет произошедшее сам невинный арестант: «Мы не любили друг друга с товарищем Коржаковым, а он был вторым человеком в государстве. Сначала сказали, что я ворую книжки в библиотеке, как будто это был мой единственный вид дохода, как будто нечего больше было украсть в стране. Потом, когда эта ситуация, грубо говоря, навернулась, придумали другое дело. Якобы я, сидя в камере, насилую и избиваю сокамерников. Нашли

потерпевшего, который был трехкратный мастер спорта, он дал показания, и его отпустили». Если же верить сотрудникам Калининского РУВД, то Якубовский регулярно измывался над соседом по камере Игорем Христенко, которого избивал, сексуально домогался, надевал на голову полиэтиленовый мешок и так далее. Правда, все это он проделывал не один, а вместе с еще одним арестантом – обвиняющимся в умышленном убийстве Алексеем Сидоровым (ему тоже дали два с половиной года). Где правда – знают только участники случившегося и, возможно, остальные шесть обитателей камеры № 83. Хотя даже адвокаты Якубовского признавали, что отношения с сокамерниками у их подзащитного складывались непросто. С одной стороны, общеизвестно, что юристов в тюрьмах не очень любят, с другой – вследствие осведомленности о законах системы Генералу Диме постоянно мерещились «подсадные утки». Возможно, привыкнув быть везде своим человеком или, как говорят, «душой общества», Якубовский решил и здесь не менять своих привычек. А как можно самоутвердиться в тюрьме? Покажи свою силу, иначе другие воспользуются твоей слабостью. Но то ли объект демонстрации силы оказался неудачным, то ли он был подставным. Два сломанных ребра и многочисленные синяки и царапины стали неопровержимым доказательством слов потерпевшего, хотя про сексуальные домогательства ему просто поверили на слово. Судья решила, что раз он не соврал в одном, то и другое правда. Непонятно только, почему многократно отраженные в медицинском журнале «Крестов» подобные случаи, как правило, не доходят до суда? Хотя там фигурируют не только переломы ребер, но и конечностей, челюстей, сотрясения мозга и многое другое. Может, потому, что другие пострадавшие не проявляют такого упорства в поиске справедливости, а судьи – в наказании.

Как бы там ни было, отсидев с 1994 по 1999 год все причитающиеся ему 5 лет, Дмитрий Олегович Якубовский вновь оказался на свободе. Он по-прежнему не сидит без дела. Ведь теперь, если верить визитной карточке, он «адвокат, доктор юридических наук, профессор». Именно в тюрьме ему удалось написать третью диссертацию на очень близкую самому автору и очень ходовую нынче тему: «Конституционные основы прав заключенных в уголовном процессе». С Якубовским постоянно консультируются журналисты, особенно по поводу Гусинского. Он охотно отвечает, считая, что лишняя популярность ему будет только полезна. А может, в память о старой дружбе с известным московским журналистом Андреем Карауловым, который навещал его в «Крестах» и многим помог. Генерал Дима не

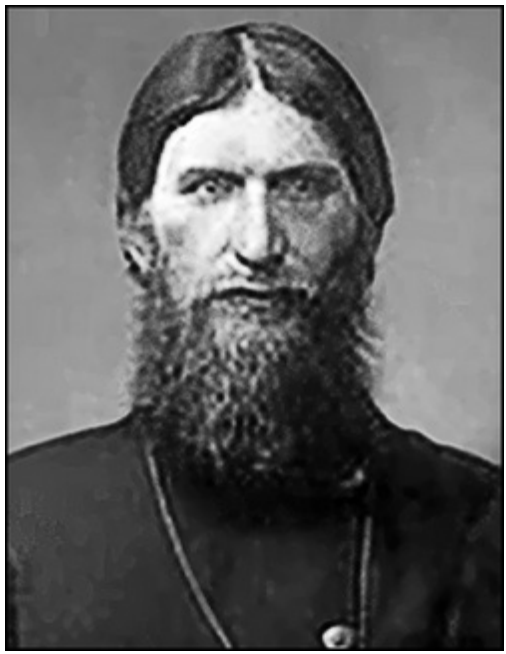
гнушается и такими «мыльными», но весьма популярными передачами, как «Большая стирка», в которых тоже участвует. Охотно философствует о том, что даже великий Лев Толстой писал, что тот, кто не сидел в тюрьме, не знает жизни. Говорит, что мечтает «о временах, когда у адвокатов вообще не будет работы в уголовном судопроизводстве» и «это будет означать, что государство само защищает своих граждан». В общем, из лихого разведчика Исаева-Штирлица, на которого он так мечтал быть похожим, о чем признавался в том самом документальном фильме, превращается в эдакого «сеньора из общества». Как мы помним, герой Эдуардо де Филиппо, вращаясь среди людей известных, старается извлечь из этого максимум выгоды для себя. Якубовский тоже заявляет без обиняков: «Адвокатурой я продолжаю заниматься в порядке хобби, а занимаюсь тем, чем и занимался всегда, – просто со всеми дружу, вот основное мое занятие». Или еще лучше: «Я дружу со всеми, и это приносит мне деньги. …Я общаюсь с одними людьми, которым что-то нужно от других людей, с этого я получаю какие-то дивиденды, плачу налоги и живу спокойно».

ГУРУ И АДЕПТЫ ТАЙНЫХ ЗНАНИЙ

РАСПУТИН ГРИГОРИЙ ЕФИМОВИЧ

Настоящая фамилия – Григорий Евфимович Новых (Вилкин)

(род. в 1864, 1865, 1869 или в 1872 г. – ум. в 1916 г.)



Духовный наставник царицы Александры Федоровны, жены Николая II. В период с 1905 по 1916 год активно влиял на внешнюю и внутреннюю политику России. Выступал против втягивания России в военные конфликты. Неоднократно обвинялся в пьянстве, распутстве и взяточничестве, но все обвинения снимались по требованию царской семьи. В народе его называли «святым старцем», а при дворе именовали «Гришкой» и «злым гением царской семьи».

Знаменитый пророк, целитель и «Друг» царской четы Григорий Ефимович Распутин родился в крестьянской семье в селе Покровском Тобольской губернии. Свое прозвище Распутин, которое впоследствии заменило ему фамилию Новых, он получил в юности. Однако, как считают исследователи, в частности Б. Алмазов в статье «Распутин и Россия», и она тоже не была его

настоящей фамилией. Дело в том, что отец Григория, безземельный крестьянин, потомственный почтовый ямщик Евфимий Вилкин однажды по пьяному делу не уследил, как у него украли пристяжную. За «растрату казенного имущества» ему дали год, а когда он вышел из тюрьмы, то его место на почте оказалось занятым. И пришлось Вилкину обосноваться в районе «новых мест» заселения в Тобольской губернии (ныне Тюменская область). Крестьяне-переселенцы, не зная фамилии Евфимия, называли его «Ефимий с новых мест», или «Новых» – и тот, чтобы окончательно порвать с прошлым, при первой же регистрации переселенцев записался как Ефимий Новых, получив соответствующий документ.

В детстве Григорий ничем не выделялся среди других крестьян, разве только своей болезненностью. Несмотря на слабое здоровье, он рано стал работать: пас скот, был извозчиком, ловил рыбу, помогал отцу убирать урожай. Поскольку в его родном селе школы не было, Григорий долго был неграмотен, и лишь к 30 годам научился писать. По рассказам односельчан, поразительный дар прорицания раскрылся в мальчике очень рано. В 12 лет он помог крестьянам найти вора и приобрел репутацию местного пророка.

В 19 лет Григорий женился на крестьянке Прасковье Федоровне. У них родилось четверо детей, один из которых вскоре умер. Казалось бы, Распутина ждала обычная крестьянская судьба. Но что-то подтолкнуло его резко изменить образ жизни: сам Григорий рассказывал, что однажды во время пахоты ему «было видение» и он решил совершить паломничество к святым местам на горе Афон. Ходил целый год, а по возвращении выкопал в речном обрыве пещеру и две недели провел в молитвах. С 1894 года он начал посещать близлежащие монастыри, перестал есть мясо и употреблять спиртное, бросил курить. С этого момента Распутин почти непрерывно странствовал по стране. Он побывал в десятках монастырей. Совершил паломничество в Киево-Печерскую лавру, пройдя более 3000 километров. На жизнь себе зарабатывал любой подвернувшейся работой. Постоянной готовностью помочь советом и делом Григорий привлекал к себе множество людей. К нему приезжали издалека посоветоваться, выслушать толкование Священного писания. В начале XX века Распутина уже почтительно именовали «старцем». Так называли его не за возраст, а за опыт и веру. Теперь уже народ совершал паломничество к нему, надеясь на помощь и исцеление от болезней. И «старец» не раз помогал больным, даже считавшимся неизлечимыми. Однажды в уральском монастыре он исцелил

«бесноватую» – женщину, страдавшую тяжелыми припадками. Временами Распутин впадал в религиозный экстаз и пророчествовал.

В 1903 году Григорий появляется в Петербурге. Сам он утверждал, что на этот шаг его подтолкнуло знамение. Однажды ему явилась Богоматерь, которая рассказала о болезни царевича Алексея, единственного сына императора Николая II, и приказала ехать в Петербург, чтобы спасти наследника престола. Вскоре после приезда Распутин отправился к ректору духовной академии епископу Сергию. Тот принял «старца» и познакомил его с епископами Феофаном и Гермогеном. Спустя еще некоторое время Феофан ввел Григория в дом великих княгинь Милицы и Анастасии, дочерей короля Николая I Черногорского. Именно там Григорий Распутин встретился с царской четой, сразу произведя глубокое впечатление на царицу.

Казалось бы, непонятно, почему высокопоставленные церковные иерархи приняли такое участие в судьбе полуграмотного «пророка» из сибирской глубинки. Но дело в том, что именно в этот момент решалось, кто будет управлять Россией. В борьбе за власть политические круги не останавливались и перед подготовкой государственного переворота. И Распутина пытались использовать для оказания влияния на царскую семью. Ситуация усугублялась тем, что часть семьи Романовых выступала за отречение Николая II от престола и возведение на него Великого князя Николая Николаевича, которого предполагалось сначала короновать на царствование в Польше или Галиции.

Епископы Феофан и Гермоген, принявшие такое участие в судьбе Распутина, как раз и принадлежали к кругу Николая Николаевича. Судя по всему, именно он пытался сделать Григория орудием своего воздействия на царя. Момент был выбран очень удачный. В это время тяжело заболел царевич. Используя страх и суеверия царской четы, им представили Распутина как «святого старца» из народа. Доверие вызвала и типичная крестьянская внешность Григория, и его простая речь, и отсутствие каких-либо манер. А главное – он действительно подтверждал свою репутацию целителя. Несколько раз Григорий Ефимович спасал наследника престола царевича Алексея в ситуации, когда даже врачи признавали свое бессилие. Скоро Распутина стали называть «Другом» царской четы. Держал он себя с царем и царицей свободно и даже несколько бесцеремонно, называя их попросту «Мама» и «Папа». Императрица Александра Федоровна буквально боготворила его, называя в письмах к Николаю II не иначе как «Наш Друг», «этот святой человек»,

«Божий посланник». Большое влияние «старца» на царицу объяснялось ее глубокой религиозностью и тяжелой болезнью Алексея. «Наследник будет жив, покуда жив я», – утверждал сибирский «пророк». Впоследствии он заявил даже: «Моя смерть – будет вашей смертью».

Директор департамента полиции С. П. Белецкий, хорошо знавший «старца», дал ему следующую характеристику. «Войдя в высочайший дворец, – пишет он, – при поддержке разных лиц, в том числе покойных С. Ю. Витте и князя Мещерского, возлагавших на него свои надежды с точки зрения своего влияния в высших сферах, Распутин, пользуясь всеобщим бесстрашием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом по характеру своему напоминавшего своего предка Александра I, до тонкости изучил все изгибы душевных и волевых наклонностей государя, сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав со своим предсказанием рождение наследника и закрепив на почве болезненного недуга его высочества свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в Его Величестве болезненно к тому настроенной государыней, в том, что только в нем одном, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, врачующие недуг наследника и сохраняющие жизнь Его Высочества, и что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье».

Постепенно и царь все более начал доверять Распутину. Вдохновленный этим доверием, ставший ближайшим другом и советником царской четы, Распутин не захотел оставаться игрушкой в руках Великого князя и решился на открытый конфликт с ним. В дальнейшем он так высказывался о Николае Николаевиче: «Человек он ничтожный, добра-то он делает, а милости Божией и на делах нет, никто его не слушает…». Распутин понимал, что смещение Николая II оставит его без покровителя и неминуемо приведет к опале и судебному преследованию. В беседах с царской четой он постоянно упоминает об опасности государственного переворота. В это время Николай Николаевич, назначенный верховным главнокомандующим, постепенно сосредоточил в своих руках большую власть. Он требовал от министров отчитываться непосредственно перед ним, минуя царя, активно продвигал на различные государственные посты своих сторонников. Николая Николаевича поддерживала часть высших чиновников государственного аппарата и духовенства. Опасаясь чрезмерного усиления влияния Великого князя, Николай II сместил его с поста

верховного главнокомандующего. После этого последовала резкая реакция министров – они написали письмо царю с просьбой изменить свое решение. 10 сентября 1915 года царица пишет мужу: «Когда в эти три постных дня читались молитвы за тебя, то перед Казанским собором от синода было роздано 1000 портретов Николая Николаевича. Что это значит? Они замыслили совершенно иную игру. Наш Друг вовремя раскрыл их карты и спас тебя тем, что убедил прогнать Н. [Николая Николаевича] и принять на себя командование». Незадолго до своей смерти Распутин говорил царице, и это она передавала царю в письме от 8 декабря 1916 года: «Наш Друг говорит, что пришла смута, которая должна была быть в России во время или после войны, и если наш (ты) не взял бы места Николая Николаевича, то летел бы с престола теперь».

В течение более десяти лет Григорий Распутин был для царской семьи одним из самых близких людей. Царь советовался с ним о назначении кандидатов на те или иные важные должности. Лишь к политическим советам Распутина царь поначалу не прислушивался, поступая иногда как бы наперекор ему. Но потом и вопросы политики все чаще решались не без вмешательства «старца». Дочь Распутина, Мария, писала об общении Григория Ефимовича с царем следующее: «Отец упорно доказывал Государю, что он должен быть ближе к народу, что царь – отец народа… убеждал, что его министры врут ему на каждом шагу и тем ему вредят…» Так, «старец» неизменно выступал против планов милитаризации России. По мнению графа Витте, именно твердая позиция Распутина отодвинула Первую мировую войну на два с половиной года. Во время балканской войны 1912 года Россия была готова вмешаться, но тогда ей пришлось бы воевать против Австрии и Германии. За вступление в войну выступал тогда как раз Великий князь Николай Николаевич. По его настоянию царь уже подписал указ о всеобщей мобилизации. Современники утверждали, что Распутин употребил все свое влияние, чтобы предотвратить войну. Доказывая всю ее пагубность, он даже встал перед царем на колени. «Пришел Распутин, – рассказывал С. Ю. Витте, – в пламенной речи, лишенной, конечно, красот присяжных ораторов, но проникнутой глубокой и пламенной искренностью, он доказал все гибельные результаты европейского пожара – и стрелки истории передвинулись по другому направлению. Война была предотвращена». Хотя в дальнейшем Распутин не смог повлиять на решение Николая II вступить в войну с Германией, но он предупреждал царя о больших бедствиях для Родины в результате этой войны.

Понимая влияние Григория на августейшую чету, многие видные чиновники, искавшие продвижения по службе, стремились теперь понравиться Распутину, заискивали перед ним. В квартиру сибирского мужика наряду с нищими просителями зачастили миллионеры, министры и аристократы. Непредвзятые источники свидетельствуют, что в личной встрече он просто очаровывал людей своей какой-то особой уверенностью, умением поставить себя, спокойствием. Знавшие Распутина отмечали его глубокую проницательность и интуицию. Особые психологические способности Григория, вероятно, и лежали в основе умения излечивать болезни.

Совершенно точно известно, что Распутин влиял на выдвижение кандидатур на посты руководителей Святейшего Синода и передвижения епископов в различные епархии, хотя на последнем этапе своей жизни Григорий принимал участие и в подборе кандидатур на гражданские посты: назначение тех или иных министров и губернаторов. Хотя здесь его советы далеко не всегда были решающими. С мнением Распутина царь считался, но окончательное решение все же принимал сам.

«Наш Друг желает, – писала царица супругу 25 августа 1915 года, – чтобы Орловский был назначен губернатором. Он теперь председатель казенной палаты в Перми. Помнишь, он поднес тебе книгу, написанную им про Чердынь, где похоронен один из Романовых, которого они почитают как святого?» После этого Орловского назначили Тобольским губернатором.

Советы Распутина касались не только назначения министров. Он пытался влиять и на ход военных действий, считая, что раз уж война началась, то Россия должна победить в ней. Свои советы Григорий облекал в форму видений, якобы являвшихся ему. К примеру, 15 ноября 1915 года царица писала Николаю II: «Теперь, чтоб не забыть, я должна передать тебе поручение нашего Друга, вызванное его ночным видением. Он просит тебя приказать начать наступление возле Риги, говорит, что это необходимо, а то германцы там твердо засядут на всю зиму, что будет стоить много крови, и трудно будет заставить их уйти. Теперь же мы застигнем их врасплох и добьемся того, что отступят. Он говорит, что именно теперь это самое важное, и настоятельно просит тебя, чтобы ты приказал нашим наступать. Он говорит, что мы должны это сделать, и просил меня немедленно тебе об этом написать».

Существует мнение, что военные советы Распутина были очень удачны. Но, например, принятие Николаем II верховного командования военными действиями на себя привело, в конечном счете, к краху наступления и затягиванию войны. В силу нерешительности и мнительности царя все победы русской армии

обходились очень дорого, а стратегические решения запаздывали.

Распутин дает царю советы и по продовольственному вопросу. В октябре 1915 года вопрос с продовольствием резко обострился. Провинция была полна различных продуктов, а в главных городах не хватало самого насущного. И вот Григорий начинает выдвигать идею необходимости обеспечения первоочередного подвоза вагонов с мукой, маслом, сахаром. Распутин предлагает, чтобы в течение трех дней приходили исключительно вагоны с мукой, маслом и сахаром. «Это в данную минуту, – утверждал он, – более необходимо, чем снаряды или мясо».

Многие предложения Распутина были приняты царем. При этом было бы ошибкой считать Николая II послушным исполнителем указов «старца». При решении абсолютного большинства вопросов Николай не ставил в известность ни Распутина, ни даже императрицу. О многих его решениях они узнавали уже из газет или других источников. В одном из писем к супруге Николай достаточно твердо заявляет: «Только прошу тебя не вмешивать нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе». Например, Григорий не советовал созывать Думу в апреле 1915 года. Царь все-таки созвал ее. Распутин через царицу «предложил» назначить министром финансов Татищева, а военным министром – генерала Иванова. Государь проигнорировал эти и другие «предложения». Политические советы Распутина иногда даже вызывали у царя некоторое раздражение. 9 ноября 1916 года он написал царице: «Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными, как ты сама это знаешь».

Положение Распутина при дворе не могло не вызывать зависти и злобы ущемленной им части высшего духовенства, аристократии и чиновничества. Антираспутинская партия, главой которой был Великий князь Николай Николаевич, бросила все силы на его свержение. Председатель Совета министров Коковцев вспоминал, что газетная кампания против Распутина носила организованный характер. О нем начинают распространяться компрометирующие слухи, порочащие не только «старца», но и царицу Александру Федоровну. Фрейлина царицы Софья Ивановна Тютчева, тесно связанная с окружением Николая Николаевича, активно участвовала в сборе и распространении сплетен, за что ее по настоянию царицы удалили от двора. Но слухи о крайне непристойном и разгульном поведении Распутина уже активно муссировались в светском обществе.

Поговаривали даже о слишком близких отношениях Григория и царицы, что сильно подрывало авторитет монархии (эти слухи

решительно опровергаются Э. Радзинским в его книге «Распутин»), Говорили, что, используя свое огромное влияние на Александру Федоровну, Распутин брал взятки за продвижение людей по карьерной лестнице. Следователь комиссии Временного правительства В. Руднев писал: «При осмотре бумаг министра внутренних дел Протопопова было найдено несколько типичных писем Распутина, всегда говоривших только о каких-либо интересах частных лиц, за которых Распутин хлопотал. Среди бумаг Протопопова, так же как и среди бумаг всех остальных высокопоставленных лиц, не было найдено ни одного документа, указывающего на влияние Распутина на внешнюю и внутреннюю политику».

Комиссия Временного правительства, допросившая многие десятки лиц, посещавших Распутина, установила, что он нередко получал деньги от просителей за удовлетворение их ходатайств. Как правило, это были лица состоятельные, просившие Григория передать на Высочайшее имя свою просьбу или ходатайствовать в том или ином министерстве. Деньги давали добровольно, он их тратил на кутежи, в которых время от времени участвовал, и раздавал другим просителям – победнее.

В окружении Великого князя Николая Николаевича возник заговор с целью убийства Распутина. Его активными участниками были двоюродный брат Николая II Дмитрий Павлович, князь Феликс Юсупов и депутат Государственной думы В. М. Пуришкевич.

Первое покушение состоялось 29 июня 1914 года в селе Покровском. Мещанка Хиония Гусева, вдохновленная давним врагом Распутина епископом Илиодором, ударила Григория ножом. Но Распутин был лишь ранен и быстро поправился. Следующий удар был нанесен два года спустя.

19 сентября 1916 года В. М. Пуришкевич произнес в Государственной думе страстную речь против Распутина. Основной идеей ее было: «Не должен темный мужик дольше править Россией!» Заговорщикам не терпелось самим взять бразды правления, и поэтому исполнение задуманного не стали откладывать.

16 декабря 1916 года Ф. Юсупов пригласил «старца» в свой особняк. По утверждению А. Симановича, секретаря Распутина, он многократно уговаривал Григория Ефимовича не выходить из дома, так как боялся покушения. Но по неизвестной причине Распутин все-таки принял приглашение. По воспоминаниям Пуришкевича, при встрече Юсупов по русскому обычаю расцеловался с Распутиным. Григорий неожиданно насмешливо воскликнул: «Надеюсь, это не иудино лобзанье!»

Распутина собирались отравить цианистым калием, но он съел несколько пирожных с ядом без всяких последствий. Посоветовавшись, заговорщики решили застрелить «старца». Сначала стрелял Юсупов. Но Распутин был лишь ранен. Он бросился бежать, и тогда в него несколько раз выстрелил Пуришкевич. Григорий упал только после четвертого выстрела.

Убийцы завернули тело Распутина в штору, обмотали веревкой и опустили в прорубь у Крестовского острова. Как выяснилось позже, под лед его бросили еще живым. Когда тело обнаружили, то при вскрытии выяснилось, что легкие были полны воды: Распутин пытался дышать и захлебнулся. Правую руку он высвободил из веревок, пальцы на ней были сложены для крестного знамения.

Полиция сразу же выяснила имена участников убийства. Но отделались все они очень легко – Юсупова отправили в собственное имение, Великого князя – на фронт, а Пуришкевича вообще не тронули.

Григория Распутина скромно похоронили в Царском Селе. Однако покоился он там недолго. После Февральской революции его тело выкопали и сожгли на костре.

По словам Павла Милюкова, крестьяне говорили о Распутине так: «Вот, в кои-то веки добрался мужик до царских хором – говорить царям правду, и дворяне его убили».

Кто же все-таки был Григорий Распутин? Обычный проходимец, использовавший свое положение для обогащения и удовлетворения властных амбиций, или духовный наставник царской семьи, целитель наследника, хранитель царского престола? Пока на этот вопрос нет ясного ответа. Понятно только, что личность этого человека неоднозначна.

При жизни и после смерти Распутина много раз предпринимались попытки провести расследование его жизни и деятельности. Но практически все они были тенденциозны, освещали проблему с точки зрения каких-либо политических сил. Ближе всех к разгадке личности этого загадочного человека подошел Э. Радзинский, который собрал и обобщил в своем исследовании огромный исторический материал как о времени воцарения сибирского пророка, так и о нем самом. И все же историк О. Платонов в своем монументальном исследовании, посвященном Григорию Распутину, писал: «Нет ни одной статьи, я уже не говорю о книге, где бы жизнь Распутина рассматривалась последовательно, исторически, опираясь на критический анализ источников. Все существующие ныне сочинения и статьи о Распутине являются пересказом – только что в разных комбинациях – одних и тех же исторических легенд и анекдотов,

большая часть которых является откровенным вымыслом и фальсификацией». К сожалению, несмотря на тщательность и подробность исследований, книга Платонова также не свободна от некоторой тенденциозности. По-видимому, уже практически невозможно, за отсутствием непротиворечивых и заслуживающих доверия свидетельств, объективно охарактеризовать феномен Распутина. Несомненным останется лишь глубокий след, оставленный им в истории России.

ГУРДЖИЕВ ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ

(род. в 1874 (1877?) г. – ум. в 1949 г.)

В конце XIX – начале XX века человечество охватила жажда духовного познания. Разочаровавшись в официальной религии, не находя в жизни высшего смысла, не осознавая своего предназначения, тысячи людей углубились в мистицизм, надеясь найти в нем ответы на все вопросы. Одним из тех, кто взял на себя роль духовного учителя, принесшего людям новый путь к познанию своей души, был Георгий Иванович Гурджиев. Этого человека одни считали чуть ли не святым, другие во всеуслышание обвиняли в мошенничестве. Однако его влияние на эзотерические учения XX века трудно переоценить.

Биография этого человека напоминает восточный ковер: яркие краски, неожиданные изгибы орнамента, много фантазии и еще больше – кропотливой работы. Разделить, где в его воспоминаниях правда, а где вымысел, довольно трудно. С его подачи говорили, что он знал 18 языков, но эта цифра явно преувеличена. Он интриговал слушателей рассказами о

невероятных приключениях на Востоке, однако до сих пор достоверно не известно, в каких из названных им же стран он побывал в действительности. Его обвиняли в том, что он беспощадно эксплуатирует своих учеников, взваливает на них всю работу по дому, подвергает нечеловеческим экспериментам – а его ученики радостно шли по этому пути, жалея о том, что не могут сделать больше. Его жизнь началась в бедности и окончилась в нищете, хотя его «Институт гармоничного развития» располагался в замке… Во всяком случае, он прожил свою жизнь так, как хотел, в полной мере распоряжаясь своей судьбой и наслаждаясь внутренней свободой.

Георгий Иванович Гурджиев родился в г. Александрополе (ныне – Гюмри, Армения). Его мать была армянкой, отец – малоазийским греком. В семье, кроме Георгия, было еще трое детей – две сестры и брат. Жили бедно: хотя отец считался неплохим ашоком (собирателем и исполнителем народного эпоса), но ремесленником был неудачливым. Вместо того чтобы угождать возможным клиентам, держался с подчеркнутым чувством собственного достоинства. В том, что Георгий выбрал путь мистика и стал интересоваться оккультными науками, немалая заслуга его отца. Этот человек обладал удивительным душевным равновесием, никогда не терял доброжелательности. Он научил сына ценить работу саму по себе, а не плату за нее (в Индии такой подход применялся в одном из разделов йоги – Карма-йоге). Еще в детстве он часто наблюдал практику катусилии (чередование вопросов и ответов, напоминающее знаменитые беседы в школе дзен-буддизма), которой занимались его отец и священник Борш. Священник мог спросить Гурджиева-старшего: «Где сейчас Бог?». Следовал мгновенный ответ: «Бог сейчас в Сари-Камыше» (это сосновая роща в горах на тогдашней границе России и Турции). Борш задавал следующий вопрос: «А что Он там делает?». Гурджиев-отец отвечал: «Он строит стремянку и прикрепляет наверху ее радость, чтобы отдельные люди и целые народы могли подниматься и спускаться». Безусловно, такие диалоги производили на Георгия сильнейшее впечатление: ведь перед ним беседовали не избранные святые, а самые обычные люди. Но они говорили о Боге как о добром знакомом. Значит, общение с высшими силами возможно не только в церкви и не только во время молитв? И, может быть, именно ему, Георгию Гурджиеву, суждено возродить давно утраченное знание о том, что же представляет собой этот мир? Вдохновленный этими мыслями, Георгий принялся изучать все книги по оккультизму, которые мог достать. Но гораздо важнее книг было живое общение с людьми, о которых ходили

удивительные рассказы. В поисках учителей, которые могли бы сообщить ему сокровенное знание, Гурджиев посетил практически все места поклонения разных религий Закавказья. Где-то в 1890 году он совершил первую самостоятельную поездку в Эчмиадзин – духовную Мекку всех армян, затем вместе со своим другом Саркисом отправился на поиски следов таинственного Сармунгского братства. Из своих путешествий Гурджиев вынес массу впечатлений, многие из которых позже описал в книге «Встречи с замечательными людьми». Но мучившие его вопросы оставались.

Вскоре у Георгия появились единомышленники. Молодые люди назвали свою группу «Искатели истины». В возрасте 22 лет Гурджиев возглавил экспедицию группы по странам Востока. Впоследствии он рассказывал, что они посетили Индию, Афганистан, Персию, Туркестан, Египет и Тибет. Большинство исследователей его биографии полагает, что едва ли «Искатели истины» добрались дальше Афганистана. Однако есть и другая версия событий, согласно которой первая экспедиция продолжалась целых пять лет, после чего ее участники собрались вместе, чтобы объединить все собранные материалы. Затем их пути разошлись. Кто-то вернулся в Европу, кто-то остался на Востоке… Однако «Искатели истины» время от времени собирались вместе, делились приобретенным опытом, сравнивали свои наблюдения.

При таком образе жизни особо крупных расходов не требовалось, однако совсем без денег было никак не обойтись. Гурджиев нередко был вынужден думать о добывании «презренного металла». Сделать это было не так уж сложно, тем более что он не искал постоянного места службы и довольствовался немногим. В небольшом эссе «О материальном вопросе» рассказывается история о предприятии, названном «Универсальная мастерская на колесах». Оказавшись без денег в пути, Гурджиев открыл ремонтную мастерскую, которая бралась за восстановление самых разных вещей: фотоаппаратов, музыкальных шкатулок, велосипедов. Тут же сообщалось, что в перечень услуг входит выведение пятен, реставрация картин и склейка фарфора. Этот небольшой «бизнес» просуществовал ровно столько, сколько понадобилось для того, чтобы собрать денег на дальнейшее путешествие. Не раз Гурджиева выручали птицы: он мастерски перекрашивал обыкновенных воробьев под «американских канареек». По его словам, были и более крупные прожекты, а также финансовые махинации: «Я занимался различными предприятиями, иногда очень крупными, – вспоминает Гурджиев. – Например: я осуществлял частные и

государственные контракты по поставкам и строительству железных и шоссейных дорог; я открывал магазины, рестораны и кинотеатры и продавал их, поставив их на ноги. Я организовывал различные сельскохозяйственные предприятия и перегон скота в Россию из нескольких стран, главным образом из Кашгара. Мне принадлежали нефтяные источники и рыбные хозяйства, и я занимался некоторыми из этих дел одновременно». Тем не менее, главным делом его жизни неизменно оставались поиски духовного пути, утраченного знания, а все финансовые операции были лишь средством добывания денег для реализации основной жизненной цели Гурджиева. Единственным предприятием, имевшим для него существенное значение, стала удачная женитьба на наследнице старинного рода Островских, которая принесла ему не только большой капитал, но и полезные связи в аристократических кругах.

Что касается философских изысканий Гурджиева, то основным препятствием, которое стоит на пути человека, желающего постичь неведомое, он считал то, что большую часть жизни люди проводят как бы в полусне, не осознавая четко ни своих стремлений, ни внутренних противоречий. «Если человек, – утверждает Гурджиев, – весь внутренний мир которого составлен из противоречий, сумел бы вдруг одновременно почувствовать в себе все эти противоречия, если бы он одновременно увидел, что он любит все, что ненавидит, и ненавидит все, что любит, что он лжет, когда говорит правду, и говорит правду, когда лжет, и если бы он почувствовал ужас всего этого, это привело бы его к состоянию, которое называется совестью». Однако пробуждение от сна – настолько редкое явление, что Гурджиев решил всерьез заняться исследованием того механизма, который не позволяет человеку проснуться. Еще в годы юности он обращался к суфийским и буддийским практикам, пытался освоить искусство гипноза в странах Азии и Африки. Некоторое время даже выступал в качестве гипнотизера перед публикой. Теперь пришло время применить усвоенные и переработанные знания на практике. Гурджиев возвращается в Россию, где в это время (около 1903 года) активно действуют теософические и спиритуалистические общества, входит с ними в контакт и организует в нескольких городах небольшие группы. Правда, основной задачей этих групп, в отличие от многих аналогичных обществ, Гурджиев делает не изучение классических работ по теософии и оккультизму, а практики, ломающие стереотипы мышления.

Приблизительно в 1911 году он переселяется в Москву. Его подмосковная квартира поражала посетителей ярким восточным

колоритом. Гурджиев использовал мистические атрибуты с искусством талантливого режиссера: посетитель вначале попадал в абсолютно темную комнату, затем переходил во вторую, украшенную статуэтками из слоновой кости, иконами, старинными расшитыми шелками. Хозяин дома представал перед гостем в расшитом халате и тюрбане, на низком столике перед ним были расставлены шахматы или нарды, дымился кальян… Это напоминало сказку из «1001 ночи». Неудивительно, что посетитель запоминал малейшие детали беседы с Гурджиевым. Восточные декорации были необходимы для того, чтобы выбить пришедшего из привычного образа мыслей, заставить его воспринимать происходящее как исключительное, ни на что не похожее переживание. Постепенно к Гурджиеву стали приходить ученики. Но он довольно долго не мог войти в круг российских интеллектуалов: к приезжему провинциалу относились настороженно. Проводником в круг людей, которые могли воспринять учение Гурджиева, стал Петр Успенский, знаменитый журналист, человек, посвятивший себя поискам неведомого. Успенский сблизился с Гурджиевым в тот момент, когда слава стала тяготить его, а все достигнутое казалось бессмысленным и ненужным. Гурджиев предложил ему нечто совершенно новое: глубокое исследование себя. Между ними установились доверительные отношения, Успенский привел к учителю многих будущих последователей, стал его первым биографом.

Нельзя сказать, что даже в те годы отношение к Гурджиеву было однозначным. Дело в том, что он совершенно сознательно делал все возможное, чтобы не соответствовать ничьим ожиданиям. Это относилось и к его ученикам, встречи с которыми он мог назначать в самое неподходящее время, и к посторонним. Иллюстрацией этого качества служит один эпизод. Читая лекцию о пустыне Гоби в Петербургском географическом обществе, Гурджиев поначалу произвел на слушателей благоприятное впечатление. Каково же было негодование географов, когда после точных научных данных он совершенно серьезно начал рассказывать им легенду о низине, усыпанной бриллиантами, которые местные жители добывали при помощи ястребов. Ученые решили, что Гурджиев над ними издевается, сам же он объяснил свое поведение следующим образом: видя, что серьезные сведения академики не воспринимают должным образом, он решил подорвать интерес ко всему сообщению. Разумеется, слухи о подобных выходках обрастали самыми невероятными деталями, но Гурджиева это нимало не беспокоило. Наоборот, он охотно распускал еще более неправдоподобные сплетни о самом себе, как будто стремился окончательно потерять репутацию

серьезного человека. Если вспомнить о том, что среди его учителей были дервиши, все становится на свои места: в их практике существовал так называемый «путь позора», когда человек совершенно добровольно ставит себя в ситуацию всеобщего осуждения.

С тех, кто хотел войти в группу его учеников, Гурджиев требовал немалую, по тем временам, сумму: 1000 рублей в год. Когда Успенский попытался сказать учителю, что это слишком дорого, тот ответил, что его время стоит очень дорого, а кроме того – люди не ценят того, что достается им даром. Люди охотно платили деньги. Общение с Гурджиевым становилось для них чем-то вроде наркотика: никакие внешние события не могли заменить тех ощущений, которые заставлял их пережить странный человек восточной внешности с острым взглядом и поразительной манерой мышления. Он не держал их в состоянии эйфории, наоборот – постоянно ставил в экстремальные ситуации, заставлял каждого работать до седьмого пота. Его подход сегодня бы назвали индивидуальным. Будучи тонким психологом, Гурджиев безошибочно видел «болевые точки» каждого своего ученика и заставлял его делать именно то, что для него было наиболее трудным. Нельзя сказать, что такая шоковая терапия доставляла ученикам удовольствие. Зато в их жизни появлялся смысл – а за это многие были готовы отдать не только последнюю копейку, но и вообще все, что у них было.

Однако многие проекты Гурджиева, которые были уже близки к реализации, так и не воплотились в жизнь, во всяком случае – в России. «Институт гармонического развития человека», на который обе группы (петербургская и московская) возлагали большие надежды, помешала открыть революция. Гурджиев был вынужден уехать на Кавказ. Через Успенского он передал своим ученикам приглашение приехать. Вскоре в г. Ессентуки, кроме Успенского, съехалось 12 человек. Половина людей жила вместе с Гурджиевым на окраине города, другие приходили рано утром и оставались до глубокой ночи. Спали по четыре часа. Ученики выполняли всю домашнюю работу, остальное время было заполнено беседами и упражнениями. Гурджиев обучал упражнениям для развития мышц всего тела, показывал позы для молитвы и медитации, именно в этот период появилось его знаменитое «Стоп!». Все это перемежалось практиками поста и безмолвия. Внезапно все изменилось. Гурджиев объявил, что едет к Черному морю в обществе всего одного ученика. Правда, не возражал, когда остальные решили к нему присоединиться. Он остановился в Туапсе, но к декабрю 1917 года там стало небезопасно, и было принято решение вернуться в Ессентуки.

Гурджиев разослал своим ученикам циркуляр с приглашением, и к февралю вокруг него собрались все, кто смог добраться до Кавказа – около 40 человек. Атмосфера в группе была крайне напряженной. Учитель требовал от своих учеников работы на пределе человеческих возможностей (он как раз начал эксперименты с танцами дервишей). Эксперименты, которые проводил над людьми Гурджиев, стали причиной его первого разрыва с Успенским. Однако надо отдать должное: он не бросил своих подопечных на произвол судьбы. Когда в город вошли большевики, группа была объявлена «Интернациональным идеалистическим обществом». Это новое название дало возможность поработать некоторое время в относительном покое, но вскоре обитателям дома в Ессентуках пришлось уехать. С огромными трудностями поредевшая группа добралась до Тифлиса.

Гурджиев довольно быстро стал желанным гостем среди тифлисской богемы, встречался с поэтами и художниками и одновременно налаживал бизнес по торговле коврами. Александр Зальцман, один из новых последователей, выхлопотал для Гурджиева рабочую комнату в Тифлисском оперном театре, и тот начал работу над постановкой балета «Борьба магов».

Осенью 1919 года Гурджиев смог добиться разрешения на открытие «Института гармонического развития человека», просуществовавшего всего несколько месяцев. В программу института входили ритмические упражнения, тренировка воли, памяти, слуха, мышления и эмоций. Основой обучения стал балет. Предполагалось, что воспитанники института будут постигать себя через движение. Однако летом 1920 года Гурджиев решил покинуть Тифлис: во-первых, инфляция «съедала» почти все деньги, которые удавалось заработать на торговле коврами, а во-вторых, все более ощутимым становилось влияние большевиков. В июне 1920 года вместе с многочисленными спутниками ему едва удалось спастись бегством на попутном пароходе (жена к тому времени скончалась) и отплыть из Батума в Константинополь.

В Константинополе группе пришлось начать все с нуля. Снова не было ни денег (ковры конфисковали во время плаванья), ни помещения. Однако Гурджиев не утратил способности сходиться с нужными людьми и веры в успех своего дела. Вскоре институт открылся в Константинополе, в районе Пера. Здесь Успенский вновь сблизился со своим учителем, они вместе разрабатывали сценарий балета «Борьба магов», основанный на движениях, почерпнутых из танцев дервишей, и музыке, написанной Гурджиевым. Сюжет спектакля был глубоко символическим. В

первом акте, действие которого разворачивается в шумном восточном городе, благородный Гаффар влюбляется в прекрасную Зейнаб. Во втором акте обнаруживается, что Зейнаб – ученица белого мага, которая вместе с другими учениками постигает в танцах высшие истины. В третьем акте Гаффар прибегает к помощи черного мага, чтобы преодолеть упрямство Зейнаб. Действие перемещается в пещеру черного мага, где его ученики, страшные и уродливые, танцуют дикие танцы, отображающие разнообразные человеческие страсти. Черный маг наводит чары на Зейнаб, вынуждая ее покориться Гаффару. В конце балета белый маг разрушает чары своего противника и приказывает Гаффару и Зейнаб предстать перед ним. Влюбленные являются к нему в сомнамбулическом состоянии, но он оживляет их. Балет заканчивается их радостным воссоединением и молитвой Творцу, который помог им избежать злых чар и духовного рабства.

Постановке вновь помешали социальные бури: в Константинополе активизировались младотурки, и Гурджиеву снова пришлось уехать. В августе 1921 года группа уже объезжала Германию в поисках подходящего места для института. Однако, несмотря на взлет мистицизма, который переживала Германия, эмигрантам места в ней не нашлось. В феврале 1922 года Гурджиев попытался обосноваться в Лондоне, но возникли трудности с визами. Ученики Успенского собрали для него деньги, на которые летом того же года был куплен замок Шато Приорэ в Авоне, близ Фонтенбло. Институт открылся в очередной раз. Во Францию съехались ученики самого Гурджиева (он также выписал из Александрополя свою семью: мать, сестру и брата) и Успенского, начался период кропотливого труда. В замке почти круглосуточно кипела работа. Эмигранты из России и неофиты из богатейших семейств Европы целые дни проводили в тяжелом труде, а вечера и ночи – в упражнениях, от которых некоторые падали в обморок. На сон отводилось, как и в Ессентуках, не более четырех часов. Институт представлял собой своеобразный монастырь: ученики в течение трех лет обучения не выходили за его пределы. Иногда физическое и душевное перенапряжение приводило к кровоизлияниям в мозг. Многие не выдерживали такого ритма и уезжали. Гурджиев не удерживал никого. И никого не принуждал. Большинство обетов (голодание, молчание, заучивание длинных списков тибетских слов) люди брали совершенно добровольно. Вновь всплыли финансовые проблемы. Гурджиев занялся нефтяным бизнесом, вошел в долю двух ресторанов на Монмартре, кроме того, занялся целительством, «психотерапией» и лечением пациентов от наркомании и алкоголизма. Декабрь 1923 года стал дебютом группы: в Париже,

в театре на Елисейских Полях были впервые показаны танцы дервишей. Через месяц после этого Гурджиев вместе с частью учеников уехал на гастроли в Америку. А по возвращении с гастролей попал в аварию, правда, отделался сравнительно легко.

В это же время состоялся его окончательный разрыв с Успенским, который считал деятельность института в Фонтенбло провалом. Кроме того, его шокировали методы бывшего учителя, который стал работать с совершенно неподходящими людьми. Правда, некоторые исследователи утверждают, что этот конфликт был срежиссирован обоими его участниками.

Популярность группы Гурджиева была чрезвычайно высокой. К нему стремились за исцелением, за советом, за мистическими откровениями. Люди выстраивались в очередь, чтобы дождаться возможности пожить в его замке в Фонтенбло, несмотря на исключительную суровость условий и довольно высокую стоимость курса. Гурджиев пытался превратить основанное им заведение в доходное предприятие. Он увеличил рабочий день своих учеников до 14 часов, в несколько раз повысил вступительный взнос. Но период процветания продлился недолго. На Европу медленно, но неотвратимо надвигалась Вторая мировая война. Большинство людей в этих условиях переключилось на насущные проблемы выживания, оставив духовные поиски до лучших времен. Содержание института обходилось очень дорого, и настал момент, когда все возможности заработка были исчерпаны. Замок в Фонтенбло вместе со всем, что в нем находилось, был описан властями за долги. «Институт гармонического развития человека» закрылся, на этот раз – навсегда. А Георгий Гурджиев, покинутый всеми (ученики разъехались по домам), последние годы жизни провел в нищете. Он умер в 1949 году в парижском приюте для бедных, оставив после себя множество мифов, несколько книг (среди которых – шеститомник «Все и вся») и до сих пор не угасший интерес к эзотерическому смыслу музыки и танца.

БЭЙКЕР ДЖОРДЖ

(род. в 1864, возможно, в 1878 или в 1884 г. – ум. в 1965 г.)

Американский проповедник, известный под именем «отца Дивайна». Скромно именовал себя «богом М. Дж. Дивайном, деканом Вселенной». Основал религиозное «Движение миссий мира», которое с невиданным ранее для сект размахом охватило 25 штатов.

Кто из нас не смотрел «Унесенных ветром»? Фильм, конечно, не дает полного представления о том, как выглядел американский Юг после гражданской войны, но он достаточно хорошо отразил ситуацию, сложившуюся там после победы Северных Штатов. Свобода, обретенная неграми в результате войны, не принесла им ни облегчения, ни достатка. Поначалу они даже не знали, что с ней делать, так как бывших рабов освобождали без земли, и работу им никто не предоставил. А хваленой американской демократией тогда и не пахло. О равноправии говорить не приходилось. Надписи «Только для белых» были не просто реальностью, а обыденностью. Плюс ко всему свирепствовал ку-клукс-клан. В таких условиях мальчику из бедной негритянской семьи пробиться наверх было просто немыслимо. И тем не менее одному человеку это вполне удалось. Он стал не просто обладателем дорогих начищенных до блеска ботинок, черного «кадиллака» и перстня с огромным бриллиантом. Он стал богом.

Джордж Бэйкер родился в штате Южная Каролина. Поскольку произошло это событие в семье бедного темнокожего издольщика, можно предположить, что достатком мальчик не был избалован. Родители его гнули спины на хлопковой или табачной плантации. В каком году все это происходило, тоже неизвестно. Существуют различные версии относительно года его рождения, из которых более вероятным считают 1878 год. Хотя мелькнуло однажды сообщение, что Бэйкер скончался в возрасте 101 года, а умер он в 1965 году, так что считайте сами.

Как бы там ни было, продолжать семейное занятие юноша не испытывал никакого желания. Не нужно было иметь даже начального образования, чтобы быстро понять, что принадлежит он совсем не к тем слоям населения, которым достаются социальные блага. Острое ощущение несправедливости существующего порядка привело молодого человека в одну из

многочисленных религиозных сект. Особо не скромничая, юный Джордж объявил себя ее пророком с не менее скромным именем – «Сын справедливости». Легко догадаться, что новоиспеченный проповедник призывал отнюдь не к смирению и покорности. Судя по тому, что его деятельность не понравилась местным расистам, речи его имели успех. Решение подобных проблем в то время было донельзя простым – линчевание. Так что власти, возможно, оказали Бэйкеру услугу, приговорив его за призывы к мятежу к шести месяцам каторжных работ. Оказавшись на воле, Джордж решил уехать подальше от кровожадных нравов Юга. Он перебрался в Балтимор, где простора для деятельности было явно побольше. Там новоиспеченный пророк явился к негритянскому проповеднику, известному как «отец Иегова», – Сэмюэлю Моррису.

Вскоре к Бэйкеру, который уже стал «посланцем» (так именовались помощники Морриса), присоединился некто Джон Жикерсон, проповедовавший под именем Сент-Джон Вайн. Троица долгое время была неразлучной, но в 1912 году все же распалась. Жикерсон уехал в Нью-Йорк, Моррис остался в Балтиморе, а Бэйкер отправился в Джорджию. Там ему снова пришлось столкнуться с правосудием – проповедуя в одном из городков, под названием Валдоста, он был арестован за нарушение порядка и отдан под суд. Его спасло то, что теперь его амбиции простирались выше – он выдавал себя за Бога. Суд объявил Бэйкера невменяемым, приговорив его к принудительному лечению в психиатрической лечебнице, которое было заменено высылкой из штата.

Джордж решил податься в Нью-Йорк к своему бывшему соратнику Сент-Джону. Некоторое время они тесно сотрудничали, и Жикерсон познакомил его с местными «коллегами» по ремеслу. От них-то Бэйкер и набрался некоторых знаний по теософии и сопутствующим ей наукам. До сих пор его речи строились в основном на интуиции и взывали скорее к чувству, чем к разуму. Теперь они стали приобретать наукообразность.

Кроме ораторских способностей у него обнаружилась и неслабая экономическая жилка. Сообразив, что одними словами настоящего признания не добиться, он начинает собственный бизнес: покупает дом в Бруклине и открывает в нем агентство по найму прислуги. Теперь он называет себя отец Дивайн. То ли понимая выгодность подобного подхода, то ли на самом деле придерживаясь принципов порядочности и справедливости, от своих сотрудников Бэйкер требовал предельной честности. Также им вменялось за правило не пить, не курить, не брать чаевых и подарков и не развратничать. Подобный подход очень быстро

начал приносить плоды, что позволило отцу Дивайну в скором времени основать собственную секту – «Движение миссий мира».

Ни для кого не секрет, что успешность и процветание любого движения, в том числе религиозного, напрямую зависит от количества его сторонников и последователей. А неофиты устремляются куда-то, либо когда там сыто и богато, либо когда им просто некуда деться в этой жизни. Поначалу дела у Бэйкера шли не очень хорошо. Но тут грянул экономический кризис. 24 октября 1929 года стало для Америки «черным» днем, положившим начало Великой депрессии. Согласно официальной статистике, за годы кризиса потерпели крах более 110 тыс. торговых и промышленных фирм, 19 крупных железнодорожных компаний, разорилось свыше 5760 банков, а вместе с ними и миллионы вкладчиков. Общее число безработных в 1933 году достигло по одним данным 13, по другим – 17 млн человек, что составляло примерно четвертую часть всей рабочей силы в стране. Упадку подверглись практически все промышленные и сельскохозяйственные отрасли. Только среди фермеров разорилось свыше миллиона человек. Что касается рабочих, то их реальная зарплата сократилась на 60 %. На тот момент государство показало себя совершенно не способным помочь своим гражданам. Более того, все неплательщики, а таких была масса, исправно выселялись из своих квартир. На окраинах мегаполисов стали возникать так называемые «поселки президента Гувера», или «бидонвилли», построенные из подручных материалов.

Однако, как говорится, «кому война, а кому мать родная». Для Дивайна это ужасное время стало просто «золотым». Власти, опасаясь мощного социального взрыва из-за катастрофического падения уровня жизни, перестали активно преследовать ему подобных. Измучившиеся и отчаявшиеся люди толпами устремлялись в лоно новой секты. К началу 1940-х годов число сторонников «Движения миссий мира» исчислялось десятками тысяч.

Поразительно, но у Дивайна не было ничего общепринятого для подобных течений. Отсутствовали как таковые богослужения, не было никакого структурирующего документа, даже священных текстов. Бэйкер вновь объявил себя Богом, утверждая, что ему вновь пришлось спуститься на землю лично, так как люди не вняли его пророкам. Чтобы достучаться до сердца каждого простого человека, он вселился в негра, как представителя самых обездоленных слоев населения.

Дела новоявленного пророка шли все лучше. Божественный посланник вполне по-земному разбогател. Он стал владельцем

многочисленных так называемых «обетованных земель». Это были огромные загородные резиденции с фонтанами и парками, плавательными бассейнами и площадками для гольфа. Также приносили немалый доход солидные банковские вклады, целый ряд торговых предприятий и заведений сферы обслуживания. Все это, естественно, было записано на подставных лиц. Теперь речи «бога Дивайна» стенографировались множеством секретарей и печатались в специальной газете «Новый день» («Нью Дэй»), распространявшейся среди участников движения.

Восторженные последователи готовы были без конца восхвалять свое дело и его отца-основателя. Иногда это выглядело так: «Движение миссий мира» имеет более миллиона членов, проживающих в Соединенных Штатах, Канаде, Англии, Австралии, Швейцарии, Австрии, Западной Германии. Отец Дивайн баснословно богат. Когда он нуждается в деньгах, он просто думает о них, и они у него появляются. Он владеет гостиницами, фермами, торговыми компаниями, доходными домами и сельскими резиденциями. Его прикосновение меняет судьбу человека, его улыбка покоряет сердца, его гнев может убить вас. Его банкеты бесплатны, они грандиозны и состоят из сорока, пятидесяти и даже шестидесяти блюд. В его школах преподают бесплатно учителя с дипломами докторов философских наук. Отец уже обратил в свою веру людей на других планетах, и поэтому он трудится на нашей. Вы знаете, ведь отец – бог». Немного экстравагантно, не правда ли? Но люди в это искренне верили. Что-то они видели собственными глазами, что-то почерпнули из многочисленных проповедей.

Дивайн утверждал (видимо, он это позаимствовал у буддистов), что все его последователи будут бессмертны. Они, мол, даже если и умрут, то их дух перенесется в другое тело, чтобы продолжить свое существование в нем. А если строго следовать его учению, то еще и болеть не будешь. Столкнувшись с любыми трудностями, следует думать только о нем, своем духовном наставнике, и тогда все образуется наилучшим образом. Главное, не забывать повторять: «Спасибо тебе, отец!» В отличие от многих других проповедников, Бэйкер следил за моральным состоянием своей паствы. В лучших библейских традициях он запрещал своим последователям предаваться разврату, красть, курить, пить алкогольные напитки и даже сквернословить. Порицались практически все основные человеческие пороки, такие, как жадность, зависть, эгоизм. Неприемлемы были и любые проявления расовых предрассудков. Категорически запрещались по отношению к человеку слова «негр», «цветной», «белый», «черный».

Все последователи движения делились на две категории. Первая – братья и сестры, вторая – «ангелы». Дивайн не признавал ни брака, ни развода. Все, кто вступал в секту, считались отныне свободными и назывались братьями и сестрами. «Все, кто не с нами, недостойны нашего общения, даже если это близкие родственники». Внутри движения отношения были весьма пуританскими, был даже установлен специальный «Международный кодекс скромности». Кроме уже упомянутых постулатов туда входили: «Не веди себя вульгарно! Не кощунствуй! Не допускай неподобающего смешения полов! Не бери подарков, жертвоприношений, других видов взяток!» «Ангелами» назывались те, кто отказывался от всего личного в пользу Дивайна и бесплатно жил на его иждивении и в полном его распоряжении. Под всем личным, кроме собственности, подразумевалось и то, что они расставались и со своими именами. Их новые имена были то ли сродни индейским, то ли напоминали какие-то прозвища: Голубь Жизни, Медовая Пчела, Смеющийся Майк и тому подобное.

Не обходил в своих речах «отец» и политику. Более того, он обещал даже сделать Белый дом своей резиденцией, поскольку, по его словам, контролировал 20 миллионов голосов. Слава Богу (простите за невольный каламбур), видимо, их оказалось недостаточно. Еще ничего, что вместо приветствия им предлагалось говорить «мир», но плюс к этому – цензура печати, отмена страхования и запрет профсоюзов. Для Америки это просто подрыв основ и покушение на самое святое. Кроме всего прочего, Дивайн предлагал наказывать врачей за смерть их пациентов. Все это имело название «Платформа справедливого правительства».

Однако наибольшую популярность Дивайну и его движению принесли «священные причащения». Всевозможно, как ничто иное, расписанные бульварной прессой, они стали рекламой культа. А выглядело все примерно следующим образом. По сути это были грандиозные банкеты, устроенные с невиданным размахом. Проводились они ежемесячно в одной из роскошных резиденций. Приглашались туда, в основном, только верные сторонники Дивайна, и это считалось особой честью. Тут были самые разнообразные деликатесы, особое внимание уделялось всевозможным десертам. Горы фруктов, масса сортов мороженого, салаты и конечно целое море соков. Напитки, естественно, были только безалкогольные. Излишне также говорить, что все вокруг сияло чистотой и поражало воображение изысканностью.

Каждое блюдо подносилось лично к Дивайну для благословения. Он восседал в кресле с высокой спинкой, на

которой золотыми буквами было написано «Бог». Все вокруг свидетельствовало о всемогуществе хозяина. Особенно старались сами участники банкета. Скорее всего, все было спланировано заранее, для дополнительного, так сказать, воздействия. Попеременно выступали то белые, то негры. Так, к примеру, одна женщина говорила: «Я была парализована. Не могла двигать ногами, но когда я вас встретила, Отец, вы меня вылечили. Я ваша навечно, Отец!» Ей вторила другая: «У меня была чахотка. Я кашляла дни и ночи напролет. Мне сказали, что я не жилец на этом свете. Потом вы, Отец, вошли в мою жизнь и моментально меня исцелили. Я люблю вас, Отец, люблю искренне!» Подключался следующий: «В молодости я был вором, сидел в тюрьме. Я не признавался судье, но я знал, что я плохой человек. Я поджег машину моего соседа. Об этом впервые говорю открыто. И только когда Бог снизошел ко мне в лице отца Дивайна, я переменился к лучшему. Спасибо вам, Отец».

Все торжество сопровождалось пением двух женских хоров («Розы» и «Лилии») и одного мужского («Крестовики»), Перед десертом местное божество произносило проповедь, обычно начинавшуюся словами: «Мир всем! Хорошего здоровья, доброты, приятного аппетита, хороших манер, хорошего поведения, всем успеха и благоденствия. Да здравствуют жизнь, свобода, подлинное счастье!» На этой жизнеутверждающей ноте все, как правило, заканчивалось, и сытые и просветленные гости расходились.

Люди популярные и особенно богатые не могут не вызывать зависти и, как следствие, – поношения. Не стал исключением и наш герой. Как это часто бывает в подобных сектах, его разоблачали собственные последователи. Одним из таких обличителей была Виола Вилсон. Этой неоднократно сидевшей в тюрьме проститутке и воровке терять было нечего. При вступлении в секту она сразу стала «ангелом» (какой прогресс, не правда ли?) с именем Преданная Мэри. Неизвестно, какими путями, но уже через год она курировала все финансовые операции секты. Однако то ли раскаяние ее было не до конца полным, или соблазн был велик, только начали денежки к ее рукам прилипать. Возможно, это была просто проверка, устроенная Дивайном с какой-то целью. Как бы там ни было, он ее разоблачил, но не выгнал, а отправил на кухню мыть посуду. Там Виоле быстро надоело, и она ушла. И, естественно, тут же начала поносить своего бывшего благодетеля. И жену он бьет, и прелюбодействует, и вымогательством не брезгует, и многое другое. Что здесь правда, а что вымысел – неизвестно, удивительно другое. Попав в автокатастрофу, Преданная Мэри

раскаялась и, бросив собственное основанное было движение «Светоч», прибежала умолять Дивайна взять ее обратно. После публичного заявления о клевете она была прощена и принята обратно.

И это далеко не единичный случай. Люди тянулись к отцу Дивайну, так что, очевидно, какой-то дар у него все-таки был. Возможно, он просто умел внушать людям, что они счастливы. В отличие от многих подобных сект «Движение миссий мира» пришло в упадок не в результате каких-то разоблачений или более трагических событий. Оно сошло на нет естественным путем со смертью своего создателя. А пока он был жив – доходы росли, паства множилась, банкеты по-прежнему пользовались исключительным успехом. Более того, деятельность Дивайна перестала ограничиваться только Соединенными Штатами. По его собственным словам, он располагал последователями во многих странах, в том числе и Европе. Видимо, для полетов туда он даже приобрел личный самолет.

Несмотря на частые заявления отца Дивайна о вечной жизни и его исключительное здоровье (он никогда не болел), «Бог» все-таки умер. Произошло это в 1965 году. После него осталось многомиллионное состояние, которое он завещал своей второй жене. Откуда у него появилась жена, правда, не совсем понятно, ведь он проповедовал безбрачие. Она пыталась продолжать дело, но до супруга ей, видимо, было далеко. При отсутствии харизматического лидера постоянно шел передел власти, что, конечно, не было на пользу делу. Движение постепенно сошло на нет. Повторить Бэйкера, став «Богом М. Дж. Дивайном, деканом Вселенной», не смог больше никто.

ГАНУССЕН ЭРИХ ЯН

Настоящее имя – Герш Штейншнейдер

(род.? – ум. в 1933 г.)

Среди авантюристов начала XX века Ганнуссен занимает особое место потому, что был приближенным лицом Гитлера, одним из его наставников в воздействии на психологию масс. И в силу того, что многие из его предсказаний оказывались правдивыми. До сих пор неясно: был ли он талантливым мошенником-одиночкой, посланцем группы астрологов, или все-таки обладал паранормальными способностями?

Об Эрихе Гануссене известно не так уж и много. До появления в 1931 году в Германии он некоторое время жил в Австрии, где прошел путь от актера и фокусника-иллюзиониста до ясновидца и астролога. Затем из-за участия в какой-то темной афере, подробностей которой история не сохранила, Ганнуссен вошел в конфликт с законом и вынужден был бежать из страны. Его пристанищем (до самой смерти) стала Германия, психологическая обстановка которой в то время была просто раем для разного рода прорицателей, медиумов и магов. Кстати, Ганнуссен имел полное право называть себя магом. Ведь кроме всем известной белой и черной магии существовали и другие: так, по старинной классификации факиры, иллюзионисты и фокусники именовались красными магами, а искусством иллюзии, техникой фокусов Эрих владел весьма неплохо.

То, что происходило в Германии перед приходом к власти нацистов, заставляет задуматься многих специалистов по психологии масс. После Первой мировой войны там стали чрезвычайно популярны знахарство, целительство, ясновидение. Нашлись и идеологи, сумевшие подвести под все эти явления солидную философскую базу. Наиболее популярным из них считался Ганс Горбигер – австрийский инженер-изобретатель. Его теория объясняла все происходящие в мире явления борьбой двух начал: льда и пламени. Казалось бы, в этой идее не было ничего нового: вся скандинавская космогония именно на этом и построена, а о борьбе противоположных начал говаривали еще древние греки. Тем не менее, тысячи людей с упоением

восприняли новое учение, которое было каким-то чудовищным сплавом науки и языческой религии. Открыто поддерживал Горбигера и верил в него даже Гитлер: «Два самых великих австрийца» много раз встречались, и главарь нацистов слушал его с уважением. И все это было бы не так уж и страшно, если бы к 1925 году толпы приверженцев «Коперника XX века» (как называли Горбигера) не начали настоящую травлю ученых. Горбигер был не одинок. Одной из ярких фигур того времени был и бывший генерал Карл Хаусхоффер, после войны преподававший в Мюнхенском университете. Его изыскания были направлены на другую область, которую можно назвать «мистической историей». Навещая Гитлера в тюрьме, куда тот попал после провала «пивного путча» в 1923 году, Хаусхоффер много беседовал с ним о тибетских корнях арийской расы и буддийской доктрине. Возможно, будущий фюрер не стал бы прислушиваться к словам профессора, но накануне провала путча один астролог посоветовал ему ничего не начинать осенью. С тех пор Гитлер, если и не стал приверженцем «нетрадиционной» науки, то, по крайней мере, использовал ее в своих целях.

Гануссен, попав в подобную атмосферу, почувствовал себя как рыба в воде. Однако поначалу звание ясновидца пришлось как-то оправдать. Помог случай. Гануссен был заподозрен в шарлатанстве и предстал перед судом. Он заявил, что внутренним взором видит на вокзале человека, у которого находится чемодан с украденными миллионами. Судья поспешил отправить на вокзал полицейских, и они отыскали вора. Все приметы, которые назвал Гануссен, оказались точными. О судьбе вора больше ничего не известно, а Эриха с извинениями освободили из-под стражи. Разумеется, резонанс не заставил себя долго ждать. Гануссен начал выступать в берлинском театре с демонстрацией своих сверхъестественных способностей. Он поражал публику ясновидением, чтением на расстоянии, гипнозом.

Пользуясь «приливом» удачи, Гануссен начал читать лекции по астрологии, устраивать сеансы ясновидения. Его аудитория заметно выросла после того, как в число прогнозов были включены политические. Будучи человеком наблюдательным, Гануссен понял, что нашел настоящую золотую жилу. Чтобы не зависеть от редакторов, он основал собственную астрологическую газету, специализировавшуюся на политике. Затем вступил в фашистскую партию и начал использовать весь свой авторитет для того, чтобы агитировать в ее пользу. Расчет был прост: если астролог и ясновидец, который уже доказал свою способность угадывать будущее, вступил в нацистскую партию, следовательно,

ее ждет блестящее будущее. Гануссен приобрел и деньги, и прочное положение в обществе, и власть над умами германцев.

Ясновидец прекрасно понимал, что его происхождение может стать причиной многих неприятностей. Поэтому он подделал паспорт, прибавив к фамилии частицу «ван», и принял христианство. Это открыло путь в ряды штурмовиков, где он сразу же стал завязывать многочисленные знакомства. Вскоре среди его друзей числились руководитель штурмовиков граф Гельдорф и подручный Гиммлера Гейдрих. Последнее знакомство оказалось наиболее перспективным: благодаря ему Гануссен вскоре добился встречи с Гиммлером, а затем – и с самим Гитлером.

После первой же встречи с фюрером Гануссен стал его близким другом, доверенным лицом и духовным наставником. Что же так потрясло Гитлера в незнакомце, что он сразу же почувствовал высочайшее доверие к нему? На этот вопрос можно дать несколько ответов, но все они будут начинаться со слова «возможно»… Возможно, Гануссен применил свое блестящее знание психологии (известно, что впоследствии именно он обучал Гитлера проведению митингов и управлению толпой). Ведь несмотря на то что широкая общественность только в последнее время познакомилась с методами НЛП (нейро-лингвистическое программирование) и им подобными, приемы завоевания доверия слушателей были известны уже много столетий (кстати, понятие медитации было введено еще инквизиторами, с большой пользой для себя употреблявшими эту технику). Возможно, доверие фюрера объясняется тем, что Гануссен был связным между ним и некоей астрологической группировкой, оказывавшей влияние на Гитлера задолго до его прихода к власти. Как писал близкий соратник фюрера фон Виганд: «Когда я в 1921–1922 годах впервые познакомился с Адольфом Гитлером, он был связан с кружком, где твердо верили в звездные предзнаменования. Ходила сплетня о приходе “нового Карла Великого” и наступлении “нового Рейха”. Я так никогда и не узнал от фюрера, насколько глубоко он верил тогда в эти астрологические прогнозы и пророчества. Он не отрицал, но и ничем не подтверждал свою веру. Во всяком случае, он был не прочь воспользоваться этими прогнозами для роста своей популярности, веры в себя и в свое тогда юное и лишь пробивающее себе дорогу движение». Большинство же из окружения Гитлера утверждало, что магия и оккультизм вдохновляли его медиумическую душу. В частности глава данцигского сената Раушнинг вспоминал: «Гитлер говорил как ясновидящий. Он построил для себя биологическую мистику или,

если угодно, мистическую биологию, образовавшую основу его вдохновений… Приобретение “магического видения” представлялось ему целью человеческой эволюции».

Так или иначе, Гануссен вскоре стал незаменимым советником всей верхушки Третьего рейха. К нему приходили за пророчествами и Геббельс, и Геринг, и Риббентроп. А Гитлер виделся с ним настолько часто, что это вызывало прилив желчи у очень многих из окружения фюрера. До поры до времени Гануссена не трогали. Но те почести, которые оказывали бывшему иллюзионисту фюрер и главные руководители нацистского движения, у большинства партийных бонз вызывали зависть. Один из университетов (несомненно, чтобы оказать услугу Гитлеру) присвоил ясновидцу почетное звание профессора оккультных наук. А вскоре он построил Дворец оккультизма, ставший символом нового язычества. Надо ли говорить, что при строительстве дворца были использованы очень многие трюки, известные лишь посвященным, а оснащен он был всеми необходимыми приспособлениями. Стоимость этого сооружения была огромна, но Гануссен уже мог себе позволить подобные траты… В этом дворце он принимал привилегированных особ, которым давал астрологические консультации. Но в основном маг обучал своих клиентов развитию в себе сверхъестественных способностей. Гануссен состоял членом одного из прибалтийских оккультных обществ. «Идеологической» основой этой организации была смесь буддизма с тайной доктриной Тевтонского военного ордена и традициями баварских иллюминантов.

Гануссен честно отрабатывал свой хлеб с маслом. Его предсказания отличались точностью, и он никогда не пытался выдать желаемое за действительное. Гитлеру он предсказал скорую славу. Но при этом не забыл упомянуть, что затем последует кровавая война, фюрер погибнет, а Германия окажется разделена на части в течение долгих лет. Гануссен мог взять в руки вещь, принадлежащую какому-то человеку, и «считать» с нее портрет владельца. При этом он не ограничивался стандартным набором (пол, возраст, внешность, характер), а рассказывал о профессии владельца, перенесенных им болезнях, называл точное имя и фамилию. Неудивительно, что частыми гостями в доме Гануссена были полицейские. Когда речь шла об особо важном преступнике, ясновидцу приносили какую-либо улику. Годился даже окурок. Вскоре, действуя по его указаниям, полицейские задерживали преступника.

Часто говорят о том, что провидцы – зеркало, которое может отразить все, что угодно, кроме самих себя. Карьера Гануссена

была очень недолгой, и каждый день приближал его к неминуемой гибели. Завистники хотели скомпрометировать придворного предсказателя перед Гитлером. У них долго ничего не получалось, но постоянная слежка создавала атмосферу смутной тревоги. По-настоящему Гануссен забеспокоился после того, как увидел сон о горящем рейхстаге. Через день пожар произошел наяву. Ясновидец счел это дурным предзнаменованием и стал готовиться к отъезду из Германии. Это не могло остаться незамеченным. Вскоре обо всем узнал Гейдрих, расценивший попытку бегства как предательство. И 2 февраля 1933 года в лесу под Берлином был обнаружен труп Гануссена, он был убит штурмовиками. Возможно, убийство мага связано не столько с недоброжелательностью окружения, сколько с осведомленностью личного пророка Гитлера. Ведь, общаясь с руководством фашистской партии, Гануссен неизбежно делал какие-то наблюдения, запоминал случайно брошенные фразы, а по мнению некоторых, и читал мысли. Кроме того, надобность в его услугах отпала: у Гитлера и его сподвижников имелась собственная оккультная служба, состоящая из нескольких десятков магов, астрологов и предсказателей. Одним больше, одним меньше – какая разница?

Существует и другая версия гибели Гануссена. Она основана на материалах, которые обнаружил историк Гивезиус. В них якобы идет речь о том, что пожар в здании рейхстага сначала был подготовлен в воображении магапредсказателя, а потом организован, возможно, не без участия его же гипнотических способностей. А после нацисты расплатились с оккультистом за службу… его убийством.

Нельзя сказать, что Эрих Гануссен оставил заметный след в истории. Единственное его наследие – дневник, в котором он описывал открывавшиеся ему в трансе картины будущего. Незадолго до смерти он описал в нем атомную бомбу, операции по пересадке сердца, солнечные электростанции и многое другое, что в 1933 году относилось еще к области фантастики. Последняя запись – гибель Нью-Йорка в 2024 году. Пророчества Гануссена известны намного меньшему кругу людей, чем катрены Нострадамуса. Да и сам он – туманная полумифическая фигура, о которой известно очень мало. Был ли он авантюристом или действительно умел читать будущее? Считать его шарлатаном или жертвой обстоятельств? Пусть каждый решает этот ребус по своему усмотрению.

ХАББАРД ЛАФАЙЕТТ РОНАЛЬД

(род. в 1911 г. – ум. в 1986 г.)

Он был одержим одной мыслью: «Если хочешь стать по-настоящему богатым – создай новую религию». Поскольку религией нашего времени является психология, Хаббард обратился именно к ней. И создал дианетику – учение, о котором хотя бы понаслышке, но знают все (профессиональные психологи называют ее «психоанализом для бедных»). А потом на основе дианетики основал сайентологию – религию нового времени. Его многочисленные последователи полагают, что наконец-то нашли свой путь. Но эксперты по вопросам религии находят в «Церкви сайентологии» все признаки тоталитарной секты.

Если перефразировать американское выражение, можно назвать Хаббарда «человеком, придумавшим себя». И не случайно. Существует две его биографии: мифическая и реальная. Мифическую излагают все книги, посвященные сайентологии. В ней говорится о совершенно уникальном человеке, который в три с половиной года свободно читал и писал, объезжал мустангов. В

четыре года Рональд будто бы стал кровным братом индейцев (кстати, представители племени черноногих, о котором пишет Хаббард, отрицают этот факт – ну нет у них подобного обряда). Дальше – больше: с четырнадцати до девятнадцати лет будущий учитель в одиночку предпринимал путешествия в Китай, Монголию, Индию и Тибет, где обучался духовной мудрости у различных отшельников и старцев. Отличился он и в науке: без тени стеснения Хаббард называл себя одним из ведущих физиков-ядерщиков (хотя не смог сдать даже краткий вводный курс по молекулярной физике). Его посещали видения, откровения, он смог исцелить себя после тяжелой болезни… Однако реальная биография нашего героя весьма далека от этих фантазий.

Лафайетт Рональд Хаббард родился 13 марта 1911 года в штате Небраска в семье морского офицера. Учился в местной школе, не демонстрируя никакой особой одаренности. Смертельно боялся лошадей. Единственной полуправдой, связывающей реальное и мистическое отрочество Хаббарда, является факт путешествий: он действительно побывал в Китае, когда вместе с матерью ездил проведать отца. В 19 лет Рональд поступил в университет Джорджа Вашингтона. Однако был исключен после второго курса по причине неуспеваемости. Во время последнего семестра Хаббард впервые проявил себя в качестве авантюриста: он организовал карибскую кинематографическую экспедицию, однако внести вклад в науку эта экспедиция не сумела: добравшись всего до трех портов из 16 запланированных, участники проекта не отсняли ни одного метра пленки.

В 1930-х годах Рональд активно занимался писательством, публикуя в дешевых бульварных изданиях фантастические произведения, какое-то время работал на радио. Но ни о великом фантасте-Хаббарде, ни о певце с этой фамилией мир так и не услышал. Все, чем были заполнены дни и ночи Рональда, – это попытки свести концы с концами и мечты о том, как бы разбогатеть. Разными способами он пытался зарабатывать деньги, однако постоянно терпел неудачу. Но в 1938 году произошло событие, круто изменившее направление мыслей Рональда. Во время визита к зубному врачу под влиянием закиси азота («веселящего газа») он пережил галлюцинацию. Хаббарду привиделось, что он посетил царство мертвых и ознакомился там с богатейшей библиотекой знаний. Свои переживания он изложил в мистическо-философском трактате «Экскалибур», так никогда и не опубликованном. К тому времени Рональд уже был женат, и он поделился с женой своими предчувствиями: «Я очень надеюсь, что мое имя пробьется в историю так яростно, что станет

легендарным, даже если все книги будут уничтожены. Что касается меня, то это единственная реальная цель…Через сотню лет Рузвельт будет забыт, что дает некоторое представление о величии моей попытки. И все это кипит и пенится в моей голове…»

Однако реализация этой сверхзадачи была очень далека (сейчас хочется верить, что недостижима). Тем временем Хаббард совершил очередную авантюру. На этот раз его жертвами стали представители Нью-Йоркского клуба путешественников и исследователей. Вступив в их ряды в 1940 году, авантюрист предложил испытать на практике новую радиосистему навигации. Но благополучно просидел на Аляске, так ничего и не сделав. А свою неудачу объяснил постоянными неполадками в двигателе судна. Чтобы оплатить обратный проезд, Хаббард занял деньги и не вернул долг до конца жизни (несмотря на то что к старости стал миллионером).

Когда началась Вторая мировая война, он был призван на военную службу во флот. Его мифическая биография сообщает о небывалом мужестве и списке воинских наград, которому могли бы позавидовать ветераны двух-трех войн. На самом деле военным судном Рональд командовал лишь однажды, когда ему поручили провести его вдоль западного побережья США. Во время этого «дальнего плаванья» Хаббард действительно отличился, но вовсе не доблестью. Он объявил, что обнаружил японские подводные лодки, и заставил командиров прибывших судов целых 55 часов вести бой с воображаемым противником. В конце героического похода Хаббард совершил гораздо более серьезную ошибку: обстрелял принадлежащий союзной Мексике остров. Поскольку в результате этого погибли люди (исключительно гражданское население), Рональд был отозван с командирской должности. А контр-адмирал Брайстед написал в рапорте: «Данного офицера отличает полное отсутствие таких необходимых качеств, как оценка окружающей обстановки, лидерство и способность к совместным действиям. Он не задумывается о возможных последствиях своих поступков… Пока он не способен ни к командной должности, ни к продвижению по службе. Я рекомендую поместить его на крупное судно, где он будет находиться под должным наблюдением».

Остаток войны Хаббард провел в тылу, исполняя обязанности военного цензора. Демобилизовали его вовсе не за ранения, полученные в ходе боев. Он успел обзавестись целым букетом вполне гражданских болезней: язва двенадцатиперстной кишки, артрит, конъюнктивит, травма бедра (которую он получил, упав с лестницы) и еще какие-то недомогания от долгого сидения на

стуле. Кроме этого, после войны он находился на лечении у психиатра. В итоге Рональд бросил свою первую жену с двумя детьми и вплотную увлекся сатанизмом. Его вдохновителем стал известный сатанист XX века Алистер Кроули. С этим человеком Хаббард никогда не встречался, хотя неоднократно упоминал о нем как о «дражайшем друге». Потом Рональд «прошел практику» в Калифорнийском отделении сатанинской ложи под руководством ее главы Джека Парсонса. Со временем они подружились, вместе участвовали в оргиях, проводили сомнительные магические эксперименты. Их целью было найти женщину, согласную родить «бабалона» (термин, придуманный Алистером Кроули) – существо, воплощающее все мировое зло. В обрядах принимала участие подруга Парсонса – Сара Нортруп. Когда же обнаружилось, что попытка успехом не увенчалась, Хаббард сбежал, захватив с собой деньги бывшего партнера по секте и… Сару. Они поженились, хотя Рональд еще не был официально разведен со своей первой женой. Таким образом, к списку многочисленных грехов Хаббарда добавилось двоеженство.

Увлечение черной магией продолжалось. На этот раз – при помощи очень популярной в то время техники аутотренинга. Сохранились записи гипнотических формул новоявленного пророка, наводящие на мысль о непоправимом повреждении его психики. Среди установок были и такие: «Все люди должны быть моими рабами! Все женщины должны уступать моему обаянию! Все человечество должно распростираться ниц у моих ног и не знать почему!». В 1940-е годы Хаббард пристрастился к барбитуратам и амфетаминам (от наркозависимости он не избавился до самой смерти), выкуривая к тому же по четыре пачки сигарет в день…

В своем жизнеописании Хаббард совершенно иначе изображает этот период, утверждая, что в госпитале его признали безнадежным, и тогда он изобрел «дианетику» – уникальный метод, позволивший ему исцелиться. Это заявление выглядит, по меньшей мере, странно, если учесть, что еще очень долго после своего «чудесного исцеления» Хаббард получал пенсию за ущерб, нанесенный его здоровью во время государственной службы. И даже обращался в совет ветеранов с жалобами на размер пособия… К несчастью для распространителей мифической версии жизни Хаббарда, эти письма сохранились. Как и другие, адресованные ЦРУ. Оказывается, «учитель» предлагал свои услуги в качестве осведомителя по выявлению коммунистов. Довольно интересный штрих к портрету видного религиозного деятеля, не правда ли? Но еще интереснее пометка, оставленная на этих

посланиях: «Писавший письма, очевидно, психически нездоров, и лучше с ним не связываться…» Как же могло случиться, что наркоман, психически больной человек, не отвечающий за свои поступки, стал основателем крупной религиозной секты?

Все началось с публичных выступлений, на которых Хаббард демонстрировал неизвестно где освоенное искусство гипноза. Скорее всего, он использовал методики, основанные на самовнушении зрителей (кстати, позже те же приемы с успехом применяли Чумак и Кашпировский). Успех вдохновил его, и в 1948 году Хаббард написал своему литературному агенту, что изобрел новый проект, который может принести огромную прибыль. Свое детище Рональд назвал «дианетика» – от двух греческих слов: «диа» (через) и «нус» (ум), то есть «через ум» или «посредством ума». Впрочем, некоторые исследователи предлагают другое толкование этого термина: от имени греческой богини Дианы. Дело в том, что Диана – двойник вавилонской богини Астарты и финикийской богини Хатор, олицетворявших смерть и разрушения, которым Хаббард, как сатанист, наверняка поклонялся. Но, скорее всего, эта версия возникла под впечатлением от личности Рональда и его деятельности. А вот история создания этого учения довольно любопытна. Сын Хаббарда от первого брака вспоминал, что большая часть трудов отца была написана в состоянии наркотического опьянения. Сам же Рональд утверждал, что «Дианетика» от начала и до конца была ему продиктована духом-хранителем, которого он называл «Императрица». Но каких только галлюцинаций не бывает…

В 1950 году вышла его первая книга: «Дианетика: современная наука душевного здоровья». Впрочем, научного в ней было столько же, сколько современного. Хаббард попросту синтезировал ранние идеи Зигмунда Фрейда с несколько модифицированными техниками гипноза. Поначалу книга имела огромный успех. Но профессиональные психологи заподозрили неладное почти сразу же. Знаменитый психиатр Эрих Фромм отозвался о ней как о безнравственном и циничном произведении, сводящем психическую деятельность к инстинкту самосохранения.

Действительно, Хаббард объявил здесь, что причиной всех конфликтов, болезней и неприятностей являются «энграммы» – бессознательные воспоминания о пережитых человеком потрясениях. Чем больше негативных потрясений было в жизни человека, тем больше у него проблем в настоящем. Если негативные переживания не стерты, они контролируют все поведение человека, приводя к конфликтам, болезням и

несчастным случаям. Такой подход – верх безответственности: он предполагает, что человек полностью устраняется от сознательной оценки своих мыслей и поступков, ведь что бы плохого он ни сделал, виноваты «энграммы». Методика «доктора» Хаббарда избавляла человека от чувства вины за неблаговидные поступки. Неудивительно, что у дианетики нашлось множество последователей. Машина по производству денег заработала. Хаббард не сидел сложа руки. За три года (1951–1954) он написал свыше 20 книг и прочел более 1100 лекций. Была разработана целая система последовательного очищения от «энграмм». В ее основу было положено постепенное решение проблем. Когда человек проходил первый курс, а в его жизни ничего не менялось в лучшую сторону, всегда можно было обнаружить очередную неотработанную «энграмму». И так до бесконечности – или до тех пор, пока у клиента не кончатся деньги.

Хаббард рисовал перед слушателями образ полностью «очищенного» человека, обладающего неограниченными возможностями, приводил якобы точные данные. Но с самого начала среди его приверженцев появились скептики, которых не удовлетворяла сухая статистика. Им хотелось воочию увидеть хотя бы одного «полностью очищенного». Демонстрация состоялась в августе 1950 года. Однако вместо ожидаемого успеха она обернулась крахом. Ведь «очищенная» женщина, которая должна была обладать фотографической памятью, не смогла вспомнить даже цвет галстука Хаббарда, которого попросили отвернуться… После этого здравомыслящие люди перестали воспринимать дианетику всерьез.

К 1952 году Рональд остался без гроша в кармане. Его лишили права на пропаганду дианетики, большинство последователей покинули его. Он все еще читал курсы в «Хаббард-колледже», но аудитории постепенно пустели. Проанализировав свою деятельность, Рональд нашел недостающее звено и буквально за шесть недель основательно переработал свое учение. Остается только удивляться наивности его почитателей и наглости самого авантюриста, вновь изложившего уже «провалившиеся» идеи. Но эта попытка, как ни странно, удалась. Вместо дианетики возникла сайентология. Это слово Хаббард «собрал» из корней сразу двух языков: соединением латинского слова «сцио» – «знание» и греческого «логос» – «слово». Он объявил усовершенствованный вариант дианетики религией, которая является продолжением и логическим завершением всех исторических религий мира. Среди своих предшественников Хаббард назвал ведизм, таоизм, буддизм, иудаизм, гностицизм и религию древних греков, а также

учение Иисуса, Ницше и Фрейда. Даже для человека, не знакомого с историей религии, очевидно, что многие из этих религиозных систем противоречат друг другу в самом видении мира. А уж поставить в списке Ницше и Фрейда в одном ряду с Иисусом – это кощунство не только для фанатиков. Однако в современном мире девиз «Верую, ибо абсурдно» нашел массу сторонников. Хаббарду поверили! И разрешили зарегистрировать «Церковь сайентологии».

Для того чтобы быстро развиваться, любому проекту требуются хорошо подготовленные кадры. А в мире пока что существовал только один сайентолог – сам автор идеи. Хаббард решил эту проблему очень просто: разработал учебник подготовки пасторов, рассчитанный на двухнедельный курс, после чего пастор получал белый пластиковый воротничок и крест, похожий на христианский, который надевается на шею. Однако специалисты быстро обнаружили, что сходство с христианским символом – только внешнее. На самом деле пасторы уносили на шее имитацию перечеркнутого креста, разработанного сатанистом Алистером Кроули.

Сайентологи активно использовали свое учение практически во всех сферах. В середине 1950-х годов Хаббард написал две книги: «Проблемы работы» и «Как выжить, будучи администратором», ставшие идейной основой его подхода к менеджменту. Впоследствии этот подход был подробно изложен в 11-томном руководстве, озаглавленном «Курс администратора организации». Суть системы – непомерное раздувание управляющего аппарата и жесткий контроль начальства над подчиненными. В курс обучения руководителя входит умение писать доносы (в том числе и на самого себя, в форме признаний в собственных «грехах»), навыки выявления внутренних врагов (в первую очередь – врагов сайентологии) в коллективе с целью последующего избавления от них. Под патронатом сайентологии действовала и медицинская программа «Нарконон», впоследствии признанная не только шарлатанской, но и вредной.

Работа «Церкви сайентологии» (а она продолжает функционировать до сих пор, в частности – в России и Украине) напоминает хорошо отлаженный конвейер. Вербовка новых членов производится прямо на улицах. Поначалу требуется всего лишь заполнить личностный тест – «Оксфордский анализ способностей». Этот тест, состоящий из 200 вопросов, на самом деле к Оксфорду никакого отношения не имеет: это слегка модифицированный «Джонсонский анализ темперамента». Но суть не в названии, а в назначении. Основная цель тестирования – сбор информации о потенциальном клиенте. Кроме того, вне

зависимости от полученного результата, специалист по сайентологии обнаруживает у жертвы те или иные проблемы, требующие немедленного решения. Человека заставляют сосредоточиться на ярких эмоциональных переживаниях (критическое мышление при этом временно отключается), затем предрекают ему массу неприятностей, а под конец предлагают идеальное решение проблем: пройти курс в ближайшем отделении церкви. Дальше человек оказывается вовлеченным в сложную и увлекательную игру с применением классических способов «промывания мозгов». На первом этапе – «Рутинных подготовительных курсах общения» – от человека требуют абсолютно нелогичного поведения. К примеру, вначале два человека молча сидят друг напротив друга с закрытыми глазами. На следующем занятии – наоборот: пристально друг в друга всматриваются, пока не начнут впадать в состояние эйфории и галлюцинировать. Объясняется такой эффект довольно просто: работа нашего сознания основана на смене впечатлений. Если долгое время ничего не меняется, мозг начинает утолять событийный и сенсорный голод, подменяя внешние чувства внутренними. Однако на неподготовленного человека действует впечатляюще… Дальше вырабатывается неадекватная реакция на поведение окружающих (повторение одних и тех же бессмысленных вопросов, умение не реагировать на любое поведение собеседника). Тем самым создается барьер между новичком и всеми, кто может (пока еще!) убедить его «соскочить с крючка» сайентологов. Кроме того, в секте постоянно осуществляется сбор информации, которая может быть использована для прямого шантажа клиента, решившего порвать с «Церковью сайентологии». Прямым источником сведений является «проверка на безопасность» (и ее модификация – «разработка честности»), Она была введена Хаббардом еще в 1959 году. Всем сайентологам предлагается длинный перечень далеко не безобидных вопросов. Все ответы тщательно фиксируются. И потом используются против неугодных.

Сайентологи используют и кнут, и пряник. В начале каждого курса человеку говорят, что он еще ничего не достиг, а чтобы достичь, нужен следующий курс (который стоит дороже предыдущего, и чем дальше, тем больше). И каждая новая ступень отличается все более жесткими методами «промывания мозгов». Человека убеждают ограничить себя в общении, сне, пище, элементарных гигиенических процедурах. Практически все проходят так называемый «очистительный марафон», в ходе которого людей заставляют принимать лошадиные дозы витаминов и микроэлементов и по пять часов в день бегать и

париться в сауне. Через несколько дней такого «режима» большинство приходит в разного рода измененные состояния сознания и теряет способность реально оценивать окружающее. Человек испытывает состояние небывалой легкости, эйфории – и не подозревает, что оно является физиологической защитной реакцией организма, что в нем столько же «очищения», сколько в галлюцинациях наркомана. Всего насчитывается несколько сотен сайентологических консультационных процедур. Соблазн велик… А как же избавление от «энграмм»? Работа с ними начинается только после нескольких подготовительных курсов и состоит в том, что клиент копается в своем сознании и снова и снова переживает неприятные для него ситуации, пока аудитор не скажет, что «энграмма» стерта. И пора работать над следующей. Работа вроде бы начата, деньги заплачены немалые, и жертве ничего не остается, кроме бесконечного «самокопания» под тщательным надзором…

Создатель этой мясорубки, перемалывающей человеческие личности, – Хаббард – разработал и соответствующую идеологию, доступную только слушателям «высших» уровней. Оказывается, 75 миллионов лет назад Земля входила в Галактическую конфедерацию, которой правил злой князь Ксену. Конфедерация эта страдала от чрезмерного перенаселения, и Ксену разработал план переселения на Землю жителей приблизительно 76 планет; и там они были уничтожены. Затем злобный князь поместил в каждый земной вулкан по водородной бомбе и взорвал их, разорвав, таким образом, на клочки духов, или тетанов, этих жертв. Затем он собрал эти кусочки на «электронные ленты», и в течение 36 дней в них привили (имплантировали) образы будущих земных цивилизаций. Согласно Хаббарду, все культуры и религии происходят от этих гипнотических прививок. После имплантирования группы тетанов связали пучками; каждое живое существо – это масса таких пучков… Эта фантастическая история может быть воспринята всерьез разве что ребенком. Но сектантам сообщают, что любой неподготовленный человек, случайно услышавший или узнавший эту страшную информацию, заболеет и через несколько дней умрет в страшных мучениях. Однако это не помешало Хаббарду в конце жизни снять коммерческий фильм под названием «Бунт на звездах», основанный на «страшной тайне». Разумеется, себе он отвел исключительную роль. Его миссия – подготовить приход Люцифера, который вовсе не воплощение зла, а посланник Галактической Конфедерации.

Еще до того, как стали известны все эти подробности, Хаббард столкнулся с серьезными проблемами. Дело в том, что в 1960-е годы он усилил контроль над своими последователями,

введя понятие «подавляющая личность» (под это определение подпадает человек, «имеющий определенный набор черт и пребывающий в определенном умонастроении, что побуждает его подавлять людей, находящихся рядом с ним. Его поведение рассчитано на то, чтобы приносить беды и страдания»). Список «подавляющих личностей» (ПЛ), естественно, составлял сам Хаббард и его приближенные. А те, кто в него попадал, могли ожидать чего угодно, ведь инструкция главы церкви выглядела весьма недвусмысленно: «Любой сайентолог, не опасаясь наказания церкви, может лишить собственности всякую ПЛили группу ПЛи нанести им любой вред. Их можно завлекать в ловушку, подавать на них в суд, им можно лгать, их можно уничтожать физически».

Неудивительно, что деятельность «Церкви сайентологии» вскоре оказалась под запретом во многих странах, а сам Хаббард объявлен персоной нон грата. В декабре 1965 года сайентология была сурово осуждена специальной следственной комиссией, созданной правительством австралийского штата Виктория. В феврале следующего года лорд Бальниэл потребовал, чтобы британский парламент начал собственное расследование. Постановлением 1967 года Федеральное налоговое управление (ФНУ) США лишило «головную церковь» льготного статуса, освобождавшего ее от налогов. В 1978 году во Франции Хаббард был приговорен к четырем годам тюрьмы и денежному штрафу за мошенничество, но не был наказан, бежав из страны. В конце 1985 года, располагая информацией о присвоении Хаббардом не менее 200 млн долларов, ФНУ попыталось привлечь его к ответственности за налоговые махинации. Но большинство компрометирующих документов было уничтожено. Рональд старался не появляться в тех странах, которые уже были осведомлены об истинном лице сайентологии, большую часть времени проводил на принадлежащем ему корабле, экипаж которого состоял исключительно из его последователей.

К концу жизни Хаббард стал богатым: еженедельно на его счет поступало около миллиона долларов, а целиком состояние оценивалось почти в 640 млн долларов. Но к тому времени он уже страдал венерическими болезнями, паранойей и боялся всех и вся. Свою роскошную виллу он постоянно ремонтировал, но так и не вселился в нее и жил до самой смерти в маленьком фургоне на колесах во дворе. Последний год жизни Хаббард провел в инвалидной коляске. Деньги не принесли ему ни покоя, ни счастья.

Рон Хаббард умер 24 января 1986 года. Тело его было сожжено, а прах развеян над Тихим океаном. Но его

последователи продолжают охоту за новыми жертвами. И, возможно, часто вспоминают любимое высказывание учителя: «Делайте деньги, делайте деньги, делайте больше денег, делайте еще больше денег, заставляйте других работать, чтобы и они производили для вас деньги».

ИСКУСНЫЕ МИСТИФИКАТОРЫ

АЙРЛЕНД УИЛЬЯМ ГЕНРИ

(род. в 1777 г. – ум. в 1835 г.)

Английский литератор, мистификатор, занимавшийся подделкой личных бумаг Шекспира и его произведений. Скандальную известность получил, предоставив публике «новую пьесу Шекспира» «Вортигерн».

Шекспир или Шакспер? Великий Бард или актер средней руки и несостоявшийся торговец? Не одну сотню лет бьются над этой загадкой литературоведы мира. По разным версиям, под маской Уильяма Шекспира скрывались от двух талантливых личностей до целого литературного клуба деятелей своей эпохи. Есть, впрочем, и те, кто оставляет автору «Гамлета» право быть самим собой – Уильямом Шекспиром, Великим Бардом, Стратфордианским Лебедем, актером, известным в родном купеческом Стратфорде-на-Эйвоне как обычный торговец, хотя и со странной биографией. Откуда столько разночтений и кривотолков? Причина в том, что Поэт и Драматург не оставил миру ни единой рукописи, закладной, письма, договора, словом, ни одного документа, позволяющего хоть как-то осветить его подлинную биографию. Нет никаких достоверных свидетельств,

вразумительно объясняющих источник его энциклопедических знаний, гигантского словарного запаса в 20–25 тыс. слов (в Оксфордском словаре указано, что Шекспир ввел в английский язык около 3200 новых слов), богатого жизненного опыта, подразумевавшего многочисленные путешествия по Европе. Его подлинное завещание и то записано под диктовку, чужой рукой. На такой добротной почве из сплошных «белых пятен» как не взрасти «истинным свидетельствам» жизни и творчества великой личности? Вот и находится немало скорых на руку дельцов – любителей легкой наживы, которые, пользуясь ситуацией, пытаются «восстановить историческую несправедливость» и стряпают собственноручно недостающие «раритеты». Кстати, не всегда безуспешно.

Первым на поприще обеспечения историков недостающими «достоверными данными» подвизался Джон Джордан из Стратфорда, подрабатывающий гидом в экскурсиях приезжих по шекспировским местам. В историю шекспироведения он вошел как сочинитель нескольких «преданий» и изготовитель фальшивок; впрочем, некоторые из них были выполнены весьма качественно: даже известнейший эксперт того времени Эдмунд Мэлоун некоторое время считал духовное завещание Шекспира, состряпанное Джорданом, подлинным.

Но по количеству и качеству подделок перещеголял всех «шекспировских» мошенников Уильям Генри Айрленд, и настолько, что имя его вошло в анналы истории, а сфабрикованная им рукопись пьесы «Вортигерн» (вместе с ее печатным изданием 1832 года) хранится в зале манускриптов Британского музея. А ведь эта подделка стоила девятнадцатилетнему талантливому юноше всей дальнейшей карьеры, а его отцу – добропорядочной репутации и даже жизни. Впрочем, обо всем по порядку.

Отец Уильяма – самоучка, всего добившийся собственными силами, антиквар и букинист, охотник до всякого рода древностей – Сэмюэл Айрленд. Бывший гравер, в свое время он объездил с карандашом и блокнотом многие страны, издал несколько альбомов английских пейзажей, был награжден медалью общества изящных искусств за успехи в рисунке и графике. В зрелые годы Сэмюэл занялся торговлей антиквариатом. Его небольшая букинистическая лавочка на Норфолк-стрит, тихой лондонской улице, была чем-то вроде «одного из хранилищ всяческого любопытного и редкостного добра»: рукописи, раритетные издания, гравюры, старинные вазы, картины… Любители и знатоки старины и редких книг частенько собирались у добропорядочного антиквара порассуждать о

старинных фолиантах и литературе. Сам же Сэмюэл Айрленд был давним и страстным поклонником Шекспира и особо дорожил скудными реликвиями, связанными с именем Великого Барда. Что и сослужило ему впоследствии плохую службу.

В отличие от отца, стремление к образованию Уильяма Генри Айрленда оставляло желать лучшего: в тех нескольких школах, куда определял его Сэмюэл, успехи его были невысоки. После того как мальчик сменил одну за другой три английских школы, отец на четыре года отправил мальчика во Францию. Побывав в Париже, Амьене, Нормандии, юный Айрленд хорошо освоил французский. Когда сыну исполнилось семнадцать, Сэмюэл забрал его в Лондон, в дом, где с ним жили дочери Джейн и Анна-Мария, а также экономка. Работать Айрленд-старший определил юношу в Нью-Инн в нотариальную контору учеником к стряпчему мистеру Бингли.

По вечерам семья обычно собиралась послушать, как Сэмюэл читает Шекспира. Вопреки ожиданиям, Уильям Генри тоже проникся духом великой поэзии Стратфордианского Лебедя, сделавшись страстным его поклонником, стал интересоваться всем, что связано с именем Шекспира. На беду, как-то во время одной из домашних посиделок зашел разговор о Томасе Чаттертоне, авторе подделок под Раули. Возможно, именно это и послужило толчком для впечатлительного Уильяма последовать примеру известного мошенника. А случай утвердил его в этом начинании. Во время поездки с отцом в Стратфорд-на-Эйвоне они познакомились с упоминавшимся уже Джоном Джорданом, и тот сумел легко уговорить Сэмюэла купить шекспировские сувениры, в которых Уильям сразу распознал подделки.

Особого интереса к работе в конторе мистера Бингли Уильям Айрленд не испытывал: скучная переписка бумаг, оформление документов, тяжбы, завещания, прочая бумажная волокита – творческому потенциалу молодого человека негде было реализоваться. Но после возвращения из Стратфорда он с особым рвением приступил… нет, не к своим прямым обязанностям, а к воплощению наметившегося замысла. Вот где пригодились случайно найденные им в архиве конторы ящики с чудом сохранившимися старыми документами елизаветинской эпохи. Сами по себе бумаги не представляли какой бы то ни было исторической ценности, но в них сохранилось немалое количество чистых листов. Нужные чернила Уильям научился делать, проконсультировавшись у своего приятеля, работавшего в типографии. Копии с единственных подлинных подписей Шекспира (на его завещании 1616 года и закладной 1612 года) он снял по факсимильным публикациям Джорджа Стивенса. В

качестве «пробного шара» Айрленд-сын пришел к отцу с томиком-трактатом в кожаном переплете с прекрасными рисунками и тисненым золотым гербом Елизаветы на обложке. Мановением руки Уильяма книга была превращена в подарочный экземпляр: на чистом листе из бумаг елизаветинских времен он начертал письмо-завещание автора королеве и вклеил в том. Сэмюэл на удивление доверчиво отнесся к «находке» сына, чем окончательно утвердил его в тайных мистификаторских намерениях.

Вечером 16 декабря 1794 года Уильям Генри Айрленд вернулся домой крайне взволнованным и торжественно вручил отцу первый свой «шедевр» – «оригинал» договора об аренде дома между Шекспиром и Джоном Хемингом, с одной стороны, и Майклом Фрейзером и его супругой – с другой. Не менее взволнованный Сэмюэл, придирчиво осмотревший документ, не обнаружил ничего подозрительного: бумага, чернила, стиль, подпись Шекспира – все было безупречным. Все же он не преминул прибегнуть к авторитетной оценке сэра Фредерика Идена, известного филантропа, – тот вполне с ним согласился. Уильям Айрленд, вдохновленный такой оценкой знатоков, воспрял духом, и шекспировские раритеты посыпались на голову его отца как из рога изобилия.

Следующей «реликвией», «найденной» прытким юношей, стал протестантский трактат «Исповедание веры». Тщательно изучившие документ специалисты пришли к выводу, что он подлинный, и, более того, лестно отозвались о литературном таланте автора. Отметили и орфографию, о которой сообразительный Уильям не забыл позаботиться, изменив ее, как он считал, сообразно правописанию той эпохи. Он просто удваивал некоторые согласные и прибавлял окончание «е»: didde, wee, Prettye, fromme, usse, butte и т. п.

Позаботился Уильям и о том, чтобы обеспечить себе правдоподобное подтверждение подлинности своих находок. Он понимал, что рано или поздно от него потребуют объяснить происхождение всех этих реликвий, не обнаруженных никем за более чем полтора века. Один из его близких друзей, некий Монтегю Толбет, оказался не столь легковерен, как маститые эксперты, и заподозрил Айрленда в том, что тот сам фабрикует все найденные шедевры. Уильям, однако, поначалу все отрицал, но когда Толбет застал его за изготовлением очередной «находки», открылся другу и даже сагитировал его обеспечить «раритетам» тыл, подтвердив россказни Айрленда о том, где и при каких обстоятельствах они были найдены. Состряпанная ими легенда гласила: первую деловую бумагу Шекспира Айрленду принес Толбет, в свою очередь обнаруживший ее у некоего

господина Х., пожелавшего сохранить инкогнито. Впоследствии Толбет якобы познакомил Уильяма с господином Х., который затем все другие документы передал уже непосредственно Айрленду-младшему.

И надо сказать, этих «других документов» было отнюдь не мало: менее чем через три месяца Уильям принес домой целую коллекцию шекспировских бумаг. Чего здесь только не было: контракты с актерами, издания с собственноручными пометками Великого Барда на полях, переписанный экземпляр «Короля Лира», неизвестные отрывки из «Гамлета» и даже два любовных письма поэта к своей жене, Анне Хетеуэй. Стоит ли говорить, что антиквар был ошеломлен свалившимися на него сокровищами, а выпавший из одного письма «локон Шекспира» чуть было не довел старика до обморочного состояния. Не смутила его и история об альтруистичном мистере Х., который буквально разорил свой семейный архив и не потребовал взамен ничего, кроме единственного условия: не упоминать нигде его имя, в крайнем случае только инициалы – М. Х.

Юный Айрленд ловко, как ему казалось, обошел и тот момент, что могут найтись законные наследники рукописей Барда: он состряпал новое завещание, согласно которому Уильям Шекспир оставлял все свои рукописи и письма некоему человеку, который якобы спас тонувшего поэта. Странно, что этот факт не вызвал недоумения у специалистов: всем было прекрасно известно, что все рукописи драматург завещал Джону Хемингу. Тем не менее Уильяму и это сошло с рук.

Старый букинист считал себя более не вправе скрывать от мира такие реликвии и в феврале 1795 года организовал в своей лавке их публичную выставку. От посетителей не было отбоя, и скоро не только Лондон – вся Англия заговорила об удивительных находках и их счастливом обладателе. Как ни странно, но знатоки единогласно подтвердили подлинность всех документов, назвав коллекцию Айрлендов находкой века. Шестнадцать (!) литературоведов и писателей поставили свои подписи под свидетельством о подлинности автографов Шекспира. Слух о необыкновенных раритетах достиг королевского дворца, и отец и сын Айрленды были приглашены на аудиенцию с членами королевской семьи, где смогли продемонстрировать им свои «богатства». Единственным «но» было то, что известнейший шекспировед Эдмунд Мэлоун отказался посетить лавку на Норфолк-стрит, объявив шекспировскую коллекцию Айрлендов мистификацией. Впрочем, в хоре восторженных голосов его мнение до поры до времени осталось неуслышанным. Однако впоследствии нашлись и те, кто

посчитал важным прислушаться к словам эксперта, и отношение к «находке века» перестало быть однозначно одиозным.

Тем временем Уильям Генри не сидел сложа руки. Высокие оценки «найденных» им вещей вдохновили его замахнуться на гораздо более грандиозный замысел: написать пьесу в духе «раннего Шекспира». Сюжет подсказала висевшая в доме отца картина с изображением валлийского короля-воителя Вортигерна и королевы Ровены, а также холлиншедские хроники, которыми в свое время пользовался сам Бард. Здесь и совершил юный Айрленд роковую ошибку: еще не дописав пьесу до конца, он намекнул отцу о ее существовании, и тот стал требовать от сына побыстрее показать ему находку. Значительный кусок произведения Уильяму пришлось дописывать в спешке, что и объясняет ее слабые места, которые не замедлили привлечь к себе внимание экспертов. Кто знает, вполне возможно, если бы «Вортигерн» был написан не за два месяца, а за более долгий срок, мы и до сих пор считали бы эту пьесу одной из ранних проб пера Стратфордианского Лебедя. Когда же на Норфолк-стрит был открыт доступ к этой рукописи, Уильям постарался создать впечатление, будто он не настолько образован и способен в литературе, чтобы написать нечто, хотя бы отдаленно напоминающее подобную вещь.

На деле же он продолжал свои труды: вслед за притчей о валлийском воителе появились «Генрих II» – произведение гораздо более зрелое, нежели «Вортигерн», – и часть пьесы «Вильгельм Завоеватель». А в планах была серия пьес, охватывающая историю Англии начиная с норманнского завоевания и вплоть до правления Елизаветы I. Видимо, здесь и наступил переломный момент в жизни Айрленда-младшего: почувствовав вкус пусть и стилизованного, но самостоятельного сочинительства, Уильям всеми силами противился желанию отца опубликовать «найденные» рукописи. Дошло до того, что сын даже намекнул старику о том, что рукописи могут оказаться подделкой, но того уже было не остановить: мечта всей жизни, «неизвестный Шекспир»! И Уильяму Генри осталось только предупредить отца, что тот издает пьесы на свой страх и риск. Томик in folio «Некоторые рукописи и деловые бумаги за подписью и печатью Уильяма Шекспира…» стоимостью 4 гинеи вместил факсимиле почти всех подделок Уильяма Генри Айрленда, за исключением пьес «Вортигерн» и «Генрих II». Но апофеозом всей истории величайшей шекспировской мистификации стала постановка «Вортигерна» в Друрилейнском театре под руководством известного драматурга Б. Шеридана.

Надо сказать, что право на постановку оспаривали лучшие

театры Англии – Ковентгарденский и Друрилейнский, поэтому «автору» осталось только выбрать тот из них, который посулил больший гонорар. Сэмюэлу Айрленду полагалось триста фунтов наличными и пятьдесят процентов прибыли от первых шестидесяти представлений. И вряд ли хоть раз пьеса Шекспира привлекла столько зрителей, сколько устремилось на премьеру его «новой пьесы». Впрочем, не всеми двигала жажда приобщиться к высокому искусству: многие хотели лично убедиться в смехотворности подделки – слухи об этом уже расползлись по городу, многие специалисты пересмотрели свое мнение относительно находок и были настроены весьма критически. Затевалась настоящая война между скептиками и сторонниками подлинности шекспировских документов. Масла в огонь подлил и написанный к премьере лично Эдмундом Мэлоуном памфлет, призывавший не клевать на удочку злостных мистификаторов. Видный эксперт выпустил книгу «Изыскания о подлинности некоторых рукописей», полностью изобличающую все подделки Айрленда. И хотя вышел сей опус из печати спустя несколько дней после премьеры «Вортигерна», стараниями автора газеты пестрели цитатами из него еще до показа. Сэмюэл Айрленд также ответил памфлетом в день премьеры, призывавшим не верить необоснованным нападкам критика, причем раздавал его идущим на спектакль зрителям собственноручно.

Итак, 2 апреля 1796 года в театре – аншлаг. Все вроде бы идет гладко. Однако некоторые сцены и фразы привели публику в замешательство. То тут, то там в зале начали раздаваться смешки. Кембел – исполнитель главной роли короля – казалось, издевался над текстом. Когда же он патетически выделил из него фразу «Мне бы хотелось, чтобы этот мрачный фарс поскорее завершился», зал взорвался от хохота – сомнений относительно подлинности произведения не осталось ни у кого. Премьерный показ стал единственным.

Наконец-то у всех открылись глаза на истинную суть всех «обнаруженных реликвий». У всех, кроме самого Сэмюэла Айрленда, который упорно не хотел расставаться с мечтой всей жизни. Уильям пытался было некоторое время отрицать свою причастность к подделке, но недолго – он не мог бесконечно придумывать новые отговорки о господине М. Х. Впрочем, никто, даже собственный отец и родная тетка, не поверили ему, посчитав неспособным создать нечто подобное.

Девятнадцатилетний Айрленд покинул отчий дом на Норфолк-стрит, пока его отец гостил у друзей в Беркшире, и более туда не вернулся. Он отправился прожигать те жалкие

сбережения, что сумел накопить за время своей «шекспириады». Его отца не убедило в том, что все находки – дело рук Уильяма, ни личное признание сына в письме, ни увещевания адвоката О. Уоллеса, друга Уильяма. Новым ударом для отца стала женитьба Уильяма Генри на некой особе с сомнительной репутацией. Вскоре Уильям Айрленд издает свой «Достоверный отчет», где подробно рассказывает об обмане и полностью реабилитирует отца, на голову которого и посыпались все обвинения в фальсификации после злополучной провалившейся премьеры. И эта попытка неудавшегося мистификатора восстановить доброе имя отца окончательно подорвала силы старого букиниста. Сэмюэл Айрленд утверждал, что «Достоверный отчет» написан сыном в состоянии сильного возбуждения и тем более свидетельствует о том, что автор подобного произведения никак не мог писать «под Шекспира». И выдвинул встречную версию: «Мистер Айрленд в свою защиту», где приводил ссылки на письма сына и Толбета, а также ряд других документов, якобы доказывающих его невиновность. Тщетно – Сэмюэла признали виновным. Д. Стивенс заявлял даже, что Уильям написал «Достоверный отчет», чтобы обелить отца. В газетах постоянно появлялись язвительные заметки о нем, по городу распространялись карикатуры. Доведенный до отчаяния несправедливостью, Сэмюэл порвал все отношения с Уильямом и, сломленный этим сокрушительным ударом судьбы, умер в 1800 году, так его и не увидев. До сих пор остается загадкой, почему же он был так убежден в бездарности сына, что не мог признать его способным на подобное творчество.

Неудавшаяся мистификация так и висела крестом над Уильямом Айрлендом всю оставшуюся жизнь. Долгое время после побега из родного дома он не мог найти никакой работы. Пытался стать актером – но история с «Вортигерном» была еще на слуху и никто из директоров театров не хотел брать его ни в труппу, ни в качестве сценариста. Поэтому так и не воплотился замысел Уильяма о серии исторических пьес. Едва собрав незначительную сумму денег, горе-мистификатор открыл в Кенсингтоне библиотеку с выдачей книг на дом, а подрабатывал тем, что за копейки продавал копии своих подделок любопытным. Книготорговцем, переписчиком и библиотекарем он был вплоть до 1802 года, когда, благодаря новым связям, двадцатипятилетний Уильям Генри был назначен главным распорядителем театральных представлений на празднестве, устроенном во Фрегморе принцессой Елизаветой. Четыре дня Уильям безвозмездно трудился над подготовкой, сам написал пару сценок. Труд не остался незамеченным и помог завоевать

ему некоторое положение в литературном мире.

В 1805 году Айрленд начал работать над «Признаниями» – вещью гораздо более объемной, чем «Достоверный отчет». Здесь он опять всячески оправдывал отца, винил в провале пьесы некоторых актеров и завершил сей труд выводом семи обстоятельств, свидетельствующих в его пользу, как то: своим обманом он не намеревался никому причинить вред и в самом деле никому его не причинил, не преследовал корыстных интересов и действительно не извлек из всего никакой выгоды. Тем же, кто вознамерился подвергать освидетельствованию означенные бумаги, некого винить, кроме себя, за все последствия, связанные с поддельным договором об аренде дома между Шекспиром и Фрейзером. Айрленд апеллировал к тому, что ему едва было семнадцать с половиной лет, когда он взялся за подделки, а потому его молодость должна в какой-то мере смягчить гнев обвинителей. И наконец главный аргумент: его обвинителей более всего смущает то, что все они не устояли перед неким юношей, поставив тем самым под сомнение свою компетенцию в этом вопросе. Будь он ученым мужем, его бы простили как равного, а так – сочли опасным мистификатором, человеком умным, но дерзким. Что ж, пожалуй, его обман мог так и остаться шуткой, не прими ее всерьез Сэмюэл Айрленд. Опубликованный труд вновь привлек к Уильяму Генри внимание публики, что не замедлило отразиться на его судьбе.

Айрленд покинул Англию с намерением поселиться во Франции, где он и провел несколько лет, совершенствуя знание французского и занимаясь переводами, среди которых был и «Ответ Луи Наполеона сэру Вальтеру Скотту». Кроме того, он написал несколько исторических сочинений и четырехтомную «Жизнь Наполеона Бонапарта». Спустя девять лет он вернулся на родину, где ему удалось устроиться к лондонскому издателю Трипхуку. Айрленд по-прежнему продолжал писать в разных жанрах: пьесы в духе «Вортигерна» и «Генриха II», политическая сатира, поэма «Отвергнутый гений», несколько романов, в том числе «Аббатиса» и «Покорная чувству». Но как бы то ни было, и через тридцать лет после написания «Вортигерна» ему поминали старые грехи. После того как он помог Боудену в создании труда о поддельных портретах маслом и миниатюрах Шекспира, проследив историю некоторых подделок, в одной из книг его опять назвали «бесстыдным и беспомощным» фальсификатором.

В 1832 году Уильям Генри Айрленд выпустил второе издание «Вортигерна и Ровены», дополнив его, помимо отцовского, своим предисловием, в котором писал о «язвительных стрелах преследователей, безжалостно поражавших его более тридцати

лет подряд». Впрочем, теперь для массовой публики это были уже неактуальные признания – мало кто из зрителей, видевших пьесу в 1796 году, остался к этому времени в живых. Незадачливому мистификатору и литератору средней руки оставалось одно: удалиться на покой. Остаток дней он спокойно прожил в своем доме в Сент-Джордж-ин-зе-филдс в Сассекс-плейс. Здесь и умер в 1835 году.

Спустя двадцать лет в адрес Айрлендов вновь зазвучали обвинения, но ни отец, ни сын ответить на них уже не могли. Да и сам их автор, некий доктор К. М. Инглби, обвинявший обоих в корыстном обмане, спустя некоторое время раскаялся ив 1878 году признал, что повторил лишь известные россказни. Позже он снял все свои обвинения с Сэмюэла Айрленда в подделке шекспировских документов и рукописей, что, однако, никак не смогло повлиять на репутацию последнего – еще долго его имя стойко ассоциировалось со скандальной историей. Время все расставило на свои места, но и для Уильяма Генри Айрленда и для его отца это уже давно не имеет никакого значения. А рукопись «шекспировской» пьесы «Вортигерн» все так же назидательно хранится в зале манускриптов Британского музея.

РУХОМОВСКИЙ ИЗРАИЛЬ

(род. в 1860 г.? – ум. в 1930 г.?)

Приобретение французским Лувром «тиары скифского царя» стало «аферой века». Между тем, лучшие образцы «античной старины» делались в Одессе стараниями Шепселя Гохмана. Наиболее искусным их производителем был еврейский ювелир Израиль Рухомовский.

В Париже на небольшом кладбище есть могила, в которой покоится человек, ставший всемирно известным благодаря грандиозной афере конца XIX века. Нет, он не аферист. Он ювелир-самоучка, Мастер с большой буквы. На маленьком золотом надгробии, которое он сделал незадолго до смерти, есть слова: «…После моей смерти мой дух будет жить в делах моих рук, которые оставляю после себя». И действительно, его бессмертные творения хранятся в музеях Франции, Израиля, Германии, США, Эрмитаже, в частных коллекциях – вот только попали они туда вовсе не под именем своего творца. Обряженные в тогу древности, в действительности все они были созданы в XIX веке Израилем Рухомовским.

Он родился в Мозыре, в Белоруссии, предположительно в 1860 году. Затем семья, опасаясь погромов, перебралась в Киев, а оттуда в Одессу. Именно там и расцвел талант ювелира-самоучки, удивившего своим искусством известных одесских мастеров. Заказов у него было много, но особого богатства работа не приносила. Бизнесменом Рухомовский оказался никудышным. Вот тогда-то и пересеклись дороги ювелира Рухомовского и братьев-аферистов Гохман.

В конце XIX века начался бум на античные ценности – изделия из золота, серебра, мрамора, расписную лаковую керамику, терракотовые статуэтки, монеты. Вместе с этим расцвела и целая индустрия подделок этих ценностей, ведь на всех желающих их не хватало. Масштабы этого авантюрного бизнеса были грандиозны и приносили колоссальный доход так называемым «черным археологам», а подделки, изготовленные столь искусно, регулярно приобретались различными музеями и коллекционерами. Особый размах изготовление археологических подделок приобрело в Северном Причерноморье. Дошло до того, что на X Российском археологическом съезде директор Одесского археологического музея фон Штерн выступил с докладом «О

подделках классических древностей на юге России». В своей разоблачительной речи в отношении «черных археологов» он впервые произнес фамилию братьев Гохман.

Братья Гохман (речь в основном пойдет только о старшем – Шепселе) были хорошо известны в своем родном Очакове. Они занимались торговлей колониальными товарами, а затем решили открыть антикварную лавку. Это было вполне оправданно. Со второй половины XIX века неподалеку от города археологи начали раскопки древнегреческого города-колонии Ольвии, просуществовавшей с VI в. до н. э. до IV в. н. э. и разрушенной готами. Из-под земли были извлечены бесценные сокровища: скульптуры, вазы, мраморные плиты и пр. Музеи Одессы, Петербурга, Москвы конкурировали между собой за право купить их. При этом музеям Западной Европы доставались лишь крохи. Эту ситуацию и решили исправить братья Гохман, начав заниматься «черной археологией», используя при этом местных жителей. Извлеченные из-под земли древности потекли к ним в лавку. Но спрос на антиквариат все время рос, а товара, чтобы облагодетельствовать всех, по-прежнему не хватало. Тогда братья и решили разбавлять подлинники фальшивками – пусть хватит всем страждущим. Простакам-коллекционерам, в основном, сбывались мраморные плиты с древнегреческими надписями. Их находили на месте, иногда покупали в Крыму, а затем в Очакове, в мастерской, рабочие, сбив прежние надписи, выбивали на их месте новые, соответствующие официальной истории Ольвии. Шрифты тщательно подбирались, а для составления текстов приглашались специалисты. Кстати, серию таких «древних» плит в 1892–1893 годах прикупил у братьев и фон Штерн – директор Одесского археологического музея.

Предметы «древности» Гохманы сбывали не только в России, но и в Германии, Франции, Италии, Англии, Греции. Зачастую они действовали через подставных лиц, которые, продавая «ценности» музеям или коллекционерам, попутно рассказывали, где и при каких обстоятельствах были сделаны находки. А для некоторых особенно недоверчивых любителей старины устраивались настоящие спектакли – им давали возможность самим найти «древность», которую Гохманы сначала закапывали, а затем на глазах изумленного покупателя откапывали. Но вскоре интерес коллекционеров к мраморным плитам иссяк, и братья решили заняться изготовлением подделок из золота, заказывая их одесским ювелирам. Но первое же ювелирное дело прошло не совсем удачно. Коллекционер из Николаева Фришен приобрел у «крестьян» (подставных людей Гохманов) золотые изделия – старинные кинжал и корону, найденные якобы во время полевых

работ. Фришен понес изделия на экспертизу к Штерну, и каково же оказалось его удивление, когда выяснилось, что это подделка, и стоимость драгметаллов в изделиях всего 900 рублей (а выложил-то за них любитель старины все 10 тысяч!). Правда, ничего сделать было уже нельзя: продавцов и след простыл. После этой истории братья стали действовать осмотрительнее. Они поняли, что для их бизнеса нужен ювелир экстракласса, и лучше «поработать» за границей. Вот тут и нашелся ювелир-уникум, которому вечно на хватало денег для пропитания своей большой семьи – жены и шестерых детей. Он с удовольствием согласился работать на Гохманов. Только за один заказ братья пообещали заплатить столько, сколько Рухомовский зарабатывал за год. Правда, выполнение заказа должно было проходить в полной секретности. Кто бы мог тогда подумать, что этот заказ принесет не только всемирную славу своему автору, но и произведет сенсацию, получившую название «афера века»! Гохманы заказали Рухомовскому изготовить тиару (корону), которая впоследствии станет известна как тиара Сайтоферна.

Для аферы братья использовали подлинную находку археологов – беломраморную плиту с высеченным на ней декретом в честь богатого ольвийского гражданина Протогена, который, чтобы задобрить скифского царя Сайтоферна, угрожавшего городу, преподнес ему 900 золотых. Угол плиты был отбит, и братья решили, почему бы на этом месте не могло быть сообщения о еще одном, дополнительном подношении – тиаре.

Однажды зимним днем 1895 года в Вене появился коммивояжер из Одессы, зарегистрировавшийся во второразрядной гостинице как Шепсель Гохман, негоциант из Очакова. Вскоре он был представлен директорам Венского Императорского музея Бруно Бухеру и Гуго Лейшингу. Гохман предложил им приобрести у него для музея ряд античных вещей, среди которых выделялась золотая тиара, представлявшая собой чеканенный целиком из тонкой золотой полосы куполообразный шлем высотой 17,5 см, поделенный на три части: на нижнем фризе находились фрагменты из бытовой жизни скифов, на верхнем – сюжеты из гомеровской «Илиады», а между ними – изображение ольвийской крепостной стены и надпись на древнегреческом: «Царю великому и непобедимому Сайтоферну. Совет и народ ольвиополитов». Состояние тиары было превосходным, работа – изумительной. Только в одном месте имелась небольшая вмятина и множество царапин. Украшения же не пострадали. Дирекция Императорского музея пригласила в качестве экспертов крупнейших венских археологов и искусствоведов – профессоров Бенндорфа, Бормана и Шнейдера,

которые единодушно подтвердили античное происхождение тиары и ее безусловно высокую художественную ценность. Однако некоторые сомнения все еще оставались, но предложение вызвать для консультации видных знатоков ольвийских и скифских древностей – директора Одесского археологического музея фон Штерна и профессора Петербургского университета А. Веселовского – было отброшено. Все шло хорошо до определения цены. Очаковский негоциант оценил свое имущество в 100 тыс. рублей. Цена оказалась настолько высокой, что дирекция музея не смогла собрать необходимую сумму. Раздосадованным директорам осталось только развести руками. При этом они поинтересовались: как это небогатому бизнесмену удалось стать обладателем такой реликвии? Гохман спокойно ответил, что вложил в ее приобретение все свои деньги и справедливо рассчитывает получить приличные комиссионные. Если бы директора знали, как им повезло, что у них не хватило денег! На самом деле этот «античный» шедевр был создан всего за семь месяцев и являлся плодом фантазии и мастерства гениального мастера из Одессы! Для изготовления тиары было использовано множество русских и немецких книг, рисунки старых городов, находящиеся в крупных музеях. Одежду скифов, например, пришлось изображать по экспонатам Эрмитажа. А заплатил Гохман Рухомовскому за его работу всего 1800 рублей.

Домой, однако, негоциант уезжать не торопился. Он посетил своего австрийского коллегу-антиквара Антона Фогеля и провел с ним переговоры. При этом присутствовал венский маклер по фамилии Шиманский. Переговоры прошли успешно, и в результате была заключена взаимовыгодная сделка. После этого тиара перекочевала из саквояжа Гохмана в сейф венского антиквара, и только тогда довольный Шепсель отбыл домой.

Весной 1896 года Фогель и Шиманский переехали в Париж. Их целью было продать Лувру тиару царя Сайтоферна. Лувр обладал богатейшим собранием древнего искусства. Скифская же тиара, казалось, превосходила все. Директор Лувра Кемпфен созвал экспертную комиссию, в которую, кроме него самого, вошли начальник отдела античного искусства музея Эрон де Вильфос, крупнейшие ученые Франции Соломон Рейнак, Мишон, Бенуа и Молинье. Все же определенные сомнения в подлинности тиары Сайтоферна существовали. Правда, их вызывала не подлинность самой вещи (ведь оригинал никогда не существовал), а возраст. Трудно было поверить, что ей две тысячи лет. Однако вскоре французская экспертная комиссия, как и австрийская, признала подлинность тиары: окончательную точку в этом поставил авторитет Соломона Рейнака. За тиару

австрийцы запросили от 200 до 400 тыс. франков. Такой суммой музей не располагал. Подобную покупку должен был утвердить французский парламент. Все это требовало времени, а Фогель и Шиманский торопились. Тогда за честь Франции вступились меценаты, предложив Лувру нужную сумму. Взамен они получили документ, по которому парламент и администрация музея гарантировали возврат спонсорской помощи. По сообщению газеты «Фигаро» за тиару было заплачено 250 тыс. франков, а по слухам – 500 тыс. По тем временам это была неимоверная сумма.

Итак, сделка состоялась. Все остались довольны. Мошенники получили огромные деньги, Лувр совершил «покупку века», и тиара заняла свое почетное место в экспозиции музея. Все это вызвало настоящую сенсацию. Тиара привлекла внимание ученых со всего мира. Ею восхищались и археологи, и ювелиры. Толпы парижан ринулись в Лувр, где она была выставлена. По утверждению многих ученых и ювелиров, подобный шедевр не могли бы создать современные мастера, даже гении. Но в августе того же года один из известнейших археологов того времени Адольф Фуртвенглер из Мюнхена на страницах журнала «Cosmopolis» заявил, что произведенная им самостоятельная экспертиза выявила следующее: на золоте отсутствует характерная для древностей красная патина; в научных публикациях есть аналогичные сцены и прототипы ряда персонажей тиары и, кроме того, они есть на изделиях самых разных эпох и из разных, весьма отдаленных друг от друга мест. Тогда же на страницах французской прессы появилось перепечатанное из российских газет заявление профессора А. Веселовского, в котором сообщалось, что тиара Сайтоферна – подделка. Подлил масла в огонь и Штерн, рассказав на археологическом съезде о деятельности торговцев подделками, упомянув при этом и братьев Гохман. Но все это не дало никакого эффекта, и еще семь лет Лувр упивался собственным счастьем и гордился тиарой.

В марте 1903 года как гром среди ясного неба в одной из парижских газет появилось сообщение монмартрского художника и скульптора Эллина-Майенса, привлеченного к судебной ответственности за подделки картин, что он намерен разоблачить фальшивки фальсификаторов. Он рассказал, где и как подделываются картины, а также произведения древности, и заявил, что приобретенная Лувром тиара Сайтоферна – его творение, что он делал слепки для нее по рисункам, полученным у некоего торговца, и что обнаружить подделку несложно, поскольку тиара спаяна современным, не известным древним грекам способом. Это сенсационное заявление было подхвачено

прессой, и разразился грандиозный скандал.

В то же время в газете «Одесские новости» со ссылкой на достоверный и как всегда в таком случае анонимный источник промелькнуло сообщение, что главным агентом по продаже парижскому Лувру изготовленной в Одессе «знаменитой» тиары является Шепсель Гохман, проживающий в Очакове, и что в настоящий момент он прибыл в Одессу для переговоров с ювелиром Рухомовским. Правда, это еще не указывало на причастность Гохмана к «афере века». В Париже, между тем, на предварительном следствии по делу Мейенса бывший одесский ювелир Лившиц сообщил, что тиара – работа его хорошего знакомого Израиля Рухомовского, что он, Лившиц, видел ее еще в 1895 году в незавершенном состоянии дома у Рухомовского, и там же он видел книгу с гравюрами, которые использовались для изготовления тиары. Газеты тогда же опубликовали письмо Наеборг-Малкиной, тоже бывшей одесситки, в котором она сообщала, что видела Рухомовского за работой над тиарой, но он и не подозревал, что его творение будет выдано за произведение древнегреческого мастера.

Париж бурлил. Теперь парижан больше всего волновал вопрос, где же все-таки была создана «древняя тиара» – в Париже или в Одессе? Вопрос принципиальный: все же тиара – даже если она представляет собой подлог – шедевр искусства. Тут уж и администрация Лувра не выдержала и возбудила судебное преследование против шайки мошенников, сбывших музею тиару. По распоряжению министра народного просвещения Франции тиара была изъята из экспозиции Лувра, а парижскому судье Бучару поручили расследовать все обстоятельства этого дела с привлечением Лившица, Малкиной и Рухомовского, если таковой существует на самом деле, а не является мифической личностью. Тут-то и выяснилось, что разыскать ювелира в Одессе особого труда не представляет, поскольку он хорошо известен в городе, что он действительно изготовил тиару, но, как единодушно считали одесситы, Рухомовский никого не собирался обманывать, а просто выполнил заказ. Жил знаменитый мастер на Успенской улице в доме № 3 в квартире, расположенной под самым чердаком. Теперь его жилище наводнили десятки корреспондентов и фотографов парижских изданий. Портреты одесского ювелира и фотографии тиары обошли все газеты. Французский консул предложил Рухомовскому поехать в Париж, взяв все расходы на себя. Единственное условие – ехать надо под чужой фамилией.

5 апреля 1903 года Рухомовский под фамилией Бадер прибыл в Париж. О нем, правда, сразу узнали. Один богатый любитель

курьезов Барнаум сразу предложил администрации Лувра 250 тыс. франков за тиару, если та будет признана настоящей фальшивкой, а один американский импресарио предложил Рухомовскому баснословные гонорары, если тот согласится гастролировать по Америке с рассказами о ней.

Тем временем началось расследование. Оно проводилось в Лувре, в изолированной комнате, под руководством известного археолога и специалиста по древневосточным языкам Клермон-Ганно. Две недели администрация музея допрашивала Рухомовского. Для начала он должен был, не видя самой тиары, описать ее, указав на все изъяны. Затем он представил комиссии гипсовые модели горельефов тиары, сообщил сплав, перечислил список гравюр, которыми пользовался. После этого ему предложили показать макет композиции тиары, который всегда должны делать ювелиры перед реализацией проекта. Но оказалось, что Рухомовский о таком услышал впервые. Комиссия усомнилась в его авторстве. Все стало на свои места, когда французский консул прислал из Одессы инструменты Рухомовского, и тот на глазах у изумленной экспертной комиссии по памяти точнейшим образом воспроизвел один из рисунков на тиаре. Только увидев этот фрагмент, комиссия пришла к выводу, что экспертизу можно считать оконченной: подарок скифскому царю от ольвийских греков – изделие одесского ювелира Израиля Рухомовского.

А как же насчет аферистов? Да никак. На допросах Рухомовский рассказал довольно туманную историю о том, как какой-то неизвестный господин из Керчи заказал ему тиару в качестве юбилейного подарка какому-то ученому-археологу. Он же снабдил ювелира материалами, книгами и гравюрами. В результате осудить и посадить оказалось некого: против Шепселя Гохмана доказательств не было, а Фогель и Шиманский были тоже ни при чем. Тиару же передали в Музей декоративного искусства Парижа, где она хранится и поныне.

Как же сложились судьбы участников этой истории? Во время пребывания Рухомовского в Париже к нему обратился богатейший коллекционер старины Райтлинг за консультацией по поводу своих приобретений. Он пришел в неописуемый ужас, когда выяснилось, что вся его «старина», купленная, кстати, через Гохмана, – тоже дело рук Рухомовского.

В мае 1903 года в Париже открылся художественный салон, куда Райтлинг передал свою «старину», а Клермон-Ганно – изделия, привезенные Рухомовским из Одессы. Успех был грандиозным. Салон вручил мастеру памятную медаль. Ювелир вернулся в Одессу, но после событий 1905 года окончательно

переехал в Париж. Рухомовский сделал еще одну тиару. Его творения постоянно экспонировались в Салоне. Их покупали Женева, Берлин, Нью-Йорк. А вскоре произошло знакомство ювелира с банкиром Эдмоном Ротшильдом. Теперь заказы пошли за заказами, и Рухомовский по праву мог именоваться поставщиком финансового короля Ротшильда.

Удачно сложилась и судьба братьев Гохман. «Афера века» сделала Шепселя скандально известным, что, однако, не отразилось на его доходах. Его фирма процветала, и Фогелю с Шиманским работы хватало. Клиентами были как частные коллекционеры, по большей части из США, так и музеи России, Германии, Франции, Англии, Греции, Италии и тех же США. А Лувру «повезло» еще раз. В 1939 году дирекция музея вновь приобрела «скифское» изделие – серебряный рог для питья в виде кабаньей головы с рельефными фигурами. Впоследствии выяснилось, что аналогичный сосуд был еще в 1908 году куплен Московским историческим музеем, и обе эти подделки вышли из одной и той же мастерской, которой руководили братья Гохман.

ДОССЕНА АЛЬЧЕО

(род. в 1876 г. – ум. в 1936 г.)

Итальянский скульптор, прозванный гениальным фальсификатором. Главное действующее лицо одного из самых крупных скандалов в культурной жизни XX века. Как оказалось, он был автором сотен изваяний, которые искусствоведы считали творениями мастеров разных временных периодов – от эпохи античности до Возрождения. Его называли западноевропейским королем античной фальсификации. Человек уникального дара, он создавал свои скульптуры ради выживания и любви к искусству…

Удивительно, как много талантов подарил миру небольшой итальянский город Кремона. Именно здесь возникли лучшие творения великого скрипичного мастера Амати. Позднее с его легкой руки в этом городке начал свой путь к славе знаменитый Страдивари, чьи инструменты до сих пор повергают в почти суеверный трепет знатоков и ценителей искусства. XIX век тоже принес Кремоне славу, но – скандальную. Именно здесь родился и вплоть до Первой мировой войны жил еще один непревзойденный талант – Альчео Доссена, нанесший позднее сокрушительное поражение крупнейшим экспертам в области античного искусства.

Знаменитый «гений фальшивок» еще в детстве был отдан на обучение скрипичному мастеру. Родители мечтали увидеть в сыне достойного наследника славы великих земляков. В течение нескольких лет он безропотно постигал премудрость изготовления музыкальных инструментов. Но тайны создания скрипок-шедевров не давались пареньку, более увлеченному работой каменотесов. Его все больше манила работа с мрамором, а не с деревом. Когда же всем стало ясно, что нового Амати из него явно не выйдет, юноше нашли работу, определив его в подмастерья к местному каменотесу.

За созданием каминов и надгробий незаметно текли годы, оставляя в душе Доссены горечь: он был очень честолюбив и втайне считал себя гениальным, но непризнанным скульптором. Однажды он все же решился нарушить привычное течение жизни. Покинув родной город, уже немолодой ваятель отправился покорять столицу. Но его надеждам не суждено было сбыться:

через год после его переезда в Рим началась Первая мировая война, и скульптора-неудачника призвали в действующую армию.

Первый проблеск надежды на признание совпал с праздником Рождества в 1916 году. Доссена как раз получил короткий отпуск и в связи с этим предпринял паломничество по римским кафе. В одном из них судьба столкнула его с неким Фазоли, антикваром. Тогда Альчео и не подозревал о том, что эта встреча предопределит всю его дальнейшую жизнь. Солдату позарез требовались деньги, и он попытался продать новому знакомому небольшой рельеф, недавно созданный им и имитировавший стиль эпохи Возрождения. Он утверждал, что рельеф – собственность его друга, и запросил за него сотню лир. Антиквар сделал вид, будто поверил Доссене, и сделка состоялась к обоюдному удовольствию. Фазоли был действительно профессионалом в своей области, и его опыт позволил сразу оценить мастерство исполнения безделушки и всю ту выгоду, которую можно получить от продажи подобных вещей. Поэтому он решил ни в коем случае не терять талантливого солдата из виду и ожидать удобного для откровенного разговора случая.

Когда Доссену демобилизовали (это произошло в январе 1919 года), Фазоли сразу же объявился и предложил взять скульптора под свою опеку. Послевоенные условия жизни были страшными, и представителям искусства приходилось очень тяжело: разруха и голод во все времена мало способствовали повышению интереса публики к произведениям современных авторов. Иное дело – работы старых мастеров. Именно на их продаже наживались торговцы антиквариатом, за ними охотились богатые собиратели древностей. Всплески торговли старинными произведениями искусства как раз и приходились на периоды общественных кризисов, когда многие владельцы раритетов были вынуждены продавать принадлежащие им вещи, чтобы выжить. Похожая ситуация возникла как раз в то время, когда Фазоли обратился к Доссене с просьбой выполнить первый заказ. Для скульптора же деньги, выплачиваемые антикваром, были единственным источником существования. Позднее к нему обратился с похожим предложением еще один торговец стариной, Палези. Оба заказчика прекрасно представляли себе, с кем имеют дело. Будучи профессионалами, они весьма трезво оценивали истинные способности Альчео. Как обычный художник или скульптор он был явной посредственностью. Доссена и сам это давно понял, пережив несколько творческих неудач. Его талант заключался в другом. Он не имел себе равных в области подделок. У этого мастера был странный врожденный дар и необычайное художественное чутье, которые, сочетаясь с поистине виртуозной

техникой, позволяли ему придавать своим скульптурам поразительное ощущение древности. Он охотно и с неистощимой изобретательностью брался за самые рискованные операции, ни одна из которых не провалилась. Каким-то чудом ему удавалось придавать фактуре мраморных скульптур настолько точную иллюзию старения, что знатокам антиквариата позднее оставалось лишь недоуменно разводить руками. Поистине, этот немолодой ученик кремонского каменотеса был уникумом в мире создателей подделок. Кроме того, он никогда не занимался изготовлением копий известных произведений искусства. Доссена был именно фальсификатором, изготавливавшим «ранее неизвестные творения» великих мастеров прошлого. Его высокий класс исполнения и уникальная ширина творческого диапазона удивляли даже антикваров-заказчиков.

Мастерская Доссены в течение многих лет исправно наводняла мировой рынок поддельными древностями. С одинаковой легкостью он создавал архаические скульптуры и статуи, копировавшие стиль итальянских мастеров XV века. Из-под его резца выходили фронтонные группы и этрусские статуэтки, заставлявшие специалистов буквально плакать от счастья, утверждая, что этим «сокровищам» не менее трех тысяч лет. И тут же, мгновенно перестроившись, он создавал готические статуи в духе Джованни Пизано или мраморные саркофаги, в точности воспроизводящие манеру Дезидерио да Сеттиньяно и Мино да Фьезоле. Казалось, не существует такой подделки, которая заставила бы отступить этого гения фальсификации. Для его заказчиков скульптор был настоящим подарком судьбы. Фазоли и Палези, не отличавшиеся щепетильностью и твердыми моральными принципами, без зазрения совести снабжали произведения Доссены фальшивыми сертификатами и заключениями солидных экспертов. Затем «антиквариат» легко сбывался с рук, отправляясь в частные собрания и крупные музеи и оставляя в руках торговцев крупные суммы денег.

Творения, обретшие жизнь в мастерской Альчео и прошедшие через руки Фазоли и Палези, позднее обнаружились во многих музеях Европы и Америки. Наиболее известными его подделками считаются: Кора, приписываемая греческому скульптору VI века до н. э., приобретенная нью-йоркским Метрополитен-музеем; «этрусская» скульптура Дианы, находившаяся в музее Сан-Луи; «архаическая» Афина, хранившаяся в музее Кливленда; фронтонная группа из Велии, купленная музеем Вены. Последнюю в свое время подверг «реконструкции» крупнейший специалист по античному искусству Ф. Студницка. Позднее эксперт признавался, что это было самым крупным поражением в

его профессиональной карьере. Ведь Студницка, напрямую работая над очисткой и реконструкцией фронтона, даже и не заподозрил в нем фальшивку… Кроме того, изделия Доссены обнаружились во многих частных и государственных коллекциях мира. Речь идет о десятках скульптурных групп и портретов, долгое время считавшихся творениями Мино да Фьезоле, Росселини, Донателло, Вероккио и многих других великих итальянских скульпторов.

Но наиболее скандальной оказалась фальшивка, имитирующая творческую манеру итальянского мастера XIV века Симоне Мартини. Доссена в этом случае использовал для работы картину маэстро «Благовещение», создав по ней две деревянные статуи, изображавшие Мадонну и ангела. Фазоли тогда легко сбыл с рук скульптуры, хотя и узнал при продаже, что фальсификатор попутно «обогатил» биографию знаменитого мастера. Ведь Мартини был только великим живописцем и никогда не занимался пластикой… Так что в скульптора он превратился исключительно стараниями Доссены!

Шли годы. Фазоли и Палези ни разу не пожалели о том, что предложили безызвестному солдату работать на себя. Он по-прежнему оставался для своих патронов золотой жилой. Состояние антикваров росло, вызывая приятное чувство безопасности и распаляя аппетит. Например, за продажу в Америку мраморного саркофага, якобы принадлежавшего резцу Мино да Фьезоле и предназначавшегося Екатерине Собелло, «хозяева» Доссены получили 100 тыс. долларов. Всего же прибыль, полученная Фазоли и Палези за несколько лет торговли фальшивками, составила более 70 млн долларов. Однако при этом сам Доссена вел более чем скромное существование. Скупые заказчики платили крайне мало: они считали, что таким образом поддерживают хорошую рабочую форму ваятеля, обеспечивая ему наличие постоянного стимула к творчеству. Поначалу этот метод себя оправдывал, и Альчео, постоянно находившийся на грани настоящей нищеты, много и изнурительно работал, создавая одну скульптуру за другой без перерыва. Возможно, прояви недальновидные антиквары чуть больше заботы и сострадания, поддержи они вовремя «гения фальшивок», мир так никогда бы и не узнал о том, что лучшие эксперты мира уже столько лет восторгались подделками.

Когда-то О. Генри сказал, что самый благополучный трест несет в себе зародыш собственной гибели; то, что не удастся сделать конкурентам извне, будет сделано усилиями самих компаньонов. В общем, этот трест по изготовлению фальшивок, основанный Фазоли, Палези и непризнанным скульптором, тоже

лопнул, взорванный изнутри. Доссена взбунтовался в мае 1927 года, когда его постигло настоящее горе. Горячо любимая жена скульптора, терпеливо сносившая все тяготы жизни с непризнанным гением, умерла. Но убитый горем Альчео не смог наскрести даже минимальной суммы, необходимой, чтобы устроить скромные похороны. Тогда он обратился к Фазоли и Палези, надеясь на их поддержку и помощь в столь трагический для него момент. Но в ответ Альчео услышал высокомерный отказ: видимо, за столько лет хозяева привыкли к безропотности скульптора.

Ночь, проведенная рядом с телом покойной жены, осталась в памяти ваятеля до конца жизни. В эти часы родился новый Доссена – от безропотности и покорности не осталось и следа, теперь его неблагодарным заказчикам предстояло встретиться с человеком решительным и готовым на все ради мщения. Сам он не боялся ничего. Позже он признавал, что выполнял все эти рельефы, скульптуры, саркофаги, изваяния Мадонн с младенцами для того, чтобы прокормить семью. Но при этом он в действительности ничего не подделывал и никого не обманывал. Ведь Альчео никогда ничего не копировал, всегда занимаясь лишь реконструкцией. При этом он никогда не выдавал свои работы за произведения великих мастеров: этим занимались его заказчики. И Доссена решил выступить с саморазоблачением, которое должно было разрушить спокойную, богатую и безопасную жизнь его обидчиков.

Скандал, разразившийся следом за официальным обращением скульптора в газеты, был подобен взрыву бомбы. Журналисты, уже давно не получавшие столь оригинального материала, с удовольствием раздували страсти, объявив происшедшее самой громкой сенсацией года. Самого Доссену репортеры называли не иначе как «гением фальшивок». Газеты пестрели фотографиями его работ и портретами скульптора. При этом изготовителю подделок больше сочувствовали, чем высказывали порицание. Видимо, нищета, в которой жил автор «бесценных» творений, и горе, побудившее его искать справедливости, не позволяли бросить камень в пожилого мастера. Но эксперты, работники ряда музеев и владельцы коллекций получили увесистую пощечину, став объектом насмешек, уничижительных статей и оскорбительных карикатур. Однако ни одного автора обидных высказываний притянуть к ответу они не могли. Еще бы, выходит, их компетенция – пустой звук, и огромные суммы денег были просто выброшены на покупку обыкновенных фальшивок!

Естественно, проще было не поверить утверждениям Доссены,

обозвав его завистливым неудачником и сумасшедшим. Особенно неистовствовал известнейший американский антиквар Якоб Гирш. Его пыл можно понять: незадолго до того, как разразился скандал, он приобрел у Фазоли «архаическую» Афину, выложив за нее очень большую сумму. Перед покупкой он лично осмотрел и оценил статую и потому утверждал, что не мог не заметить подделки. Доссена переждал шквал гневных тирад и обвинений в свой адрес, после чего предложил оскорбленному эксперту приехать к нему в мастерскую. Когда Гирш прибыл, скульптор предъявил ему доказательство своей правоты, которое не могли счесть неубедительным даже самые предвзятые специалисты: после создания Афины он, чтобы придать ей привычный вид статуи, веками покоившейся в земле, отбил у олимпийки одну руку. Именно ее он и предъявил гостю. Линия разлома, естественно, совпала, и американцу ничего другого не оставалось, как признать этот случай крупнейшим своим поражением как эксперта.

Но решающую роль в вопросе авторства Доссены в отношении большого количества «античных» произведений искусства сыграл фильм, снятый доктором Кюрлихом. Он запечатлел, как ваятель в своей мастерской невозмутимо работал над еще одной «древней» статуей. Фильм зафиксировал все стадии работы над мраморной богиней – вполне официальной подделкой. Этот своеобразный «следственный эксперимент» был призван окончательно убедить общество в том, что оно имело дело всего лишь с еще одним, правда, грандиозным, обманом. Кстати о следствии: правоохранительные органы не применили к скульптору никаких санкций, поскольку его признание помогло раскрыть крупное мошенничество, а сам он не был замешан в истории со снабжением изваяний фальшивыми документами и обмане покупателей.

В то время Доссена получил все то, о чем мечтал в молодости: его произведениям посвящались статьи в самых популярных журналах, о нем снимали фильмы, репортеры наперебой стремились взять у него интервью. Многие художники завидовали славе, внезапно обрушившейся на еще вчера никому не известного фальсификатора. Апофеозом популярности Доссены стала организованная галереей Корони в Неаполе в 1929 году большая персональная выставка. Через год выставки его скульптур состоялись и в Германии – в Берлине, Кельне и Мюнхене. Однако именно эти экспозиции и поставили точку в творчестве «гения фальшивок». Теперь, когда его работы были собраны вместе, они разом утратили все свое очарование. Удивленные посетители видели перед собой лишь искусные

имитации. Да, мастер удивительно точно копировал стиль, технику и индивидуальные приемы скульпторов прошлого. Безусловно, Доссена мог совершенно неподражаемо передать то ощущение, которое исходит от древних статуй, но при этом его работы выдавали равнодушие автора и отличались пустым пафосом. Видимо, понимая это, Фазоли и Палези очень заботились о том, чтобы не продавать в одни руки более одного «античного» творения. На выставке же стало явным и однообразие приемов ваяния, и внешняя схожесть скульптур, и слишком уж продуманный характер повреждений изваяний. Например, многими посетителями выставок было подмечено то обстоятельство, что детали лиц статуй явно созданы одним мастером, тяготевшим к определенному типу изображений. Да и то обстоятельство, что все скульптуры не слишком сильно изуродованы, наводило на мысли о подделке. Все эти «древние» творения потеряли только незначительные детали – ведь при продаже вряд ли кто-нибудь захотел бы выложить крупную сумму за сильно изуродованную скульптуру! Да и самому мастеру явно было жаль калечить собственную работу. Поэтому в зале выставки не нашлось ни одной статуи без обеих рук, ног, с разбитым вдребезги лицом или без головы. А ведь случайные повреждения не выбирают более или менее ценных деталей изображения.

Так что Доссена как скульптор умер дважды: первый раз, когда добровольно отказался продолжать работу над подделками и на весь мир объявил о создании им лично огромного количества фальшивок; во второй раз Альчео убили собственные персональные выставки, доказавшие его несостоятельность как художника в подлинном, высоком смысле слова. Интерес общественности и специалистов к творчеству и личности Доссены быстро пошел на спад. Скульптор исчез из поля зрения газетчиков, скандал, разразившийся после его сенсационного заявления, быстро забылся.

Когда же через несколько лет, в 1936 году, в некоторых газетах промелькнули сообщения о смерти скульптора Альчео Доссены, большинство читателей лишь недоуменно пожали плечами: они совершенно не представляли, о ком идет речь. «Гениальный фальсификатор» ушел из жизни в 59 лет, не вызвав ни сочувствия к себе, ни интереса к тому, как он провел последние годы своей жизни.

МЕЕГЕРЕН ХАН АНТОНИУС ВАН

(род. в 1889 г. – ум. в 1947 г.)

Талантливый голландский художник, получивший после разоблачения ряда афер, связанных с имитацией полотен великих голландских мастеров XVII века, прозвище Великий фальсификатор. Особую известность он приобрел после скандала вокруг самой крупной живописной подделки столетия – картины «Христос в Эммаусе», выданной им за шедевр знаменитого Яна Вермеера.

Хан Антониус ван Меегерен родился 3 мая 1889 года в Нидерландах, в многодетной семье. Талант к живописи, по-видимому, он унаследовал от матери. Отец Хана, школьный учитель, был не в восторге от увлечения сына, считая, что он должен найти другое применение своим способностям. Несмотря на это, мальчик все свободное время проводил в мастерской Кортелинга, увлеченного живописью XVII века и передавшего ученику свой взгляд на искусство.

В 18 лет, по настоянию отца, Меегерен поступил в Делфтский технологический институт на факультет архитектуры. Но по

собственному желанию одновременно начал изучать живопись в Школе изящных искусств. В 1912 году молодой человек обзавелся семьей. Средств часто не хватало, и Хан начал писать картины на продажу, всерьез задумавшись над тем, чтобы стать профессиональным художником.

Случай проявить себя не заставил долго ждать. В Делфте раз в пять лет проходил конкурс живописных работ среди студентов. Меегерен представил на суд жюри картину с изображением интерьера церкви Св. Лаврентия в Роттердаме. Работа наглядно продемонстрировала как блестящие познания молодого человека в архитектуре, так и превосходное владение им традиционной манерой письма. После первого успеха последовал второй. Изображение оленя королевы Юлианы, написанное ван Меегереном, было выпущено большим тиражом и успешно продавалось в стране. О молодом человеке заговорили как о талантливом живописце. Желая упрочить свое положение в мире искусства, он поступает в Академию изящных искусств в Гааге. Вскоре с ним заключает контракт торговец картинами, и уже в 1916 году открывается первая персональная выставка художника. Но новые его работы, вопреки ожиданиям, были оценены невысоко. Время шло, а известность все не приходила. Художник примкнул к движению символистов, но и на этом пути признания не добился. Обозлившись, Хан стал публиковать в журнале «Боевой петух» статьи, полные сарказма. В них он говорил, что для современных критиков главное в картине – подпись автора. Стиль и содержание его публикаций оказались достаточно близки нападкам прессы фашистской Германии на современное искусство и художественную критику.

Поскольку творчество не приносило ожидаемой славы, Меегерен берется за реставрацию не представляющих большой ценности живописных полотен мастеров XVII и XVIII веков. Деятельность на этом поприще оказалась на редкость прибыльной. Вскоре Хан покинул Нидерланды и обосновался во Франции, на Лазурном берегу, где писал портреты состоятельных соседей. Однако собственно живописью ван Меегерен зарабатывал мало. Основной доход приносила перепродажа полотен старых мастеров. Сделки голландец вел честно, но однажды проданную им картину кисти Халса известный критик Абрахам Бредиус ошибочно признал подделкой. Деньги покупателю пришлось вернуть, а репутация Хана оказалась «подмоченной». Тогда, желая поквитаться с не слишком компетентным экспертом, под видом произведения Рембрандта художник показал ему свою собственную картину. Бредиус признал полотно подлинником, после чего Хан публично заявил,

что им представлена подделка. Разразился громкий скандал, эксперт был морально уничтожен, а компетенцию ван Меегерена признали высочайшей. С этого момента никто и никогда больше не сомневался в подлинности представляемых им произведений.

Однако мысль об имитации картин великих художников, видимо, запала в голову непризнанному мастеру. Его супруга не одобряла подобной идеи, в семье начинаются раздоры, и в конце концов Меегерен развелся с ней. В 1929 году он вступил во второй брак, который, однако, не мешал ему заводить многочисленные короткие романы с натурщицами. Хана привлекает богемный образ жизни, он начинает пить и употреблять морфий. Отец художника, и ранее не поддерживавший тесных отношений с сыном, отрекается от него. Как стало известно позднее, именно к этому периоду жизни «великого фальсификатора» относится создание нескольких фальшивок, выданных им за полотна Франса Халса и Терборха.

Здесь надо обратить внимание на некоторые обстоятельства, способствовавшие такому всплеску афер с имитациями старых полотен. Дело в том, что в нидерландских музеях хранилось очень мало картин национальных мастеров. Работы Рембрандта, Халса, Стена, Ван Дейка, Рейсдаля, де Хооха занимали видное место в коллекциях Эрмитажа, лондонской Национальной галереи, мадридского Прадо, Лувра, музея Ватикана, Берлинской, Венской, Мюнхенской пинакотек, Дрезденской галереи, различных частных собраний. В самих же Нидерландах эти великие мастера были представлены единичными и далеко не самыми лучшими образцами. Достаточно сказать, что из полотен Рембрандта в Государственном музее в Амстердаме имелись лишь три ранние работы и известный «Ночной дозор», в то время как в Эрмитаже под его картины отведен огромный зал. Среди художников, отсутствие работ которых так болезненно воспринималось культурной общественностью Нидерландов, был и великий живописец Ян (Йоаннес) ван Вермеер (1632–1675), называемый часто Делфтским – по месту рождения. Этого мастера справедливо считают «художником художников»: гениальность Вермеера была безоговорочно и единодушно признана всеми известными специалистами с момента «открытия» его работ в 1866 году французским критиком Теофилем Торе. Такой единодушный восторг специалистов и ценителей живописи вполне оправдан: для полотен этого художника характерен непревзойденный колорит, своеобразная цвето– и светопередача. А его уникальная способность превращать повседневность в поэзию, изображая людей за их обычными занятиями, привела к тому, что с момента появления

перед зрителями картин Вермеера историки и этнографы именно такими и представляют себе жителей тогдашних Нидерландов. Несмотря на это, жизнь и творчество Вермеера Делфтского до сих пор пестрят «белыми пятнами». То, что из поля зрения историков выпадают большие периоды его биографии, создает благодатную почву для разного рода авантюристов. Вот и Меегерен, одержимый идеей создания гениальной подделки, решил воспользоваться этим.

Его внимание привлек тот факт, что, будучи добрым католиком, Вермеер, тем не менее, написал лишь одну картину на религиозный сюжет в начале своей творческой деятельности. Все остальные полотна изображают в основном рядовых людей за их обычными делами, хотя существуют и пейзажные полотна с видами Делфта. Таким образом, фальшивые композиции не с чем было сравнивать, разве что между собой. А сопоставление двух подделок, к тому же выполненных одним мастером, не угрожало аферисту скорым разоблачением. Кроме того, в самих Нидерландах из 36 картин Вермеера, обнаруженных до 1930 года, находится всего пять! (В то время как в Нью-Йорке имеются восемь его работ, а в Национальной галерее в Вашингтоне – четыре.) Остальные полотна великого голландца разбросаны по крупнейшим европейским музеям. Естественно, что в сложившейся ситуации нидерландские искусствоведы и деятели культуры чувствовали себя обиженными судьбой.

И вдруг в 1932 году все тот же искусствовед Абрахам Бредиус сообщает, что на рынке художественных произведений в Гааге объявилась картина «Дама и кавалер у спинета», по-видимому, принадлежащая кисти Яна Вермеера. Правда, Бредиус был не очень уверен в авторстве голландца, да и другие критики усомнились в принадлежности картины кисти мастера. Однако через пять лет художественный мир Нидерландов был потрясен: в частной коллекции в Италии обнаружена картина «Христос в Эммаусе». По мнению Бредиуса и многих других специалистов, это полотно безусловно принадлежало делфтскому мастеру! На картине изображен Христос с нежным, почти женским лицом, преломляющий хлеб на столе. Рядом с ним сидят два его ученика, а позади стоит женщина. Эксперты сразу же узнали манеру молодого Вермеера. Картина была написана поверх ранее использованного полотна XVII века. Покрывавший ее лак потемнел от времени. В краске и лаковом покрытии образовались трещины – кракелюры. Все это свидетельствовало в пользу того, что полотно действительно относится к XVII веку. А специфика приемов автора была явно характерна для кисти великого голландца. Картину обнаружил в Италии ван Меегерен и после

тщательно проведенной экспертизы перепродал ее в коллекцию Бойманса ван Бойнингена за 550 тысяч гульденов. Подавляющее большинство специалистов признали «Христа в Эммаусе» одним из лучших произведений знаменитого голландца. Ван Меегерен продолжил поиски в частных коллекциях в Италии и на юге Франции и обнаружил там еще несколько картин, скорее всего принадлежащих кисти гения из Делфта. В течение 1940–1943 годов Ханом были выставлены на продажу полотна «Тайная вечеря», «Исаак, благословляющий Иакова», «Омовение ног», «Христос и грешница». Почти все эти картины по художественному уровню явно уступали «Христу в Эммаусе», но единодушно признавались критиками и специалистами как принадлежащие кисти Вермеера. Кроме того, была признана заслуга самого Меегерена в области открытия совершенно новой грани творчества мастера из Делфта. Все эти перепродажи обогатили Хана, и, кроме того, он стал уважаемым в Нидерландах деятелем культуры. Удивительно, но сенсационные находки привели к тому, что и его собственные работы нашли признание в кругах ценителей живописи.

В 1940 году Нидерланды были оккупированы фашистской Германией, а уже в 1943 году ван Меегерен при посредничестве антикварной фирмы Гудстиккер продал картину «Христос и грешница» в собрание Геринга, самого знаменитого коллекционера Третьего рейха. На этой операции Хан заработал миллион гульденов. И это именно в тот период, когда голландские искусствоведы с риском для жизни прятали в тайники и запасники сокровища национальной живописи, чтобы они не попали в руки нацистов.

В конце мая 1945 года ван Меегерен был арестован как расхититель национального достояния. Продажа картины Вермеера в коллекцию Геринга была расценена как государственное преступление. Вначале Хан пытался заявить, что эта сделка произошла вопреки его желанию, но следствие доказало, что вся операция осуществлялась с его ведома. По суровым законам того времени предъявленные Меегерену статьи обвинения предусматривали высшую меру наказания. Через три месяца после начала следствия обвиняемый не выдержал и сделал сенсационное заявление. Он утверждал, что никакое национальное достояние в коллекцию Геринга не продавалось, так как картина «Христос и грешница» в действительности написана им самим. И вообще: он, Хан Антониус ван Меегерен, является автором всех «обнаруженных» им картин великого Вермеера.

Первой естественной реакцией следствия было

предположение, что признание обвиняемого – заведомая ложь, при помощи которой он пытается спасти собственную жизнь. Но Меегерен потребовал провести обыск на его вилле на юге Франции. Здесь были обнаружены эскизы к «Христу в Эммаусе». Подсудимый потребовал проведения самой тщательной экспертизы. В дальнейшем он рассказал, каким образом ему удалось так гениально одурачить прославленных экспертов. Для начала аферист добился того, чтобы холст и подрамник были подлинными. Занимаясь реставраторской деятельностью, он часто имел дело с картинами интересующего его периода, не представляющими большой художественной ценности. Основная сложность в такой «подготовке» холста заключалась в том, что было необходимо очистить несколько живописных слоев (лессировок), не повредив при этом подмалевка. Кроме того, приходилось помнить о возможном проведении химического анализа и не допускать при работе использование веществ, вошедших в арсенал художников позднее времени творчества Вермеера. И даже в этом случае оставался момент, до сих пор позволявший без особого труда разоблачить большинство живописных подделок. Дело в том, что масляные краски, используемые художниками, сохнут очень медленно. Для окончательного «созревания» красочного слоя необходимо более полувека, в то время как лаковое покрытие высыхает очень быстро. И все это время на полотно воздействуют внешние факторы в виде перепадов температуры и влажности, условий освещения, сквозняков, механических воздействий. Все они приводят к образованию трещин сначала в лаковом слое, а затем и в красочном. Причем их количество со временем увеличивается, порой приводя к осыпанию красочного слоя. Эти трещины носят название кракелюра. В них со временем накапливается пыль. До ван Меегерена искусственно воспроизвести образование кракелюра «ускоренным» методом не удавалось никому. Кроме того, специалисты не могли объяснить то, что трещинки на подмалевке и на изображении совпадают. Оказалось, что, очищая первоначальное изображение на холсте, Меегерен тщательно сохранял все растрескивания подмалевка и учитывал их при нанесении нового рисунка. А еще аферисту-рационализатору удалось изобрести такие масляные краски, которые в специальной печи затвердевали в течение двух часов. При этом масло переставало размягчаться под действием обычного растворителя. И последнее «изобретение» находчивого фальсификатора: для того, чтобы «состарить» картину окончательно, он прибег к услугам… китайской туши! Ведь обычная пыль, оседающая в трещинах-кракелюрах в течение

веков, – едва ли не самое надежное свидетельство подлинности полотна. Чтобы достичь необходимого эффекта, Меегерен покрывал готовую картину тонким слоем туши, а после ее высыхания смывал обычным скипидаром и тушь, и слой лака. Поскольку растворитель уже не мог нанести урон хорошо затвердевшему маслу, он попросту очищал поверхность холста. При этом в самих трещинах тушь оставалась, создавая видимость въевшейся пыли. Ну а после нужно было лишь покрыть картину еще раз лаком. Вся эта кропотливая утомительная работа заняла семь месяцев. Но едва ли не большего напряжения сил потребовала подделка подписи. Необходимо было отработать ее до автоматизма, избегая малейшего промедления в начертании, чтобы не вызвать подозрений графологов. Рассказывая о грандиозной работе, проделанной ради создания шедевра фальсификации, Меегерен продолжал настаивать, что писал свои подделки в отместку художественному миру, отвергшему его как художника и предпочитающему преклоняться перед подписью какого-нибудь великого живописца даже под посредственной картиной…

Наконец, прокуратура приняла решение провести необходимое исследование.

Ознакомившись с результатами экспертизы, суд потребовал проведения следственного эксперимента. Меегерен был освобожден под залог, но находился под постоянным наблюдением в собственном доме. Там он и создает своего последнего, седьмого Вермеера. На работу ушло рекордно малое количество времени – три месяца. Результат мог ввести в заблуждение самых лучших специалистов. Картина продолжает евангельскую тематику предыдущих работ и носит название «Молодой Христос среди учителей». Лицо Христа на этом полотне удивительно похоже на образ лучшей подделки Меегерена. Эксперты сразу убедились, что данное полотно выполнено в духе остальных шести спорных картин и явно написано той же рукой. Теперь перед выбором оказались специалисты, с восторгом доказывавшие, что «обнаруженные» Меегереном картины действительно принадлежат кисти Вермеера: по-прежнему настаивать на подлинности всех полотен – означало послать аферист на виселицу как предателя; заявить, что автором всех картин был Меегерен, – значило признать свою некомпетентность как экспертов. Кроме того, в этом случае возникает и вполне реальная угроза исков со стороны владельцев музеев и собраний, купивших за немалые деньги картины по результатам экспертиз. Кстати, Меегерена тогда нужно считать чуть ли не национальным героем: он надул врага отечества Германа Геринга! Кроме того, в

оформление сделки с нацистом вмешалось голландское государство. За картину была назначена цена в 1 млн 650 тыс. гульденов (около 6 млн франков). После тайных переговоров в обмен на картину Третий рейх возвратил Голландии 200 подлинных полотен, увезенных нацистами. Конечно, сам аферист получил при продаже около 4 миллионов франков. Однако он же вернул в Голландию 200 подлинников в обмен на подделку! Кем же его считать – преступником или благодетелем?

И эксперты находят спасительную формулировку: они заявляют, что Меегерен мог быть автором картин. А более точный результат может предоставить только техническая экспертиза…

Почему же специалисты изначально принимали пусть гениальные, но все же подделки за работы Вермеера Делфтского? Видимо, нидерландским искусствоведам очень хотелось, чтобы обнаруженные в частных собраниях картины, продаваемые в государственные музеи, принадлежали кисти голландских мастеров. Ведь, как уже говорилось, в стране экспонировалось до обидного мало картин национальных художников. Скорее всего, деятели культуры с недостаточным вниманием отнеслись к некоторым вызывающим сомнение признакам и обстоятельствам. Да и уровень технической экспертизы того времени оставлял желать лучшего. Кстати, исследование работ Меегерена, проведенное по требованию суда, показало, что в знаменитом «Христе в Эммаусе» кракелюры в загрунтованной картине не вполне совпадают с кракелюрами в написанной поверх нее работе. Чтобы установить это, потребовалось просвечивание картины рентгеновскими лучами. Неполное совпадение трещин свидетельствовало о том, что обе картины написаны в заведомо разное время. А в 1946 году было обнаружено, что скандальные работы написаны с применением материалов, которые никак не могли существовать в XVII столетии.

Ошибочному мнению экспертов немало способствовало и то, что в их распоряжении было лишь несколько картин Вермеера, причем разностильных по исполнению. Поэтому они делали именно то, на что и рассчитывал изготовитель фальшивок: сравнивали приписываемые великому голландцу работы с «Христом в Эммаусе». А поскольку эта картина в действительности была вершиной творчества самого Меегерена, эксперты неизбежно приходили к выводу, что все остальные полотна явно принадлежат кисти того же мастера.

Судебный процесс проходил в переполненном зале 29 октября 1947 года. Было допрошено 17 свидетелей, а все слушание дела длилось более пяти с половиной часов. Судья Болл указал, что в результате продаж подделок Меегерен

приобрел состояние в пять с лишним миллионов гульденов. На это художник резонно возразил, что покупатель считал полотна подлинным Вермеером, и низкая стоимость его работ немедленно вызвала бы подозрение. Суд приговорил незадачливого фальсификатора к минимальному наказанию – одному году заключения, а его подделки не были уничтожены, их попросту возвратили владельцам. В тюрьме художник рассчитывал создать целую серию портретов, да и вообще взирал в будущее с изрядной долей оптимизма. Но уже 26 ноября 1947 года Великий фальсификатор поступил в клинику Валериум с сердечным приступом, где в ночь с 29 на 30 декабря умер от обширного инфаркта.

Выполненные Меегереном фальшивки хранятся в различных музеях и коллекциях (правда, с указанием его авторства). В частности, знаменитый «Христос в Эммаусе» находится, как и прежде, в музее Бойманса ван Бойнингена. Владельцы коллекции по-прежнему утверждают, что этот Вермеер – подлинный. Там же находятся работы «Голова Христа» и «Тайная вечеря». Картина «Христос и грешница» помещена в Государственную коллекцию в Гааге. Написанное же в присутствии экспертов полотно «Молодой Христос перед учителями в храме» куплено в 1950 году за три тысячи гульденов для коллекции сэра Эрнеста Оппенгеймера и увезено в его имение в Южной Африке.

МАЛЬСКАТ ЛОТАР

(год рождения не установлен)

Талантливый немецкий живописец, принимавший участие в реставрации росписей зданий, имеющих значительную художественную ценность, поврежденных или разрушенных во время Второй мировой войны.

Обладал удивительной способностью «вживаться» в манеру письма практически любого автора, виртуозно подражать любой технике и стилю. Благодаря этому таланту был привлечен удачливым мошенником Дитрихом Феем к созданию целого ряда фальшивок – картин, акварелей, рисунков, – проданных затем антикварам под видом произведений почти трех десятков крупнейших мастеров классического и современного искусства. Известность приобрел после грандиозного скандала, связанного с подделкой фресок одного из древнейших и прекраснейших образцов кирпичной готики Германии XIII века – церкви Святой Марии (Мариенкирхе) в Любеке.

История авантюрных подделок произведений искусства является почти столь же древней, как и история создания самих шедевров. И это не удивительно, поскольку даже те творения, которые мы благоговейно называем бесценными, на деле, оказывается, имеют-таки номинальную стоимость, и при том немалую! Так что во все времена находились люди, бесспорно, талантливые, которые намеренно, с целью наживы и самоутверждения, фальсифицировали произведения великих мастеров прошлого. Иногда доходило до курьезов: аферистов, доказывавших, что очередной «шедевр» – лишь ловкая подделка, выполненная ими, считали тщеславными неудачниками и лжецами либо страдающими манией величия. И лишь тончайшая, детальнейшая экспертиза позволяла обнаружить правду. Среди таких талантливых мошенников не последнее место принадлежит немецкому художнику XX века Лотару Мальскату. Его вполне можно назвать «гением аферы»: как никто иной, он был способен скопировать практически любую технику и стиль живописи, «вжиться» в манеру письма любого автора – как древнего, так и современного. Специфика его таланта как нельзя более ярко проявилась в том, что, подражая манере известного художника, он в течение буквально нескольких минут был способен создать столь безукоризненные наброски или рисунки, что даже опытные

знатоки искусства впоследствии не могли отличить их от подлинников. Поистине, никогда еще искусствоведам не приходилось сталкиваться со столь талантливым и многогранным профессиональным фальсификатором.

Иногда, правда, не обходилось без досадных промахов. Например, при реставрации в 1937 году Шлезвигского собора выяснилось, что восстановить живописные медальоны XIII века с изображениями животных не представляется возможным, так как во многих местах старые фрески погибли. Фактически восстанавливать было нечего. В то время Мальскат работал вместе с художником-реставратором Дитрихом Феем, которому предстояло сыграть большую роль в его судьбе. Высокие моральные принципы не являлись отличительной особенностью личности Фея, и он, не желая терять деньги, решил попросту написать осыпавшиеся медальоны заново. Однако осуществить это намерение в одиночку было невозможно. Ведь для этого предстояло скопировать манеру письма живописца XIII века так, чтобы ни один специалист не смог заметить подлога. И если с фальсификацией более позднего произведения искусства Фей вполне мог справиться самостоятельно, то в случае создания столь объемной подделки фресок такой древности ему требовался толковый помощник. Тогда Дитрих подбил на эту аферу более талантливого напарника. Роспись была «восстановлена», заказчик доволен, деньги получены. Вот только в одном из медальонов Мальскат почему-то изобразил индюка… А вскоре после открытия собора какой-то ученый заявил, что в Европе индюки появились только после открытия Америки, в XV веке, так что художник XIII века просто не мог знать, как выглядит эта птица. Начавшийся скандал с трудом удалось замять. В этом помогли энтузиасты-защитники, обосновавшие шлезвигскими индюками новое «открытие»: они утверждали, что еще за 200 лет до Колумба местные мореплаватели побывали за океаном и привезли с собой на родину невиданную ранее птицу… После этого случая дороги двух аферистов разошлись, а вскоре началась война.

…Осень 1945 года. На город Любек опускаются холодные сумерки. У дверей маленького кабачка на окраине неожиданно встречаются двое – Фей и Мальскат. Трудно сказать, кто больше обрадовался встрече. Лотар всего несколько дней назад вернулся домой из плена и не имел ни постоянного жилья, ни средств к существованию. Настроение у художника было мрачным: он понимал, что своими картинами не заработает на жизнь, и совершенно не представлял, что же ему делать в разрушенном городе. У Фея дела обстояли значительно лучше, но он, как

никогда, нуждался в особом таланте Мальската… Дело в том, что Дитрих открыл в городе антикварную торговлю, за гроши скупая у разоренных войной соотечественников старинные картины и изделия. Голодные горожане охотно сбывали с рук антикварные вещи, ставшие для них залогом выживания. Эти ценности ловкий реставратор приводил в порядок и перепродавал немецким и заокеанским бизнесменам, получая при этом значительную прибыль. К середине 1945 года «бизнесмен» имел уже неплохой капитал и не собирался сворачивать столь доходное дело. Но спрос на старину продолжал расти, и Фею все тяжелее было находить интересующие клиентов раритеты. Именно в этот момент судьба и столкнула его с Мальскатом. Посочувствовав приятелю, не знавшему, как жить при такой разрухе и общей неустроенности, Дитрих предложил ему заняться подделкой картин старых мастеров, которые он сам затем будет продавать как подлинники. Новоявленному Мефистофелю не потребовалось уж слишком долго уговаривать голодного художника. Дело решила солидная сумма денег, выданная Мальскату в качестве аванса.

Уже через несколько дней Лотар, получив от приятеля еще несколько купюр, приступил к созданию первой подделки по репродукции картины старого мастера. Колесо аферы закрутилось, набирая обороты. За первой картиной последовала вторая, третья… Вскоре изготовитель фальшивок вошел во вкус и начал работать не только на Фея, но и на других антикваров. Репертуар мошенника был огромен – Рембрандт, Ватто, Мане, Коро, Дега, Ренуар, Либерман, Мунк, Клод Моне, Матисс, Марк Шагал, Пикассо, Утрилло, Ван Гог, Гоген и многие другие… Художник с одинаковой легкостью фабриковал «подлинные» произведения крупнейших мастеров древности и современного искусства. Его работоспособность поражала: за шесть лет работы Мальскат создал не менее 700 фальшивых рисунков, акварелей и картин. Однако его «звездный час» был еще впереди.

В 1948 году Любекское церковное управление решило приступить к восстановлению церкви Святой Марии и предложило этот выгодный заказ Фею, считавшемуся хорошим специалистом. Решено было реставрировать и само старинное готическое здание, почти семь столетий являвшееся предметом гордости города, и остатки росписей XIII века.

Здание погибло еще в марте 1942 года во время массированного налета союзной авиации. Ту ночь местные жители вспоминали с содроганием. Город горел, и лишь на башне главного собора заунывно звонили колокола. Кто звонил в них, горожане так и не узнали. Они считают, что таким образом сама

Дева Мария оплакивала гибель Любека и своего храма. Колокола замолчали только тогда, когда церковь была разворочена прямым попаданием фугаски. Остатки здания и внутреннее убранство уничтожило пламя пожара. Однако в ту ночь из-под обвалившейся от жара штукатурки на стенах показались смутные очертания каких-то фигур и лиц – самый древний, первичный слой фресок. Впоследствии, много лет спустя, священнослужители упоминали об этом открытии фигур святых как о чуде, совершенном небесной покровительницей города для поддержания силы духа отчаявшихся прихожан. Шесть лет почти неразличимые древние лики с молчаливой укоризной взирали на жителей города, пока не было принято решение подарить им вторую жизнь.

Фей взялся за реставрацию, заручившись предварительно согласием Мальската и живописца Бернгарда Дитриха-Дершау. Трудно сказать, чем руководствовались представители Ассоциации охраны памятников старины, предложив проведение реставрационных работ именно этому человеку, которого уже неоднократно привлекали к суду за фальсификацию старинных произведений искусства. (Лотар в то время также был хорошо известен полиции как виртуоз-авантюрист). Но факт остается фактом: бригада, состоявшая из трех человек, заключила договор и приступила к работам.

Реставраторы все же были мастерами своего дела, и поначалу речь шла именно о настоящем восстановлении сохранившихся фрагментов древних изображений. Художники даже не представляли себе, что вскоре создадут одну из грандиознейших фальшивок века. Очень бережно, стараясь не повредить старых росписей, по сантиметру смывали они побелку, вскрывая древние слои. Работы выполнялись вполне профессионально, но в конце мастеров ждало горькое разочарование. По-видимому, некогда все стены нефа, столбы и своды Мариенкирхе были покрыты изображениями святых. Но большинство фигур либо погибло совсем, либо сохранилось в таком виде, что воссоздать их первоначальный облик и краски было практически невозможно. В алтарной части храма, в хоре дело обстояло еще хуже. Под позднейшими наслоениями и следами пожара реставраторы обнаружили менее трех процентов частично уцелевших старых фресок. Верхнюю часть хора бригада решила вообще не расчищать: поскольку стены здесь были повреждены сильнее, шансы обнаружить на них работу мастера XIII века практически равнялись нулю.

Единственным достойным выходом из создавшегося положения был отказ от реставрации. Но исполнение заказа

обещало не только славу и награды, но и сумму, обеспечивающую не менее трех лет безбедной жизни. Фею не хотелось отказываться от столь заманчивой перспективы, и он решил не упускать этот шанс. Мошенник без труда договорился с Мальскатом, который за минувшие годы изрядно поднаторел в создании фальшивок. За работу по восстановлению фигуры одного святого художнику причиталось 100 марок; за один день при «добросовестной» работе он мог сделать два-три изображения. Возглавлял реставрационные работы церковный советник Бруно Фендрих, лично знавший Фея. С этим чиновником авантюрист провел долгие и плодотворные переговоры: с тех пор работа над фресками Мариенкирхе в течение трех лет шла при закрытых дверях, вход в церковь был строго воспрещен всем, кроме самого Фендриха и нескольких наблюдателей от церковных и правительственных инстанций. Последних Фендрих взял на себя, и они предоставили художникам полную свободу действий. Время от времени кто-нибудь из «реставраторов» распускал по городу слухи то о «новой технологии восстановления росписей», то об использовании «бесподобного фиксатора», который помог вернуть из небытия краски XIII века.

Для создания «старинных» фресок нужны были образцы средневековой живописи. Их поисками занялся Фей, а Мальскат создавал на стенах храма все новые «свободные композиции», сочетавшие в себе остатки подлинной росписи семивековой давности, а также элементы готической и романской живописи разных народов. В алтарной части, где древние фрески практически не сохранились, художник попросту размыл штукатурку и заново написал изображение Девы Марии с благословляющим младенцем Христом на руках и фигуры святых по сторонам.

«Реставрационные» работы, как и планировалось, были окончены в 1951 году – как раз к семисотлетию Мариенкирхе, считающейся одним из древнейших и прекраснейших готических строений Германии. Открытие храма было назначено на второе сентября. На юбилейные торжества со всей страны в Любек съехались высокопоставленные лица и многие видные ученые. Увиденное произвело настоящий фурор, так что руководители местного церковного управления не успевали принимать поздравления. Федеральное ведомство связи организовало выпуск двух специальных марок с изображением нескольких фигур из Любекского храма. Особая доплата к их номинальной стоимости должна была погасить часть расходов на реставрацию. Искусствоведы, приглашенные на торжества, не распознали

виртуозной подделки и выпустили статьи и книги, посвященные «спасенным» фрескам церкви Святой Марии. Сам канцлер Германии Аденауэр в присутствии искусствоведов, прибывших по приглашению местных властей со всех концов Европы, заявил, что изображения 21 святого работы неизвестного мастера XIII века являются «сказочным открытием и поистине бесценной сокровищницей чудесно возрожденных шедевров древности».

Ни тогда, ни позднее никто даже не усомнился в подлинности фресок – ни немецкие специалисты, ни представители научных кругов Европы. Дитрих Фей купался в лучах славы: его объявили «спасителем национального сокровища», удостоили почетного диплома за особые заслуги перед церковью и немецкой культурой, выплатив при этом поощрение в размере 180 тыс. марок. Он обрел репутацию самого талантливого реставратора Германии, ему не давали прохода журналисты, организовывались все новые пресс-конференции с его участием. Короче, Фей мог быть вполне доволен жизнью. Чего отнюдь нельзя сказать о человеке, бывшем в действительности главным виновником ликования общественности и специалистов. Лотар Мальскат, создавший силой своего таланта все это великолепие, вынужден был довольствоваться тусклыми отблесками славы и сотней марок в неделю за работу. Фей, имевший солидный капитал, был патологически скуп и не расщедрился на более высокую оплату. Даже во время торжеств по поводу открытия Любекской церкви Мальскату были выплачены жалкие гроши, в то время как Дитрих положил на свой счет в банке круглую сумму.

В очередной раз пересчитав полученные деньги, Лотар хмуро фыркнул: «Кость собаке!» – и… обиделся. Ведь в будущем у его недавнего компаньона – обеспеченная жизнь, почет и уважение властей и сограждан. А что ждет его самого? Незавидная участь непризнанного гения и анонимного фальсификатора полотен старых мастеров? Тягостная зависимость от антикваров, по чьим заказам он создавал подделки? А в итоге – все та же бедность и страх перед возможным разоблачением. Но ведь когда создавались фрески Мариенкирхе, он надеялся на несколько иное будущее! И обиженный, оскорбленный в своем самолюбии художник потерял покой. В течение нескольких месяцев Мальскат жил только своей ненавистью к удачливому пройдохе, выстраивая в уме планы превращения новоявленного «национального героя» в нечистоплотного мошенника, вызывающего праведный гнев у обманутых соотечественников. Лотар считал, что бывший компаньон похитил у него славу.

Наконец профессиональный фальсификатор, терзаемый

жаждой мщения, добился приема у старшего церковного советника доктора Гебеля и выложил ему все, что в действительности происходило во время реставрационных работ в Любеке. Художник утверждал, что Фей якобы вынудил его соскрести не подлежавшие реставрации древние фрески и написать поверх них новые на основе сохранившихся фотографий; он признался, что при работе использовал также репродукции изображений святых из других церквей, раздобытые компаньоном. Мальскат просил, учитывая его чистосердечное признание, предать их с Дитрихом суду по обвинению в подлоге. Вполне естественно, что пастор, выслушав столь необычную исповедь тщеславного авантюриста, не поверил услышанному и выставил художника из кабинета. Однако предотвратить назревающий скандал, грозивший принять грандиозный размах, было невозможно.

Не рассчитывая на доверие Гебеля, обиженный художник обратился к падким на сенсации газетчикам, подбрасывая им время от времени все новые разоблачения, называя имена тех, кто был замешан в мошенничестве. Так постепенно перед общественностью Германии вырисовывалась неприглядная картина нелегального бизнеса по изготовлению и реализации фальшивок. Скандал обрел невиданный масштаб. Теперь уже представителям церковных и государственных учреждений, ведающих восстановлением и охраной исторических памятников, не оставалось иного выхода, как взять расследование обстоятельств дела под свой контроль. Фей, находившийся под особым покровительством Фендриха, тоже замешанного в этом грязном деле и хорошо погревшем на нем руки, обвинил соучастника в клевете. Многие реставраторы, видные ученые и даже сотрудники ведомства по охране памятников старины также считали Мальската обиженным судьбой неудачником, а то и просто утверждали, что художник болен и страдает манией величия. Тогда Лотар потребовал проведения экспертизы.

Любекский суд назначил специальную экспертную комиссию, в которую вошли видные искусствоведы и реставраторы. Возглавить ее было поручено крупному специалисту доктору Грундману. После получения первых результатов исследования фресок было последовательно проведено несколько контрэкспертиз. Большое значение в установлении истины имело и то, что готовые подделки и эскизы к фрескам представители правоохранительных органов обнаружили в доме самого Мальската. Возможно, не будь их, искусствоведы так и не признали бы, что их обвел вокруг пальца ловкий фальсификатор. Вскоре после этого в суд для разбирательства вызвали Дитриха

Фея. Реставратор попытался снять с себя подозрения, но ему это не удалось. В октябре 1952 года авторитетная комиссия подготовила заключение, обобщившее результаты многочисленных экспертиз и подтвердившее авторство Лотара Мальската в создании фресок церкви Святой Марии. Кроме того, по указанию художника был проведен анализ росписи капеллы Святого Духа и церкви Святой Екатерины в Любеке, реставрацию которых также производили Фей с Мальскатом. Здесь тоже обнаружились следы подделок, правда, не столь масштабные, как в случае с Мариенкирхе. Специалисты из экспертной группы поработали на совесть: для установления истины они расчистили кусок стены в верхней части хора церкви Святой Марии и добрались до того самого первичного слоя штукатурки, который Фей и Мальскат не сочли нужным вскрывать. Здесь исследователи обнаружили фон, нанесенный древним мастером, который отличался от фальшивки темно-серым цветом и какими-то мелкими цветными пятнышками. Что же касается самих «реставрированных» фигур, то они не выдерживали строгой научной критики. С точки зрения стиля, они являлись достаточно искусной компиляцией и свободно сочетали некоторые элементы романского стиля XIII века с удачным подражанием манерам других эпох. Кроме того, внимательное изучение ликов святых повергло экспертов в состояние шока: со стен церкви на них скорбно взирали… Марлен Дитрих, Григорий Распутин, Чингисхан и родная сестра самого Мальската!

Свое веское слово сказала и тщательно проведенная химическая экспертиза. Известно, что средневековые мастера использовали в работе известковый казеин и особые пигменты, причем секрет многих из них был утерян. С фресками Мариенкирхе дело обстояло иначе. В частности, было установлено, что черная краска, использованная для нанесения контура всех фигур, имела вполне современный состав, а некоторые ее компоненты вообще были изобретены совсем недавно. Не выдержали проверки и другие красители, использованные при создании фресок.

После обнародования результатов работы экспертных групп дело о фальшивке было передано в судебные инстанции. Когда необходимые сведения были собраны, в августе 1954 года начался знаменитый судебный процесс, длившийся почти шесть месяцев. На скамью подсудимых попали оба авантюриста – и Фей, и Мальскат. Фей поначалу пытался оспаривать мнение суда, но за столом экспертов находились крупнейшие реставраторы и ученые, уверенные в правильности сделанных в ходе работ выводов. Приговор суда был оглашен в январе 1955 года. Дитриха

Фея как инициатора мошенничества приговорили к 20 месяцам тюрьмы, а его талантливого соучастника Лотара Мальската – к 18 месяцам. Фрески, получившие столь скандальную известность, постигла незавидная участь: несмотря на качество изображения, они по постановлению суда были смыты…

ГЕНИИ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИТНИК КЕВИН ДЭВИД

(род. в 1964 г.)

Если когда-нибудь будет составляться энциклопедия хакерства, то имя Кевина Митника впишут туда золотыми буквами. Хакер от Бога, не имея высшего специального образования, вскрывал секретные компьютерные программы крупнейших американских корпораций. Самый известный его взлом – проникновение в компьютер Цутому Шимомуры, ведущего специалиста по защите компьютерных систем.

Давно известно – любой технический секрет, изобретенный человеком, рано или поздно будет разгадан. На самый надежный замок обязательно находился ключ, дешифровщики расшифровывали самые сложные шифры и коды. И вот наступил конец XX века, время создания всемирной компьютерной сети Интернет. Триллионы байт информации, в том числе миллионы засекреченной. И находятся люди, которые разгадывают эти секреты, одни ради корысти, другие в порыве исследовательского азарта. Это хакеры. Всемирно известный Кевин Митник относится как раз к категории «Робин Гудов» киберпространства.

Он родился в 1964 году в Норт-Хиллз, США. В полноценной семье мальчик воспитывался недолго, его родители развелись, когда ему было всего три года. Кевин жил в Лос-Анджелесе с мамой, которая работала официанткой в одной из местных забегаловок. Молодая интересная женщина с неустроенной судьбой искала знакомств с мужчинами, что неудивительно. Однако новый папа Кевину так и не достался: как только ребенок начинал привыкать к очередному претенденту, тот исчезал и больше не появлялся. Настоящий же отец редко давал о себе знать – у него уже была другая семья, в которой подрастал второй сын. Так что жизнь Кевина в семье вряд ли можно назвать счастливой.

В годы учебы он тоже не был особо счастлив. Толстый застенчивый парень в очках не вызывал симпатий у одноклассников. Школы он менял довольно часто: только успеет со всеми перезнакомиться, семья опять переселяется, и Кевину вновь приходится привыкать к новому месту. Из-за комплекции подростка не принимали в спортивные команды, да спорт его и не интересовал вовсе. Еще с детства Кевин пристрастился к телефону, находя удовольствие в том, чтобы набрать любой номер и поговорить с незнакомым человеком о своих проблемах. Со временем его стала интересовать и техническая сторона телефонной связи. Уже в 14 лет Митник нелегально совершал телефонные вызовы на дальние расстояния, пользуясь краденными кодами многоканальной связи.

Еще учась в школе, Кевин изменил конфигурацию линии модемной связи школьного терминала. Если бы кто-нибудь попытался проследить источник телефонных звонков, то попал бы в школьный компьютерный класс – так Митник заметал следы своих телефонных похождений. Кроме того, он воспользовался выгодами беспрепятственного подключения и в других целях: проник со школьного терминала в административную компьютерную систему «Digital Equipment», управляющую школами округа. Шестнадцатилетний подросток не стал изменять себе оценки, не это было для него важным. Главным стимулом для проникновения в чужие компьютеры была не выгода, а возможность решить сложную задачу и добыть ключ к разгадке засекреченной информации.

В 1980 году в Лос-Анджелесе сформировалась «банда» юных фрикеров – людей, способных манипулировать телефонными сетями. Бесплатный разговор по телефону, подслушивание чужих переговоров, подтасовка счетов – вот далеко не полный перечень того, что умели делать фрикеры. Телефонные компании постоянно усложняли свои технологии, электромеханические

коммутаторы уступали место электронным схемам переключения с программным управлением. Возможности компаний распознавать источники посторонних сигналов возрастали, и риск и чувство опасности делали работу телефонных «взломщиков» более азартной. Новое поколение фрикеров должно было хорошо разбираться не только в телефонах, но и в компьютерах, и новоявленная группа соответствовала этим требованиям. Роско – программист и прирожденный лидер, Стивен Роудс – ас в телефонном оборудовании, Сьюзен Сандер умеет прекрасно манипулировать людьми, особенно мужчинами, и Кевин Митник с необычайной жаждой знаний, целенаправленный и настойчивый. Группа Роско не имела конкуренции, это были уже не простые фрикеры, умевшие организовывать бесплатные звонки и оставаться при этом незамеченными; они сочетали доскональное знание телефонных сетей со знанием компьютера. Друзьям нравилось забавляться с техникой. Скоро Кевин и Роско научились управлять компьютерами, отвечающими за телефонную сеть, и стали именовать себя хакерами.

Где-то в середине 1981 года друзья решают взломать корпоративную систему COSMOS, которая принадлежит телефонной компании «Pacific Bell». COSMOS расшифровывалась как «компьютерная система для операций с крупными вычислительными комплексами». Овладение системой означало контроль над телефонными компаниями по всей стране – от технического контроля до обслуживания клиентов. Для достижения заветной цели приятели ничем не брезговали. В дело шли старые распечатки, обрывки служебных писем и подобная бумажная дребедень, которую они добыли в мусорных баках на задворках COSMOS-центра. Хакеры надеялись найти в этом хламе пароли доступа. Вскоре они были найдены, и приятели решили проникнуть в само здание COSMOS-центра, туда, где находился компьютер COSMOS – главный источник информации. Они проникли в здание, нашли кабинет администратора и унесли оттуда бесценные справочники о функционировании системы COSMOS. Все, может, и прошло бы гладко, но их подвела жадность – администратору на следующий день бросилось в глаза отсутствие доброй половины справочников. Для расследования дела была привлечена полиция.

А дружба в хакерской группе длилась недолго – Сьюзен Сандер и Роско стали врагами. В начале 1981 года Роско подал на Сьюзен в суд – она мешает ему жить своими «бесстыдными и угрожающими телефонными звонками». После этого Сандер поклялась отомстить своему бывшему другу и поклоннику, и

вскоре для этого представилась прекрасная возможность. Она сдала в полицию своих бывших приятелей. В деле Кевина фигурировал инцидент с компанией «U.S.Leasing» (за год до этого приятели шутки ради взломали ее компьютерную систему) и обвинение во взломе и краже документов из COSMOS-центра. В июне 1982 года был вынесен приговор. Кевина приговорили к трем месяцам посещения занятий в Лос-Анджелесском центре по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, а затем год условного заключения.

Наказание Митника не остановило, он продолжал заниматься любимым делом. Едва выйдя на свободу, Кевин взломал компьютеры университетского кампуса в Лос-Анджелесе и воспользовался ими для нелегального доступа к сети APRANET – сети министерства обороны Соединенных Штатов, созданной для обмена сведениями между исследовательскими центрами всего мира (университетами, государственными организациями и частными фирмами), выполняющими заказы этого министерства. Хакера снова вычислили, но теперь наказание стало строже, ведь Кевину уже исполнилось девятнадцать лет, и он, по американским законам, вполне отвечал за свои действия. В 1983 году Кевин попал на шесть месяцев в тюрьму, которая называлась «Исправительное учреждение Карла Холтона», куда отправляли молодых людей, склонных к насилию и не поддающихся другим мерам воздействия. Там отбывали срок по различным статьям Уголовного кодекса – от вооруженного ограбления до убийства. Кевин был единственным, кого осудили за взлом компьютеров. В конце 1983 года за примерное поведение Митник был выпущен досрочно. К этому времени он знал о крупнейшей компьютерной сети «Bell Labs» не меньше, чем лучшие ее специалисты.

Два последующих года ничем особым в жизни Кевина не выделялись, хотя были, конечно, «мелкие шалости», не наносившие большого вреда корпорациям. Можно сказать, что в это время он шлифовал и оттачивал свое хакерское мастерство. Пытаясь получить специальное образование, в сентябре 1985 года Митник записывается в «Лос-Анжелесский учебный центр вычислительных систем». Это очень престижное учебное заведение вырастило немало специалистов самого высокого класса. Преподаватели пытаются убедить Кевина, что если он попадет на приличную работу и покажет, на что способен, то, без сомнения, сделает стремительную карьеру.

Летом 1987 года Митник женится. Со своей будущей женой, Бонни Вителло, он познакомился здесь же, в «Лос-Анджелесском учебном центре вычислительных систем», где она училась на вечернем отделении. Небезынтересен тот факт, что миссис

Митник работала администратором в GTE – одной из двух крупнейших лос-анджелесских телефонных компаний.

Однажды специалисты «Santa Cruz Operation», крупной компьютерной компании, стали замечать сбои в работе своих компьютерных сетей. Кто-то пытался войти в программы, позволяющие изменить операционную систему XENIX, разработку компании, на продаже которой строился бизнес фирмы. Стражи закона заподозрили в этом своего давнего знакомца Кевина Митника. В 1987 году двадцатитрехлетний хакер вновь предстал перед судом. За сотрудничество со следствием и подробное объяснение взлома системы Кевину пообещали смягчить обвинение. Он согласился на все условия, и его ожидал мягкий приговор – небольшой штраф, тридцать шесть месяцев заключения условно и трехчасовая беседа с компьютерщиками «Santa Cruz Operation».

Условный срок ареста нимало не смущал Кевина. В 1988 году он ставит себе задачу: перекачать новейшую разработку «Digital Equipment», последнюю версию операционной системы VMS. В помощники к себе он взял давнего приятеля Пенни Ди Чикко, работающего программистом в крупной фирме «VPA». Мощный терминал компании очень кстати подходил для воплощения в жизнь поставленной задачи. Причем воровать Митник собрался безо всякой коммерческой подоплеки, только «из любви к искусству». Он получал удовольствие от самого хакерского действа, удовлетворяя свое интеллектуальное любопытство, которое возбуждала в нем новейшая операционная система. Во время своих махинаций хакеры ни разу не допустили ни одной ошибки. В это же время Кевину попалась еще одна новая программа фирмы – XSAFE, на которой стояла пометка «секретно». Ясно, что его это очень заинтересовало, и он немедленно решил вскрыть и эту программу.

Страсть к хакерским занятиям все больше овладевала Кевином, он просто терял контроль над своим поведением. Каждый раз, занимаясь взломом очередной системы, Митник уверял Ленни, что он «завяжет», до конца доведя это дело. Но всякий раз, заканчивая одну работу, он брался за другую, еще более интересную. Например, Митник решил выкрасть новую компьютерную игру Doom. Отношения Кевина с приятелем и напарником по этому поводу окончательно испортились – тот сказал, что пора заканчивать похождения по чужим компьютерам. А тут еще на Ленни навалились служебные неприятности. Словом, в один из дней приятель Кевина позвонил в ФБР и рассказал обо всех хакерских подвигах Митника. Больше всего специалистов «Digital Equipment» потрясло, что более чем пол год

а их дурачила не мощная организация, а двадцатипятилетний студент-недоучка.

Поимка Кевина вошла в хакерские легенды и со временем обросла разными подробностями. По одной из версий, на вопрос Митника: «Почему ты это сделал?» Ленни ответил: «Потому что ты – угроза для общества». Вторая версия, наоборот, исключает всякую патетику: «Да потому, что ты меня совсем достал, дальше некуда!». Судья тоже использовал патетическую формулировку: «Этот человек очень опасен, и его нужно держать от компьютера подальше». Кевин получил год тюремного заключения нестрогого режима, из него – восемь месяцев одиночного заключения. Судья Марианна Р. Пфельцер в качестве усугубления наказания принудила заключенного пройти шестимесячный курс лечения от «компьютерной зависимости», полагая, что данная мера заставит Кевина испытать больший психологический дискомфорт, нежели тюремное заключение. Ведь психологи утверждают, что хакер, лишенный возможности хакинга, испытывает сильнейшие психологические «ломки». Федеральные обвинители добились, чтобы заключенного ограничили в пользовании телефоном – им казалось, что Кевин каким-то невероятным способом сможет получить доступ к внешнему компьютеру. В реабилитационном центре тюрьмы Кевин прошел полное психиатрическое обследование. Директор центра Гарриет Розетто выяснила, что страсть к хакингу у пациента носит компенсаторный характер. «Хакинг дает Кевину чувство самоуважения, которого ему не хватает в реальной жизни. Алчность и стремление навредить тут ни при чем».

В 1990 году Кевин вышел из тюрьмы на испытательный срок, в качестве условия освобождения ему были поставлены требования – не притрагиваться к компьютеру и модему. Для контроля над исполнением приговора к Митнику был приставлен инспектор. А потом инспектор и судья столкнулись с необъяснимыми с позиций здравого смысла явлениями: их средства связи и электронная техника стали вести себя довольно странно. То у инспектора неожиданно сам собой телефон отключится, то у судьи исчезнет крупная сумма с кредитной карточки… Но самое поразительное – из судебного компьютера города Санта Круз исчезло всякое упоминание об аресте и последнем приговоре некоего Кевина Митника…

Впрочем, до 1992 года в бурной жизни Кевина наступило затишье. Хакер остепенился: спокойно работал, занимался исследованиями и давал платные консультации. Он даже включился в борьбу за здоровый образ жизни – стал вегетарианцем и сбросил около 45 килограммов. Но затишье

только и ждало подходящего момента, чтобы превратиться в бурю. Митник сорвался, когда умер его брат (злые языки утверждали, что от передозировки героина). В сентябре 1992 года ФБР получило ордер на обыск квартиры Кевина в Калабасасе, штат Калифорния. На него сыплются подозрения как из рога изобилия. Во-первых, несанкционированное проникновение в компьютеры Департамента транспортных средств США в Калифорнии. Выдав себя за представителя полицейского управления штата, Кевин получил пакет секретной информации, включая водительские права вместе с фотографиями. Департамент решил не мелочиться и обвинил его в нанесении ущерба в размере одного миллиона долларов. Во-вторых, власти сочли его ответственным за взлом компьютерных сетей Пентагона и проникновение в секретные материалы ФБР. И в третьих, – и это, наверное, было самым главным – полиция предполагала, что Кевин ведет прослушивание секретных телефонных разговоров служащих отдела безопасности «Pacific Bell». Оценив количество и качество вопросов, Митник предпочел тихо исчезнуть. В ноябре 1992 года он был объявлен в федеральный розыск, но поиски успехом не увенчались. ФБР предположило, что хакер сфабриковал себе целый ряд документов, по которым удачно скрывался от правосудия (что при его умениях было не так уж и сложно).

Два с лишним года Кевин не подавал признаков «хакерской жизни». В середине 1994 года из лаборатории компании «Motorola» сообщили о краже программного обеспечения для контроля сотовой связи со спутника. Разработчик Дэн Фармер, создатель нашумевшего SATAN'a, объявил, что взломщик похитил раннюю версию его программы. В октябре 1994 года поступили жалобы от «McCaw Cellular Communication Inc.». Компания заявила, что хакер похитил серийные электронные номера ее сотовых телефонов. Специалисты из ФБР определили, что техника взлома характерна для «пера» Митника. Расследуя эти заявления, полиция выяснила, что последние три месяца Кевин жил под вымышленным именем – Брайан Меррилл – недалеко от Вашингтонского университета и работал компьютерным техником в местной больнице. Но когда ФБР прибыло на место, Митник опять исчез. Обыскав опустевшую квартиру хакера, полицейские там нашли несколько сотовых телефонов, учебники с изложением процедуры дублирования и сканер, с помощью которого Митник следил за действиями полиции по его поимке. Позже, на суде, об этом периоде жизни Кевина свидетели расскажут: «Это был очень тихий, совершенно обычный человек. Он никогда не говорил о своей личной жизни. Он просто приходил и занимался своим

делом».

Поворотным моментом в жизни нашего героя стало Рождество 1994 года. Именно в рождественскую ночь Кевин совершил взлом, после которого его стали называть «величайшим хакером всех времен и народов».

25 декабря Митник проник в суперзащищенный домашний компьютер Цутому Шимомуры, ведущего американского специалиста в области компьютерной безопасности, известного своими разработками по предотвращению вторжения в компьютерные сети. Нужно отметить тот факт, что имя Цутому на английском языке распознает spell check в Microsoft Word. Итак, пока известный программист отдыхал на рождественских каникулах в Неваде, хакер из его домашнего компьютера начал копировать сотни засекреченных файлов. Но бдительный магистрант из Центра суперкомпьютеров в Сан-Диего, где работал Шимомура, заметил изменения в системных «журнальных» файлах – сообразил, что происходит, и позвонил Цутому. Программист срочно приехал домой и пока разбирался, что именно украдено, хакер нанес ему еще одно оскорбление. 27 декабря он прислал Шимомуре звуковое сообщение, в котором искаженный компьютером голос передал наглое послание. Цутому, взбешенный таким произволом, пообещал найти обидчика и отомстить. Ведь хакер нанес ему не только личное оскорбление, но и поставил под вопрос его репутацию специалиста. В тот же день системный администратор «The Well» заметил необычную активность на одном из счетов, который обычно оставался почти пустым; позже были обнаружены еще несколько счетов, где хранилась украденная не только у Шимомуры информация. Дело приобретало слишком серьезный оборот. К расследованию подключились ФБР и Национальное агентство безопасности, на «The Well» установили круглосуточный мониторинг, засекающий любую активность. Оперативниками были составлены списки подозреваемых, в которых Кевин Митник занимал первые строки. ФБР, анализируя действия хакера, пришло к выводу, что взлом не преследовал денежных целей, а был «демонстрацией силы». Кроме того, взломщика очень интересовали файлы программ для управления сотовыми телефонами.

Чтобы взломать компьютер Шимомуры, Кевин проник на компьютер в Университете Лайолы в Чикаго, который имел доступ к файлам в компьютере программиста из Калифорнии. Хакеру нужно было фальсифицировать исходный адрес системы, откуда поступали пакеты на компьютер Цутому. Митник проделал эту работу виртуозно: работая вслепую, он разгадал

номера последовательностей и приписал соответствующие номера дальнейшим посылаемым пакетам. Теоретически такая возможность была предсказана еще в 1989 году, но атака Кевина – первый известный случай применения этой техники на практике.

Тем временем команда сыщиков с Шимомурой во главе терпеливо отслеживала маршруты компьютерных сообщений хакера. Наконец зона поиска сузилась до двух километров, это оказался городок Ралейх в Северной Каролине. 12 февраля 1995 года группа захвата вылетела на место, и дальнейшие действия стали развиваться как в захватывающем детективе. Федеральные агенты патрулировали улицы городка на автомобилях, снабженных устройствами для перехвата частот сотовых телефонов, но их рации были отключены во избежание подслушивания. 15 февраля, когда Шимомура определил, что хакер вышел на связь, Митника захватили с поличным.

Кевину Митнику было предъявлено 23 обвинения в мошенничестве с использованием компьютерных систем и нанесении тем самым ущерба на сумму более 80 миллионов долларов. Наиболее ретивые требовали приговорить его к 8–10-ти годам тюрьмы (примерно такой срок дается в некоторых случаях за убийство). Агентство «Associated Press» подсчитало, что суммарный срок по всем пунктам обвинения составил бы 460 лет тюрьмы, но американское правосудие ограничилось сроком в 54 месяца. Суд над хакером длился около четырех лет. Только 18 марта 1999 года Кевин признал свою вину в мошенничестве с компьютерами и компьютерными сетями.

21 января 2000 года Митник вышел на свободу. В интервью журналу «Forbes» Кевин торжественно пообещал исправиться и не нарушать закон умышленно, что будет не так уж и сложно. Ведь по решению суда ему на протяжении трех лет после освобождения запрещается устраиваться на работу, связанную с использованием компьютеров, запрещено пользоваться модемами, мобильными телефонами и любыми устройствами, подключенными к Интернету.

Репутация Кевина как аса компьютерных технологий привлекает к себе множество потенциальных работодателей. Сразу по выходе из тюрьмы ему была предложена работа консультанта по безопасности правительственных сетей в Сенате, а журнал «Brill's Content» просил писать обзоры компьютерных журналов и комментировать выпускаемые программные продукты. Теперешняя работа бывшего хакера – защищать системы от бывших коллег. В сентябре 2000 года на конференции по компьютерной безопасности он заявил, что пока все

сотрудники фирмы не будут знать, каким образом и с какими целями хакеры совершают свои атаки, корпоративные сети и веб-сайты не будут защищены от взломов. С августа 2001 года Кевин работает техническим консультантом в компании, предоставляющей телефонные услуги, его советы бесценны – он всегда знает, что ищет. А в 2002 году американские телезрители увидели телесериал с Кевином Митником – он играет эксперта ЦРУ по компьютерам. Вместо настоящего компьютера «агент» пользуется специальным макетом – так, на всякий случай.

МОРРИС РОБЕРТ ТАППАН

(род. в 1965 г.)

Будучи студентом выпускного курса Корнеллъского университета, запустил в компьютерную сеть ARPANET программу «сетевой червь», представлявшую собой разновидность компьютерных вирусов. В результате атаки был полностью или частично заблокирован ряд компьютерных сетей, в том числе Интернет, ARPANET и несекретная военная сеть Milnet, нарушена работа более 6000 компьютеров по всей Америке.

2 ноября 1988 года в 18.30 системные администраторы фирмы «Rand Corporation» в Санта-Монике заметили, что компьютеры, установленные в вычислительном центре, работают крайне медленно. Оказалось, что в локальную сеть фирмы проник компьютерный вирус, тормозивший их работу. Через некоторое время воздействию вируса подверглись компьютеры Массачусетского технологического института, Национальной Ливерморской лаборатории, Массачусетского университета. Затем вирус атаковал компьютеры в Стэнфорде, Принстоне и Национальной лаборатории в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико.

Как только он проникал в компьютер, он тут же пытался скопировать себя на другие компьютеры, распространяясь по электронным сетям. Вирус воссоздавал на пораженной машине сотни своих копий, занимая всю оперативную память и практически парализуя работу. Несмотря на ночь, по всей стране раздавались телефонные звонки, и системные администраторы ехали в офисы, чтобы наладить работу вычислительных машин.

Никто не знал, какие еще неприятности может принести вирус. Он мог оказаться «троянским конем» (программой, уничтожающей информацию), поэтому многие системные администраторы в спешном порядке отключали компьютеры от сети и стирали с них информацию, заменяя ее сохраненными резервными данными. Но самым опасным было вторжение вируса в компьютеры военной лаборатории баллистических исследований в Мэриленде, системные администраторы которой решили, что это попытка неизвестного противника блокировать работу военных компьютерных систем.

С утра программисты по всей стране пытались связаться друг с другом, чтобы в условиях блокады компьютерных сетей наладить совместную работу по обезвреживанию вируса. Координатором стал вычислительный центр университета Беркли. В результате напряженной работы множества специалистов по программному обеспечению вирус обезвредили. Нанесенный им ущерб еще не был точно оценен, но, по предварительным данным, вирус с легкостью смог взломать систему безопасности даже компьютерной сети НАСА (Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства) и чуть было не заблокировал систему управления спутниками, что могло привести к серьезнейшим последствиям.

После исследования вирусной программы стало понятно, что его создатель не ставил целью нанесение серьезного ущерба, такого как повреждение или уничтожение данных. Но, тем не менее, виновника переполоха надо было найти.

В ходе проведенного расследования ФБР проверило рабочие файлы всех научных работников Корнелльского университета и установило, что вирус был запущен в сеть аспирантом университета Робертом Таппаном Моррисом. Практически сразу после этого он явился в ФБР и признался в содеянном.

До сих пор неизвестны мотивы, которыми руководствовался Моррис при создании вируса. Роберт не афишировал их, что послужило причиной появления в прессе самых разнообразных версий. Самым распространенным является мнение, что вирус был создан как часть эксперимента по проверке компьютерных

сетей, и лишь выход программы из-под контроля привел к тяжелым последствиям. Смысл эксперимента мог заключаться в проверке уязвимости сети с точки зрения безопасности доступа и выявлении уязвимых мест в защите. Если это действительно так, то вирус полностью достиг своей цели, показав колоссальную уязвимость открытых компьютерных систем.

Показательно в этом деле и то, что официальное обвинение в отношении Морриса очень долго не выдвигалось. В конце концов его действия признали противоправными, но несмотря на возмущение сотен пострадавших системных администраторов и владельцев компаний, требовавших сурового наказания для Морриса, он отделался сравнительно легко. Одной из пикантных деталей, вовсю обсуждавшихся прессой, было то, что отец «компьютерного пирата», Моррис-старший, являлся сотрудником одной из самых засекреченных спецслужб США – Агентства национальной безопасности (АНБ) и работал в Национальном центре компьютерной безопасности Министерства обороны, занимаясь как раз разработкой средств защиты компьютерных систем.

Подоплека этого, без сомнения, одного из самых громких скандалов, потрясших США, становится понятной, если присмотреться к биографии главного «героя».

Его отец, уже упоминавшийся Роберт Моррис-старший, закончил математический факультет Гарвардского университета и долгое время работал в фирме «Bell Laboratories». Будучи специалистом по защите компьютерных систем, он стал участником разработки математического аппарата для операционных систем Multics и UNIX. Агентство национальной безопасности, как один из заказчиков разработок, заинтересовалось перспективным специалистом и предложило ему работу в Институте оборонных исследований. Моррис не согласился терять свободу деятельности и предпочел остаться консультантом.

В июне 1962 года Роберт женился на Энн Бэрр Фарлоу. Он был не похож на большинство своих соседей, которые работали строго по расписанию. Как человек творческий, Моррис обычно работал допоздна, а потом спал до полудня. Во время работы над проектом он не замечал ничего вокруг, днюя и ночуя в лаборатории. Но когда работа завершалась, отец семейства мог несколько недель провести дома, с женой и тремя детьми.

Поскольку он был одним из ведущих специалистов, у него дома был установлен компьютерный терминал, соединенный с центральным компьютером «Bell Labs». Младший сын Роберта, тоже Роберт, пошел по стопам отца и, несмотря на юный возраст,

быстро освоил сложную технику. Младший Моррис был большим любителем компьютерных игр. Стоило отцу отойти от терминала, как сын тут же занимал место перед ним. Но он интересовался не только играми. Еще в старших классах школы отец познакомил его с операционной системой UNIX, и вскоре Роберт написал свою собственную оболочку для нее. В 16 лет он сумел получить статус привилегированного пользователя на одной машине, а потом использовал эти привилегии на других машинах в лаборатории. Роберт даже изменил несколько файлов, прежде чем обратил внимание отцовских коллег на пробел в защите, который он обнаружил. Моррис-старший всегда поощрял сына в занятиях прикладным программированием, и тот достиг в нем больших успехов.

Для продолжения образования Роберт выбрал Гарвардский колледж, где студенты получали гораздо более разностороннюю подготовку, чем их коллеги-выпускники МТИ (Массачусетского технологического института). При всей одаренности юноша не очень выделялся в колледже, где училось много способных молодых людей, если не считать того, что его считали самым большим специалистом по UNIX.

К концу первого курса Моррис-младший проводил в вычислительном центре почти все свое время. Лето после первого курса он провел, работая в «Bell Labs», параллельно опубликовал статью, в которой обращал внимание на недостатки в защите одной из распространенных версий UNIX.

Когда пришло время выбирать специализацию, Роберт начал с математики, но вскоре полностью переключился на компьютерные науки. На втором курсе его взяли программистом в штат вычислительного центра. Уйдя в академический отпуск, Роберт устроился программистом на полный рабочий день в «Convex» – компьютерную компанию в Далласе, где помогал создавать системы с разделением времени и писал программное обеспечение, которое анализировало и моделировало работу аппаратуры, разработанной компанией. Летом 1987 года, после окончания третьего курса, Роберт работал в фирме «Digital», в Пало-Альто. Здесь он занимался графическими программами и языками программирования.

Тем временем Моррис-старший ушел из «Bell Labs». К нему обратились из АНБ с предложением стать ведущим специалистом в Национальном центре компьютерной защиты, незасекреченном подразделении АНБ. Этот центр был организован для усиления защиты информации в структурах министерства обороны, но в дальнейшем его полномочия были расширены и включили также введение стандартов компьютерной защиты на частных

предприятиях.

На четвертом курсе Роберт, по просьбе отца, прочел лекцию в АНБ о защите в операционной системе UNIX. На следующий день он повторил лекцию в исследовательской лаборатории ВМФ.

Летом 1988 года Моррис-младший работал в корпорации «Thinking Machines». Эта компания создала суперкомпьютер, который нашел применение в расшифровке полученных со спутника фотографий земной поверхности и создании трехмерных географических карт.

Когда Роберт готовился к поступлению в аспирантуру, он остановился на Корнелльском университете. Там он заработал репутацию талантливого и нелюдимого программиста. В 1987 году его внимание привлекли компьютерные вирусы. Роберта посетила идея создать вирус, который смог бы захватить как можно больше компьютеров. Он помнил о пробелах в защите UNIX, обнаруженных им еще два года назад. В начале октября Роберт уже всерьез подумывал о том, чтобы написать такую программу, – просто посмотреть, до скольких компьютеров он сможет добраться. По его мнению, это был абсолютно безобидный способ испытать защиту сети. В свое время его отец вместе с коллегами развлекались написанием таких программ. Роберт явно не подумал о том, что с помощью этой программы можно нарушить работу международной компьютерной сети. Он начал упорно работать над созданием такого вируса, подогреваемый, как сам признавался, нешуточным азартом исследователя.

2 ноября в 18.30 по восточному поясному времени Роберт закончил работу над программой. Спустя час подсоединился к компьютеру Лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте, набрал несколько команд и запустил программу. Через несколько минут вирус уже разошелся по всей сети. Начались сбои и отказы в работе компьютерных систем.

Поздно вечером приятели Роберта Пол Грехем и Энди Саддат вернулись в ВЦ после ужина. В это время им позвонил Моррис, обнаруживший, что не может войти в сеть. Он сообщил Полу, что все компьютеры в вычислительном центре подверглись атаке вируса и зависли. Роберт рассказал, что вечером запустил вирус с компьютера Массачусетской лаборатории искусственного интеллекта, пошел пообедать, а когда вернулся, обнаружил, что вирус заселяет машины везде, где он смог проверить. Приятели начали обсуждать способы остановки вируса. Посовещавшись, они отправили по сети анонимное письмо с указаниями, как остановить вирус. Но сеть уже работала со сбоями, и сообщение не прошло.

В 6 часов утра, когда администратор сети Кейт Бостик пришел на работу, телефон уже разрывался. Звонили разгневанные администраторы сети со всей страны, спрашивая, что делать с программой, которая заразила их системы. Группа программистов университета реконструировала структуру программы, определила, что вирус был, по сути, безвредным, и распространила всем заинтересованным пользователям методику борьбы с ним.

Согласно информации, полученной из Массачусетского технологического института, общее количество зараженных компьютеров в сети Интернет составило ориентировочно 10 % всех подключенных к ней компьютеров. Окончательно это число так и не смогли определить, хотя специалисты Министерства обороны утверждали, что оно превосходит 30 %. Такие цифры можно, конечно, списать на панику, так как это, по сути, была первая массированная атака на компьютеры в истории США, и ее последствия казались тем опаснее, что заражению подверглись и компьютерные системы оборонного комплекса, считавшиеся до тех пор неуязвимыми.

После завершения инцидента и нахождения виновного в прессе начали появляться десятки статей на темы компьютерных вирусов вообще и данного конкретного случая в частности. Среди них были как скандальные репортажи, так и серьезные научные статьи. В одних публикациях утверждалось, что программа Морриса нанесла экономике колоссальные убытки. Назывались цифры в десятки миллионов долларов. В других доказывалось, что вирус не нанес никакого особого ущерба, а, наоборот, послужил предупреждением. Необычайная активность прессы была вызвана возникшей в обществе паникой, вызванной страхом перед хакерами и их возможностями, угрожающими стабильности общества.

Суд над Моррисом также вызвал небывалый интерес. Фактически создавался прецедент, согласно которому могли бы проходить будущие процессы по компьютерным преступлениям. Поэтому и защита, и обвинение проявили большую активность в перетягивании на свою сторону симпатий прессы и присяжных заседателей.

22 января 1989 года суд присяжных признал Морриса виновным в причинении ущерба на сумму не менее чем 1000 долларов. Это вызвало массу вопросов, так как представители обвинения представили множество свидетельств о том, что в результате действия вируса потери составили около 150 тысяч долларов. С самого начала расследования основным стал вопрос о намерениях Роберта. Большинство считало, что он причинил

вред не намеренно, так как вирус был практически не опасен для баз данных. Защита строилась на попытке представить Роберта жертвой эксперимента. Адвокат Морриса заявил: «Этот вирус не вызвал необратимых повреждений и не разрабатывался с целью нанесения необратимых повреждений. Он не разрушил ни одной машины. Вирус не прочел каких-либо конфиденциальных файлов, не извлек никакой информации и не положил ни единого доллара в карман мистера Морриса». Также это практически не повлияло на компьютерные системы, связанные с обработкой денежных потоков, тем не менее Роберта приговорили к штрафу в 270 тыс. долларов и трем месяцам тюремного заключения.

Корнелльский университет провел собственное служебное расследование. Посчитав, что Роберт Моррис формально нарушил правила пользования компьютерами, руководство университета издало приказ о его отчислении с правом последующего восстановления не ранее чем через год.

Казалось, инцидент исчерпан и правосудие восторжествовало. Но, несмотря на утихшую шумиху, у многих исследователей данного происшествия осталось множество вопросов. Например, куда исчезла кассета с лекцией по безопасности компьютерных сетей, прочитанной Робертом в АНБ? Эту кассету Министерство обороны собиралось предъявить в качестве основной улики, а потом сделало вид, что напрочь забыло о ее существовании. Также вызвал неоднозначную реакцию тот факт, что Роберт Таппан Моррис был сыном одного из наиболее известных правительственных экспертов по компьютерной безопасности, да еще и научного руководителя лаборатории в Агентстве национальной безопасности.

В свете этих данных не кажется невероятным предположение некоторых экспертов по безопасности компьютерных систем о том, что Моррис был не преступником, пусть и нечаянным, а испытателем нового информационного оружия, способного выводить из строя компьютерные коммуникационные системы. Ведь задачами гипотетической информационной войны и является возможность блокировки той или иной информации, выведение из строя телекоммуникационных сетей, проникновение в компьютерные системы и перехват управления ими. Также, считают эксперты, вирус стал средством проверки уязвимости компьютерных систем, и результаты этой атаки положительны в том смысле, что вызвали заинтересованность пользователей в разработке и внедрении средств защиты от подобных атак в дальнейшем. Так что не исключается возможность тесного сотрудничества фирмы «Bell Labs», заинтересованной в создании рынка разрабатываемых в ней

средств защиты компьютерных систем, и военных, нуждавшихся в создании и обкатке новых видов оружия.

Еще одним аргументом в пользу такого не очень лестного для «демократической страны» предположения служит дальнейшая судьба Морриса. Уже в 1989 году его взяли на работу в компанию «Alliant Computer Systems Corp.». Ее президент Рон Грюнер, которому корреспондент журнала «Computerworld» задал вопрос по поводу намерений компании, заявил следующее: «Некоторые очень известные в компьютерной промышленности люди начинали с хакерских проделок в самых изощренных формах». Кроме того, специалисты АНБ, отвечающего в том числе и за информационную безопасность, не могли не знать о размерах ущерба, наносимого сбоями в работе программ, как случайными, так и преднамеренными. Например, экономике Австрии только в 1988 году были нанесены убытки на сумму до полутора миллиардов шиллингов. В результате компьютерных преступлений в том же году американские фирмы потеряли около 500 миллионов долларов. По некоторым оценкам, компьютерная преступность достигла такого размаха, что ее действия уже стали прямой угрозой безопасности экономической системы США. Деятельность хакеров во Франции, по данным газеты «Фигаро», заинтересовала французскую контрразведку, которая еще в 1989 году арестовала несколько групп компьютерных взломщиков, стремившихся проникнуть в электронные банки данных полиции, армии и управленческих структур. Соответственно, АНБ должно было предусмотреть все возможные варианты как преднамеренного, так и непреднамеренного воздействия на компьютерные сети и системы, а также противодействия им.

Интересно, что в 2003 году, спустя 15 лет после инцидента с вирусом Морриса, в США опять случился скандал. В результате непонятных сбоев в управляющих системах прервалась подача электроэнергии в ряде городов Восточного побережья. Была приостановлена работа девяти электростанций, в том числе атомных. При этом почти не было жертв среди населения, не было паники. Такое впечатление, что былой эксперимент повторился на более высоком уровне.

Информационная война продолжается!

ЛЕВИН ВЛАДИМИР ЛЕОНИДОВИЧ

(род. в 1967 г.)

XX век стал важным этапом для авантюристов всего мира. В распоряжении современных ловцов удачи оказались такие изобретения человеческой мысли, о которых их предшественники даже не могли мечтать. До 1994 года никто и не подозревал о существовании Владимира Левина. Российский хакер сумел взломать защитную систему крупнейшего в мире банка («Ситибанк», Нью-Йорк) и перевести около десяти (по его собственному признанию – 3,7) миллионов долларов на счета в разных странах мира. Был арестован в Англии, приговорен к трем годам лишения свободы в США, а после выхода из тюрьмы следы его затерялись, предположительно, в Чехии. Левина называли «компьютерным мошенником № 1», а проведенную им операцию – ограблением века.

Что стоит за газетными заголовками? Почему это ограбление получило статус преступления века? Может быть, Левин создал новое направление преступной деятельности, впервые

использовав Интернет для подобных операций? Но история хакерства знает и более ранние случаи. Например, еще в 1988 году Арманд Мур с помощью двух помощников проник в компьютерную систему Национального банка Чикаго и попытался перевести на свой счет в Швейцарии 69 миллионов долларов. Деньги были успешно переведены, но взломщик вскоре был найден и приговорен к 10 годам заключения. Все 69 миллионов вернулись в банк. Были и другие попытки, причем об удачах компьютерных мошенников так никто и не узнавал, а о неудачливых «медвежатниках» написаны целые тома… Сумма, которую Левин перевел на счета, даже с учетом всех журналистских «надбавок», тоже далеко не рекордная. Так что остается предположить, что ярлык неординарного преступления афера получила, в первую очередь, благодаря действующим лицам – хакеру и его жертве.

Дело в том, что Ситибанк, входящий в холдинг «Ситикорп», считается не только одним из крупнейших в США, но и ведущим банком в сфере валютных операций. В случае его банкротства мировая экономика окажется на грани катастрофы. Неудивительно, что над его системой безопасности работали лучшие специалисты. А в экстренных случаях привлекалось даже ФБР. Как и большинство современных банков, «Ситибанк» использовал электронную систему расчетов, при которой клиенты имеют возможность осуществлять денежные переводы со своего счета на другой при помощи персональных компьютеров. Незадолго до скандального ограбления, в «Ситибанке» была установлена единая электронная система управления финансами, не имеющая аналогов во всем мире. Ее описывали не иначе как в превосходной степени: самая надежная, самая защищенная, позволяющая полностью контролировать все операции. Просто чудо программирования! Казалось, все возможности нелегального проникновения в систему через Интернет предусмотрены и заблокированы. Но чем сложнее программа, тем выше вероятность того, что в ней имеются лазейки, позволяющие получить доступ к нужной информации. Одну из таких лазеек и использовал Владимир Левин.

Его детство было самым обычным. Жил в одном из «спальных» районов Санкт-Петербурга, в трехкомнатной квартире вместе с родителями. Отец, Леонид Абрамович, сорок лет проработал инженером в «оборонке», мать, Майя Владимировна, – психиатр. В 45-й питерской школе Владимира запомнили как талантливого ученика. На выпускном вечере учителя предсказывали ему славу нобелевского лауреата. Потом была учеба в технологическом институте, где Левин увлекся

компьютерами. Со второго курса его призвали в армию, а после службы Владимир не только не бросил учебу, но и защитился с красным дипломом. По словам родителей, ни с какими подозрительными компаниями дела не имел, не пил, не курил, не хулиганил. Одним словом, примерный мальчик из интеллигентной семьи, да и только. Правда, ходили слухи о том, что на последних курсах института он свел знакомство с какой-то крупной преступной группировкой, но они весьма туманны и расплывчаты. Зато в кругу «фидошников» (пользователей компьютерной сети ФИДО) он пользовался определенным авторитетом.

После института Владимир по специальности (микробиология) работать не стал. Вместо этого занялся бизнесом. В конце 1980-х годов в Ленинграде образовался кооператив «Стелит», занимавшийся компьютерным обеспечением и составлением программ по бухгалтерскому учету. Одним из учредителей этого кооператива был Владимир Левин. Кстати, разработанная «Стелитом» программа Турбо-Сальдо до сих пор работает на многих предприятиях Петербурга, а в свое время даже заняла второе место на Всероссийском конкурсе в Москве. Переквалифицироваться в специалиста по компьютерам Владимиру помог Леонид Глузман, которого в Питере называли «компьютерным волшебником». То ли ученик оказался способным, то ли учитель – талантливым, но Левин вскоре завоевал репутацию «универсала»: и программиста, и электронщика. В 1991 году он стал учредителем и вице-президентом фирмы «Сатурн», образовавшейся на базе «Стелита». «Сатурн», в отличие от своего предшественника, занимался преимущественно торговлей. Именно из офиса этой фирмы и был осуществлен взлом «Ситибанка» в 1994 году.

О том, как это случилось, написано немало. Утром 30 июня 1994 года сотрудники гонконгского отделения «Philippe National Bank Int. Finance Ltd.» обнаружили пропажу со своих счетов 143 800 долларов США. После проверки выяснилось, что деньги были переведены на неизвестный счет при посредничестве «Ситибанка». Запрос в Нью-Йорк ничего не дал. Сотрудники обвинили в ошибке самих потерпевших. Сумма, по банковским меркам, была не столь уж велика, а в надежности системы безопасности даже не возникало сомнений. Гонконгско-филиппинские финансисты предпочли списать деньги как безвозвратные потери. Но 15 июля 1994 года с такой же жалобой обратилась уругвайская «Compania Financiera Immobiliaria Montevideo», недосчитавшаяся 384 тыс. долларов. В «Ситибанке» решили разобраться в происходящем. И не напрасно.

Программисты банковской службы безопасности обнаружили в системе следы деятельности хакера. Однако проследить, откуда велась атака, так и не сумели. А значит, банк был совершенно беззащитен. Ведь позволить себе приостановить финансовую деятельность он не мог. «Ситибанк», стараясь не поднимать шума, обратился за помощью в ФБР. И вскоре удалось обнаружить счета, на которые перекачивались деньги. «География» ограбления оказалась весьма интересной: Великобритания, Германия, Финляндия, Израиль, Нидерланды… Всего эксперты насчитали около ста несанкционированных проникновений в систему, сорок из которых были прямой командой на перечисление денег. Следующим шагом была локализация сигнала. Это заняло довольно много времени, но путем отслеживания серверов, через которые Левин выходил на банк, удалось определить, что атаки производились из Санкт-Петербурга. Ходили слухи, что в обнаружении Левина не последнюю роль сыграл один из американских хакеров, когда-то осужденный за взлом системы «Ситибанка». Дальнейшее, как говорится, было делом техники. ФБР обратилось к полиции стран, на территории которых находились избранные хакером банки. В отделениях этих банков была организована засада. Одновременно с этим трансакции «Ситибанка» взяли под контроль и некоторое время наблюдали за тем, как хакер продолжает свои атаки. Левин и не подозревал, что перекачивает с одного счета на другой уже не доллары, а всего лишь цифры. По его расчетам, сумма приближалась к десяти миллионам долларов.

Однако успешно проведенные атаки – только половина дела. Хакеру необходимо было еще и превратить виртуальные деньги в реальные. ФБР совместно с Интерполом предположили, что за деньгами прибудет либо сам хакер, либо его помощники. Ждать пришлось недолго. 26 августа 1994 года в Сан-Франциско был задержан первый курьер – Екатерина Королькова, а следом за ней, уже в Тель-Авиве – некто с греческим паспортом на имя Алексиоса Пальмидиса. Задержанный греческого языка не знал, зато прекрасно владел русским. И неудивительно: курьер, устроивший при задержании настоящую драку, оказался российским гражданином Алексеем Лашмановым. Третий курьер, Владимир Воронин (тоже с поддельным паспортом на фамилию Лысенков), попал в руки полиции чуть позже, 12 сентября, в Роттердаме. У всех курьеров были обнаружены авиабилеты до Санкт-Петербурга. Началась совместная операция МВД России и ФБР. 3 октября питерский РУОП с помощью обычного телефона с определителем номера засек обращение по электронной сети в «Ситибанк» с номера, принадлежавшего фирме «Сатурн СПб». Еще

несколько дней было потрачено на установление личности хакера. Однако арестовывать Левина не торопились: юридической базы не было. За ним просто наблюдали.

Тем временем задержанные курьеры позвонили домой и сообщили о провале операции. Узнав, что они находятся в тюрьме, Владимир занервничал. Кроме того, друзья арестованных стали обвинять Левина во всех смертных грехах. Муж Екатерины Корольковой, Евгений, пришел к Владимиру и долго скандалил, а потом улетел в США – выручать жену. Правда, его также задержали. Левин решил искать убежища в Великобритании. Выбор был не случайным: Владимир собирался просить помощи у своего учителя (и старого друга семьи) Леонида Глузмана. Однако в лондонском аэропорту, когда многие проблемы казались уже решенными, его арестовали. Это произошло 3 марта 1995 года. Сразу же после ареста Левин заявил: «Во время совершения преступления я находился в Петербурге и никакого отношения к краже в “Ситибанке” не имею». В России сочли необходимым отреагировать на задержание Левина и завели собственное уголовное дело. А когда шумиха улеглась, его благополучно закрыли. Хотя все ближайшее окружение хакера побывало на допросах и дало показания. По-настоящему тяжело пришлось родителям Владимира. Они не верили в его виновность, считали, что сына подставили, заставили отработать крупный долг или задержали вместо другого человека, имевшего доступ к компьютерам «Сатурна». Сам обвиняемый вины за собой не признавал, а время проводил не так уж плохо. В тюрьме ему обеспечили и более чем приличное питание, и медицинское обслуживание (в разговоре с матерью Левин сказал, что ему даже зубы отбелили). Он смотрел телевизор, изучал английский язык и относился к своему положению философски: дескать, я еще молодой, вина моя не доказана, а если оправдают – еще и компенсацию выплатят.

ФБР настаивало на выдаче задержанного россиянина. Однако это оказалось не так-то просто из-за особенностей британского законодательства. Поднялась газетная шумиха, которой так хотелось избежать правлению «Ситибанка», едва не оказавшегося на грани банкротства. Только вмешательство ФБР спасло банк от разорения. Скандал замяли, переставив акценты: ограбление «Ситибанка» предстало как заговор русской мафии, сам банк – как символ надежности, вмешательство ФБР приобрело ореол внеочередной акции США по спасению мира, а Владимир Левин нежданно-негаданно оказался в числе самых знаменитых авантюристов конца XX века. Общественное мнение с восторгом восприняло новую версию. А над Владимиром нависла угроза

отправки в США, где ему предстояло пройти через суд. Если бы его вина была полностью доказана по всем пунктам обвинения, Левину грозило тюремное заключение сроком до 60 лет (в США сроки заключения суммируются). Неудивительно, что он отчаянно боролся за свою свободу, обратившись к одной из лучших адвокатских контор в Англии. Однако усилия хакера оказались напрасны: через два года после ареста он был передан Соединенным Штатам и помещен в тюрьму в Манхэттене.

Во время суда Левин держался линии «не ведал, что творил». Несмотря на то что он рассказал не так уж и много, материалы следствия были засекречены, и журналистам сообщили только некоторые, наименее значимые детали его откровений. По словам Владимира, информацию, позволившую осуществить «взлом» банка, он в 1994 году приобрел за 100 долларов у одного хакера. Забегая вперед, заметим, что питерские правоохранители в 2000 году услышали и вовсе неправдоподобную версию: распечатки с нужными командами давал Левину муж Екатерины Корольковой Евгений (стоит упомянуть, что Евгению, простому водителю, едва ли были известны хакерские премудрости).

Все остальное – гипотезы. Какие только маски ни примеряли на российского хакера! То его изображали компьютерным гением-одиночкой, совершившим взлом «Ситибанка» исключительно ради престижа. То, напротив, сводили его роль в ограблении к простому исполнению инструкций более опытного наставника. Некоторые шли дальше, подозревая, что за «преступлением века» стоит целая организация – не то мафия, не то группа хакеров. Намекали на то, что в деле замешан один из российских высокопоставленных чиновников (разумеется, его фамилия нигде не упоминалась, а заведенное расследование было прекращено по указанию «сверху»). Неизвестно откуда выплыли даже точные цифры. На одном из сайтов появилось сообщение, что в атаке на «Ситибанк» участвовало 70 профессиональных программистов из Бразилии, Японии и США. Справедливости ради следует привести еще одну точку зрения: в системе защиты «Ситибанка» было множество брешей. Хакеры даже хранили на его жестких дисках свою информацию, а уж суммами на счетах распоряжались, как сами хотели. Левин просто слишком много денег сразу снял, а то бы никто ничего не заметил…

Нельзя сказать, что все эти версии просто высосаны из пальца, поскольку в этом деле предостаточно неясных моментов. Одним из пунктов, на который особенно настаивали адвокаты Владимира, являлось… незнание английского языка. В школе и институте Левин изучал французский. Однако технический английский он просто обязан был знать, иначе не смог бы

разобраться в программировании. Достаточно ли этого для взлома банковской системы? Теоретически – вполне. Практически, видимо, тоже – что и произошло. Однако есть гораздо более интересные моменты, которые заставляют склониться к мысли, что Левин действовал не в одиночку. За его спиной стояли некие силы. Во-первых, само существование курьеров предполагает работу группы. Ведь эти люди (за исключением Екатерины Корольковой) были обеспечены не только авиабилетами, но и поддельными документами. И, вероятно, подделка была достаточно высокого уровня, если у курьеров не возникло проблем с таможней. А это уже совсем другая область, далекая от хакерства… Кто мог обеспечить их фальшивыми паспортами? Вариантов не так уж много: либо уголовные авторитеты, либо те, кто имел отношение к российским спецслужбам. Далее, у самого Левина нашлись и средства, и связи, позволившие сначала в кратчайшие сроки получить британскую визу, а затем – нанять адвокатов. Его мама летала в Лондон, чтобы повидаться с Владимиром во время его пребывания в тюрьме. Впрочем, мир не без добрых людей, могли и помочь… И еще одна деталь: по свидетельству «US Today» от 8 марта 1998 года, при взломе были использованы пароли и коды, принадлежащие банковскому сотруднику из Помпано, штат Флорида. Самостоятельно получить эту информацию Левин никак не мог…

Трехлетнее судебное разбирательство закончилось 24 февраля 1998 года. Суд южного округа Нью-Йорка дал Левину 36 месяцев тюрьмы (вместо обещанных вначале шестидесяти лет). Лашманову еще раньше присудили 18 месяцев, Екатерина Королькова и Владимир Воронин тоже отделались символическими сроками. Руководство «Ситибанка» старалось создать у вкладчиков впечатление, что все случившееся – просто досадный инцидент, а в таких условиях суровое наказание мошенника только подорвало бы репутацию банка. Как бы то ни было, финал авантюры со взятием банка завершился традиционным голливудским «хэппи-эндом»: 400 тыс. долларов так и не были обнаружены; Воронин и Корольковы остались в Штатах; Лашманов вернулся в родной Питер, где стал пользоваться большим авторитетом после заграничной «отсидки». А сам Левин был выпущен весной 1998 года, вскоре после суда, поскольку большую часть срока провел в тюрьме во время следствия. Его посадили на самолет и отправили «в направлении места постоянного проживания».

Однако в родной город Владимир так и не прибыл, что неудивительно: американские чиновники посадили его на

самолет чешской авиакомпании, который до России попросту не долетал. Левин исчез где-то в Чехии, пережидая уже затихающий шквал. Ходили слухи, что его пригласила одна из ведущих компьютерных фирм. Говорили, что он получил-таки часть украденных средств и теперь живет на них припеваючи. Он стал чуть ли не легендой в хакерских кругах, ему пытались подражать. В 1996 году группа программистов-взломщиков «Thennesy», используя недостатки в системах защиты, «взяла» целых шесть банков, присвоив два миллиона долларов, а через несколько месяцев ограбила интернет-магазин «Library». Когда хакеров выследили, оказалось, что во всех случаях действовала московская группа, не обладавшая никаким специальным оборудованием. А в целом, как считает Энтони Ричерз, глава экспертной группы «Американской ассоциации исследования Интернета», на сегодняшний день ущерб от деятельности российских хакеров оценивается более чем в 450 млн долларов…

Владимир Левин напомнил о себе только в 2000 году, причем довольно необычным образом. 18 марта 2000 года он совершенно добровольно явился в Управление по борьбе с организованной преступностью ГУВД Санкт-Петербурга и предложил рассказать о деталях ограбления «Ситибанка». Разумеется, его внимательно выслушали. И отпустили – интерес к этой истории у правоохранительных органов иссяк. Вероятно, Владимир сообщил об амнистии всем заинтересованным лицам, поскольку 24 марта по тому же адресу обратился Антон Лямин. Именно он в начале июля 1994 года ездил в Финляндию, чтобы в банке «Kansallis Osake Finance» снять наличными со счета своей офшорной фирмы «Carmane Properties Ltd» те самые 143 800 долларов, которые были первой добычей Владимира Левина и судьба которых осталась для ФБР неизвестной. Так или иначе, кратковременный визит в РУОП убедил Левина в том, что в случае необходимости он может спокойно вернуться домой. По словам его отца, Владимир именно это и собирается сделать в ближайшем будущем.

Как сложится дальнейшая судьба Левина, неизвестно. Возможно, он вернется к хакерской деятельности. Может быть, воспользуется имеющимися связями и займется бизнесом. Маловероятно только одно: что он раскается в содеянном. Несмотря на скандал, Левин оказался в выигрыше: и часть денег припрятал, и обзавелся репутацией «крутого» хакера, и за границей пообтерся. Да и наказание за возможность урвать почти полмиллиона долларов кажется смехотворным… Показательный процесс над российским хакером не только не отпугнул желающих покопаться в банковских счетах, а наоборот: оказалось,

что «заработать» за три-четыре года на всю оставшуюся жизнь – не такой уж большой риск. Поэтому – «Левин жил, Левин жив, Левин будет жить».

notes

Примечания

1

Автор известной книги «Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии» Мэнли П. Холл по поводу «философской смерти» пишет: «Когда приходило время для инициации человека в члены Ордена [розенкрейцеров] и время потрудиться во славу его, он “умирал” при непонятных обстоятельствах. На самом деле он менял дом, имя, и вместо него в могилу клался мешок камней или песка».

2

Пиетизм – мистическое течение в протестантизме конца XVII–XVIII вв., отвергавшее внешнюю церковную обрядность, призывавшее к углублению веры и объявлявшее греховными развлечения.